

КРУГ ЧТЕНИЯ

Элиф ШАФАК

Честь

Роман

Элиф Шафак – удивительная писательница. Она с поразительным умением исследует самые темные стороны верности и любви.

The Telegraph

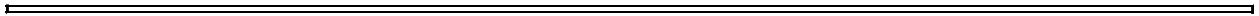
Annotation

Турецкая писательница Элиф Шафак получила международное признание трогательными романами о любви и непонимании, в которых сплелись воедино мотивы Востока и Запада. Две сестры-близнеца родились в селе на границе Турции и Сирии, где девушек ценят за чистоту и послушание, где неподобающее поведение женщин может послужить поводом для убийства во имя чести. Ведь честь зачастую – это единственное, что осталось у мужчины-бедняка. Одна из сестер – Джамиля – становится местной повитухой, а вторая – Пимби – выходит замуж и уезжает с мужем в Лондон. Но жизнь в Англии не складывается. Эдим, муж Пимби, уходит от нее. От одиночества и неустроенности Пимби бросается в объятия другого мужчины. И ставший после ухода отца старшим в семье, сын героини Искандер понимает, что должен вступить за честь семьи. Но понимает он и то, что может причинить боль человеку, которого любит всем сердцем... Впервые на русском языке!

- [Элиф Шафак](#)
 -
 - [Эсма](#)
 - [Имена, сладкие, как сахар](#)
 - [Разные цвета](#)
 - [Аскандер... Аскандер](#)
 - [Султан на дереве](#)
 - [Фонтан желаний](#)
 - [Воспоминания](#)
 - [Пикник с барбекю](#)
 - [Клочок правды](#)
 - [Страшная клятва](#)
 - [Эсма](#)
 - [Коробка пахлавы](#)
 - [Любовь подобна комете](#)
 - [Нет мудрости без глупости](#)
 - [Расизм и рисовый пудинг](#)
 - [Красавица и Чудовище](#)
 - [Пушистый свитер](#)
 - [Рождественские чудеса](#)

- [Усы](#)
- [Сюрприз](#)
- [Бесчестье](#)
- [Недостающий фрагмент](#)
- [Решительный бой](#)
- [«Янтарный возлюбленный»](#)
- [Эсма](#)
- [Стеклянное сердце](#)
- [Мальчик из воска](#)
- [Гарун-контрабандист](#)
- [Эсма](#)
- [Пощечина](#)
- [Большая коричневая форель](#)
- [Глава семьи](#)
- [Долг](#)
- [Человек из другого мира](#)
- [Решение](#)
- [Мать](#)
- [Прут и веник](#)
- [Веревка](#)
- [Песчаник](#)
- [Эсма](#)
- [Чернила на шелке](#)
- [Столкновение](#)
- [Покров тишины](#)
- [Часы](#)
- [Зеркальное отображение](#)
- [Лимонное дерево](#)
- [Эсма](#)
- [Уборка](#)
- [Эсма](#)
- [Сон внутри сна](#)
- [Эсма](#)
- [Благодарности](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)

- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)

Элиф Шафак

Честь

Когда мне было семь лет, мы жили в маленьком зеленом домике. Один из наших соседей, отличный портной, часто бил жену. По вечерам до нас доносились крики, визг и проклятия. Утром мы приступали к своим обычным делам. Все делали вид, что накануне ничего не слышали, ничего не видели.

Эта книга посвящена тем, кто слышит и видит.

Сколько себя помнил, он представлял самого себя принцем, полновластным правителем дома, а свою мать – собственной телохранительницей и защитницей, неизменно исполненной забот и тревог.

Дж. М. Кутзее. Детство: Сцены из провинциальной жизни

Elif Shafak

HONOUR

Copyright © Elif Shafak, 2012

All rights reserved

This edition by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency LLC

© Е. Большелапова, перевод, 2014

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

Издательство АЗБУКА®

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru), 2014

Эсма

Лондон, 12 сентября 1992 года

Моя мать умерла дважды. Я обещала себе сделать все, чтобы история ее жизни не была забыта. Но до сих пор у меня не хватало времени, не хватало смелости, не хватало силы воли, чтобы написать об этом. К тому же еще совсем недавно я вовсе не была уверена, что когда-нибудь стану настоящим писателем. Теперь все иначе. С возрастом начинаешь сознавать, что твои возможности далеко не безграничны, и спокойнее относиться к собственным неудачам. Но мне было необходимо рассказать историю своей матери, пусть даже одному-единственному человеку. Я должна была поведать обо всем миру, отправить историю маминой жизни в свободное плавание, дабы она могла парить в каком-нибудь бесконечно далеком от нас уголке вселенной. Я должна была выпустить ее на свободу. Выполнить долг перед мамой. И закончить надо было именно в этом году. Прежде чем он выйдет из тюрьмы.

Через несколько часов я сниму с плиты миску с халвой из кунжута, оставлю ее остывать возле раковины и поцелую мужа, делая вид, что не замечаю тревогу в его глазах. Потом посажу в машину своих дочерей-двойняшек – они появились на свет семь лет назад с разницей в четыре минуты – и отвезу их на день рождения к подружке. По дороге они начнут бурно выяснять отношения, но на этот раз я не стану вмешиваться. Наверняка обе будут гадать, будет ли на дне рождения клоун, а еще лучше – фокусник.

– Как Гарри Гудини, – скажу я.

– Какой-какой Гарри?

– Мама же сказала, Гатини! Ты что, глухая?

– А кто это, мама?

Я почувствую боль. Острую, как укус пчелы. Но не поверхностную, а где-то глубоко-глубоко внутри. Я в очередной раз осознаю, что мои дети ничего не знают об истории своей семьи. Не знают, потому что я слишком мало им рассказывала. Пока они к этому не готовы. И я тоже. Но настанет день, когда все изменится.

Доставив девочек, я немного поболтаю с другими матерями. Напомню маме именинницы, что у одной из моих дочерей аллергия на орехи. Но постороннему человеку трудно понять, кто из них кто, поэтому проще

следить, чтобы обе не ели ничего, где могут оказаться орехи, включая именинный торт. Конечно, немного несправедливая мера по отношению к той, у которой аллергии нет. Но когда растишь близнецов, этого никак нельзя избежать. Маленьких несправедливостей, я имею в виду.

После я вернусь к своей машине, красной «остин-монтего», которой мы с мужем пользуемся по очереди. Дорога от Лондона до Шрусбери занимает три с половиной часа. Скорее всего, где-то около Бирмингема мне придется заехать на заправку. Я включу в машине радио – ведь музыка помогает отогнать призраков.

Я бесконечное множество раз мечтала, как убью его. Строила хитроумные планы, в которых расправлялась с ним с помощью револьвера или яда. Но больше всего мне нравилось представлять, как я убиваю его ударом ножа с выкидным лезвием, одним стремительным взмахом восстанавливая справедливость. Не менее часто я мечтала, как прощу его, искренне и бесповоротно. Впрочем, ни одному из этих мечтаний не суждено было сбыться.

* * *

Добравшись наконец до Шрусбери, я оставлю машину напротив вокзала, пять минут пройду пешком и окажусь напротив мрачного здания тюрьмы. В ожидании его выхода я, наверное, буду ходить взад и вперед по улице или стоять, прислонившись к стене. Не знаю, как долго придется ждать. Не представляю, какова будет его реакция, когда он увидит меня. Я не навещала его больше года. Раньше я делала это регулярно, но, когда до освобождения оставалось уже немного, перестала к нему приезжать.

Настанет момент, когда тяжелая дверь распахнется и он выйдет на улицу. Первым делом посмотрит на затянутое тучами небо. За четырнадцать лет, проведенных в камере, он отвык видеть небесный простор над своей головой. Возможно, он даже заморгает, подобно всем детям тьмы, не привыкшим к дневному свету. Я тем временем буду молча стоять в стороне и считать до десяти, или до ста, или даже до трех тысяч. Мы не станем обниматься. Не станем пожимать друг другу руки. Мы ограничимся едва заметными кивками и едва слышными, сдавленными приветствиями. Когда мы дойдем до вокзала, он ловко прыгнет в машину. Про себя я с удивлением отмечу, что он в прекрасной физической форме. В конце концов, он по-прежнему молодой мужчина.

Если он захочет закурить, я не стану возражать, хотя ненавижу

сигаретный дым и запрещаю мужу курить в машине и дома. Мы двинемся в путь по сельской местности, мимо сочных лугов и бескрайних полей. Думаю, он будет спрашивать меня о детях. Я расскажу, какие замечательные у меня дочки и как они быстро растут. Он улыбнется, хотя понятия не имеет о том, что значит быть родителем. Я, в свою очередь, не стану задавать ему никаких вопросов.

Вместо этого я поставлю кассету с золотыми хитами группы «ABBA». Эти песни мама всегда напевала, когда готовила, убирала или шила. «Take a Chance on Me», «Mamma Mia», «Dancing Queen», «The Name of the Game». Уверена, в этот момент мама будет наблюдать за нами. Матери после смерти не возносятся на небеса. Бог дает им особое разрешение еще какое-то время оставаться рядом с детьми и присматривать за ними – и не важно, каковы были их взаимоотношения в течение столь короткой земной жизни.

Когда мы вернемся в Лондон, я, сердито бормоча себе под нос, буду долго искать место для парковки на Барнсбери-сквер. Вполне вероятно, начнется дождь, мелкий, морозящий. В конце концов мы отыщем свободное место, и я втиснусь в него путем долгих и сложных маневров. Я пребываю в плену самообмана, считая себя хорошим водителем, но, когда дело доходит до парковки, иллюзия моментально развеивается. Возможно, он даже станет насмехаться над моей чисто женской манерой вождения. Раньше он не упускал случая съязвить по этому поводу.

Мы пойдем к дому по тихой, ярко освещенной улице, невольно сравнивая окружающий пейзаж с тем, что остался в памяти о нашем старом доме в Хакни, на Лавендер-гроув. Поразительно, как быстро мчится время и как все меняется, в то время как мы остаемся прежними.

Дома мы снимем обувь и наденем домашние тапочки: он – шлепанцы моего мужа, черные, без всяких украшений, а я – свои пурпурные тапки с помпонами. Увидев их, он изменится в лице. Я поспешу успокоить его, сказав, что это подарок дочерей. Убедившись, что это не те, что носила она, он расслабится. Сходство – результат простого совпадения.

Через приоткрытую дверь он будет наблюдать, как я готовлю чай. Если в тюрьме его привычки не изменились, чай он будет пить без молока, но с большим количеством сахара. Я принесу кунжутную халву. Мы будем сидеть у окна, как благовоспитанные и малознакомые между собой люди, держа в руках фарфоровые чашки с блюдцами и наблюдая, как дождь поливает фиалки в садике за моим домом. Он похвалит халву, скажет, что очень по ней скучал, но вежливо откажется от добавки. В ответ я скажу, что в точности следую маминему рецепту, но халва никогда не получается такой же вкусной, как у нее. Это заставит его прикусить язык. Взгляды

наши встретятся, и в воздухе повиснет напряженное молчание. Потом он попросит извинения и скажет, что очень устал и, если я не возражаю, хотел бы отдохнуть. Я провожу его в подготовленную комнату и тихо прикрою дверь.

Я оставляю его там. В нашем доме. В комнате, расположенной не слишком далеко и не слишком близко от моей собственной. Оставляю запертым в четырех стенах, между ненавистью и любовью, которые бьются в моем сердце, как в ловушке.

Как бы то ни было, он мой брат.

Как бы то ни было, он убийца.

Имена, сладкие, как сахар

Деревня неподалеку от реки Евфрат, 1945 год

Когда Пимби появилась на свет, Нази пришла в такое отчаяние, что позабыла о страданиях, которые вынесла за последние двадцать шесть часов, и, не обращая внимания на струящуюся по бедрам кровь, попыталась встать и уйти. Так, во всяком случае, говорили все, кто был возле роженицы в этот ветреный день.

Но осуществить свое желание Нази не удалось. К удивлению всех женщин, присутствовавших в комнате, и мужа Нази Берзо, который ждал во дворе, новая волна схваток опрокинула ее на кровать. Через три минуты показалась головка еще одного ребенка. Темные слипшиеся волосики, красная кожа, морщинистая и влажная: снова девочка, поменьше, чем первая.

На этот раз Нази даже не пыталась бежать. Она тихонько вздохнула, зарылась в подушку и повернулась к открытому окну, словно пытаясь разобрать в шуме ветра тихий шепот судьбы. Она не сомневалась: если слушать внимательно, небеса непременно дадут ей ответ. В конце концов, должна быть причина, неизвестная ей, но очевидная для Аллаха. Причина, по которой Он посылает им еще двух девочек, когда у них уже есть шесть дочерей и нет ни одного сына.

Нази плотно сжала губы, решив не произносить ни слова до тех пор, пока Аллах не даст ей самых исчерпывающих и убедительных объяснений. Даже во сне губы ее оставались плотно сомкнутыми. В течение следующих сорока дней и сорока ночей Нази хранила молчание. Она молчала, когда готовила бараний горох с жиром, натопленным из овечьих хвостов, молчала, когда купала шестерых старших дочерей в огромной круглой жестяной бадье, молчала, когда варила сыр с черемшой и травами, и не отвечала, даже когда муж спрашивал, как назвать новорожденных. Она была безмолвна, как могилы на кладбище у подножия холма, где лежали все ее предки и где предстояло лежать ей самой.

Все это происходило в бедной, далекой от цивилизации курдской деревушке, в которой не было ни электричества, ни дорог, ни врачей, ни школы. За плотную завесу изоляции не проникали никакие новости извне. Жители деревушки не слыхивали ни о последствиях Второй мировой

войны, ни об атомной бомбе. Тем не менее они были убеждены, что в мире, раскинувшемся вдали от берегов Евфрата, творятся странные вещи. Желания познать этот неведомый мир у них не возникало, а дальние странствия представлялось им совершенно бессмысленным занятием. Все, что есть, было и будет в этом мире, человек видит вокруг себя, здесь и сейчас. Людям положено жить на одном месте, подобно деревьям и камням. Исключение составляют три категории: странствующие мистики, утратившие прошлое, глупцы, лишённые разума, и поэты, потерявшие своих возлюбленных.

Все прочие жители деревни, за исключением дервишей, чудаков и несчастных влюбленных, никогда ничему не удивлялись и все происходящее воспринимали как должное. Каждое событие, случившееся в деревушке, моментально становилось всеобщим достоянием. Секреты и тайны – роскошь, которую могут позволить себе только богачи, а в этой деревне, называвшейся Мала Кар Байан, что в переводе с курдского означает «Дом четырех ветров», богачей не было.

Старейшины деревни, трое иссохших, угрюмых на вид старцев, проводили почти все свое время в единственной деревенской чайной, где пили чай из чашек, тонких, как яичная скорлупа, и хрупких, как человеческая жизнь, и предавались размышлениям о величии Божественной мудрости и неразумии политиков. Узнав о принятом Нази обете молчания, они решили нанести ей визит.

– Мы пришли предостеречь тебя, ибо ты близка к тому, чтобы совершить святотатство, – произнес первый старец, такой древний, что казалось, легчайший ветерок мог сбить его с ног.

– Как смеешь ты ожидать, что всемогущий Аллах откроет тебе Свои помыслы? – спросил второй старец, во рту которого осталось всего несколько зубов. – Или ты не знаешь, что Он беседует только с великими пророками, среди которых никогда не было женщин?

– Аллах хочет, чтобы ты заговорила, – воздев к небу кривые и узловатые, как древесные корни, руки, изрек третий старец. – Будь это иначе, Он бы превратил тебя в рыбу.

Нази слушала их, время от времени прикладывая к глазам края своего платка. В какой-то момент она представила себя плавающей в реке рыбой – крупной коричневой форелью со сверкающими в лучах солнца плавниками и переливающимися всеми цветами радуги чешуйками. Она ничуть не тревожится об участи своих детей и внуков, которым из поколения в поколение предстоит существовать в бескрайнем подводном мире рядом с великим множеством других рыб.

– Говори! – приказал первый старец. – Твое молчание противоречит законам природы. А то, что противоречит законам природы, противоречит воле Аллаха.

Но Нази продолжала молчать.

Когда почтенные гости покинули дом, она подошла к колыбели, в которой спали близнецы. Отсветы горящего очага окрасили комнату в золотистые тона, и казалось, кожа младенцев испускает мягкое свечение, которое делало их похожими на ангелов. Сердце Нази растаяло. Она повернулась к своим шестерым дочерям, которые выстроились перед ней в ряд – от самой старшей к самой маленькой. Когда Нази заговорила, голос ее звучал глухо и хрипло:

– Я знаю, как их назвать.

– Скажи нам, мама! – дружно воскликнули девочки, радуясь тому, что мать наконец прервала молчание.

Нази прочистила горло.

– Вот эту я назову Бекст, а вторую – Биз, – сказала она, и тон ее свидетельствовал о том, что она смирилась со своим поражением.

– Бекст и Биз, – хором повторили девочки.

– Да, дети мои.

Сказав это, Нази причмокнула губами, словно имена оставили у нее на языке особый привкус, соленый и острый. Курдские слова «Бекст» и «Биз», звучащие по-турецки как «Кадер» и «Етер», на всех прочих языках мира означают «Судьба» и «Достаточно». Назвав так своих дочерей, Нази хотела сообщить Аллаху, что, хотя она, как и подобает правоверной мусульманке, покорна своей судьбе, дочерей ей вполне достаточно. Нази знала, что следующая беременность будет последней, ибо ей исполнился сорок один год и лучшая пора ее жизни осталась далеко позади, а потому Аллах должен послать ей сына – только сына.

Вечером, когда отец вернулся домой, девочки окружили его, наперебой сообщая радостную новость:

– Папа! Папа! Мама заговорила!

Лицо Берзо, просиявшее при этом известии, омрачилось, когда он узнал, какие имена его жена выбрала для новорожденных. Он покачал головой и несколько томительно долгих минут хранил молчание.

– Судьба и Достаточно, – наконец пробормотал он себе под нос. – Но ведь это не имена для детей. Это просьба, обращенная к небу.

Нази, потупившись, смотрела вниз, на собственный палец, выглядывавший из дырки в шерстяном носке.

– Эти имена говорят о том, что мы чувствуем себя обиженными, а это

может оскорбить Создателя, – продолжал Берзо. – Зачем нам навлекать на себя Его гнев? Лучше дать детям обычные имена и не подвергать их опасности.

Сказав так, он предложил имена, которые казались ему наиболее подходящими: Пимби и Джамиля, что в переводе с курдского означает «Розовая» и «Красивая». Имена, подобные кусочкам сахара, которые тают в чашке чая, сладкие, приятные, лишённые претензий.

Хотя Нази не стала спорить с решением мужа, забыть ее собственный выбор оказалось не так просто. Имена, которые она дала своим дочерям, прочно засели у всех в памяти, подобно бумажным змеям зацепились за ветви фамильного древа. В результате близнецы обрели двойные имена: Пимби Кадер и Джамиля Етер – Розовая Судьба и Достаточно Красивая. И никто не мог предугадать, что настанет день, когда одно из этих имен окажется на первых страницах газет всего мира.

Разные цвета

Деревня вблизи реки Евфрат, 1953 год

С самого раннего детства Пимби обожала собак. Ей нравилось, что они умеют заглядывать людям в души, даже когда спят с закрытыми глазами. Взрослые в большинстве своем были уверены, что собаки мало что понимают, но Пимби знала, что это неправда. Собаки понимают все. Просто они умеют прощать.

К одной овчарке Пимби была особенно привязана. Этот пес с висячими ушами, длинной мордой и косматой черной шкурой с белыми и коричневыми пятнами обладал покладистым нравом, любил гоняться за бабочками, с готовностью приносил брошенную палку и ел все без разбора. Звали его Китмир, но иногда называли Куто или Додо. В общем, имя его без конца менялось.

Однажды пес ни с того ни с сего начал вести себя странно, словно в него вселился злой дух. Когда Пимби попыталась погладить его по загривку, он с рычанием набросился на нее и укусил за руку. Ранка была неглубокой, но перемена в характере собаки не могла не тревожить. В последнее время несколько собак в округе заболели бешенством, и деревенские старейшины настояли на том, чтобы Пимби отправилась к доктору. Однако на шестьдесят миль вокруг не было ни одного врача.

Именно поэтому Пимби и ее отец Берзо сели сначала в маленький автобус, потом в большой автобус, который повез их в город Урфа. При мысли, что ей придется провести целый день в разлуке со своей сестрой-двойняшкой Джамилей, Пимби бросало в дрожь. Но все же она была очень рада, что весь день отец будет принадлежать лишь ей одной. Берзо был мужчиной крепкого сложения, с широкой костью, крупными чертами лица и большими крестьянскими руками, привыкшими к любой работе. Его густые усы уже начали седеть, так же как и волосы на висках. Взгляд его ореховых глаз лучился добротой. За исключением редких случаев, когда им овладевали вспышки гнева, он пребывал в спокойном расположении духа, несмотря на не покидавшую его печаль о сыне, которого ему не суждено было иметь, о сыне, благодаря которому род его не пресекся бы до конца этого мира. Берзо мало говорил, редко улыбался, но находил общий язык со своими детьми легче, чем жена. Все восемь его дочерей сражались за его любовь и внимание – подобно цыплятам, толкущимся у кормушки.

Путешествие в город было волнующим и увлекательным, чего никак нельзя было сказать про ожидание в больнице. В коридоре перед кабинетом врача сидели двадцать три человека; Пимби могла сказать это точно, ибо в отличие от других восьмилетних детей в их деревне они с Джамилей ходили в школу и умели считать. Путь до этого обшарпанного одноэтажного здания, расположенного в соседней деревне, занимал сорок минут. Посреди классной комнаты стояла жаровня, которая давала мало тепла, зато очень много дыма. Дети помладше сидели с одной стороны, постарше – с другой. Поскольку окна открывали редко, воздух в классе был спертым и тяжелым, как опилки.

До того как Пимби пошла в школу, она была уверена, что все люди в мире говорят по-курдски, но теперь знала, что это не так. Некоторые люди вообще не знали курдского. Например, школьный учитель. У него были короткие редеющие волосы и грустный взгляд, словно он тосковал по жизни, которую оставил в Стамбуле, и никак не мог смириться с тем, что оказался в этой дыре. Он раздражался всякий раз, когда дети его не понимали или же отпускали по-курдски какую-нибудь шутку на его счет. Недавно он ввел новое правило, согласно которому всякого позволившего себе хоть слово по-курдски ожидало наказание: он должен был стоять у доски на одной ноге и спиной к одноклассникам. Правда, мало кому приходилось стоять так более нескольких минут: провинившийся обычно получал прощение, при условии что впредь не совершит подобного промаха. Но иногда учитель забывал о наказанном, и тот был вынужден стоять у доски часами. Эта штрафная мера вызвала у близнецов разную реакцию. Джамиля теперь в школе вообще не открывала рта, отказываясь говорить на каком-либо языке, а Пимби старательно учила турецкий, надеясь таким способом завоевать сердце учителя.

Между тем Нази не видела никакого смысла в том, что дочери ходят в такую даль и тратят время, заучивая слова и цифры, от которых им в будущем не будет ни малейшего проку, поскольку в самом недалеком будущем обе выйдут замуж. Но ее муж настаивал на том, что девочки должны получить образование.

– Из-за того что они каждый день ходят в эту школу, обувь на них просто горит, – жаловалась Нази. – И зачем им эта морока?

– Зато они могут прочесть все, что написано в конституции, – возразил Берзо.

– А что это такое – конституция? – с подозрением поинтересовалась однажды Нази.

– Закон, серая ты женщина! Конституция – это огромная книга. В ней

перечислено все, что разрешено делать, и все, что запрещено. А тот, кто этого не знает, может вляпаться в серьезные неприятности.

Нази прищелкнула языком. Слова мужа не слишком ее убедили.

– Вряд ли эта самая конституция поможет моим дочерям выйти замуж, – заметила она.

– Зря ты так думаешь. Тому, кто знает закон, живется легче. Например, если мужья будут плохо с ними обращаться, они не станут это терпеть. Просто заберут детей и уйдут.

– И куда, хотела бы я знать?

Об этом Берзо не задумывался.

– Найдут приют в доме своего отца, – наконец ответил он.

– А, так вот для чего они каждый день таскаются невесть куда и забивают головы всякой ерундой! Для того чтобы вернуться в дом, где родились!

– Иди-ка лучше принеси мне чаю, – отрезал Берзо. – Ты слишком много говоришь.

– Это ж надо такое придумать, – бормотала Нази, отправляясь в кухню. – Ни одна из моих дочерей не уйдет от своего мужа. А если она это сделает, я вытрясу из нее душу. Даже если к этому времени уже буду лежать в могиле. Дух мой вернется в этот мир и задаст мерзавке хорошую трепку.

Пустая угроза, произнесенная в сердцах, обернулась пророчеством. После того как Нази покинула этот мир, она еще долго приходила к своим дочерям – к одним чаще, к другим реже. Она была упрямой женщиной, никогда ничего не забывала и никогда ничего не прощала – в отличие от собак.

Сейчас, сидя в больничном коридоре, Пимби по-детски откровенно разглядывала ожидавших своей очереди мужчин и женщин. Кто-то курил, кто-то жевал принесенные из дома лепешки, некоторые потирали больные места и стонали от боли. Воздух насквозь пропах потом, дезинфекцией и микстурой от кашля.

Чем больше Пимби наблюдала за больными, тем сильнее она восхищалась доктором, с которым предстояло встретиться. Человек, способный излечить от всех этих тяжких недугов, наверняка не похож на других людей, решила она. Может быть, он пророк. Или маг. Не имеющий возраста волшебник, пальцы которого способны творить чудеса. Пимби изнемогала от любопытства и, когда их очередь наконец подошла, вслед за отцом с готовностью юркнула в дверь кабинета.

Внутри все оказалось белым. Но не таким белым, как мыльная пена на

поверхности воды, когда они стирали одежду. Не таким белым, как снег, который покрывает землю зимними ночами. Не таким белым, как сыворотка, которую смешивают с черемшой, чтобы приготовить сыр. То был суровый, неестественный белый цвет, которого Пимби никогда раньше не видела. Такой холодный, что она задрожала. Стулья, стены, плитка на полу, смотровой стол и даже склянки и скальпели – все сверкало мертвенной белизной. Пимби прежде и в голову не приходило, что белый цвет может быть таким гнетущим, таким тягостным, таким пугающим.

Еще сильнее ее удивило, что доктор оказался женщиной, но женщиной, совершенно не похожей на ее мать, на ее теток и соседок. Точно так же, как кабинет поражал отсутствием цвета, доктор поражала отсутствием каких-либо привычных Пимби женских черт. Под белым халатом докторши она заметила серую юбку до колен, а на ногах тонкие мягкие шерстяные чулки и кожаные туфли. Квадратные очки делали женщину похожей на сердитую сову. Пимби никогда не видела сов, тем более сердитых, но была уверена, что они должны выглядеть именно так. Докторша разительно отличалась от женщин, которые работают в полях от рассвета до заката, покрываются морщинами, потому что им часто приходится щуриться на солнце, и рожают детей до тех пор, пока не произведут на свет достаточное число сыновей. Женщина, сидевшая перед Пимби, привыкла, чтобы все люди, включая мужчин, ловили каждое ее слово. Даже Берзо в ее присутствии поспешил снять шапку и смущенно опустил голову.

Доктор едва удостоила отца и дочь недовольным взглядом. Казалось, их присутствие в кабинете утомляет и раздражает ее. Ясно было, что в конце трудного дня ей вовсе не хочется возиться с такими жалкими людьми, как эти двое. Она не снизошла до разговора с ними, предоставив сестре задавать необходимые вопросы: «Какой породы собака? Не текла ли пена у нее из пасти? Не пугалась ли она при виде воды? Укусила ли она еще кого-нибудь? Осмотрели ли ее после случившегося?» Сестра говорила очень быстро, словно слышала тиканье часов, напоминавших, что время на исходе. Про себя Пимби порадовалась, что мать не поехала с ними. Нази не смогла бы поддержать разговор в таком темпе и наверняка еще больше встревожилась бы и поняла все неправильно.

Доктор выписала рецепт, а сестра сделала девочке укол в живот, отчего та заревела во все горло. Выйдя в коридор, Пимби все еще плакала, а любопытство, с которым на нее смотрели незнакомые люди, расстроило ее еще сильнее. Отец, который, выйдя из кабинета, поднял голову, распрямил плечи и снова стал прежним Берзо, постарался утешить дочку и шепнул ей

на ухо, что она молодец и, если будет вести себя как хорошая девочка, он поведет ее в кино.

Слезы моментально высохли, и глаза Пимби радостно заблестели. Слово «кино» напоминало конфету в обертке: не знаешь, что скрывается внутри, но не сомневаешься, что это нечто восхитительное.

* * *

В городе было два зрительных зала. Один использовался в основном для выступлений заезжих политиков и редко предоставлял свою сцену для местных актеров и музыкантов. Перед выборами и после них здесь собиралась толпа мужчин, и ораторы произносили зажигательные речи, наполненные обещаниями и обличениями, которые носились в воздухе подобно сердитым пчелам.

Второй зал был значительно скромнее размерами, но пользовался не меньшей популярностью. Его владелец предпочитал кино политическим дебатам и выкладывал контрабандистам немалые деньги за новые фильмы, которые ему доставляли вместе с чаем, табаком и прочими товарами. Благодаря этому жители Урфы имели возможность посмотреть картины самых разных жанров – чуть ли не все вестерны Джона Уэйна, «Человека из Аламо», «Юлия Цезаря», а также «Золотую лихорадку» и прочие комедии, главным героем которых был маленький человечек с черными усиками.

В тот день показывали какой-то черно-белый турецкий фильм, который Пимби от первого до последнего кадра смотрела с открытым ртом. Главная героиня, очень красивая, но бедная девушка, влюбилась в богатого юношу, избалованного и эгоистичного. Но он изменился под действием волшебной силы любви. Все вокруг, начиная с родителей юноши, пытались помешать влюбленным и разлучить их, но они продолжали тайно встречаться под ивой на берегу реки. Во время свиданий они держались за руки и пели песни, исполненные печали.

Пимби понравилось в кино абсолютно все – нарядное фойе, тяжелый занавес, глухая, предвещающая чудо темнота в зале перед началом сеанса. Ей не терпелось рассказать Джамиле об этом новом чуде. В автобусе по пути домой она снова и снова пела песню из фильма:

Твое имя начертано в книге моей судьбы,
Твоя любовь течет в моих венах.

Если ты улыбнешься другому,
Я убью себя или умру от печали.

Распевая, Пимби покачивала бедрами и взмахивала руками. Все пассажиры хлопали в ладоши и издавали одобрительные возгласы. Когда она наконец замолчала – скорее от усталости, чем от неожиданного стеснения, – Берзо расхохотался и смеялся так долго, что на глазах выступили слезы.

– Я и не знал, что у меня такая талантливая дочка, – сказал он, и в голосе его послышались нотки гордости.

Пимби уткнулась лицом в грудь отца, вдыхая запах лавандового масла, которым он смазывал усы. Тогда она даже не подозревала, что это одно из самых счастливых мгновений в ее жизни.

* * *

Вернувшись домой, они застали Джамилю в ужасном состоянии: глаза распухли, лицо покрыто красными пятнами. Весь день она простояла у окна, покусывая нижнюю губу и теребя в руках прядь волос. Потом, внезапно и без всякой причины, залилась слезами. Несмотря на все попытки матери и сестер успокоить ее, она продолжала рыдать.

– А когда Джамиля начала плакать? – спросила Пимби.

– Да где-то в полдень, – пожала плечами Нази. – Почему ты спрашиваешь?

Пимби не ответила. Она узнала то, что хотела узнать. Когда ей сделали укол и она заплакала, ее сестра-двойняшка, отделенная от нее расстоянием в десятки миль, заплакала тоже. Люди говорят, что у близнецов одна душа. Но, похоже, общего у них даже больше. Между их телами тоже существует связь. Судьба и Достаточно. Если одна из них закрывает глаза, другая перестает видеть. Если одна из них вдруг поранится, у другой течет кровь. Если одной из них снится кошмар, сердце другой бешено колотится.

В тот же вечер Пимби продемонстрировала Джамиле танец, который видела в кино. По очереди изображая героиню, они целовались и обнимались, как влюбленная парочка в фильме, и при этом беспрестанно хихикали.

– Что это вы расшумелись?

Голос Нази звучал недовольно и резко. Она перебирала рис,

рассыпанный на большом плоском блюде.

Глаза Пимби расширились от обиды.

– Мы просто танцуем.

– С чего это вы решили заняться танцами? – буркнула Нази. – Вы что, намерены стать шлюхами?

Пимби не знала, кто такие шлюхи, но не осмелилась спросить. Горячая волна обиды захлестнула ее с головой. Почему песня, которая так понравилась пассажирам автобуса, вызвала у матери лишь раздражение? Почему чужие люди оказались более доброжелательными, чем самый близкий человек на свете? Пока она размышляла над этими вопросами, Джамия сделала шаг вперед, виновато потупилась и пробормотала:

– Прости, мама. Мы больше не будем.

Пимби, ощущая, что ее предали, метнула на сестру возмущенный взгляд.

– Если я вас и останавливаю, то для вашего же блага, – проворчала Нази. – Тот, кто сегодня слишком много смеется, завтра будет плакать. За все приходится платить – помните об этом.

– Не понимаю, почему мы не можем смеяться сегодня, завтра и всегда, – заявила Пимби.

Теперь настал черед Джамии хмуриться. Дерзость, проявленная сестрой, не только изумила ее, но и подставила под удар. Джамия затаила дыхание, ожидая дальнейшего развития событий. Сейчас мать возьмет в руки скалку. Когда одна из девочек совершала какую-то провинность, Нази лупила скалкой обеих. По лицу она никогда не била, памятуя о том, что красота заменяет девушке приданое, но спинам и задницам доставалось изрядно. Девочек всегда удивляло, как одна и та же скалка способна причинять такую боль и помогать в приготовлении аппетитных пирожков, которые они обожали.

Но в тот вечер Нази изменила своему обыкновению и не стала наказывать дочерей. Вместо этого она сморщила нос, покачала головой и уставилась в пространство, словно хотела оказаться где-нибудь далеко отсюда. Когда она заговорила вновь, голос звучал спокойно и ровно:

– Скромность – это щит, которым женщина может оградить себя. Зарубите на своих носах: если вы утратите скромность, цена вам будет меньше истертого куруса^[1]. Этот мир жесток и безжалостен.

Мысленно Пимби подкинула монету в воздух и поймала в ладонь. У монеты всего две стороны. Ты можешь победить или потерпеть поражение – другого выбора нет. Можешь стяжать почет или позор и, если окажешься в проигрыше, не рассчитывать на сочувствие и сострадание.

Дело в том, продолжала Нази, что женщин Создатель скроил из тончайшего белого батиста, а мужчин из плотной темной шерсти. Одним предназначено господствовать над другими – такова воля Аллаха. А главная обязанность всякого человека – безропотно покоряться Его воле. Дело в том, что на черном пятна не видны, а на белом даже самое маленькое, слабое пятнышко бросается в глаза. Именно поэтому, стоит женщине лишь немного согрешить, это моментально становится всеобщим достоянием. От такой женщины все отворачиваются, ее выбрасывают из жизни, словно шелуху от зерна. Если девушка утратит девственность до брака, пусть даже подарив ее любимому человеку, она лишится будущего. Что касается мужчины, на него не упадет даже тень порицания.

Таков был мир, в котором родились Розовая Судьба и Достаточно Красивая. В этом мире слово «честь» было не просто словом, но и именем. Но это имя давали только мальчикам. Только мужчины имели честь, будь они стариками, мужами в расцвете лет или же юнцами, на губах которых еще не обсохло материнское молоко. У женщин чести не было. Честь им заменял стыд. Но носить такое имя, как Стыд, никому не пожелаешь.

Пимби слушала мать и представляла ослепительно-белый кабинет доктора. Неприятное чувство, которое она испытала там, овладело ею с новой силой. Есть столько всяких цветов, помимо черного и белого, думала она: фисташково-зеленый, орехово-коричневый, голубой, как цветы барвинка. А помимо батиста и шерсти, есть бархат, шелк, парча и еще много-много красивых тканей. Почему же она должна пренебречь всем этим богатством и жить в двухцветном мире, скучном и плоском, как блюдо, на котором рассыпан рис.

По иронии судьбы, так часто проявлявшейся в жизни Пимби, наставления, раздражавшие ее в устах матери, она много лет спустя слово в слово повторяла своей собственной дочери Эсме в Англии.

Аскандер... Аскандер

Деревня вблизи реки Евфрат, 1962–1967

годы

Пимби всегда имела склонность к тягостным раздумьям и необоснованным опасениям. Это свойство ее натуры с годами оставалось неизменным. Более того, она стала суеверной, причем внезапно, всего за одну ночь, ту ночь, когда родился Искандер.

Пимби было семнадцать, когда она стала матерью – молодой, красивой, но исполненной тревожных предчувствий. Сидя в залитой сумеречным светом комнате, она не сводила глаз с колыбели, словно никак не могла поверить, что это она произвела на свет младенца с крошечными розовыми пальчиками, прозрачной кожей и багровым пятнышком на переносице; что с этого дня он принадлежит ей, лишь ей одной. Теперь у нее был сын, о котором ее мать напрасно мечтала и тщетно молила всю свою жизнь.

Произведя на свет Розовую Судьбу и Достаточно Красивую, Нази забеременела еще раз. Она не сомневалась, что наконец родит мальчика, иначе просто и быть не могло. Аллах обязан послать ей сына, ведь Он у нее в долгу. Нази не осмеливалась говорить об этом вслух, потому что знала: подобные заявления люди воспримут как богохульство. Тем не менее между ней и Аллахом существовало тайное соглашение. После стольких девочек Он непременно пошлет ей сына. Ее уверенность в этом была настолько велика, что все одеяльца, носочки и кофточки, предназначенные для своего долгожданного мальчика, она вязала исключительно из темно-голубой шерсти. Никаких возражений Нази не слушала. Словам повивальной бабки, осмотревшей ее после отхождения вод и приглушенным голосом сообщившей, что ребенок лежит неправильно, она тоже не придавала значения. Меж тем повитуха настоятельно советовала Нази ехать в город. Время еще есть, говорила она. Если они поедут прямо сейчас, то окажутся в больнице как раз к началу схваток.

– Глупости, – отрезала Нази и обожгла повитуху сердитым взглядом.

Она не сомневалась, что все будет хорошо. Все в руках Аллаха. Ей сорок девять лет, это ее последний, вымоленный ребенок. И она родит его здесь, в своем доме, на своей кровати – на той самой кровати, где родила всех своих детей. Только на этот раз у нее будет мальчик.

Роды были мучительными. Ребенок оказался слишком крупным и к тому же лежал у матери поперек живота. Тянулись томительные часы. Никто не считал, сколько времени прошло, потому что во время родов это приносит несчастье. Кроме того, один лишь Аллах, величайший часовщик, имеет власть над временем. То, что смертным кажется невыносимо долгим, для Него всего лишь мгновение. Поэтому часы на стене завесили черным бархатом, так же как и все зеркала в доме – ведь каждое зеркало открывает путь в неизведанное.

– Она больше не может тужиться, – заметила одна из женщин, стоявших у постели роженицы.

– Значит, мы ей поможем, – заявила повитуха. Голос ее звучал решительно, но в глазах метался тщательно скрываемый страх.

Повитуха запустила руку в утробу Нази и ощутила под пальцами нечто склизкое и извивающееся. Сердцебиение было совсем слабым, как мерцание догорающей свечи. Повитуха попыталась повернуть ребенка внутри матки. Одна попытка... Вторая... Третья... Теперь она действовала более жестко, понимая, что времени осталось немного. Ей удалось слегка повернуть ребенка по часовой стрелке, но этого оказалось недостаточно. Головка ребенка давила на пуповину, сокращая тем самым количество поступающего через нее кислорода.

Нази потеряла много крови и то впадала в забытие, то ненадолго приходила в себя и снова проваливалась в небытие. Лицо ее было белым как снег. Нужно было срочно делать выбор. Повитуха понимала: сохранить жизнь удастся либо матери, либо ребенку. Спасти обоих невозможно. На душе у повитухи было сумрачно, как безлунной ночью. Решение пришло внезапно. Она спасет женщину.

В это мгновение Нази, лежавшая с опущенными веками, под которыми плясали кровавые тени смерти, приподняла голову:

– Не вздумай это сделать, гадина!!!

Крик был таким пронзительным и резким, что казалось, исходил не от человеческого существа. Женщина, извивавшаяся на окровавленных простынях, превратилась в дикое животное, измученное, отчаявшееся, готовое наброситься на всякого, кто попытается к нему подойти. Впервые в жизни Нази ощутила себя свободной – свободной, как зверь, который продирается сквозь лесные заросли, залитые солнцем, окрасившим листья в золотистый цвет. Все, кто собрался в комнате, решили, что она сошла с ума. Только сумасшедшая может так кричать.

– Режь меня, идиотка! Вытаскивай ребенка! – приказала Нази и расхохоталась, словно переступив порог, за которым все происходящее в

этом мире кажется шуткой. – Как ты не понимаешь, это же мальчик! Он должен родиться! Должен! Что ты стоишь на месте, глупая завистливая тварь?! Давай! Бери ножницы и разрежь мне живот! Доставай моего сына!

Мухи носились в комнате роями, подобно стервятникам, кружащим над добычей. Здесь было слишком много крови. Слишком много ярости и отчаяния. Ярость и отчаяние насквозь пропитали постель, ковер, стены. Воздух стал тяжелым, тягучим и вязким. Мухи жужжали все громче, и избавиться от них было невозможно.

Нази умерла, вскоре за ней последовал и ребенок, относительно пола которого она жестоко ошиблась. Ее девятое дитя, убившее свою мать и тоже покинувшее этот мир, оказалось девочкой.

Поэтому ноябрьской ночью 1962 года, лежа без сна на кровати, где она родила своего первенца, Пимби предавалась горьким размышлениям о несправедливости Аллаха. Ей всего семнадцать, и она уже кормит грудью новорожденного сына. Пимби не могла отделаться от ощущения, что с небесных высот, из-за прозрачных облаков на нее с завистью смотрит мать: «Восемь детей, пять выкидышей, один мертворожденный – и ни одного сына... А у моей пустоголовой дочери уже есть прекрасный здоровый мальчик. Почему Ты так поступил со мной, Аллах? Почему?»

Голос Нази звучал у Пимби в ушах резко и настойчиво, до тех пор пока не превратился в колющий ком, который терзал ей грудь и перекачивался в желудке. Пимби изо всех сил пыталась отогнать тревогу прочь, но борьба была обречена на поражение. Тревога волчком вертелась в ее сознании. Взгляд покойной матери, исполненный злобы и зависти, жег ей сердце, и от этого взгляда невозможно было скрыться. Однажды ощутив этот взгляд, Пимби теперь чувствовала его постоянно: и когда толкла в каменной ступке пшеничные зерна и орехи кешью – эта смесь способствовала приливу молока и делала его более питательным, – и когда смотрела на капли дождевой воды, стекающие по оконным стеклам... Этот взгляд не оставлял Пимби и тогда, когда она смазывала только что вымытые волосы оливковым маслом или следила, как булькает на плите густой молочный суп.

– О милосердный Аллах, прошу Тебя, сделай так, чтобы моя мать наконец успокоилась в своей могиле и закрыла глаза. Прошу Тебя, позволь моему сыну вырасти здоровым и сильным, – молилась Пимби, раскачиваясь взад и вперед, словно сама была ребенком, которого нужно уложить спать.

В ночь, когда родился Искендер, Пимби приснился очередной кошмар – они преследовали ее в течение всей беременности. Но на этот раз видение было таким отчетливым, что, проснувшись, она так и не сумела до конца убедить себя, что это всего лишь сон. Какая-то часть ее существа навсегда осталась в призрачной реальности ужасного кошмара.

Ей приснилось, что она лежит навзничь на покрытом затейливыми узорами ковре. Глаза ее широко открыты, живот вздулся горой. Над ней – высокое небо, по которому время от времени проплывают облака. Ей жарко, очень жарко. Внезапно она понимает, что ковер расстелен на воде и под ним бурлит река. «Странно, почему же я не иду ко дну?» – спрашивает она себя. Внезапно небеса разверзаются и к ней простираются чьи-то руки. Руки Аллаха? Или ее покойной матери? Ответа нет. Эти руки разрезают ей живот. Она не испытывает никакой боли, только ужас. Ей хочется закрыть глаза и не видеть того, что происходит, но это невозможно. Руки извлекают ребенка из ее живота. Это пухленький мальчик с глазами цвета горного хрусталя. Пимби хочет прижать его к себе, хотя бы до него дотронуться, но руки бросают ребенка в воду. Он не тонет, а уплывает от нее прочь на какой-то плавучей коряге, как пророк Моисей в корзине.

Этим кошмаром Пимби поделилась с одним-единственным человеком. Когда она рассказывала свой сон, глаза ее лихорадочно блестели. Джамия внимательно выслушала и, охваченная желанием избавить сестру от докучливого призрака матери, тут же нашла ночному кошмару объяснение.

– Я так думаю, ты обидела какого-нибудь джинна, – заявила она.

– Джинна?

– Да, лапочка. Разве ты не знаешь, что джинны обожают дремать на креслах и диванах? Взрослые джинны при виде людей быстро вскакивают и убегают, а вот маленькие джинны не такие проворные. Наверное, ты села на какого-нибудь малютку-джинна и раздавила его. Ты ведь сейчас неуклюжая и громоздкая, как все беременные.

– О Аллах всемогущий! – только и могла воскликнуть Пимби.

Джамия сморщила нос, словно почувствовала неприятный запах:

– Наверняка мать этого джинненка решила тебе отомстить и навести на тебя порчу.

– И что же теперь делать?

– Не переживай. Есть много способов ублажить джинна, даже если он в ярости, – с видом знатока заявила Джамия.

После рождения Искендера Джамия заставляла молодую мать проделывать различные необычные вещи: кидать куски сухого хлеба стае бродячих собак и убегать не оглядываясь; бросать щепотку соли через левое плечо и щепотку сахара через правое; разгуливать босиком по свежевспаханному полю и проходить под кружевами паутины; заливать освященную розовую воду во все щели в доме. К тому же в течение сорока дней Пимби носила на шее амулет. Джамия надеялась, что благодаря всему этому ее сестра-двойняшка избавится от страхов и тревог, которые порождала мысль о покойной матери. Но в результате Пимби оказалась во власти суеверий. Она и прежде догадывалась о существовании особой двери, за которой скрывается мир суеверий, но до сих пор не осмеливалась переступить порог.

Меж тем Искендер подрастал. Родильные пятна быстро сошли, и кожа ребенка приобрела оттенок теплого песка. У него были темные волнистые волосы, блестящие, как звездная пыль, глаза светились озорством, а сияющая улыбка покоряла сердца. Чем красивее становился ее сын, тем сильнее Пимби боялась катастроф и бедствий, от которых не могла его защитить: землетрясений, оползней, наводнений, пожаров, эпидемий. Но больше всего она боялась зависти собственной матери и мести матери ненароком погубленного малютки-джинна. Мир всегда был местом, полным опасностей, но теперь все эти опасности стали слишком близкими и реальными.

Тревога за сына, терзающая Пимби, была так велика, что она даже отказалась дать ему имя. Таким образом она надеялась защитить его от Азраила, ангела смерти. Пока у ребенка нет имени, Азраил при всем желании не сумеет его найти. Так что свой первый год на земле безымянный мальчик был подобен конверту без адреса. Точно так же он провел свой второй, третий и четвертый год. Когда его хотели позвать, то окликали: «Сынок!» или «Эй, парень!»

Почему муж Пимби, Эдим, не попытался ее вразумить? Почему не настоял на своем и не дал сыну имя, как это делали все прочие мужчины? Имелось некое обстоятельство, которое его удерживало, – обстоятельство более важное, чем его вспыльчивый нрав и мужская гордость, обстоятельство, которое делало его уязвимым и безропотным. Тайная страсть к азартным играм влекла его прочь из дома, в подвальные притоны Стамбула, где он мог хотя бы на одну ночь ощутить себя владыкой мира.

Только когда мальчику исполнилось пять, Эдим решил положить конец безумию и заявил, что больше так продолжаться не может. Скоро мальчик пойдет в школу, и если он не сможет сказать, как его зовут, другие

дети решат, что родители дали ему невероятно смешное или неблагозвучное имя. Пимби была вынуждена уступить, но только при одном условии. Она отвезет сына в родную деревню, чтобы ее сестра-двойняшка и прочие родственники благословили мальчика. К тому же она поговорит с тремя деревенскими старейшинами, древними, как гора Арарат, но по-прежнему готовыми дать совет, исполненный глубокой мудрости.

* * *

– Ты поступила правильно, что пришла к нам, – изрек первый из мудрецов, такой дряхлый, что дверь, хлопнувшая поблизости, заставила содрогнуться все его хилое тело.

– Ты поступила правильно, что решила не выбирать имя для сына сама, как делают в нынешние времена многие женщины, – добавил второй мудрец, во рту у которого остался всего один зуб – маленькая жемчужина, сверкавшая, как первый зуб младенца.

Настал черед третьего мудреца, но голос его был так тих, а слова столь невнятные, что никто не смог разобрать, что он именно сказал.

Посоветовавшись еще немного, старейшины вынесли решение: имя ребенку должен дать посторонний человек, чужак, не знающий ничего о семье его матери и, уж конечно, не ведающий о призраке Нази.

Пимби ничего не оставалось, кроме как согласиться с планом, который предложили ей старцы. В нескольких милях от деревни протекала река, мелководная зимой и бурная летом. Местные жители переправлялись через нее на самодельной лодке, привязанной к канату, протянутому меж берегами. Переправа была рискованной, и не проходило года, чтобы несколько человек не упали в воду. Решено было, что Пимби будет ждать на берегу и попросит первого человека, который высадится из лодки, дать имя ее сыну. Деревенские старейшины спрячутся в кустах поблизости и в случае необходимости придут ей на помощь.

Итак, Пимби с сыном отправилась на берег и стала ждать. Ради столь важного события она надела ярко-алое платье, закрывавшее лодыжки, и черную кружевную шаль. На мальчике был его единственный выходной костюмчик, в котором он выглядел маленьким мужчиной. Время тянулось медленно, и долгое ожидание утомило ребенка. Чтобы развлечь сына, Пимби принялась рассказывать ему занимательные истории. Одна из этих историй навсегда запала ему в память.

– Когда Ходжа Насреддин был маленьким мальчиком, его мать дорожила им как зеницей ока... – начала Пимби.

– У нее что, были в глазах синицы?

– Это просто такое выражение, мой султан. Оно означает, что она любила его больше всего на свете. Они жили вдвоем в маленькой хижине на окраине города.

– А где же был его отец?

– Ушел на войну. Слушай и не перебивай. Как-то раз мать Ходжи Насреддина отправилась на базар. Перед тем как уйти, она сказала сыну: «Не выходи из дома и следи за дверью. Если увидишь, что к нам ломится вор, кричи во все горло. Это его отпугнет. А я вернусь до полудня». Мать ушла, а Ходжа Насреддин сел перед дверью, не сводя с нее глаз.

– И он ни разу не захотел пописать?

– У него был горшок.

– А если бы ему захотелось есть?

– Мать оставила ему еду.

– Пирожки?

– Да, и кунжутную халву, – ответила Пимби, хорошо знавшая вкусы своего сына. – Прошел час, и вдруг кто-то постучал в дверь. Это был дядя Насреддина, который пришел проведать их с матерью. Он спросил у мальчика, где мать, а узнав, что она пошла на базар, сказал: «Иди отыщи ее, скажи, чтобы быстрее возвращалась домой и приготовила обед. Сегодня я приду к вам в гости вместе со всей своей семьей!»

– Но Насреддин караулил дверь!

– Именно так. Поэтому он немного растерялся. Мать велела ему делать одно, а дядя – совсем другое. Он не хотел послушаться никого из них. Тогда он снял дверь с петель, взвалил ее себе на спину и отправился на поиски матери.

Мальчик расхохотался. Отсмеявшись, он произнес с неожиданной серьезностью:

– Я бы никогда так не сделал. Мама важнее какого-то дяди.

Только он сказал это, до них донесся шум. Кто-то переправился через реку и приближался к ним. Через несколько мгновений, к великому удивлению Пимби – и деревенских старейшин! – выяснилось, что это старуха. Старуха с невероятно огромным крючковатым носом, морщинистыми впалыми щеками, желтыми кривыми зубами и беспрестанно бегающими маленькими глазками-бусинками.

Пимби разъяснила ей, что ее сыну необходимо дать имя, и попросила оказать любезность и поспособствовать в разрешении этой проблемы. О

таких деталях, как призрак Нази и деревенские старейшины, скрывающиеся в кустах, она сочла за благо умолчать. Старуха ничуть не удивилась. Опираясь на палку, она невозмутимо размышляла, как будто к ней едва ли не каждый день обращались с такими просьбами.

– Мама, кто это? – спросил мальчик.

– Тише, мой львенок. Эта милая бабушка сейчас выберет тебе имя.

– Но она жутко страшная!

Притворившись, что ничего не слышала, старуха приблизилась к мальчику и вперила в него изучающий взгляд.

– Значит, ты до сих пор еще не нашел свое имя? – спросила она.

Мальчик сердито вскинул бровь, отказываясь отвечать.

– Знаешь, я хочу пить, – сказала старуха, указывая на то место, где водный поток образовывал небольшую заводь. – Не мог бы ты принести мне стакан воды?

– У меня нет стакана.

– Но ты можешь принести воды в ладонях, – настаивала старуха.

Ребенок, хмурясь все сильнее, посмотрел на старуху, потом перевел взгляд на мать и снова взглянул на старуху.

– Нет, – ответил он, и в голосе его послышался вызов. – Почему это я должен ходить тебе за водой? Я тебе не слуга.

Старуха склонила голову набок, словно старясь избежать удара:

– Значит, он не любит служить другим. Он любит, чтобы служили ему.

К этому времени Пимби уже не сомневалась, что со странницей им не повезло. Пытаясь разрешить ситуацию мирно, она предложила:

– Давайте я принесу вам воды.

Но старуха не стала пить воду, которую в ладонях принесла Пимби. Глядя на воду, она стала читать по ней, как по книге судьбы:

– Доченька, этот мальчик будет долго оставаться ребенком. Он повзрослеет, лишь достигнув середины жизни. Да, ему понадобится очень много времени, чтобы стать мужчиной.

Пимби затаила дыхание. Она чувствовала, старуха собирается открыть тайну, которую ей вовсе не хотелось знать.

– Некоторые дети подобны Евфрату – нрав у них буйный и строптивый. Родителям никак не удастся с ними совладать. Боюсь, твой сын разобьет тебе сердце.

Слова упали между ними, словно камень, сорвавшийся неведомо откуда.

– Но я не просила вас предсказать ему судьбу, – сдавленным голосом произнесла Пимби. – Вы придумали ему имя?

– Именно это я и делаю. Мне пришло на ум два имени, и, чтобы сделать выбор, надо решить, чего ты от него ждешь. Первое имя – Саалим. Когда-то это имя носил один султан. Он был прекрасным поэтом и замечательным музыкантом. Если ты хочешь, чтобы твой сын любил и понимал красоту, следует назвать его именно так.

– А второе? – замирая от нетерпения, выдохнула Пимби. Даже мальчик, казалось, заинтересовался разговором.

– Второе имя носил великий полководец, который всегда выступал впереди своих солдат, сражался как тигр, выходил победителем из всех сражений, разгромил всех своих врагов, покорило множество стран, соединил Восток и Запад, восход и закат, но все равно жаждал большего. Если ты хочешь, чтобы твой сын обладал сильной волей, всегда стремился к победе и умел повелевать людьми, следует назвать его в честь этого полководца.

– Да, пожалуй, мне это больше нравится, – просияла Пимби.

– Что ж, ты сделала свой выбор, – кивнула старуха, взяла палку и с неожиданным проворством зашагала по дороге.

Прошло несколько секунд, прежде чем Пимби сообразила, что не узнала самого главного, и бросилась вслед за старухой:

– Вы не назвали имя!

– Какое имя? – Старуха повернулась и уставилась на Пимби, словно успела забыть, кто она такая.

– Имя, которое я должна дать своему сыну!

– О! Это имя – Аскандер.

– Аскандер... Аскандер... – несколько раз повторила Пимби, наслаждаясь звучанием этого имени.

По возвращении в Стамбул мальчика зарегистрировали в одном из регистрационных бюро. Хотя и с опозданием в несколько лет, после долгих просьб и значительной взятки его существование наконец было узаконено. Когда мальчик поступил в школу, на его бедже было написано: Искендер Топрак.

– С таким именем можно покорить мир, – часто повторяла Пимби.

К тому времени она уже выяснила, кто такой Александр Великий.

Итак, ее первый ребенок, которым она дорожила как зеницей ока, получил имя, которое по-курдски звучало как «Аскандер», а по-турецки как «Искендер». Когда семья перебралась в Лондон, для школьных учителей и товарищей он стал Алексом. Именно под этим именем он был известен заключенным и охранникам в тюрьме Шрусбери.

Султан на дереве

Стамбул, 1969 год

Искендеру еще не исполнилось и семи, когда весной он убежал от человека, которого никогда прежде не видел, но о котором очень много слышал. Хотя этот человек оказался вовсе не таким, каким рисовало его воображение мальчика, он все равно внушал ужас. На носу у него красовались очки в массивной оправе, почему-то постоянно съезжавшие вниз, в губах была зажата незажженная сигарета. Еще у него была большая кожаная сумка, в которой, по слухам, хранились какие-то острые инструменты и лоскутки кожи всех его жертв.

Стоило Искендеру его увидеть, по спине у него пробежал холодок. Он пролил на рубашку клюквенный шербет, и капли адели на белой ткани, точно кровь на снегу. Искендер попытался стереть пятна, сначала рукой, потом краешком плаща. Бесполезно. Его замечательный костюм был испорчен.

Конечно, несмотря ни на какие пятна, Искендер в своем длинном серебристом плаще и шапочке, усеянной разноцветными бусинами, все равно оставался султаном. В руках он держал скипетр, отполированный до такой степени, что казался почти прозрачным, и восседал на высоком стуле с видом правителя, наблюдающего за своими подданными. Правда, для своих лет он был маловат ростом, и все стулья казались ему высокими. По его левую руку сидели четверо других мальчиков – все старше его и выше ростом и все одинаково одетые. Оглядев их с головы до ног, Искендер решил, что костюмы у них далеко не такие красивые, как у него.

Пока другие султаны поедали сладости, толкались и хихикали, Искендер ждал, болтая в воздухе ногами. И как эти придурки могут смеяться, зная, какая пытка им предстоит, вздохнул он про себя. Глаза его тревожно бегали. В комнате было множество народу, но он знал, никто не сумеет его спасти, даже мама Пимби. Она-то ни за что не станет его спасать. Все утро она проплакала, без конца повторяя, как горда и счастлива тем, что ее ненаглядный сыночек станет мужчиной. Ведь мальчик становится мужчиной именно после обрезания.

Искендер никак не мог понять, каким образом удар ножа способен сделать его мужчиной. Это была неразрешимая загадка. От тебя отрезают какую-то часть, но ты становишься больше. Искендер не мог также понять,

почему взрослые твердят, что он не должен плакать. Ведь ясно, что ему будет больно. И мама уже вся изошла слезами, хотя ей-то никто не соби́рался причинять боль.

Краешком глаза Искендер наблюдал за человеком с кожаной сумкой. Он заметил, что левую его щеку пересекает шрам. Наверное, один из мальчиков, оказавшихся в его страшных руках, нанес рану учителю. Это была приятная мысль, и несколько минут Искендер с упоением воображал, как вырвется из рук страшного человека, выхватит у него острый инструмент и полоснет его по правой щеке. А потом все мальчики, обреченные на пытку, победной ватагой вырвутся за дверь. Но фантазия быстро померкла, уступив место реальности. В этой реальности слепой хафиз читал Коран, какая-то женщина разносила чай и миндальную халву, собравшиеся в комнате приглушенно переговаривались, а жуткий момент неотвратимо приближался.

Искендер медленно сполз со стула. Ноги его коснулись пола, ощутили мягкий ворс ковра. Он сделал шаг и замер, ожидая, что кто-нибудь окликнет его и спросит, куда он собрался. Но никто не обращал на него внимания. Переступая на цыпочках, он обогнул стоявшую в углу двуспальную кровать с кованой железной спинкой, увешанной амулетами от сглаза, вышитыми подушками и атласным голубым покрывалом. Голубой был любимым цветом Искендера. Это цвет мальчиков и цвет неба. А значит, небо тоже мальчик. Вода в озерах и реках тоже голубая. И в океане. Впрочем, океана он ни разу в жизни не видел.

С каждым шагом обретая смелость и ощущая себя все более легким, Искендер выскользнул через заднюю дверь. Оказавшись за пределами комнаты, он перешел на бег, набирая скорость, пересек сад, выскочил на дорогу и мимо соседских домов понесся на вершину холма. Костюм теперь был весь забрызган грязью, но это его больше не волновало. Ни капельки не волновало.

Искендер думал о руках матери. Он представлял, как эти руки расчесывают ее густые каштановые волосы, разливают кислое молоко по глиняным чашкам, гладят его по щекам, лепят фигурки из теста. Ни о чем другом он не думал, пока не добежал до огромного дуба.

Это было старое дерево с узловатыми корнями, выступавшими из земли и тянувшимися во все четыре стороны, и ветвями, едва не касавшимися облаков. Судорожно переводя дыхание, мальчик начал карабкаться вверх, быстро и сосредоточенно. Дважды руки его скользнули и он едва не сорвался, но оба раза сумел уцепиться за ветви. Никогда прежде Искендер не забирался так высоко и был несколько расстроен

отсутствием свидетелей его подвига. Небо теперь было так близко, что он почти мог до него дотронуться. Несколько минут он сидел на суку, созерцая облака, довольный и гордый собой, но вскоре до него дошло, что он не сможет спуститься.

Час спустя поблизости от мальчика сел на ветку черный дрозд – изящное создание с желтыми кругами у глаз и пурпурными крапинками на крыльях, яркими, как рубины. Дрозд беззаботно щебетал, хрупкий и незащитный, но полный жизни. Будь птица чуть ближе, Искендер мог бы ее поймать, сжать в ладонях и ощутить, как бьется ее маленькое сердечко. Он мог бы отнести эту птицу домой, холить ее и лелеять; а мог бы одним быстрым движением свернуть ей шею, что казалось не менее заманчивым.

Стоило Искендеру представить, как он убивает птицу, как его охватило раскаяние. Людей, которые предаются подобным скверным мыслям, ожидают кипящие котлы ада. Глаза мальчика увлажнились. Он не сомневался, что мать давно уже заметила его исчезновение и отправила на поиски всех, кто оказался поблизости. Однако никто не приходил. Наверное, он так и умрет на этом дереве от голода и холода. Интересно, что скажут люди о мальчишке, который умер не от болезни, не в результате несчастного случая, как все прочие люди, а из-за собственной трусости?

Наверное, его уже отчаялись найти и сочли погибшим. Может, решили, что его утащили волки, хотя никакие волки здесь не водятся. Искендер представил себе, как свирепые хищники когтями и зубами раздирают его тело. Интересно, если бы его действительно постигла такая кошмарная смерть, сильно бы убивалась мама? А может, в глубине души она обрадовалась бы тому, что теперь ей надо кормить на один рот меньше?

Вспомнив о материнской стряпне, мальчик вдруг осознал, как сильно проголодался. К тому же он хотел писать, и эта проблема настоятельно требовала разрешения. Не в силах больше терпеть, он приспустил брюки и взял в руки свой маленький жезл – причину всех сегодняшних злоключений, но едва пустил струю, как снизу донесся голос:

– Эй, он здесь! Я нашел его!

К человеку, обнаружившему Искендера, присоединился еще один, потом еще целый десяток мужчин. Все они наблюдали за Искендером, а он продолжал опорожнять мочевой пузырь, который, казалось, раздулся вдвое. Наконец он закончил, застегнул молнию на брюках и уже собирался попросить помощи, как вдруг заметил, что среди прочих под деревом стоит человек с кожаной сумкой.

Тут произошла весьма странная вещь: мальчик впал в оцепенение. Его руки и ноги словно стали ватными, язык примерз к нёбу, а в желудке застыл

огромный камень. Он слышал, как люди внизу кричат, упрашивают его спуститься, но не мог вымолвить ни слова. Он сидел не двигаясь, как будто стал частью дерева. Мальчиком-желудем.

Стоявшие внизу поначалу предположили, что мальчишка нарочно придуривается. Лишь несколько минут спустя они догадались, что Искендеру не до притворства и что руки и ноги отказываются его слушаться. Тогда они стали решать, как снять ребенка с дерева. Один парень попытался вскарабкаться на дуб, но не смог добраться до верхних ветвей, где сидел мальчик. Еще несколько человек повторили его попытку, но потерпели неудачу. Прочие держали за четыре конца одеяло, на случай если мальчик упадет, кто-то предлагал стащить его с дерева, набросив на него веревочную петлю. Но ни один план не удавалось осуществить. Лестницы были слишком коротки, веревки слишком тонки, а мальчик, замерший на дереве, отказывался хоть как-то помочь своим спасателям.

– Что он тут делает? – зазвенел в воздухе женский голос.

Запыхавшаяся Пимби бежала к дубу.

– Он не может слезть с дерева, – объяснили ей.

– Как это не может? Он большой мальчик.

Пимби, нахмурившись, поглядела на тоненькие, как палки, ножки сына, свисавшие с ветки:

– Ну-ка, слезай! Немедленно!

Искендер почувствовал, что его застывшее тело начинает оттаивать, точно лед под лучами солнца.

– Не испытывай мое терпение, негодник! Ты позоришь своего отца. Всем мальчикам сделали обрезание, и никто от этого не умер. Ты один ведешь себя как неразумный малыш.

Несмотря на все усилия, Искендер по-прежнему не мог даже пошевелиться. Все, что ему удалось, – посмотреть вниз и усмехнуться. Ему казалось, что таким образом ситуацию можно обратить в шутку, но он жестоко ошибался. Стоило Пимби увидеть улыбку на лице сына, ярость, которую она до сих пор сдерживала, хлынула бурным потоком.

– Ах ты паршивец! Спускайся сию же минуту или я переломаю тебе все кости! Или ты не хочешь стать мужчиной?

Этот вопрос заставил Искендера задуматься.

– Не хочу, – ответил он наконец.

– Если ты не станешь мужчиной, у тебя никогда не будет своей машины.

Мальчик пожал плечами. Невелика беда. Можно ходить пешком. Или ездить на автобусе.

– У тебя никогда не будет своего дома.

Искендер снова пожал плечами. Он будет жить в палатке, как живут цыгане.

– И хорошей жены у тебя тоже не будет.

На лице Искендера мелькнуло растерянное выражение. Ему хотелось иметь жену, женщину, которая будет похожа на маму во всем, кроме одного: она никогда не будет его бранить. Он озадаченно прикусил губу и погрузился в раздумья. Через несколько, казалось, бесконечных минут он наконец собрал всю свою силу и всю свою волю и посмотрел в глаза матери. Взгляд этих темно-зеленых глаз обвивал его подобно побегам плюща и неодолимо притягивал к себе.

– Будь по-твоему, – вздохнула наконец Пимби. – Ты победил. Я проиграла. Обойдемся без обрезаний. Я никому не позволю и пальцем к тебе прикоснуться.

– Правда?

– Правда, мой султан.

Голос матери звучал мягко и успокоительно. Искендер обнаружил, что паника его отпустила и оцепенение прошло. Он подвигал пальцами сначала на руках, потом на ногах и спустился несколькими ветками ниже, туда, где ждал его один из спасателей, примостившийся на верхней перекладине лестницы. Оказавшись на земле, Искендер бросился к матери, громко всхлипывая.

– Сынок ты мой, – пробормотала Пимби, словно это нужно было в подтверждении. Она прижала его к себе так крепко, что он ощутил биение ее сердца. – Маламин^[2], мой султан.

Искендер был счастлив, что под ногами у него снова твердая земля, и еще более счастлив, что мать по-прежнему его любит. И все же в ее объятиях было нечто удушающее. Поцелуи, которыми она покрывала его шею, казались слишком липкими, а дыхание – слишком сладким. Ему вдруг захотелось вырваться из ее объятий, тесных и душных, как гроб.

Словно прочтя его мысли, Пимби схватила сына за плечи, отстранила его от себя так, чтобы видеть его лицо, и залепила ему крепкую оплеуху.

– Никогда не позорь меня больше! – воскликнула она.

Резко повернулась к человеку с кожаной сумкой и скомандовала:

– Берите его!

Лицо Искендера залила бледность. Охватившее его изумление было сильнее испуга. Мать прилюдно обманула. И дала ему пощечину. Никогда раньше она этого не делала. Ему даже в голову не приходило, что такое может произойти. Он попытался что-то сказать, но слова застревали в

горле, как камешки.

Вечером все наперебой хвалили Искендера, который молодцом держался во время обрезания. Восхищались тем, что он не проронил ни слезинки. Но сам он прекрасно знал: удержаться от слез ему помогла вовсе не смелость. Просто он неотступно думал о предательстве матери, и переживать из-за операции было недосуг. Прежде он и вообразить не мог, что можно обмануть человека, который тебе дороже всего на свете. До этого дня он не представлял, что люди часто причиняют боль тем, кого любят всем сердцем. То был первый урок на пути постижения сложностей любви.

Фонтан желаний

Место вблизи реки Евфрат, 1977 год

Пимби уехала, забрав с собой свое отражение в зеркалах и тихих водах. Она жила теперь под другим небом и часто присылала Джамиле открытки с изображением красных двухэтажных автобусов и высоченных башен с часами. Когда Пимби приехала навестить родных, ее одежда пахла не так, как прежде, и была удивительно мягкой на ощупь. Джамиля с замиранием сердца наблюдала, как сестра, сидя на корточках перед раскрытым чемоданом, извлекает оттуда гостинцы – духи и наряды, привезенные из чужой страны. Уезжая, Пимби пребывала в непоколебимой уверенности, что к ее возвращению здесь ничего не изменится. Но она ошибалась: все стало другим. Пимби в тот раз погостила недолго.

В течение многих лет Пимби писала Джамиле письма, в которых рассказывала о своей жизни в Англии. Дети иногда приписывали внизу несколько слов. Особенно часто это делал Юнус. Джамиля хранила все эти послания словно великое сокровище – в жестяной коробке из-под чая, которая стояла у нее под кроватью. Она тоже регулярно писала сестре, хотя ей почти не о чем было рассказывать, по крайней мере так думала она сама. В одном из писем она спросила у Юнуса, видел ли он королеву и, если да, как она выглядела. Вот что он ответил:

Королева живет во дворце, таком большом, что она часто в нем теряется. Но слуги ее находят и снова сажают на трон. Она каждый день носит новое платье и красивую шляпу, того же цвета, что и платье. Руки у нее очень мягкие, потому что она мажет их кремом, все время носит перчатки и никогда не моет посуду. Я видел в школе ее портрет. На нем она выглядит очень доброй.

Джамиля не могла постичь, как это ее родственники, которые так долго живут в одном городе с королевой, до сих пор не видели ее своими глазами и довольствуются лишь фотографиями в газетах и журналах. Она даже сомневалась, бывает ли Пимби где-либо за пределами квартала, в котором живет. Если она проводит время в четырех стенах, стоило ли перебираться в чужую далекую страну? Почему люди не могут жить и умирать там, где они родились? Джамиля буквально задышалась в больших

городах, а мысль о поездке в незнакомое место приводила ее в ужас. Стоило ей представить высоченные здания и широкие улицы, запруженные толпами людей, как грудь у нее сжималась и она чувствовала, что ей не хватает воздуха.

Свои письма Пимби обычно завершала вопросом: «Ты по-прежнему сердисься на меня, сестра? Простишь ли ты меня когда-нибудь?» Ответ был ей хорошо известен: Джамия ни на кого не держала зла, тем более на свою сестру-двойняшку. Но Пимби считала необходимым задавать вопрос снова и снова, как если бы это была рана, требующая регулярной перевязки.

В деревне Джамию звали Киз-Эбе – повитуха-девственница. Многие считали, что более искусной повитухи в этом нищем курдском районе не было многие десятилетия. Роженицы успокаивались, стоило ей войти в комнату, словно одним своим присутствием она могла обеспечить им легкие роды и защитить их дома от вторжения ангела смерти Азраила. Мужья рожениц многозначительно качали головами и говорили: «Ну, если за дело взялась повитуха-девственница, все будет хорошо. Слава Аллаху, что послал нам ее».

Но слова ничего не значили, лишь усугубляли страх Джамии обмануть людские ожидания. Она знала, что действительно искусна в своем ремесле – так искусна, как только может быть женщина в расцвете лет, далекая от той жизненной поры, когда силы слабеют, зрение ухудшается, а неудачи преследуют по пятам. Как всякая повитуха, она трепетала, когда ее имя и имя Аллаха произносили на едином дыхании, ибо знала, как это опасно. Если подобное кощунство достигало ее слуха, она тихонько шептала: «Товбе, товбе»^[3]. Слова ее не предназначались никому, кроме Аллаха. Ей необходимо было сообщить Ему, что она никоим образом не претендует даже на малую частицу Его силы и не дерзает соперничать с Ним, единственным, кто способен даровать жизнь.

Джамия сознавала, что ходит по тонкому льду. Можно быть уверенной, что обладаешь опытом и знаниями, пока какие-нибудь сложные роды не поставят в тупик и не заставят почувствовать себя беспомощной и неумелой. Иногда, несмотря на все ее усилия, роды заканчивались неудачно. Иногда ей не удавалось прибыть вовремя, и, войдя к роженице, она обнаруживала, что та разрешилась от бремени без ее помощи, самостоятельно перерезала пуповину тупым лезвием и перевязала ее собственными волосами. Джамия воспринимала подобные случаи как послания от Аллаха, время от времени напоминавшего, сколь ничтожны ее возможности.

Тем не менее за ней продолжали приходиться из самых дальних и глухих деревень. В этих деревнях были свои повитухи, но все беременные женщины хотели, чтобы роды у них принимала именно она. В этих краях Джамия пользовалась огромной популярностью. Десятки девочек были названы в ее честь – Достаточно Красивая.

«Может, если она будет носить твое имя, она будет хотя бы вполовину такой же целомудренной, как ты», – говорили отцы девочек, которым она помогла появиться на свет.

Джамия молча кивала, думая о том, что люди противоречивы в своих желаниях. Они хотят, чтобы их дочери выросли целомудренными и чистыми, но еще сильнее хотят, чтобы те непременно вышли замуж и родили детей. Их дочери, названные в честь повитухи, должны унаследовать ее скромный нрав, но отнюдь не ее одинокий удел.

Вечерами, накинув на плечи вязаную шаль и взяв в руки лампу, Джамия подходила к окну и, прищурившись, вглядывалась в темноту. Долина спала под глубоким покровом ночи – бесплодная голая земля, на которой рос лишь скудный кустарник. Джамия часто думала, что под иссохшей коркой скрывается мягкий плодородный слой, точно так же, как под неприглядной и грубой человеческой наружностью порой таится нежное сердце. Пожалуй, все же не следует жить одной в таком глухом месте, иногда говорила она себе. Наверное, ей тоже надо уехать. Куда-нибудь. Все равно куда. Но у нее не имелось ни средств, ни родственников, которые помогли бы ей начать жизнь с чистого листа. Ей уже исполнилось тридцать два, она отцвела впустую, оставив позади ту пору, когда женщина должна выйти замуж. Теперь она была слишком стара, чтобы создать семью. «Бесплодная баба вроде порченой дыни: приглядистая снаружи, иссохшая внутри и ни на что не годится», – говорили в деревне о таких женщинах, как она.

Конечно, она могла выйти замуж за старика или калеку или стать чьей-нибудь второй женой, а то даже третьей или четвертой, хотя семьи, где мужчина имел несколько жен, теперь встречались редко. Только первая жена считалась официальной: обращаясь в любое государственное учреждение – больницу, суд, налоговую службу, она могла с полным правом называть себя замужней женщиной, только ее дети считались законными. Но в их глуши мало кто обращался в подобные учреждения, разве что в чрезвычайных случаях. А если у тебя серьезные проблемы, если ты заболела какой-нибудь тяжелой заразной болезнью или сошла с ума, какая разница, первая ты жена или четвертая?

Ее дом – если только эта лачуга заслуживала называться домом –

притулился в выемке скалы, недалеко от ущелья возле Мала Кар Байан. Посмотрев вниз, она видела нагромождения скал, которые издали напоминали окаменевших великанов, а когда солнце заливало их своими лучами, превращались в огромные сверкающие рубины. Об этих скалах ходило множество легенд, и все они основывались на историях о несчастной любви. В течение веков христиане, мусульмане, последователи Заратустры и езиды жили здесь, любили и умирали бок о бок. Потомки их покинули эти места и отправились в дальние страны. Здесь осталась лишь горстка крестьян. И она, Джамиля.

Покинутая земля, где некогда кипела жизнь, всегда источает печаль. Скорбь и горе витают в воздухе, забиваются в каждую расщелину. Может быть, именно поэтому обитатели таких земель со временем начинают походить на них: они молчаливы, угрюмы и покорны своей участи. Впрочем, такими они кажутся внешне, а внешность людей часто не отражает их внутреннего мира, и в этом тоже заключается их сходство с землей.

Под слоями одежды, защищавшей ее от холода, скрывалась иная Джамиля: юная, очаровательная, веселая, смех которой напоминал звон стеклянных колокольчиков. Эта Джамиля редко обнаруживала себя, прячась в обличье работающей женщины, которая всегда была занята: колола дрова, косила, ходила за водой, готовила целебные отвары. Иногда Джамиля начинала бояться, что сойдет с ума. Она чувствовала, как одиночество неуклонно разрушает ее рассудок, отщипывая от него по кусочку.

Когда ветер прилетал с далеких гор, он приносил с собой аромат полевых цветов, молодой травы и свежей листвы. Но порой Джамиля ощущала дразнящий запах жареного мяса, который пронизывал все вокруг и прилипал к коже. В окрестностях бродили контрабандисты и разбойники, – кочуя с места на место, они ночевали под открытым небом или в скальных пещерах. В безлунные ночи Джамиля видела их костры, мерцающие в темноте подобно далеким звездам. По запахам, приносимым ветром, она узнавала, что у них на ужин и далеко ли они.

В окрестностях водились волки. Джамиля слышала их и в разгар дня, и в сумерках, и поздно ночью. Они издавали низкое утробное рычание, иногда переходившее в звонкое тьяканье или пронзительный вой на два голоса. Порой, учуяв запах одиночества, они крадучись подходили к самым ее дверям, некоторое время стояли, оскалившись, но после неизменно уходили. Вид у них при этом был разочарованный, словно они нашли ее недостаточно аппетитной. Джамиля ничуть не боялась волков. У нее не

было оснований считать их своими врагами. Как и разбойники, волки интересовались более крупной добычей, чем одинокая женщина. К тому же Джамиля всем сердцем верила, что опасность всегда приходит с той стороны, откуда ее меньше всего ожидаешь.

Хворост, тлеющий в очаге, наполнял комнату теплом. Отсветы огня играли на лице Джамили, хотя весь дом тонул в темноте. Она сознавала, что местные жители не питают к ней особой любви, но при этом, несомненно, отдают ей дань уважения. Путешествуя верхом на лошади, осле или муле, она проникала в места, недоступные для всех прочих женщин. Иногда ее сопровождали знакомые, но часто – люди, которых она никогда прежде не видела.

Любой человек мог ночью постучать в ее дверь и сказать: «Умоляю, идем со мной! Моя жена рожает. Идем скорее! Роды очень тяжелые!»

Конечно, это могла быть ложь. Существовала возможность, хотя и незначительная, что под маской встревоженного мужа скрывается злоумышленник. Следуя за незнакомцем во мраке ночи, Джамиля сознавала, что он вполне может похитить ее, изнасиловать и убить. Но она знала, что должна доверять. Не мужчине, идущему рядом, а Тому, кто держит в руках все людские судьбы. К тому же в этих краях действовали неписанные правила, которые не посмел бы нарушить ни один человек в здравом рассудке. Согласно этим правилам, повитуха, помогающая детям появляться на свет, являлась почти священной особой. Она осуществляла связь между двумя мирами, видимым и невидимым, связь тонкую и ненадежную, как паутинка.

Джамиля подбросила в очаг хвороста и поставила на огонь медную джезву. Вода, сахар, кофе – всего этого у нее осталось совсем мало. Люди часто приносили ей подарки: хну, чай, печенье, шафран, фисташки, миндаль и табак, доставленные контрабандой из-за границы. Джамиля знала, что, если с ней расплатились деньгами, плата будет единовременной, а вот мелкие дары не иссякнут никогда.

Она неспешно помешивала кофе. «Кофе подобен любви, – гласила старинная поговорка, – чем больше проявишь терпения, тем лучше вкус». Впрочем, о любви Джамиля мало что знала. Она была влюблена всего один раз, и чувство это оказалось болезненным и горьким. Вкус горечи до сих пор оставался на языке, но она никогда об этом не говорила.

Глядя на вскипающую пену, она прислушивалась к звукам за окном. Долина была населена духами. Среди них были создания размером меньше рисового зернышка, неразличимые обычным глазом, но весьма опасные и исполненные могущества. Птицы бились в оконное стекло, насекомые

скользили по поверхности воды в ведре, словно это было озеро. Все, что нас окружает, имеет свой язык – Джамиля в этом не сомневалась. Раскаты грома, утренняя заря, муравьи, копошившиеся в сахарнице... Иногда ей казалось, она понимает, что они говорят.

Свое ремесло повитухи она любила больше всего на свете. То была миссия, уготованная ей Аллахом. Поэтому она днем и ночью ожидала стука в дверь, готовая откликнуться на зов и поспешить на помощь, невзирая на туман, дождь, палящее солнце или снег, покрывший землю на несколько футов. Никто не знал, что в глубине своего сердца Джамиля давно уже была замужем. Она сочеталась браком со своей судьбой.

* * *

За стенами дома разбушевался ночной ветер, заставлявший дребезжать оконные стекла. Джамиля сняла кофе с огня и налила в маленькую керамическую чашечку с отбитой ручкой. Она пила мелкими глотками. Огонь в очаге напоминал ее жизнь: он тоже тихо тлел, никого не подпускал близко, а в особые редкие моменты рассыпался искрами, точно умирающие мечты.

Вдалеке вскрикнула птица – сова, которую местные жители прозвали матерью погибели. Через несколько мгновений она ухнула вновь, на этот раз более решительно и смело. Джамиля сидела, прикрыв глаза и погрузившись в раздумья. Несмотря на все трудности, которыми было так богато ее детство, она вспоминала его как счастливую пору. У двойняшек была любимая игра: одна из них изображала маму, другая – дочку. Несмотря на то что Пимби была на три минуты старше сестры, она предпочитала роль дочки, а Джамиля, взяв на себя роль матери, опекала и нянчила ее. Она укачивала свою малышку, пела ей колыбельные и рассказывала сказки. Теперь, вспоминая эти игры, Джамиля поражалась тому, с какой серьезностью они с сестрой им предавались.

Ей вдруг вспомнилось, как однажды отец взял их в город, где они увидели фонтан, исполняющий желания. Женщины, желавшие родить ребенка, свекрови, мечтавшие извести своих невесток, девушки, вождевшие получить достойного мужа, – все бросали в воду монеты. Когда все разошлись, Пимби подоткнула платье, залезла в фонтан и собрала деньги. После сестры пустились наутек, повизгивая от возбуждения. Добежав до ближайшего магазина, они закупили карамелек и леденцов на палочке.

Конечно, то было увлекательное приключение, но после Джамилю мучило раскаяние. Они совершили кражу. И что самое плохое, они украли людские желания. А это куда более позорно, чем украсть просто деньги.

– Вечно ты придумываешь всякую ерунду, – рассердилась Пимби, когда Джамия поделилась с ней своими тревогами. – Люди выбросили эти деньги, а мы их подобрали, только и всего.

– Да, но с каждой из этих монеток была связана мечта. Если кто-то украдет твою заветную мечту, ты ведь расстроишься, верно? Я бы расстроилась.

– Значит, у тебя есть заветная мечта? – хихикнула Пимби. – Интересно какая?

Джамия потупилась, не зная, что сказать. Конечно, она хотела когда-нибудь выйти замуж – обязательно в красивом свадебном платье и чтобы на столе стоял торт с кремовыми розами, такой, что продается в городе, – но эту мечту вряд ли можно было назвать заветной. Хотела иметь детей, но поди тут разберись, действительно ли это ее заветное желание, или дело в том, что женщине положено иметь детей и все вокруг постоянно твердят об этом. Неплохо было бы купить свою ферму и хозяйничать на собственной земле, но это желание не из тех, что подчиняют себе всю человеческую душу. Поразмыслив, Джамия обрадовалась тому, что ей не пришлось самой бросать монету в фонтан. Окажись она в такой ситуации, ей пришлось бы признать, что заветной мечты у нее нет.

При виде растерянности сестры Пимби насмешливо фыркнула.

– Я хочу стать моряком, – сверкая глазами, сообщила она. – Буду путешествовать по всему свету и каждую неделю заходить в новую гавань.

Никогда прежде Джамия не чувствовала себя такой одинокой. Она внезапно поняла, что при всем сходстве у них с сестрой есть одно принципиальное отличие: амбиции. Пимби стремилась увидеть мир, раскинувшийся за рекой Евфрат. Можно было не сомневаться, у нее хватит смелости следовать велениям собственного сердца и не обращать внимания на то, что думают о ней другие. В этот томительный момент Джамиле открылось, что она и ее сестра-двойняшка обречены жить вдали друг от друга.

Их отец часто повторял, что все близнецы более счастливы и одновременно более несчастны, чем все прочие люди. Счастливы, ибо у них всегда есть человек, на поддержку которого они могут рассчитывать. Несчастливы, ибо, если один из них страдает, другой обречен разделить его страдания. Если их с Пимби ожидают страдания, что станет их причиной, размышляла Джамия, – заветные мечты ее сестры или полное отсутствие

таковых у нее самой?

Воспоминания

Лондон, декабрь 1977 года

Взяв с ленты конвейера пригоршню овсяного печенья и высыпав ее в очередную жестяную коробку, Эдим Топрак сделал открытие: он больше не помнит лица матери. На секунду он замер, ощущая, как по спине бегают мурашки, и в результате пропустил следующую порцию печенья. Билал, стоявший от него в нескольких футах, заметил совершенную ошибку и поспешно сгреб печенье с конвейера. Если бы Эдим увидел это, он, без сомнения, кивнул бы другу в знак благодарности, но он был слишком поглощен безуспешной попыткой вспомнить, как выглядела мать.

В дальнем уголке его сознания ожил некий женский образ, расплывчатый, словно подернутый туманной дымкой. Мать была стройна и высока ростом, лицо ее было белым, как мрамор, светлые глаза исполнены покоя и сосредоточенности. Солнечный свет, льющийся из окна, освещал ее голову сзади, оставляя половину лица в тени. Волосы цвета осенних листьев отливали медью на солнце. Но при тусклом освещении они изменяли свой оттенок и казались почти черными. Губы ее были полными и свежими. А может, и нет. Эдим не был в этом уверен. Может, губы у нее были тонкими, с опущенными вниз уголками. Женщина, нарисованная его воображением, изменялась каждую секунду, как будто лицо ее было вылеплено из тающего воска.

А может, проблема в том, что образ женщины, которая произвела его на свет, смешивался в его сознании с образом жены. Длинные волнистые рыжеватые волосы, которыми он наделил свою мать, Айшу, на самом деле принадлежали его жене Пимби. Неужели жена стала столь неотделимой частью его жизни, что проникает во все воспоминания, даже о временах, когда они еще не встретились? Эдим переступил с ноги на ногу и закрыл глаза.

Перед его мысленным взором возникло еще одно воспоминание. Они с матерью идут по изумрудно-зеленому полю, откуда открывается вид на дамбу. Ему, наверное, лет восемь. Волосы матери распущены, и неутомный стамбульский пойраз^[4], играет с ними, закрывая ей лицо. Над их головами синее восхитительно безоблачное небо, вдали зеленеют залитые солнцем холмы. Лишь некоторые из многочисленных ворот дамбы открыты, уровень воды в запруде совсем низкий. Мальчик смотрит, как

внизу бурлит и пенится водоворот, и у него начинает кружиться голова. Мать предупредила его, что близко к краю подходить нельзя, но это было не в тот день, что вспомнился ему сейчас.

– Тех, кто подходит слишком близко к краю, сразу хватает шайтан, – сказала мать.

Именно поэтому люди так часто падают – маленькие дети, которые проскальзывают между перекладинами балконных перил, хозяйки, которые моют окна, стоя на подоконнике, трубочисты, которым приходится передвигаться по карнизам. Шайтан хватается за щиколотки своими когтями и тащит вниз, в бездонную глубину. Выживают только кошки, ведь у них девять жизней, а потому они могут восемь раз умереть и опять воскреснуть.

Держась за руки, они с матерью спустились с холма и подошли к высоченным стенам, тянувшимся вдоль одной из сторон дамбы. Айша остановилась на краю водостока, губы ее шевелились. Казалось, она забыла, что дух зла витает поблизости. Но нет, вряд ли: прислушавшись, мальчик понял, что она читает молитвы, защищающие от несчастного случая. Чувство облегчения овладело им, но лишь на несколько секунд. Что, если дьявол прячется где-нибудь в зарослях и, улучив момент, утащит их в бездну? Подчиняясь внезапному порыву, он вырвал руку из материнской ладони и принялся озираться по сторонам, пока не удостоверился, что рядом никого нет. Когда он снова повернулся к матери, ее не оказалось рядом.

Она летела со стены, и он наблюдал за каждым мгновением ее полета.

Открыв глаза, Эдим обнаружил, что Билал с беспокойством наблюдает за ним.

– Что случилось, парень? – спросил Билал, перекрикивая шум станков. – Ты пропустил добрый десяток порций.

– Ничего. – Эдим пожал плечами и похлопал себя по груди напротив сердца. – Просто задумался.

По губам Билала скользнула едва заметная, но добродушная улыбка. Кивнув, он вернулся к работе. То же самое сделал Эдим. За оставшийся день он не пропустил ни единого печенья. Но всякий, кто хорошо его знал, мог почувствовать: его что-то гнетет. Душа его ныла от какого-то смутного беспокойства, зловещего, как грозовая туча, и это беспокойство невозможно было прогнать усилием воли.

Эдим знал, что это: страх загнанного в угол животного. Животного, со всех сторон окруженного лающей сворой собак, измученного,

изможденного, словно отравленного каким-то зельем, которое не убивает, но лишает сил. Куда бы он ни повернулся, повсюду чудились тени преследователей. Бежать некуда – разве что навсегда уехать из Англии. Но он не мог скрыться, бросив жену и детей. А для того чтобы взять их с собой, требовались деньги. Много денег. Положение было безвыходным. И китайцы прекрасно это понимали. Именно поэтому они даже не считали нужным следить за ним. Они не сомневались: стоит ему пропустить срок платежа, они без труда его отыщут. Но была еще одна причина, по которой Эдим не мог бежать: Роксана.

* * *

Шесть недель назад Эдим проснулся утром в таком приподнятом настроении, словно летал во сне. Все признаки близкой удачи были налицо. Признаки, которые его никогда не обманывали. Ладони слегка почесывались, сердце билось быстрее обычного, левый глаз едва заметно подергивался. Ничего болезненного, просто легчайший тик, который то усиливался, то прекращался, словно небеса посылали ему некое закодированное послание. Во всех прочих отношениях день был совершенно обычный. Но воодушевление не оставляло его. Окружающие были приветливы с ним, и он был приветлив со всеми. Погода стояла ясная, солнечная, и отражение голубого неба в водах Темзы веселило душу и пробуждало надежды.

После заката он отправился в игорный клуб. Скоро, совсем скоро он с этим покончит, обещал он себе. Вырвет страсть к игре с корнем, отрубит ее раз и навсегда, как гнилую ветку от здорового дерева. Отрубленная ветка никогда не вырастает заново, а значит, он никогда вновь не станет пленником страсти. Но это будет после, не сейчас. Сейчас он не готов отказаться от игры. Тем более сегодня его ожидает выигрыш. Все признаки предвещают удачу.

Игорный клуб располагался в Бетнал-Грин, в цокольном этаже старинного дома с большими окнами по обе стороны от входа и террасой. Внутри скрывался другой мир. Клуб состоял из пяти залов; в каждом играли в бильярд или толпились вокруг рулетки, блек-джека и покерных столов. В воздухе висела густая пелена табачного дыма. Игроки, обладавшие большими деньгами или же особой склонностью к риску, собирались в задней комнате. Из-за плотно закрытой двери доносилось поскрипывание рулетки, сопровождаемое гулом голосов, тяжкими

вздохами и приглушенными возгласами.

Этот клуб предназначался исключительно для мужчин. Немногочисленные женщины, которых можно было здесь встретить, допускались по особой договоренности, потому находились на особом положении. Ни о каких посягательствах на этих женщин не могло быть и речи. Здесь существовал свод неписаных, но строгих правил, которым неукоснительно подчинялись клиенты всех национальностей. Индусы, пакистанцы, индонезийцы, иранцы, турки, греки, итальянцы... Все здесь объяснялись по-английски, но молились, изрыгали проклятия и о чем-то договаривались на своих родных языках. Среди клиентов заведение было известно под названием «Берлога». Оно принадлежало семейству немногословных китайцев. Жизнь нескольких поколений этого семейства прошла во Вьетнаме, но после войны китайцы были вынуждены оставить Вьетнам и обосновались в Лондоне. Рядом с ними Эдиму всегда было не по себе. В отличие от итальянцев китайцы не проявляли взаимовыручки. Не обладали они темпераментностью ирландцев. Их поведение было совершенно непредсказуемым и могло мгновенно измениться без каких-либо видимых на то причин.

В тот вечер Эдим сначала играл в блек-джек, потом провел несколько партий в кости и перешел к рулетке. Первый раз он поставил на черное. Старт оказался удачным. Потом он поставил сразу на несколько чисел. Снова выигрыш, но не слишком значительный. Он поставил на красное и выиграл три раза подряд, каждый раз увеличивая ставку за счет предыдущего выигрыша. То был один из тех волшебных моментов, когда он чувствовал рулетку. Как и у самого Эдима, память у рулеточного колеса была никудышная. Можно было ставить на то же самое снова и снова, и шансы на выигрыш оставались прежними. Капризы рулетки не поддавались логическим расчетам. И он играл без всяких расчетов, так, словно каждая ставка была первой и единственной.

Игроки, толпившиеся вокруг, делали восторженные жесты, похлопывали его по плечу и отпускали одобрительные реплики. Он чувствовал, что окружен всеобщим уважением, и это было удивительно приятное чувство. Им восхищались, ему завидовали. Очередной поворот рулетки вновь принес ему победу. Толпа вокруг стола росла, внимание становилось все более напряженным. Пятнадцать минут спустя он по-прежнему выигрывал. Крупье объявил перерыв.

Чувствуя, что ему необходимо глотнуть свежего воздуха, Эдим вышел на улицу. На кромке тротуара сидел высокий неуклюжий марокканец, работавший с ним на одной кондитерской фабрике.

– Ты везучий, – заметил марокканец.
– Судьба. Так, как сегодня, бывает далеко не всегда.
– Может быть, Аллах тебя испытывает, – изрек марокканец, сделал паузу и бросил на Эдима быстрый взгляд. – Знаешь, как говорят: «Наездник, который скачет на быстрой лошади, может упасть и сломать спину, но лошадь продолжит свой бег».

– Ну и какой в этом смысл?

– Без понятия. Мне просто нравится, как звучит эта пословица.

Оба расхохотались, и голоса их унеслись в ночное небо.

– Я знаю пословицу не хуже, – сказал Эдим. – Человек может убежать на край света, но не способен убежать от своего прошлого.

– Угу, – буркнул марокканец и уже собрался отхлебнуть из своего стакана, как вдруг заметил, что его собеседник стоит с пустыми руками.

– Я не пью, – чуть виновато пояснил Эдим.

Марокканец в ответ усмехнулся:

– Ох, посмотрите только на него! Намертво подсел на рулетку, но, когда дело доходит до выпивки, строит из себя правоверного мусульманина.

Эдима покорило. Он не подсел на рулетку, тем более намертво. Он может отказаться от игры, как только захочет. Что касается причин воздержания от спиртного, то их он предпочитал не обсуждать, тем более с незнакомцами. Но сегодня он решил сделать исключение.

– Мой отец был запойным пьяницей, – негромко произнес он.

Когда он вернулся в подвальный клуб, погас свет. Перебой с электроэнергией. Третий за эту неделю. В те дни по утрам Лондон тонул в сером тумане, а по вечерам – в темноте. «Свечной магазин в Хакни наверняка огреб кучу денег», – подумал Эдим. Свечи стали такой же насущной необходимостью, как хлеб и молоко.

Напрягая зрение, Эдим прошел по тускло освещенному коридору и открыл дверь в заднюю комнату. За столом, скудно освещенным парафиновой лампой, сидели трое китайцев – скупых на слово людей с непроницаемыми лицами. Эдим понимал, что самое разумное сейчас уйти. Надо удовлетвориться тем, что он уже выиграл. Он взял свою куртку, дал крупье на чай и уже двинулся к выходу, но внезапно застыл на месте.

Позднее, когда Эдим вспоминал этот момент, а вспоминал он его очень часто, ему всякий раз приходил на ум стоп-кран в поезде. Он никогда не трогал этот кран, но знал: если повернуть его, поезд резко остановится. В тот вечер словно чья-то невидимая рука повернула стоп-кран, укрепленный у него на спине.

В комнату вошла молодая женщина. Словно видение, она выпорхнула из мрака. В тусклом свете лампы ее золотистые волосы, завивавшиеся чуть ниже маленьких и изящных ушей, испускали удивительное сияние. Кожаная мини-юбка, белая шелковая блузка без рукавов, на ногах остроносые туфельки на высоченных каблуках. Выражение лица в форме сердечка красноречиво говорило о том, что ей вовсе не доставляет удовольствия находиться здесь и она предпочла бы оказаться где-нибудь в другом месте. Она села рядом с одним из китайцев – этот лысый жирный тип держался как босс и, возможно, был им – и что-то прошептала ему на ухо. Китаец слегка улыбнулся и погладил ее по бедру. Внутри у Эдима что-то оборвалось.

– О, вы еще здесь? Хотите поставить еще разок, дружище?

Китаец задал вопрос, не поднимая головы и ни на кого конкретно не глядя. Но Эдим, так же как и все, кто был в комнате, знал: вопрос обращен к нему. Он ощущал устремленные на него взгляды всех присутствовавших. Но только ее глаза, два синих сапфира, прожигали его насквозь. Никогда раньше он не видел таких огромных блестящих синих глаз. Если бы его жена встретила с этой женщиной, она наверняка испугалась бы сглаза. Пимби незыблемо верила: если взгляд подобных глаз остановится на тебе хотя бы на мгновение, надо со всех ног мчаться домой и сжечь на плите щепотку соли.

Щеки Эдима вспыхнули. В одно невероятно затянувшееся мгновение он осознал, что, продолжив игру, совершит ошибку, и, возможно, самую серьезную в его жизни. Но сознавать – это одно, а подчиняться велениям рассудка – совершенно другое. Он кивнул:

– Да, я буду играть.

Он снова выиграл, но на этот раз все было иначе. Энергетическое поле изменилось. Теперь он и рулетка были двумя не связанными между собой существами, от их недавнего единения не осталось и следа. Но Эдим словно прирос к месту. Замерев, он наблюдал, как богиня, сидевшая напротив, смотрит на колесо рулетки.

Зажглось электричество. Эдим решил, что это добрый знак, и продолжил игру. Он выигрывал раз за разом. Ставки росли. Это был риск. Безумный риск. Китайцы пытались сохранять невозмутимость, но сквозь их непроницаемые маски начала проглядывать тревога. В толпе вокруг стола Эдим увидел марокканца, брови его были озабоченно нахмурены. Поймав взгляд Эдима, марокканец покачал головой и прошептал одними губами:

– Завязывай, приятель!

Но Эдим уже не мог остановиться. Она смотрела на него с другого конца стола, ее губы, сочные и манящие, походили на вишни. Он чувствовал, что у него есть шанс, путь даже один из тысячи, благодаря своим победам в игре завоевать ее сердце. Кто-то окликнул женщину, и Эдим узнал ее имя: Роксана.

Еще одна ставка. Эдим поставил все свои фишки на номер четырнадцать. Шарик вновь понесся навстречу движению колеса. Так и в его жизни: привязанность к семье и тяга к свободе увлекают его в противоположных направлениях. Зрители одновременно испустили вздох, как будто морские волны достигли берега и зашуршали по песку. На этот раз шарик, прежде чем упасть в выемку, несколько раз подскочил. Колесо совершило еще один полный круг. В ее глазах светилось любопытство, изумление и еще какое-то чувство, как он надеялся, близкое к восхищению. Ему не надо было смотреть на стол, чтобы удостовериться в очередной победе.

– Тебя, наверное, ждут дома, дружище? – тихо, но так, что расслышать его не составляло труда, поинтересовался один из китайцев. – Думаю, твоя семья волнуется. Час уже поздний.

Скрытая угроза, прозвучавшая в этих словах, и слово «семья» произвели эффект упавшего занавеса, который мгновенно отделил Эдима от рулетки, от комнаты, от женщины с сапфировыми глазами. Он собрал все свои фишки, обменял их на деньги и вышел на улицу. Один из знакомых немного подвез его, а оставшуюся часть пути он прошел пешком.

На улицах Ист-Энда было полно мусора, повсюду валялись гниющие отбросы и прочий хлам. Создавалось впечатление, что мир сошел с ума. Бастовали все: пожарники, шахтеры, пекари, врачи, мусорщики. Никто больше не хотел играть в надоевшие игры. Никто, кроме завсегдатаев игорных клубов.

В четыре часа утра Эдим наконец добрался до своего дома на Лавендер-гроув. Удобно устроившись на диване, он выкурил сигарету. Пачка денег, лежавшая рядом, ласкала взгляд и грела душу. Шестнадцать тысяч четыреста фунтов. Вся семья спала, и он не мог поделиться своим торжеством. Приходилось ждать. Он лежал с открытыми глазами в темной гостиной, охваченный чувством одиночества, пронзительным, почти невыносимым, и прислушивался к хриловатому дыханию жены. Два его сына, дочь, даже золотые рыбки в аквариуме – все спали безмятежным сном.

Когда Эдим проходил военную службу в Турции, он сделал одно наблюдение. Если более трех человек спят в достаточно тесном

пространстве, они рано или поздно начинают дышать в одном ритме. Возможно, таким образом Бог дает людям знать, что они в состоянии достичь согласия друг с другом и прекратить все споры и раздоры, сотрясающие этот мир. Когда эта мысль впервые пришла Эдиму в голову, она показалась ему чрезвычайно глубокой. Потом он понял: даже если в мире воцарится гармония, он не сможет быть ее частью. Бесспорно, он такой же человек, как все, не лучше и не хуже. Но нельзя не замечать одно печальное обстоятельство: людям, которых любит, он приносит одни несчастья. В очередной раз Эдим подумал о том, что его детям, его плоти и крови, возможно, будет лучше без него.

Не в состоянии заснуть, он покинул дом на рассвете. Деньги он взял с собой, хотя и понимал, что это чистой воды идиотизм. В Хакни полно воров и грабителей, которые ради такой щедрой добычи не задумываясь переломают ему ребра. Всякий раз, когда ему встречался прохожий, он покрывался холодным потом, вздрагивал и едва не пускался бегом.

На кондитерской фабрике Эдима встретили как короля. Все уже знали о его выигрыше. Во время обеденного перерыва к нему заглянул старший брат Тарик – поздравить и попросить об одолжении.

– Ты же знаешь мою жену, – сказал Тарик, понизив голос до доверительного шепота. – Она уже плешь мне проела из-за этой дурацкой кухни.

У Тарика была своя теория по поводу британских кухонь: их нарочно делают тесными и темными, чтобы люди не готовили дома, а ели в ресторанах и кафе или брали оттуда готовую еду. Все архитекторы, политики, общественные организации состоят в заговоре с владельцами ресторанов, которые платят им щедрые взятки. Стоило Тарику сесть на своего любимого конька, его обличениям не было конца.

На просьбу о деньгах Эдим ответил согласием, хотя и догадывался – старший братец вытянет из него куда больше, чем требуется на отделку кухни, а оставшиеся деньги положит на свой счет в банке. В последнее время Тарик стал бережливым и прижимистым. Трудно было поверить, что это тот самый человек, который в юности щедро поддерживал двух младших братьев. После смерти отца Тарик работал как проклятый, чтобы помочь встать на ноги Эдиму и Халилу. Но с годами у него развилась почти болезненная страсть к экономии, и теперь он выдавливал из тюбика последнюю каплю зубной пасты, старался использовать все рекламные купоны, редко включал водонагреватель, пил спитой чай и все вещи покупал исключительно в секонд-хенде. Разумеется, всем членам его семьи было строжайше запрещено делать любые покупки без его разрешения, но

получить это разрешение было практически невозможно. На все просьбы он неизменно отвечал: «Без этого мы вполне обойдемся».

– Ты когда-нибудь думаешь о матери? – со вздохом спросил Эдим.

В обычный день он никогда не позволил бы себе затевать подобные разговоры. Но теперь, после того как брат попросил его об одолжении, он чувствовал себя хозяином положения. Поделившись с братом деньгами, он имел право потребовать, чтобы тот поделился с ним своими воспоминаниями. Но вопрос прозвучал так неожиданно, что Тарик растерялся. Несколько минут он молчал, сдвинув брови и сморщив лоб, усеянный белыми пятнами – следами кожной болезни, которой он страдал с детства. Когда он наконец заговорил, голос его звучал резко, почти сердито:

– С какой стати я должен о ней думать? Она была недостойной женщиной, покрывшей семью позором.

«Неужели тебе не интересно узнать, жива она или нет? Есть ли у нее другие дети? Любит ли она их? Скучает ли о нас?» Все эти вопросы вертелись у Эдима на языке, но он не решился задать их брату. Вместо этого он хрипло произнес, нарушив затянувшееся молчание:

– Сегодня вечером я зайду к тебе домой и принесу деньги. Скажи моей невестке, что совсем скоро она получит кухню своей мечты.

После заката Эдиму пришло в голову, что, если он отправится в казино и снова выиграет, денег у него станет в два раза больше, чем сейчас. Тогда он сможет дать денег Тарику и прочим родственникам, не требуя, чтобы они вернули долг. Вдохновленный этой благородной идеей, он отправился в клуб в Бетнал-Грин и снова встретил там женщину с аметистово-синими глазами. Она снова следила за вращением колеса рулетки, а он смотрел на нее. Эдим играл по-крупному. И проиграл. Абсолютно все.

*

Тюрьма Шрусбери, 1990 год

До вторника 14 ноября 1978 года я никогда не заикался. А в тот день я решил раздобыть нож.

Мы с друзьями сидели в школьной столовой. Все было как обычно: голубые пластиковые подносы, картофельная запеканка с мясом, рулеты с вареньем, пластиковые стаканы с водой. Я сыпал шутками и вдруг – раз! – начал запинаться на каждом слове, как последний дебил. Это случилось

так внезапно, что все подумали, будто я прикалываюсь.

Мы говорили о матче, намеченном на завтра. «Челси» должна была играть с московским «Динамо». Аршад – жирный коротышка, пакистанец, который мечтал играть в защите у «Ноттингем Форест», с важным видом рассуждал о том, с каким счетом наши парни сделают русских. Его никто не слушал – все знали, что в футболе он разбирается, как свинья в апельсинах.

Обиженный Аршад повернулся ко мне, подмигнул и ухмыльнулся – он всегда так делал, когда хотел что-то выпросить.

– Эй, приятель, вижу, ты уже сыт. Может, поделишься со мной своей запеканкой?

Я покачал головой:

– Я б-б...бы п-п-делился, д-да б-боюсь, у т-тебя б-брюхо лопнет.

Аршад уставился на меня, вытаращив глаза. То же самое сделали остальные. Все пялились на меня, точно видели в первый раз. Потом кто-то спросил, что означает это кваканье. Ребята расхохотались, решив, что я придуриваюсь. Я тоже смеялся вместе со всеми, в то время как внутри поднималась волна паники. Я подвинул свой поднос Аршаду и жестом показал, что он может доедать запеканку. Аппетит у меня пропал начисто.

Когда перемена кончилась, я вернулся в класс в подавленном настроении. Как могло случиться, что на меня напала такая фигня? Никто из моих родственников не был заикой. Или заикание не передается по наследству? Наверное, нет. А может, это просто короткий приступ? Что-то вроде незначительного сбоя в психике, который пройдет сам собой, так же внезапно, как и начался. А может, с моей речью уже все в порядке?

Чтобы проверить это, я спрятал часы в карман и подошел к двум девчонкам, чтобы спросить, сколько времени. И... запнулся на первом же слогe.

Девчонки захихикали. Безмозглые кретинки! Наверное, они тоже подумали, что это прикол. Я отвернулся, красный как рак, и краешком глаза заметил, что в стороне стоит моя подружка, Кэти, и наблюдает за мной. Когда начался урок истории, она бросила мне записку. Развернув смятый клочок бумаги, я прочел:

«Мэгги, Кристи, Хилари. А если будет мальчик – Том».

Я сунул записку в карман. Через минуту Кэти бросила мне еще одну:

«Что с тобой случилось?»

Я пожал плечами, всем своим видом показывая, что со мной не

случилось ровным счетом ничего. Однако моя пантомима, похоже, не убедила Кэти. Тогда я написал на листке: «Расскажу потом», скомкал его и бросил ей.

Весь урок я боялся, что учитель меня о чем-нибудь спросит, я начну заикаться и вызову шквал насмешек. К счастью, меня не вызвали. Как только пытка закончилась, я схватил рюкзак и бросился к дверям, решив наплевать на оставшиеся уроки и уйти домой.

Где-то в три тридцать я подошел к нашему дому и позвонил в колокольчик у дверей. Ожидая, пока мне откроют, я скользнул взглядом по табличке на дверях: «Эдим Топрак».

Моя сестра Эсма вывела эту надпись своим затейливым почерком. Поступившись при этом собственными принципами.

– Здесь живем мы все, – возмущалась она. – Почему на дверях должно быть написано только папино имя?

Эсма, несмотря на свой малый рост, вечно была увлечена грандиозными идеями: равные возможности для каждого, социальная справедливость, права женщин... Мои друзья считали ее или чокнутой, или коммунисткой. Дай ей волю, она повесила бы другую табличку: «Семья Топрак».

Или даже: «Эдим, Пимби, Искендер, Эсма, Юнус и золотые рыбки».

Мне-то было совершенно наплевать, что написано на дверях. Точнее, я предпочел бы отсутствие вообще какой-либо надписи. По крайней мере, это было бы честно. Отвечало бы истинному положению вещей. Потому что на самом деле здесь никто не жил. Я имею в виду, не жил по-настоящему. Все мы в этом доме только временно пребывали. Словно это был не дом, а дешевый отель, где вместо горничных простыни приходилось стирать маме, а на завтрак всегда давали одно и то же: дешевый сыр, черные оливки и жидкий чай без молока.

Допустим, настанет день, когда Аршад исполнит свою мечту и будет играть в лиге первого дивизиона. Возможно, он станет таскать в кармане фотографии королевы или купит шикарную машину и будет разъезжать в ней в обществе самых шикарных красоток. Но он все равно останется аутсайдером. Такие люди, как он, всегда остаются аутсайдерами. Как он и как мы. Сколько бы мы, Топраки, не прожили в этом городе, мы всегда будем здесь чужаками – наполовину турецкая, наполовину курдская семья, ютящаяся в захудалом районе.

Я снова позвонил в колокольчик. За дверью никакого движения. Куда, интересно, запропастилась мама? Пойти в «Хрустальные ножницы» она не могла, потому что несколько дней назад уволилась. После того как отец

нас бросил, я стал главой семьи и не хотел, чтобы мама работала. Когда я сообщил ей об этом, она залилась слезами, но упираться не стала. Понимала, что у моего решения есть причины. Люди распускали о нас сплетни. А как известно, дыма без огня не бывает. Поэтому я сказал маме, что отныне она будет сидеть дома. Пока я не сумею погасить огонь.

В школе никто не знал, что творится у нас в семье. И я очень надеялся, что никто ничего и не узнает. Дом – это дом, школа – это школа. Даже Кэти я ничего не рассказывал. Подружка – это подружка, семья – это семья. Некоторые вещи лучше не смешивать. Как воду и масло.

Тут до меня дошло, что мама, наверное, ушла в магазин или по другим хозяйственным надобностям. Хорошо, что у меня был свой ключ. Я вынул его из кармана, вставил в замочную скважину и повернул. Но дверь не открылась. Она была заперта на засов с другой стороны. Внезапно я услышал за дверью шаги.

– Кто там? – донесся мамин голос.

– М-м-мама, эт-то я.

– Это ты, Искендер?

В ее голосе звучала паника, словно надвигалась какая-то катастрофа. До меня долетел чей-то приглушенный быстрый шепот, явно не мамин. Сердце бешено колотилось у меня под ребрами, мне не хватало воздуха. Я не мог двинуться с места, стоял у дверей и как дурак вращал ключ в замочной скважине. Прошла минута, а может, и больше, прежде чем дверь наконец отворилась.

Мама стояла в проеме, закрывая его собой. Губы ее были растянуты в улыбке, но в глазах метался испуг. Я заметил, что из ее конского хвоста выбилась прядь, а одна из петель на белой блузке застегнута не на ту пуговицу.

– Искендер, сыночек мой, – пропела она. – Ты сегодня рано.

Она явно была потрясена, вот только не знаю чем – тем, что я вернулся домой почти на три часа раньше, или тем, что я ее сыночек.

– Ты не заболел? – спросила мама. – Выглядишь неважно, мой султан.

«Не называй меня так, – хотел сказать я. – Вообще никак не называй». Вместо этого я снял ботинки и вошел внутрь, оттолкнув маму. Я направился напрямик в свою комнату, захлопнул за собой дверь и припер ее стулом, чтобы никто ко мне не вошел. Повалившись на кровать, я натянул на голову одеяло и сконцентрировался на дыхании – так, как учили нас в боксерской секции. Вдох. Выдох...

Снаружи доносились какие-то звуки: скрипели половицы, завывал

ветер, мелкий дождь стучал по крышам. Несмотря на всю эту какофонию, я услышал, как открылась входная дверь и кто-то тихо, как мышь, выскользнул на улицу.

Всю жизнь я был уверен, что мама любит меня больше всего на свете. Я был ее первенцем, ее первым сыном, светом ее очей. Теперь все изменилось. Все полетело к чертям. По щекам моим текли слезы. Я ударил себя по щеке, чтобы успокоиться. Не помогло. Я ударил сильнее.

В коридоре раздались мамины шаги, тихие и ровные, как биение сердца. Она остановилась у моих дверей, но не осмелилась постучать. Мне казалось, я чувствую запах ее позора, казалось, что ее грех висит в воздухе и до него можно дотронуться. Бог знает, как долго мы оба выжидали, прислушиваясь к дыханию друг друга и пытаясь догадаться, о чем сейчас думает каждый. Потом она ушла – словно ей нечего было сказать, нечего было объяснить. Словно мое мнение, мой гнев, моя боль ровным счетом ничего для нее не значили. Она ушла, оставив меня в одиночестве.

Тогда я понял: все, что дядя Тарик рассказывал про мою мать, чистая правда. Еще я понял, что должен раздобыть нож. Складной, с деревянной рукояткой и острым изогнутым лезвием. Конечно, это было противозаконно. Никто не хотел навлекать на себя неприятности с полицией, продавая пружинный нож, тем более такому зеленому пацану, как я. Но я знал, куда идти. На примете имелся нужный человек.

У меня и мысли не было кого-нибудь зарезать. Все, что я хотел, – хорошенько ее припугнуть. Или его.

Искендер Топрак

Пикник с барбекю Стамбул, 1954 год

Все свое детство Эдим разрывался между двумя отцами: своим трезвым Баба и своим пьяным Баба. Два этих человека жили в одном теле, но различались как день и ночь. Контраст между ними был так разителен, что маленький Эдим думал, будто каждый вечер его отец выпивает некое волшебное снадобье. Это снадобье не превращало лягушек в принцесс и ведьм в драконов – оно превращало человека, которого он любил, в чужака.

Баба-трезвый был сутуловатым словоохотливым мужчиной, который обожал проводить время со своими тремя сыновьями: Тариком, Халилом и Эдимом. Куда бы Баба ни шел, он непременно брал с собой одного из мальчиков, и тот, на кого падал его выбор, был на седьмом небе от счастья. Везучий мальчик вместе с отцом отправлялся к его друзьям, прогуливался по улице Истиклал, а иногда даже шел к отцу на работу, в гараж поблизости от площади Таксим, где отец служил старшим механиком. Сюда пригоняли огромные машины со звучными труднопроизносимыми именами, здесь их ремонтировали или разбирали на части. «Шевроле бель эйр», «бьюик роудмастер», «кадиллак флитвуд» или же «мерседес-бенц». Мало кто в городе мог позволить себе подобные модели. Как правило, их владельцами были политики, бизнесмены, владельцы казино или футболисты. На стенах гаража висели фотографии, где сияющие механики были запечатлены рядом со своими влиятельными клиентами.

Иногда Эдим сопровождал отца в местную чайную, где они проводили весь день, попивая сахлеп^[5], липовый отвар или чай и наблюдая, как мужчины всех возрастов играют в триктрак и шашки. Главной темой разговоров завсегдатаев чайной была политика. Футболу и громким газетным публикациям тоже уделялось достаточно внимания. Когда приближались выборы, чайная накалялась от жарких споров. Премьер-министр – первый в истории страны министр, занявший свой пост путем демократических выборов, – заявлял, что демократическая партия, которую он возглавляет, на следующих выборах разобьет всех своих соперников наголову. Тогда никто и не догадывался, сколь трагическая участь ожидает этого министра, который на следующих выборах действительно будет избран на второй срок. Никто не мог предвидеть, что он закончит свои дни

на виселице, куда его отправит военная хунта.

В такие ленивые, медленно тянущиеся дни Эдим в подражание Баба-трезвому, громко причмокивая, сосал кусочек сахара и держал стакан с чаем, оттопырив мизинец. В чайной было так накурено, что волосы Эдима насквозь пропитывались дымом и от них разило, как от пепельницы. Дома мать мальчика Айша хмурилась и сразу гнала его в ванную. Эдим повиновался с большой неохотой. Ему нравилось пахнуть табачным дымом – это позволяло чувствовать себя взрослым. Когда он однажды признался в этом отцу, Баба рассмеялся:

– Есть две вещи, которые превращают мальчика в мужчину. Первая – это любовь женщины. Вторая – ненависть другого мужчины.

Баба-трезвый объяснил, что те мужчины, которым знакома лишь любовь, становятся слишком мягкими и превращаются в слюнтяев, а сердца тех, кому знакома лишь ненависть, затвердевают подобно камню. Но тот, кому удалось испытать и то и другое, получает все необходимое, чтобы стать настоящим Стальным Клинком. Опытные мастера знают, что лучший способ закалить металл – сначала раскалить его на огне, а потом бросить в холодную воду.

– Мужчина подобен железу, сынок. Его нужно раскалить любовью и охладить ненавистью, – заключил Баба и смолк, давая сыну время усвоить урок.

Эдима очень беспокоило, что он до сих пор не испытал столь сильных чувств, но он скрывал свою тревогу. В тот же год у него впервые случился приступ астмы – болезни, которая слегка затихла в отроческие годы, но так никогда и не покинула его окончательно, преследуя всю жизнь.

Время от времени Баба-трезвый приносил домой отходы со скотобойни, расположенной поблизости, – обрезки мяса, кости и требуху. В таких случаях он одалживал у своего начальника автомобиль и вез всю семью на пикник с барбекю. Эдим и два его брата, устроившись на заднем сиденье, хвастались, сколько сосисок или телячьих ножек они могут съесть за один присест. Баба, сидя за рулем, рядом с женой, отпускал шуточки, а иногда, если он пребывал в особенно благодушном настроении, начинал петь. Песни он предпочитал печальные, но исполнял их на редкость жизнерадостно. Автомобиль, нагруженный кастрюлями, сковородками и скатертями, несся к холмам над Босфором, и сердца всех его пассажиров были наполнены радостью и весельем. Поблизости от места, где они обычно устраивали пикник, располагалось кладбище, и это им не слишком нравилось, но тут уж ничего нельзя было поделать. Так повелось в Стамбуле с незапамятных времен: мертвым отводят самые красивые места,

откуда открываются великолепные виды.

Выскочив из машины, мальчики подыскивали подходящее местечко в тени. Прежде чем разложить вещи, мать непременно читала молитву, испрашивая у тех, кто был здесь погребен, разрешения ненадолго потревожить их покой. К счастью, умершие всегда давали благоприятный ответ. После нескольких секунд напряженного ожидания Айша кивала, и тогда они расстилали покрывала и раскладывали подушки. Мать разжигала переносную плиту и принималась готовить мясо. Тем временем мальчики, одурев от счастья, носились вокруг, разоряя муравейники, охотясь за кузнечиками и играя в зомби. Соблазнительный запах жареного мяса наполнял воздух, и Баба потирал руки, предвкушая тот момент, когда откроет первую бутылку ракии.

Иногда он начинал медленно, постепенно набирая темп. Иногда срывался с места в карьер, один за другим осушая три стакана подряд. Впрочем, каким бы ни было начало, конечный результат всегда оставался неизменным.

Стоило Баба прикончить первую бутылку, в его поведении появлялись зловещие особенности. Он начинал хмуриться, бормотал под нос проклятия и бранил сыновей по таким ерундовым поводам, что уже через минуту никто не мог вспомнить, что именно вызвало его недовольство. Его раздражало буквально все: еда была слишком соленой, хлеб черствым, лед недостаточно холодным. Чтобы успокоить нервы, он открывал вторую бутылку.

К концу пикника, когда солнце клонилось к закату, чайки с криками носились над водой, а время, казалось, замирало, воздух был насквозь пропитан резким запахом аниса. Баба доливал в свой стакан воды, наблюдая, как прозрачная жидкость приобретает молочный оттенок, такой же мутный, как и его мысли. Через некоторое время он поднимался на шаткие ноги и, устремив печальный взгляд в сторону кладбища, произносил тост, обращенный к мертвецам.

– Вам здорово повезло, ребята, – говорил он. – Не надо больше выплачивать аренду, покупать бензин и кормить детей. Ваши жены при всем желании уже не смогут вас пилить. Ваши начальники уже не смогут вас уволить. Вы сами не знаете, какие вы счастливцы. – Могилы внимали этой речи, а ветер носил туда-сюда сухие листья. – Из праха мы пришли, в прах и уйдем, – провозглашал Баба.

Когда наставало время возвращаться домой, отец требовал, чтобы мальчики сели впереди, рядом с ним. И хотя они сидели тихо, как мыши, едва дышали и редко позволяли себе сказать хоть слово, приступ ярости все

равно был неминуем. Причиной могло быть все, что угодно: выбоины на дороге, отсутствующий дорожный знак, бродячая собака, выскочившая перед машиной, новости, которые передавали по радио. Этот новый глава русских, Хрущев, похоже, сам не знает, что делает. Видно, мозги у него совершенно протухли от водки – дрянного напитка, который не идет ни в какое сравнение с ракией. Насер слишком много ожидает от арабов, которые говорят на одном языке, но никогда не слушают друг друга. И почему только иранский шах не разведется со своей второй женой, которая явно не способна родить ему наследника?

– Что за бред! Этот мир катится к чертям!

Баба-пьяный на чем свет стоит ругал городские власти, мэра, политиков. Но, увы, лишь несколько счастливых минут его гнев был направлен на внешний мир, а не на собственную семью. Потом кто-то из сидевших в машине неизбежно совершал проступок, который провоцировал новую вспышку. Например, один из сыновей имел неосторожность резко шевельнуться, хихикнуть, икнуть, рыгнуть или пукнуть.

В тот день же Айша попросила мужа ехать помедленнее.

– Что это с вами творится? – осведомлялся Баба нарочито спокойным тоном, в котором, однако, таилась ярость. – Может, вы все же дадите мне спокойно вести машину? Или вы хотите вывести меня из себя? Вы этого хотите?

Ответом всегда бывало молчание. Мальчики смотрели на свои покрытые ссадинами коленки или же на муху, которая залетела в машину через открытое окно и теперь никак не могла выбраться наружу.

Баба повышал голос:

– Я вкалываю как проклятый! Каждый день! Каждый гребаный день! В лепешку разбиваюсь! Только для того, чтобы вас прокормить! Видно, все вы считаете меня мулом, который будет на вас пахать, пока не околеет!

Иногда кто-нибудь произносил: «Естагфурулах»^[6]. Но попытка утихомирить отцовский гнев была изначально обречена на неудачу.

– Вы кровопийцы, вот вы кто! Вампиры, сосущие мою кровь!

Отец отпускал руль, чтобы продемонстрировать свои запястья, тощие и желтые.

– Только крови у меня уже почти не осталось – видели? Интересно, что вы все будете делать, когда я сдохну?

– Прошу тебя, держи руль, – шептала жена.

– Закрой свой поганый рот! Или ты собралась учить меня водить машину?

Эдим против воли чувствовал острую жалость к отцу, который, несмотря ни на что, был в этой ситуации жертвой. Каждая клеточка его тела изнывала от раскаяния. Они опять провинились. Опять расстроили отца, хотя он просил их не делать этого. Как хотелось Эдиму утешить Баба, поцеловать его руку и пообещать, что они никогда больше не будут сосать его кровь.

– Разве я учу тебя варить чечевицу? – расхохотался Баба. – Разумеется, нет. Потому что это твое бабское дело, а не мое. А водить машину не твоего ума дело, женщина. Что ты понимаешь в машинах своей глупой башкой?

Как-то раз отец нажал на тормоза так резко, что автомобиль завертелся на дороге, как на льду, и ткнулся носом в клумбу всего в нескольких ярдах от канавы. Эдим открыл глаза, потрясенный непривычной тишиной – полной тишиной, которая воцарилась в машине после этого происшествия. В этой тишине он расслышал не только шорох ветра, но и малейшее колебание воздуха. Его старший брат Тарик держал себя за локоть, лицо его было искажено от боли, губы изогнулись для стога, который так и не сорвался с губ. Отец медленно открыл дверцу и выбрался наружу, его верхняя губа кровоточила. Он обошел машину и распахнул заднюю дверцу.

– Вылезай! – рявкнул он.

– Прошу тебя, не надо, – взмолилась бледная как смерть Айша.

– Я сказал – вылезай!

Баба схватил жену за руку, вытащил из машины и подтащил к капоту.

– Если ты так хорошо разбираешься в машинах, почини эту долбаную тачку! – скомандовал он.

На лице Айши не дрогнул ни один мускул. Баба пригнул ее голову к двигателю так, что она ударилась о железо лбом.

– Что? Ты не умеешь чинить машины?

Айша что-то пробормотала – так неразборчиво, что ни Эдим, ни его братья не смогли разобрать ни слова. Они слышали только, как Баба заявил:

– Тогда закрой рот на замок и не зуди мне под руку.

Совместными усилиями отец и два сына оттащили машину с клумбы. Тарик молча наблюдал за ними, баюкая свою сломанную руку. Мать стояла в стороне, глотая слезы. Всякий раз повторялось одно и то же. Каждый пикник начинался с радужных надежд, а завершался слезами и поломками.

Ночью Эдим с грустью убеждал себя том, что это другой Баба изрыгал ругань и проклятия, другой Баба в приступе ярости молотил кулаками по рулю, стенам и шкафам, по китайской горке с посудой, а когда этого оказывалось недостаточно, лупил ремнем всех, кто попадался под руку, а однажды так лягнул жену в живот, что она полетела с лестницы. Все это

делал не настоящий Баба, говорил себе Эдим. Эта мысль не облегчала боль и не избавляла от сосущего страха, но помогала на следующее утро взглянуть в глаза отцу, который успевал протрезветь и вновь стать любящим и любимым.

Клочок правды

Лондон, декабрь 1977 года

Артистическая гостиная располагалась за кулисами. Никто, кстати, не называл ее так – только Роксана. Ей одной нравилось считать эту холодную, тесную комнатку, насквозь пропахшую табачным дымом, тальком, духами и потом, комфортным местом отдыха артистов между выходами на сцену. Это не означало, что она считает артисткой себя. Когда требовалось, она находила другие названия своей профессии: танцовщица, исполнительница экзотических танцев, аниматор.

Время близилось к полуночи. Меньше чем через пятнадцать минут должна была наступить ее очередь выходить на сцену. В первой части она танцевала самбу. Роксана придирчиво осмотрела свой костюм, усыпанный серебряными блестками. Диадема с роскошными пунцовыми перьями, лифчик, расшитый стразами, серебристые брюки, из которых она выскальзывала в конце шоу, открывая на всеобщее обозрение крохотные шелковые трусики-стринги. С привычной легкостью она открыла несессер, где хранились косметические кисти и спонжи различной величины. Множество женщин пользовалось этими старыми, потрепанными причиндалами. Спонжи потемнели и стали ноздреватыми, как грибы, кисточки покрылись засохшими комьями туши, тени и румяна нескольких оттенков отсутствовали, их опустевшие гнезда тарацились на нее, как пустые глазницы. Например, отсутствовал бирюзовый оттенок, а также платиновый и цвета шампанского, который особенно любила Роксана. Пришлось воспользоваться аметистовым. Ладно, и так сойдет.

Она закончила макияж, покрасила губы стойкой персиковой помадой, поправила свой блестящий бюстгальтер, стараясь, чтобы груди, которые едва не вываливались из него, выглядели как можно пышнее. Удивительно, но в Англии никогда не говорят «груди». Каких только смешных слов здесь не придумают вместо этого: титьки, сиськи, даже «молокоохранилища».

Как-то раз она танцевала в отдельном кабинете для пожилого джентльмена, – по слухам, он был членом парламента от партии консерваторов и сделал состояние на торговле мехом – и он сказал:

– Потряси хорошенько своими буферами, крошка.

Она не сразу поняла, какую часть ее тела он имеет в виду.

За последние годы она здорово поднаторела в английском, хотя акцент

по-прежнему оставался сильным и сразу ее выдавал. Иногда она нарочно подчеркивала этот акцент, делая «р» более твердым и раскатистым, растягивая «у», обрубая «в». Если избавиться от акцента невозможно, пусть он бьет по ушам. Она будет говорить именно так, как должны, по мнению англичан, говорить русские, потому что всем своим знакомым Роксана сообщала, что приехала из России.

На самом деле она приехала из Болгарии. Но в Англии, особенно в Лондоне, где на улицах можно было услышать множество языков и наречий, люди мало что знали о ее родной стране. Балканы представлялись им причудливой формы пазлом, состоящим из множества кусочков, каждый из которых представлял собой загадку. Скажи Роксана кому-нибудь, что родом из Болгарии, ее собеседник ограничился бы тактичным кивком и не задал бы ни единого вопроса. Но стоило ей упомянуть, что она родилась и выросла в России, на нее обрушивался целый шквал вопросов. Это было интригующе и даже романтично – родиться в стране снега, водки, черной икры и, разумеется, вездесущих шпионов КГБ.

«Тому, кто пытается высоко взлететь, больно падать», – часто приходилось слышать ей. Но даже если это так, если в конце концов она разобьется вдребезги, если ее мечты окажутся несбыточными, игра стоит свеч, не так ли? Роксана создала себя сама. Она придумала себе имя (которое мужчины неизменно переделывали в Рокси), национальность, прошлое и историю, которую рассказывала всем, кто готов был ее выслушать. Правду о себе она прятала под слоями лжи, бесчисленными, как нижние юбки дам Викторианской эпохи. Но сама ни на минуту не забывала о том, кто она на самом деле: девчонка из крохотного болгарского городка, выдающая себя за русскую, танцовщица, которая отплясывает бразильскую самбу в стриптиз-клубе, расположенном в самом центре Лондона.

* * *

Роксана, в полной готовности, с боевой раскраской на лице, стояла за кулисами, скрытая ярко-красным занавесом, который не стирали, наверное, несколько десятилетий. Выглянув сквозь щелку, она увидела, что клуб набит до отказа. Еще одна горячая ночь. Завсегдатаи перемежались с новичками: холостяками, теми, кто собирался вот-вот связать себя узами брака, разведенными и мужьями, уставшими от семейной жизни. Здесь были белые, черные и желтые. Были старые и молодые, но преобладали

люди среднего возраста.

Она заметила его у стойки бара. Он медленно потягивал лимонад. Темноволосый турок, на лице которого застыло выражение бесконечного отчаяния. Этот тип носил унылые предчувствия, словно поеденный молью пиджак. Прежде она уже видела его в казино, куда ее пригласил один из владельцев-китайцев. Там она узнала его имя: Эдим. Она своими глазами видела, как он выиграл в рулетку уйму денег. Любой мужчина в подобном случае немедленно спускает все деньги до последнего пенни. Но этот явился на следующий день, снова сел за игру, ставил по крупному и проигрался в пух. Какая-то часть ее существа презирала его за глупость. Но другая восхищалась его смелостью и азартом.

С той поры он не пропускал ни одного шоу с ее участием и после выступления неизменно приглашал ее выпить. Был с ней очень внимателен, расспрашивал о прошлом, явно ожидая услышать самые мрачные признания. Единственный клочок правды, которым Роксана поделилась с ним, касался ее отца и его пристрастия к алкоголю.

– Да что ты?! – удивился он. – Значит, у наших стариков была общая проблема. Мой папаша умер от цирроза печени.

Роксана невольно сморщилась. Ее не интересовали грустные истории из жизни этого человека. Чужие печальные истории ей не нужны. Она предпочитала придумывать собственные истории, главное достоинство которых состояло в том, что они не имели ничего общего с действительностью.

Она постарается поскорее отделаться от этого зануды, скажет ему без околичностей, чтобы проваливал. Конечно, это его обидит, но так будет лучше – и для него, и для его семьи. Может, он снова станет верным мужем, хотя вряд ли. Когда мужчина утомляется от тоскливых будней и начинает шататься по стриптиз-клубам в надежде на романтическое приключение, путь домой ему заказан. Вернуться его может заставить только какая-нибудь сокрушительная катастрофа.

Страшная клятва

Лондон, октябрь 1977 года

Юнус был единственным ребенком в семье Топрак, который родился в Англии. По-английски он говорил свободно, по-турецки много хуже, курдского не знал вообще. Его каштановые волосы вились на концах, редкие веснушки на щеках и оттопыренные уши придавали ему мальчишеское обаяние. Голова у него была великовата, не вполне пропорциональна росту. Это оттого, что он слишком много думает, утверждала его мать. В зависимости от настроения и одежды, которую он носил, глаза Юнуса обладали способностью изменять свой оттенок. Иногда они напоминали цветом темно-зеленый лесной мох, иногда – листву мирта. Свое имя он получил в честь пророка Ионы, который имел склонность к дальним странствиям. Как известно, этот пророк, узнав, что Господь возложил на него обязанность возвестить людям истину, которую они не желали слышать, пустился в бега, рассчитывая увильнуть от своей великой миссии. В конце концов его проглотил кит, и в чреве чудовища Иона провел три дня и три ночи, одинокий и полный раскаяния.

Семилетний Юнус обожал слушать эту историю, лицо его светилось, когда он воображал утробу громадной рыбыны – темную, бездонную, влажную. Была еще одна причина, по которой суровое испытание, выпавшее на долю пророка, возбуждало его жгучее любопытство: подобно своему тезке Юнус предпочитал спастись от всех проблем бегством. Он убегал, если ему не нравилось в школе, убегал, если ему не нравилось дома. Стоило ему слегка заскучать, он вскакивал на ноги, готовый к очередному побегу. Несмотря на все усилия Пимби удержать сына дома, большую часть времени он проводил на улице и так хорошо изучил все закоулки и тупики Хакни, что мог показывать дорогу водителям такси.

Пимби часто повторяла, что все ее дети совершенно не похожи друг на друга, и это обстоятельство ставило ее в тупик. Юнус и в самом деле не походил ни на кого из членов своей семьи. Он был законченным интровертом, устремленным внутрь себя, и предпочитал любому обществу одиночество. Философ, мечтатель. Отшельник, живущий в невидимой пещере, способный видеть чудесное в самых обычных вещах и находить красоту повсюду. В то время как Искендер и Эсма постоянно кому-то завидовали, кем-то возмущались и с кем-то выясняли отношения, Юнус

жил со всеми в ладу и принадлежал лишь себе одному. Все прочие Топраки по разным причинам ощущали себя в Лондоне чужаками. Один лишь Юнус чувствовал себя вполне комфортно. Спрятавшись в свой внутренний мир, он хотел только одного: чтобы его не вытащили наружу. Он вполне мог бы счастливо провести жизнь в чреве кита.

Пимби считала, он получился таким, потому что слишком рано покинул материнскую утробу и не получил достаточно материнского молока. Юнус единственный из ее детей родился раньше срока и отказывался от груди так упорно, что его пришлось выкармливать искусственно.

– И видите, что получилось? Он словно стенкой от всех нас отгорожен, – жаловалась она.

В то время как Искендер мечтал завоевать власть над миром, а Эсма стремилась мир изменить, Юнус хотел совсем другого: понять этот мир. Этим все его амбиции исчерпывались.

* * *

Ранней осенью 1977 года именно Юнус первым заметил, что с матерью творится что-то неладное. Она стала задумчивой и отрешенной, а несколько раз даже забыла выдать ему карманные деньги. К тому же мать перестала следить за его питанием и больше не уговаривала его есть побольше, что, по мнению Юнуса, было чрезвычайно тревожным признаком. Раньше Пимби считала своим первейшим долгом накормить сына до отвала. Даже в день Страшного суда она сделала бы все от нее зависящее, чтобы он вознесся на небеса с полным желудком.

О себе Юнус ничуть не волновался – он всегда больше заботился о других. К тому же он нашел способ добывать больше карманных денег, чем когда-либо давала ему Пимби.

В нескольких улицах к северо-западу от его школы, на Мулинс-роуд, стоял некий дом. Просторный особняк Викторианской эпохи с крутой крышей, закругленным портиком и стрельчатыми арочными окнами, ныне покинутый всеми, кроме привидений, – так, по крайней мере, считали местные жители. Юнус обнаружил его во время одного из своих бесконечных странствий и выяснил, что, помимо привидений, здесь обитает молодежь. Панки, анархисты, нигилисты, пацифисты – в общем, неформалы всякого рода, социальные изгои и самые причудливые извращенцы. Разношерстный и пестрый сброд – впрочем, не слишком

пестрый, ибо красный и черный цвета явно преобладали над прочими. Никто из семьи Топрак не знал, каким образом Юнус свел знакомство с этой компанией. Так или иначе, маленький задумчивый мальчуган пришелся там ко двору. Его посылали с поручениями, когда все прочие были не в состоянии выйти на улицу или просто ленились сделать это. Хлеб, сыр, ветчина, молоко, шоколад, сигареты, папиросная бумага для самокруток... Вскоре Юнус уже знал, где все это можно купить как можно дешевле...

Иногда его просили доставить маленькие аккуратные пакетики, которыми снабжал молодежь некий азиат с суровым лицом, живший в десяти минутах езды на велосипеде от особняка на Мулинс-роуд. Этого поручения Юнус побаивался, хотя азиат всегда давал ему щедрые чаевые и не задавал никаких вопросов. В доме азиата все пропиталось отвратительным запахом – запахом разложения и болезни. Правда, такой же запах, иногда даже хуже, стоял в заброшенном особняке. Но все же там сквозь густую всепроникающую вонь пробивались ароматы цветов, пряностей, травы и листьев – ароматы жизни.

Деревянная лестница, ведущая на верхние этажи особняка, так расшаталась и прогнила, что каждый раз, когда кто-то поднимался или спускался по ней, казалось, она вот-вот рухнет. Межкомнатные двери на первом и втором этажах захватчики разобрали, устроив себе просторные спальни: даже ванны они использовали как кровати. Третий этаж они называли агорой. Здесь обитатели особняка, подобно древним грекам, собиравшимся на площади в центре города, устраивали дискуссии, дебаты и подчас решали спорные вопросы путем голосования.

В агору сволокли почти всю сохранившуюся в доме мебель: антикварные лампы, кресла, стулья, среди которых не нашлось бы и двух парных, диваны, во многих местах прожженные сигаретами. На полу лежал пунцовый восточный ковер. Никто не знал, как он здесь очутился. Местами потертый, он все еще был в приличном состоянии и, несомненно, являлся самым ценным предметом обстановки. Повсюду громоздились пирамиды книг, кипы журналов и фанатских буклетов, батареи невымытых кофейных кружек и стаканов из-под вина, на полу валялись пачки с недоеденным печеньем и зачерствевшими бисквитами, губные гармошки. Здесь же валялся сломанный кассетный магнитофон, который никто не собирался чинить. Все здесь принадлежало всем и одновременно не принадлежало никому.

Численность обитателей дома никогда не бывала постоянной. Это Юнус понял во время своего второго визита, встретив множество новых

лиц и не найдя тех, с кем он познакомился в прошлый раз.

– Этот дом вроде здорового корабля, – с усмешкой объяснил один из парней. – Да, именно корабля, на котором все мы плывем в неизвестность. По пути некоторые пассажиры выходят на берег, а другие поднимаются на борт.

Волосы у парня были выкрашены в желто-канареечный цвет и торчали в разные стороны, словно языки пламени. Можно было подумать, на голове у него горит костер.

– Да, это наш Ноев ковчег, – подхватила юная ирландка с миндалевидными глазами, иссиня-черными волосами и ослепительной улыбкой. Она повернулась к Юнису и представилась: – Привет. Меня зовут...

Но Юнус не расслышал, как ее зовут. Ни тогда, ни потом. Словно зачарованный, он смотрел на кольцо в ее нижней губе, сережки в бровях и в носу, на татуировки, сплошь покрывавшие ее руки, плечи и грудь. Заметив его изумление, девушка предложила ему подойти поближе и показала ему самые примечательные из своих татуировок, словно коллекционер, который знакомит гостя со своим собранием картин.

На левой руке выше локтя у нее был изображен лучник, потому что она родилась под знаком Стрельца. А для того чтобы стрелок не чувствовал себя одиноким и несчастным, рядом с ним красовался ангел с золотой лютней в руках. Огромный лотос раскинул свои лепестки по обоим ее плечам, корни его тянулись по спине до самой поясницы. На правой руке красовалась цветущая роза, под которой была выведена надпись: «Тобико».

– А это что?

– Это длинная история, – пожала плечами девушка.

– А моя сестра говорит, длинных историй нет в природе. Есть только короткие истории и те, которые мы почему-то не хотим рассказывать.

– У-у, прикольно. А чем занимается твоя сестра?

– Хочет стать писательницей. Собирается писать романы, где никто не будет влюбляться. Говорит, любовь – это для дураков.

Девушка расхохоталась. Потом рассказала ему историю своей татуировки. Прежде на запястье у нее было выведено имя Тоби. Так звали ее бойфренда. Он был музыкантом и никогда не просыхал. Но она все равно его любила. Однажды она сказала ему, что беременна, хотя это было неправдой – ей просто хотелось увидеть его реакцию. Когда мужчины узнают подобную новость, их реакция бывает непредсказуемой. Они обнажают свою скрытую суть – нежные и ласковые внезапно становятся жестокими, а бесчувственные отморозки неожиданно проявляют

понимание и сердечность и ведут себя как настоящие дзен-буддисты.

– И как же отреагировал твой бойфренд?

– Как последняя гнида.

Тоби с ходу выразил сомнение в том, что это его ребенок. Но даже если она залетела от него, сказал он, надо избавиться от этой фигни как можно скорее. После этого она его бросила, хотя решиться на такой шаг было нелегко. Что касается татуировки, вывести ее практически невозможно, а если попытаться, наверняка останется шрам. Она ничего не имеет против шрамов, – в конце концов, это часть жизни, – но не желает оставлять на теле воспоминание об этом ублюдке. Поэтому она сходила в тату-салон и попросила переделать «Тоби» на «Тобико».

– Круто. А что значит это слово?

– О, это классная японская жратва. Яйца летающей рыбы.

– Яйца летающей рыбы, – шепотом, как заклятие, повторил Юнус. Он представил себе, как из воды выскакивают десятки летающих рыбин и, посверкивая чешуей, летят в сторону заходящего солнца. Юнус, мальчик, названный в честь пророка, сумевшего выйти живым из чрева кита, впервые в жизни влюбился.

С того дня он при малейшей возможности отправлялся в дом на Мулинс-роуд. Обитатели заброшенного особняка ничего не имели против присутствия мальчугана, даже если никаких поручений для него не находилось. Он усаживался рядом с Тобико и ловил каждое ее слово, хотя редко мог принять участие в разговоре. Безработица, ложное сознание, права трудящихся, социальная справедливость, культурная гегемония... Юнус усвоил, что если ты находишься вне капиталистической системы, то практически не имеешь шансов изменить ее. Но если ты станешь частью этой системы, она разрушит твою душу. Как же внедриться в это гребаное мироустройство и в то же время сохранить свою независимость? Юнус старательно напрягал мозги, прихлебывая обжигающий чай. Но найти хоть сколько-нибудь вразумительный ответ ему так и не удалось.

По ночам Юнусу снилось, что старый особняк плывет по морю, которое сливается с небом, где парят чайки. А все его друзья, жители дома-ковчег, плещутся в воде абсолютно голые, веселые и беззаботные, как русалки. Тобико тоже здесь. Она стоит на выступе морской скалы, ее длинные волосы развеивает ветер, и она машет ему, сияя от счастья. Юнус машет ей в ответ и плывет, рассекая голубую гладь. Солнечные лучи греют его лицо, мускулы слегка ноют от напряжения.

Утром он просыпался на мокрых простынях.

Обитатели особняка редко занимались стряпней. Единственное блюдо, которое они готовили, называлось «чили кон карне» и представляло собой смесь мясного фарша, консервированных томатов и фасоли. Обед обычно состоял из печенья, шоколада, яблок, бананов и пирогов, срок годности которых близился к концу. Когда на Тобико находило боевое настроение, она пекла изумительные лепешки, пуская в дело все, что находилось в кухне, и щедро добавляя в тесто гашиш.

Муниципальный совет Хакни давно уже собирался выселить незаконных обитателей дома, чтобы отремонтировать здание и продать его за хорошую цену. Между неформалами и представителями власти шла упорная война. Узнав, что умельцы сумели подключить особняк к электросети, власти положили этому конец. После этого во всех комнатах зажглись свечи и масляные лампы, бросавшие на стены причудливые тени. Туалет постоянно засорялся, и по всему дому распространялось зловоние. Юнус никак не мог взять в толк, что удерживает здесь Тобико. Если бы он был взрослым, имел работу и собственную квартиру, то предложил бы ей переехать к нему. Но она, возможно, позвала бы Капитана, а Капитан притащил бы с собой всю банду, потому что он лидер, а лидеру нужны те, кто идет за ним. И через несколько дней его квартира ничем не отличалась бы от дома-ковчега.

Парень, которого все называли Капитаном, был долговязым и тощим, как ивовый прут. Длинные волосы падали ему на лицо, почти закрывая серые, жесткие, как кремь, глаза. Зубы его пожелтели от табака, на всех пальцах, даже на больших, он носил по кольцу. Он привык говорить вслух все, что приходит в голову. Рассуждать он любил больше всего на свете, его хрипловатый голос дрожал от страсти, когда он разглагольствовал на какую-нибудь волнующую тему, а слушатели внимали ему, как замороженные. Именно Капитан прозвал Юнуса чуркой. Мальчик никогда прежде не слышал этого слова, и оно ему не понравилось.

– Не переживай, – сказала Тобико, когда Юнус поделился с ней своей обидой. – Он не имел в виду ничего плохого. Капитан ведь не расист какой-нибудь. Нельзя одновременно быть расистом и антифашистом – верно?

Юнус в ответ лишь озадаченно моргал.

– Конечно, он любит навешивать на людей ярлыки, – продолжала Тобико. – Но лишь для того, чтобы для себя расставить всех по местам. Так уж он устроен.

– Моя сестра, Эсма, тоже любит слова, – вставил Юнус, прекрасно сознавая, что более глупое замечание трудно придумать.

– Капитан не любит слова, – улыбнулась Тобико. – Он занимается с ними любовью.

Наверное, на лице мальчика одновременно отразились зависть и уныние, потому что Тобико внезапно прижала его к себе и поцеловала в лоб.

– Ох, милый, как было бы здорово, будь ты лет на десять постарше! – воскликнула она.

– Я буду, – уверенно заявил Юнус, зардевшийся до ушей. – Через десять лет.

– Зайка, через десять лет я превращусь в старую морщинистую каргу, – рассмеялась Тобико и взъерошила ему волосы. Это был ее любимый жест, а Юнус его ненавидел, хотя сам себе в этом не признавался.

– Хорошо, тогда я вырасту быстрее, – пообещал Юнус.

– О, кто бы в этом сомневался. Ты уже и сейчас самый взрослый маленький мальчик, которого я когда-либо знала.

И она снова поцеловала его, на этот раз в губы. Поцелуй был легким и влажным. Юнусу показалось, что его губ коснулись дождевые струи.

– Всегда оставайся таким, какой ты сейчас, – прошептала Тобико. – Никогда не становись винтиком этой гребаной системы.

– Хорошо.

– Дай мне слово, что не будешь меняться. Нет... подожди. Поклянись чем-нибудь, что для тебя важно.

– Коран сгодится? – застенчиво спросил Юнус.

– Вполне.

В тот день семилетний Юнус, сердце которого билось, как пойманная птица, а губы отчаянно дрожали, поклялся Аллаху, что никогда не станет винтиком гребаной капиталистической системы, хотя совершенно не понимал, о чем идет речь.

*

Тюрьма Шрусбери, 1990 год

Наконец-то он прибыл. Плакат с портретом Гарри Гудини. Человека, которого было невозможно заковать ни в цепи, ни в кандалы. Человека,

способного убежать из любой тюрьмы. Моего кумира. Это один из его ранних снимков. Черно-белая фотография, точнее, черно-бело-серая. Гудини на ней совсем молодой. Тонкий, как проволока, маг с высоким лбом и взглядом, который проникает внутрь тебя. Рукава смокинга закатаны, и видно, что запястья сковывают не меньше дюжины наручников. На лице ни малейшего следа страха, лишь выражение рассеянной задумчивости. Можно подумать, он погружен в какую-то сладкую мечту.

Я прикрепил плакат на стену. Триппи, увидав его, ухмыляется. Моего сокамерника зовут Патрик, но этого уже никто не помнит. Всякий раз, когда его что-нибудь поражает – а это случается достаточно часто даже в таком тоскливом месте, как тюрьма, – он восклицает: «Триппер мне в задницу!» Отсюда и прозвище.

Триппи моложе, чем я, и малость ниже ростом. Кожа у него желтая, на макушке проглядывает лысина, зато ресницы просто шикарные, а глаза темно-карие. Несмотря на его зрелый возраст, мать Триппи считает своего сыночка невинным дитятей, попавшим в дурную компанию. Так считают почти все матери, и обычно это полная хренотень. Но Триппи – исключение. Славный паренек из Стаффорда действительно связался с какими-то подонками. Потом подонки сумели отмазаться, а Триппи впаяли десятку. Подобные штуки в порядке вещей. Настоящие отморозки умеют выходить сухими из воды. А те, кто только строит из себя отморозка, получают по полной. Что ж, они это заслужили. Я так считаю: разыгрывать из себя отморозка куда хуже, чем быть им на самом деле.

Триппи напоминает мне младшего брата, Юнуса, хотя я никогда не говорю ему об этом. По Юнусу я скучаю сильнее всего. Я никогда не был ему хорошим братом. Когда я был ему нужен, мне было не до него – я вел свою битву, обреченную на поражение.

Сейчас Юнус стал большим человеком. Он талантливый музыкант. По крайней мере, так говорят. За двенадцать лет он приезжал ко мне всего два раза. Эсма приезжает до сих пор, хотя ее тоже уже давно не было. Во время наших свиданий она всякий раз начинает разглагольствовать о том, как сильно она по мне скучает, как сильно меня жалеет и как сильно ненавидит. Именно в таком порядке, как я перечислил. А Юнуса я не видел много лет. Он перегрыз веревку и пустился наутек. Он всегда так делал. Самые горькие упреки Эсмы задевают меня меньше, чем нежелание младшего брата со мной встречаться. Мне бы очень хотелось, чтобы он простил меня. Простил бы от всего сердца. Конечно, я понимаю, что он не может меня любить. Об этом и мечтать

нечего. Но если бы он меня простил, это было бы лучше для него самого. Злоба – сильный токсин, способный вызвать рак. Люди вроде меня привыкли исходить злобой, но Юнус заслуживает лучшего.

– Что это за чувак? – спрашивает Триппи, указывая на плакат.

– Он был великим магом. Лучшим фокусником на земле.

– Правда?

– Правда. Секреты некоторых его фокусов до сих пор не раскрыты.

– Он заставлял людей растворяться в воздухе?

– Не только людей, но даже слонов.

– Триппер мне в задницу!

Весь день мы говорим о Гудини, так что головы у нас вспухают от историй, а у Триппи еще и от наркоты. Я тоже иногда не прочь выкурить косячок-другой. Но никаких таблеток мне на фиг не нужно. Тем более я не собираюсь подсаживаться на иглу. В жизни этим не баловался и не собираюсь начинать. От этой дряни мигом склеишь ласты. Когда я говорю Триппи, чтобы кончал себя гробить, он посасывает большой палец и заявляет: «Я не грудной младенец!»

– Заткнись лучше!

Триппи в ответ усмехается, словно капризный ребенок. Что взять с человека, у которого мозги прокисли от наркоты. Но он никогда не позволяет себе слишком зарываться. Триппи знает, он единственный, кто может позволить себе разговаривать со мной в подобном тоне. И знает, что мое терпение имеет свой предел.

Вечером в нашу камеру приходит охранник по имени Мартин в сопровождении какого-то увальня, которого мы никогда раньше не видели. Я замечаю, что у парня ямочка на подбородке, а волосы такие черные, словно он их красит.

– Офицер Эндрю Маклаглин сегодня приступил к своим обязанностям, – сообщает Мартин. – Мы совершаем обход камер.

Мартин скоро уходит на пенсию и хочет, чтобы мы прониклись уважением к его преемнику. В воздухе висит молчание, потому что никто из нас не знает, что надо говорить в таких случаях. Тут взгляд Мартина падает на плакат, висящий на стене.

– Это кто повесил? – спрашивает он и, не дожидаясь ответа, поворачивается ко мне. – Наверняка ты!

Мартин – паршивый актер. Он уже видел этот плакат. Если бы он не дал разрешения, я никогда не выписал бы его по почте. Но сейчас он делает вид, что для него это новость. Наверное, хочет показать новичку, что, несмотря на свой преклонный возраст, не упускает из виду ни единой

мелочи. Начинает разглагольствовать о том, что за годы службы насмотрелся на всякие фотки. Чьих только портретов арестанты не вешают на стены – тут и жены, и дети, и кинозвезды, и футболисты, и игроки в крикет. Некоторые вешают иконы, другие – голых красоток из «Плейбоя». Но портрет Гудини – это круче всего.

– Похоже, ты малость спятил, – хихикнув, предполагает Мартин.

– Не исключено, – соглашаюсь я.

Офицер Маклаглин подходит ко мне поближе и принюхивается, словно охотничья собака, берущая след.

– Может, он планирует побег? – замечает он. – Гудини был большим мастером внезапных исчезновений.

И как он только до этого додумался? Я чувствую, как на висках у меня пульсируют жилки.

– С чего это вы взяли?

– Да? – спрашивает Мартин, и взгляд его внезапно становится жестким. – Зачем ему бежать?

Он поворачивается к новому охраннику и поясняет:

– Алекс поступил к нам в тысяча девятьсот семьдесят восьмом году. Ему осталось всего два года до окончания срока.

– Год и десять месяцев, – уточняю я.

– Именно так, – кивает Мартин.

На лице его, как обычно, соперничают два чувства: отвращение и уважение. Отвращение я заметил с самого первого дня нашего знакомства. Какое еще чувство можно испытывать к человеку, который совершил худшее из всех возможных преступлений и самым паршивым образом распорядился своей жизнью, дарованной Богом? Уважение появилось намного позднее, совершенно неожиданно. После того, как мы много лет прожили бок о бок и хорошенько друг друга узнали.

Но лицо офицера Маклаглина ни малейшего уважения не выражает.

– Я помню ваше дело, – бесцветным голосом говорит он. – В свое время читал о нем в газетах и никак не мог понять, как человек мог совершить такое. Убить собственную мать!

До меня доходит, что мы ровесники. И не только ровесники. У нас, если можно так выразиться, общий исходный материал. Мы болтались по одним и тем же улицам, целовали одних и тех же девчонок. Меня охватывает странное чувство – словно я гляжусь в кривое зеркало. Маклаглин – это тот, кем я мог бы стать, пойдя я другим путем. А я тот, кем мог бы стать он, если бы не сумел увернуться от подобной судьбы.

– Вам ведь дали четырнадцать лет – верно? Какой позор! – произносит Маклаглин.

Мартин недовольно откашливается. Не следует напоминать заключенному о его преступлении мимоходом, словно это такая же подходящая тема для непринужденной болтовни, как погода. На разговоры о прошлом наложен строжайший запрет, да и в разговорах этих нет ни малейшей надобности. Если ты сидишь в тюрьме, ты и так находишься в плену у собственного прошлого.

– За последние годы Алекс сильно изменился, – сообщает Мартин тоном гида, который знакомит туристов с местными достопримечательностями. – У него был тяжелый период, но он сумел его преодолеть.

Славный старина Мартин. Восхищаюсь его оптимизмом. Честно говоря, я был в аду. И он прекрасно знает, так же как и Триппи, так же как и призрак моей матери, что в этом аду я пребываю и по сей день.

Репутация в этом заведении у меня прежде была ужасная. Думаю, и сейчас она не лучше. Я легко выхожу из себя. Невозможно предугадать, какая ерунда доведет меня до бешенства. Я и сам этого не знаю. Иногда меня переключивает без всякой причины. Если я пускаю в ход кулаки, лучше не подворачиваться под мой удар левой. Иногда у меня просто сносит крышу, и после я не могу вспомнить, что натворил. Обычно так ведут себя наркоманы. Когда у них кончается дурь и начинается ломка, они становятся неуправляемыми. Но я-то ведь не наркоман. И это делает мои приступы ярости особенно страшными. Ведь я бешусь на трезвую голову. Мне хочется причинить себе боль. И я бьюсь головой об стену. Словно хочу выбить оттуда все, что там накопилось. Я тушу сигареты о собственные ладони, и они распухают, как подушки. Я кромсаю лезвием собственные ноги. Отрезаю от них куски мяса. Удивительно, сколько мяса нарастает у человека на ногах. На голених, на бедрах. Так что работы хватает. В Шрусбери лезвие ценится дороже бриллианта, но все же достать его можно.

– У вас обоих будет возможность узнать друг друга получше, – говорит Мартин.

– Конечно будет, – кивает офицер Маклаглин.

Триппи с тревогой наблюдает за нами. Он понимает, что происходит. Множество раз видел подобные дела. Если охранник невзлюбит кого-нибудь из заключенных, бедолаге не позавидуешь. Наше с Маклаглином знакомство не предвещает ничего хорошего.

Мартин вновь пытается разрядить обстановку.

– Алекс – прекрасный боксер, – сообщает он, по-прежнему подражая гиду. – Он и сейчас в прекрасной форме. А когда учился в школе, завоевал медаль на боксерских соревнованиях.

Трудно сморозить большую глупость в мою защиту. Неудивительно, что никто не рассмеялся. Но я все равно признателен Мартину за поддержку. Хочу поблагодарить его хотя бы взглядом, но не могу. Отвести глаза от молодого офицера, хотя бы на долю минуты, означает признать свое поражение.

Этот тип должен понять, что меня на испуг не возьмешь. С тех пор как я последний раз позволил страху одержать над собой верх, прошло больше двадцати лет. Тогда я был сопливым мальчишкой и жутко испугался обрезания. Попытался бежать, но это не помогло. С тех пор я никогда не даю слабину. Может, я бываю неправ. Чертовски неправ. Но никогда не сдаюсь. Поэтому я тарашусь на него, не отводя глаз. Не мигая. А офицер Маклаглин тарашится на меня. Наверное, по тем же самым гребаным причинам.

А потом они оба уходят.

* * *

Я внезапно просыпаюсь посреди ночи. Поначалу мне кажется, что призрак матери явился вновь. Но нет, я не ощущаю ее присутствия. Не слышу звука, похожего на шорох сухих листьев, не вижу легкого свечения, напоминающего лунные блики. Лишь Триппи храпит, пердит и скрипит зубами во сне, сражаясь с полчищами демонов.

Я сажусь и оглядываюсь по сторонам, пытаюсь понять, что меня разбудило. И наконец вижу. На полу лежит газета. Кто-то просунул ее сквозь зарешеченное оконце в дверях. В тусклом свете, проникающем из коридора, я поднимаю газетный листок. Это вырезка из «The Daily Express».

Подросток убил свою мать, защищая «семейную честь». 2 декабря 1978 года.

Шестнадцатилетний подросток турецко-курдского происхождения, проживающий в Хакни, нанес своей матери смертельный удар ножом, защищая семейную честь. Искендер Топрак убил Пимби Топрак возле дома на Лавендер-гроув, где жила семья.

Как стало известно, тридцатитрехлетняя мать троих детей имела

внебрачные отношения с мужчиной. По словам соседей, в последнее время Эдим и Пимби Топрак не жили вместе, хотя их брак не был расторгнут. «Если отец семейства отсутствует, старший сын берет на себя обязанность охранять честь семьи, а Искендер был старшим», – сообщил один из свидетелей трагедии. Сейчас полиция выясняет, действовал ли подросток, который до сих пор находится на свободе, по собственной инициативе, или же прочие члены семьи, разработав план возмездия, использовали Искендера как орудие.

Представитель Скотленд-Ярда сообщил «Таймс», что подобный случай не первый и не последний в Великобритании и Европе. В настоящий момент полиция расследует 150 убийств, связанных с вопросами семейной чести.

«Полагаю, что на самом деле число таких убийств значительно больше, так как далеко не все случаи попадают в поле зрения полиции, – сказал представитель Скотленд-Ярда нашим корреспондентам. – Часто семьи ухитряются скрыть произошедшую трагедию. Жертву объявляют уехавшей в неизвестном направлении, все следы замечаются».

«Диаспоры, где семейная честь ценится значительно дороже, чем человеческая жизнь, растут как раковая опухоль и представляют огромную опасность для современного общества», – утверждает представитель Скотленд-Ярда.

У меня так трясутся руки, что газетный листок выскальзывает из пальцев, словно подхваченный ветром. За сигарету я отдал бы полжизни. Или за глоток виски. Крепкого виски, отшибающего мозги. Мой отец знать не знал, что мы с парнями частенько баловались пивом и сидром. Виски, правда, никогда себе не позволяли. Виски – это высшая лига. Я впервые попробовал виски здесь. В тюрьме можно получить все, что угодно, если знать правильные подходы.

Я поднимаю листок, складываю вдвое, загибаю уголками в середину. Квадрат, два треугольника, прямоугольник... Через несколько секунд в руках у меня бумажный кораблик. Я опускаю его на пол. Жаль, что здесь нет воды, чтобы он отправился в плавание. Нет ветра, чтобы раздуть его паруса. Поэтому кораблик недвижим. Он всегда будет здесь. Как и боль, сдавившая мне грудь.

Искендер Топрак

Эсма

Лондон, декабрь 1977 года

Мы жили в Хакни, на улице, которая называлась Лавендер-гроув. Мама была до крайности разочарована, выяснив, что название улицы совершенно не соответствует истине и лаванда здесь не растет и никогда не росла. Она не расставалась с надеждой найти хоть один куст лаванды – может, в чьем-нибудь саду или на клумбе. Мечтала полюбоваться нежно-лиловым ковром.

Мне нравилась улица, нравился район. Парикмахерские, где плели африканские косички, ямайские кафе, еврейские булочные, прилавки с фруктами, которыми торговал мальчишка из Алжира. Он ужасно смешно произносил мое имя и всякий раз вручал мне какой-нибудь маленький подарок. За углом жили нищие музыканты, которые каждый день репетировали с открытыми окнами, благодаря чему я имела возможность познакомиться с музыкой Шопена, хотя понятия не имела о том, кто это такой. Художник, который работал на рынке на Ридли-роуд, готовый нарисовать портрет всякого, кто выложит за это десять шиллингов, однажды нарисовал мой совершенно бесплатно, за одну лишь улыбку. В общем, здесь царил смешение национальностей, рас и религий.

Прежде чем перебраться сюда, мы жили в Стамбуле. Там мы с Искендером провели первые годы детства, но теперь мне кажется, это было не только в другой стране, но и в другой жизни. В мае 1970 года, незадолго до рождения Юнуса, мы переехали в Англию. Память нашей матери, как и у всех эмигрантов, была избирательна. Когда она вспоминала о прошлом, воображение ее рисовало исключительно приятные картины: теплое солнце, горы пряностей на рыночных прилавках, запах моря, приносимый ветром. Покинутая родная страна оставалась для нее частью земного рая, Шангри-Ла, убежищем, куда она всегда может вернуться, если не в реальности, то хотя бы в мечтах.

Мои воспоминания были не только радужными. Уверена, дети и родители хранят в памяти разные эпизоды жизни. Возвращаясь мыслями к нашей квартире в подвале старого дома, я вспоминала мебель, обтянутую голубой тканью, круглые вышитые салфеточки на кофейном столике и кухонных полках, заросли плесени на стенах, окна, выходящие на тротуар. Я помню, что в нашем полутемном жилище всегда хрипло орало радио, а в

воздухе ощущался запах гниения.

Когда мы жили там, я была совсем крохой. Целыми днями сидела на ковре и, открыв рот, таращилась на окна, расположенные под самым потолком. Я видела только множество человеческих ног, снующих туда-сюда. Люди спешили на работу, в магазин или просто прогуливались.

Это была наша любимая игра – наблюдать за ногами прохожих и пытаться угадать, кто они, куда и зачем идут. Мы играли в нее втроем: я, Искендер и мама. Например, мы видели пару изящных лакированных туфель, которые передвигались легко и быстро, весело цокая по мостовой высокими каблучками.

– Думаю, эта девушка идет на свидание с женихом, – предполагала мама и тут же рассказывала увлекательную историю любви, преодолевающей все препятствия. Искендер тоже был мастером в этой игре. Увидав пару грязных поношенных мокасин, он мог моментально измыслить историю о бедолаге, который давно уже мается без работы и дошел до такого отчаяния, что теперь идет грабить банк, расположенный за углом. Только ничего у него не выйдет, завершал свой печальный рассказ Искендер. Его застрелит охранник.

Солнце в наш подвал не проникало, а вот дождевая вода туда попадала в изрядных количествах. Мелкий морозящий дождь не представлял для нас угрозы, но стоило зарядить настоящему ливню, водосточные трубы в доме быстро переполнялись и дальняя комната нашей квартиры, служившая чем-то вроде кладовой, превращалась в мутное темное озеро. Деревянные подносы, бамбуковые корзинки, рамы для картин были отличными пловцами. Железные противни, разделочные доски, чайники, пестики и ступки ожидала более печальная участь – они не умели плавать. Стеклянная ваза, стоявшая на столике, моментально шла ко дну, а пластиковые цветы весело покачивались на поверхности воды. В дальней комнате хранился скребок, которым чесали спину... Мне всегда хотелось, чтобы он тоже утонул, но он этого не делал.

Родители постоянно твердили, что нам нужно сменить квартиру. Но даже если бы им удалось собрать деньги и отыскать в нашем бедняцком районе более солнечный подвал, не было никакой гарантии, что его не затопит при первом же проливном дожде, которыми славится Стамбул. К тому же за годы, проведенные в этой квартире, они не только привыкли, но и привязались к ней. Дом, пусть сырой и темный, но это все-таки был дом.

Стамбул... За свою жизнь я запомнила названия великого множества городов, но медленный водоворот моей памяти вновь и вновь выносит на поверхность именно это слово. Произнося его, я ощущаю, как оно

перекачивается на языке, и тихонько, с наслаждением посасываю его, словно леденец. Если сравнить с конфетой Лондон, то он, по-моему, напоминает сливочную ириску – сладкую, жестковатую, вполне традиционную. А вот Стамбул – это, несомненно, вишнево-лакричный леденец, смесь несовместимых вкусов, превращающая кислое в сладкое и сладкое в кислое.

* * *

Мама начала работать вскоре после того, как отец спустил в казино сумму, равную двум его месячным зарплатам. Деньги были нам нужны как никогда. Пока Искендер был в школе, мама ходила по домам богатых людей, нянчила их малышей, готовила еду, мыла посуду, убирала, гладила и в дополнение ко всему зачастую служила хозяйкам плечом, на котором они выплакивали свои горести. Я оставалась на попечении соседки, старухи, которая плохо слышала, ужасно любила поболтать, но была очень добродушной и славной.

По вечерам, в качестве сказки на ночь, мама рассказывала нам о жизни обитателей богатых особняков, где у каждого ребенка есть своя комната, а мужья придерживаются столь современных воззрений, что предлагают своим женам выпить вместе с ними. Как-то раз она видела, как молодые супруги, поставив на проигрыватель пластинку с джазовой музыкой, принялись танцевать. Это зрелище показалось ей чрезвычайно непристойным, главным образом потому, что оба они топтались по ковру в обуви. С тех пор мама укрепилась в убеждении, что все богатые были малость чокнутыми. Будь у них все в порядке с головой, рассуждала она, они не стали бы бросать в стаканы с выпивкой оливки, протыкать кусочки сыра зубочистками, прежде чем отправить их в рот, и портить грязными башмаками дорожные ковры.

Несколько месяцев мама ходила из дома в дом, а потом нашла постоянную работу. Ее хозяйка оказалась известными людьми. Хозяйка, актриса, только что родила первого ребенка, девочку. Что касается ее мужа, мы так никогда и не выяснили, где он работает, знали только, что он очень занят и постоянно находится в разъездах. Мама должна была вести хозяйство и заботиться не только о малышке, но и о молодой матери, которая не слишком успешно справлялась со своей новой ролью. Ребенок постоянно страдал от колик в животе, к тому же обладал капризным нравом и плакал практически без умолку. Мать девочки плакала не меньше, а

может быть, даже больше. Она была очень красива: миндалевидные глаза, иссиня-черные волосы, точеный нос, изящные руки, под белоснежной кожей которых проглядывали тонкие голубые жилки. Если бы поклонники увидели ее заплаканной, с распухшим носом и покрасневшими глазами, они наверняка пришли бы в ужас. Но маму переполняло сочувствие к этой женщине, постоянно пребывавшей в тревоге и унынии.

Старуха, которая за мной присматривала, заболела, и маме пришлось брать меня с собой на работу. Пока я играла в одиночестве, мама трудилась не покладая рук, а улучив момент, потихоньку разбрасывала вокруг кровати хозяйки семена кардамона, дабы защитить ее от джиннов. Когда наступал вечер и на город опускались сумерки, мы садились сначала в автобус, потом в долмаш^[7] и возвращались домой. Так прошел месяц. Мама каждый день ожидала, что хозяева наконец расплатятся с ней, но они словно забыли об этом, а она была слишком застенчива, чтобы напомнить им о деньгах.

Однажды, когда мама готовила, а я играла под столом, на кухню явился хозяин, муж актрисы. От него исходил слабый, но ощутимый запах лосьона после бритья и виски. Глаза его были налиты кровью, и в них плясали какие-то странные огоньки. Не заметив меня, он подошел к маме и обхватил ее за талию.

– Тише, – прошептал он и закрыл ей рот ладонью. – Они спят.

«Они спят. Нас никто не увидит. Они спят. Так что мы можем тоже отправиться в постель. Я куплю тебе много красивых вещей. Платья, туфли, сумочки, золотые сережки... Ты хорошая женщина. Сердце у тебя доброе. Прошу, пожалей меня. Жена никогда не узнает. И твой муж тоже. Все спят. Не подумай, что я какой-нибудь мерзавец. Но я мужчина, и мне требуется то, что нужно всякому мужчине. Моя жена больше не возбуждает меня. С тех пор как у нее появился ребенок, она превратилась в слезливую клушу. Все спят, и никто ничего не узнает».

Мама оттолкнула его; он был так пьян, что не оказал никакого сопротивления. Беспомощно взмахнув руками, он отлетел в сторону, точно тряпичная кукла. Мама одной рукой схватила меня, другой сумочку и вылетела в коридор. Но тут она вспомнила, что у нее нет денег даже на дорогу домой.

– Господин... – выдавила она из себя. – Вы не заплатили мне за месяц работы.

Он встал в дверях, слегка пошатываясь.

– Ты хочешь денег? – На лице его отражалось величайшее изумление.

– Я проработала у вас больше месяца и не...

– Ты грубо обошла со мной и в довершение хочешь получить

деньги? – перебил он, словно ушам своим не веря. – Ну и наглость!

Мы с мамой вылетели из дома. Доехав на автобусе до привычной остановки, остаток пути до дома мы решили пройти пешком. В глазах у мамы стояли слезы, и она не видела, куда несут ее ноги. Постепенно мы оказались в лабиринте незнакомых улиц, ведущих неведомо куда. На улице стемнело. Неожиданно мы вышли на берег моря в том месте, где никогда прежде не бывали. Волны разбивались о громадные черные камни, гряда которых тянулась вдоль кромки воды. Мы долго сидели на камнях, отдыхали и смотрели на огни большого города, совершенно равнодушного к нашим несчастьям.

Заметив среди гальки маленькие морские раковины, я встала и принялась собирать их. Я подошла к самой воде, когда заметила двух мужчин. Они лузгали семечки подсолнуха, оставляя за собой след шелухи, как дети в сказке про Гензеля и Гретель.

– Добрый вечер, сестра, – сказал один из них, подойдя к маме. – Вид у тебя грустный. Почему такая красавица сидит одна в таком пустынном месте в такой поздний час?

– Да, похоже, тебе требуется помощь, – добавил второй.

Мама не ответила. Всклипывая, она рылась в сумочке в поисках носового платка. Ей попадалось все, что угодно: шпильки, ключи от квартиры, неоплаченные счета, орехи, которые она захватила для меня и забыла отдать, фотографии детей, зеркальце, но платок никак не находился.

– У тебя есть где переночевать? – спросил первый. – Хочешь пойти с нами?

– Мы о тебе отлично позаботимся, – нахально заявил второй.

– Мне не нужна ваша помощь, – ответила мама, и голос ее зазвенел от раздражения. Она повернулась к морю и позвала меня: – Эсма, живо иди сюда!

Мое появление стало для незнакомцев неожиданностью, но они не отстали от нас. Напротив, они молча следовали за нами по пятам. Это была игра. Они ждали, когда у мамы дрогнут нервы и она нарушит молчание. Она долго крепилась, но наконец не выдержала.

– Ну-ка, убирайтесь! – крикнула мама. – Вы что, не видите, что я замужняя женщина?

Во взгляде одного из преследователей мелькнула растерянность, но второй ухмыльнулся и округлил глаза, словно говоря: «Ну и что из этого?»

Мы торопливо шли по слабо освещенным улицам, стараясь избегать особенно темных мест, где деревья полностью заслоняли лунный свет. Прохожих становилось все меньше, машины тоже попадались редко. Пару

раз нам встречались женщины, сопровождаемые мужьями или братьями и потому чувствовавшие себя под надежной защитой. Внезапно мы едва не столкнулись с пожилым мужчиной, который вел за руку мальчика.

– Салям алейкум, – сказал он. – У вас какие-то неприятности?

Не дожидаясь маминого ответа, я выпалила:

– Мы заблудились!

Старик понимающе кивнул и улыбнулся мне:

– А где вы живете, милая?

Мама назвала наш район, но из вежливости добавила, что ему нечего волноваться и мы прекрасно доберемся домой сами.

– Вам крупно повезло. Мы с внуком идем туда же.

– Да ты что, дедушка! – возмутился мальчик, который был немного старше меня.

Дедушка сжал его плечо.

– Дорога становится короче, если тебе по пути с другом, – сказал он.

Заметив наших преследователей, он так грозно нахмурился, что они проворно растворились в темноте.

А мы двинулись в сторону нашего дома – я, мама, старик и его внук. Я вдыхала соленый воздух, который ветер приносил с моря. Сердце мое переполняла благодарность к чужим людям, которые неожиданно стали нашими покровителями и защитниками. Когда мы оказались на нашей улице, мама спросила у старика, как зовут его внука.

– Юнус, – с гордостью ответил дед. – Если на то будет воля Аллаха, в следующем месяце он пройдет через обряд обрезания.

– Если Бог подарит мне еще одного сына, я назову его Юнус, – пообещала мама. – Может, он будет так же добр к незнакомым людям, как вы были добры ко мне.

* * *

В подвальной квартире, под окном, за которым стояла непроглядная тьма, нас ждал отец, куря сигарету за сигаретой. Едва услышав, как в замке повернулся ключ, он вскочил на ноги:

– Где вас носило допоздна?

– Нам пришлось идти пешком, – объяснила мама и, повернувшись ко мне, хмуро приказала: – Эсма, сними пальто и иди в свою комнату.

Она вытолкнула меня в коридор и закрыла дверь, хлопнув так сильно, что дверь тут же приоткрылась. Вместо того чтобы идти к себе, я приникла

к щелке.

– У меня не было денег на долмаш, – донесся до меня мамин голос.

– Как это – не было денег? Хозяева должны были тебе заплатить!

– Ничего они мне не заплатили. Больше я к ним ходить не буду.

– Это еще почему? – Отец слегка возвысил голос, но на крик не срывался. – Ты прекрасно знаешь, что я должен расплатиться с долгами.

– Зачем мне у них работать, если они не платят?..

Примерно минуту до меня не долетало ни звука. Потом отец вдохнул так громко, словно вынырнул на поверхность из пучины темных вод.

– Ты приходишь домой посреди ночи и плетешь какую-то ерунду! Зря ты считаешь меня идиотом! Где деньги, потаскуха?

На диване валялся скребок для чесания спины. Ярко-желтая увесистая штукавина, сделанная из бараньего рога. В мгновение ока отец схватил его и запустил в маму, которая была так потрясена, что не успела увернуться. Скребок угодил ей в шею и поцарапал кожу так сильно, что кровь хлынула ручьем.

Нет, мой отец Эдим Топрак не имел привычки бить жену и детей. Но когда он выходил из себя, а это случалось нередко, он наполнял воздух ругательствами, исполненными злобы и желчи, и швырял о стены все, что попадалось под руку, задыхаясь от ненависти к миру, который довел его до такого состояния. Думаю, в такие минуты он явственно видел призрак своего отца. Призрак грустно качал головой, сознавая, что в конце концов сын пошел по его стопам.

Коробка пахлавы

Деревня поблизости от реки Евфрат, 1961 год

Родившийся и выросший в Стамбуле, Эдим в первый раз покинул этот город, когда ему исполнилось восемнадцать. Взял чемодан, где лежало чистое белье, флакон с лавандовым одеколоном и коробка пахлавы, и сел в автобус. Почти сутки спустя, измученный, потерявший представление о времени и пространстве, он вышел в маленьком юго-западном городке, о котором почти ничего не знал. Путешествие пришлось продолжить в кузове грузовика, который доставил Эдима в деревню, расположенную у северных границ Сирии. Неподалеку находилась воинская часть, где вот уже несколько месяцев нес военную службу его старший брат Халил.

За эти месяцы Халил заметно похудел, лицо его загорело под зимним солнцем. Но самое главное, он вел себя совсем не так, как прежде. Глаза его были подернуты задумчивой поволокой, он казался непривычно сдержанным, словно военная форма изменила его характер. Конечно, он был доволен, что младший брат привез ему белье и одеколон, но радость, мелькнувшая в его задумчивом взгляде, тут же исчезла. Эдим засыпал брата вопросами, ведь через год ему тоже предстояло идти в армию. Окончив среднюю школу, он понял, что иного выбора у него нет. Для того чтобы учиться в университете, у него не было ни средств, ни способностей. В армии он станет настоящим мужчиной, а вернувшись, сразу найдет работу и женится. У него будет шестеро детей – три мальчика, три девочки. Именно так он в общих чертах представлял свое будущее.

Когда время свидания истекло, Халил вернулся в свою казарму, а Эдим сел на ослика и потрусил к ближайшей деревне. Вокруг, насколько хватало глаз, расстилалась мерзлая земля цвета овсяной каши. Природа была здесь безрадостной и убогой. Озирая унылый пейзаж, Эдим внезапно вспомнил, что забыл отдать брату коробку пахлавы.

Кисмет, подумал он. Может, эта коробка предназначена для кого-нибудь другого.

Добравшись до деревни, Эдим отыскал дом мухтара – деревенского головы. По счастливому совпадению отец Эдима когда-то имел с ним общие дела. Они никогда не встречались, но поддерживали связь через общих друзей. Поэтому, прежде чем отправиться в путь, Эдим послал

этому человеку открытку, в которой сообщал о своем скором приезде. Как ни странно, никакого ответа не последовало.

– Открытка? Какая открытка? – крикнул через дверь деревенский голова, когда Эдим постучал в его дверь. – Я ничего не получал!

Тем не менее дверь распахнулась, и перед Эдимом предстал смуглый мужчина, такой высокий, что ему приходилось нагибаться, чтобы переступить через порог. Кончики густых усов загибались вверх, а волосы, судя по всему, были щедро смазаны маслом.

– Я... простите... я пойду... – запинаясь, пробормотал Эдим.

– И куда же ты пойдешь, позволь узнать?

– Я... наверное... я попытаюсь найти...

– Из этого дома никогда не прогоняли гостей, – прогремел деревенский голова.

Постепенно до Эдима дошло, что здоровенный курд вовсе не сердится. И даже не думает на него орать. Просто природа наградила его громким и раскатистым голосом, а по-турецки он говорить не привык. Поэтому он и производит впечатление человека, охваченного гневом.

– Спасибо, – ответил Эдим. – Мне нужен кров только на одну ночь. Завтра я уеду, честное слово.

– Завтра? И не думай! Через два дня в нашей деревне будут праздновать свадьбу. Ты должен остаться. Если ты уедешь накануне свадьбы, семья жениха сочтет это оскорблением.

«С какой стати им оскорбляться, если они меня знать не знают?» – вертелось на языке у Эдима. Но он смекнул, что лучше промолчать: в этих краях свои обычаи, и соблюдают их куда строже, чем в Стамбуле. К тому же у него не имелось ни малейших причин торопиться обратно в Стамбул. Никто не ждал там его возвращения.

Свадьбы, на которых все радуются и веселятся, неизменно нагоняли на Эдима тоску, потому что напоминали о матери, Айше. Имя ее более не произносилось в их доме, и все ее фотографии были уничтожены, словно она никогда не существовала. Кружева, которые она сплела, салфетки, которые она вышила, бусы, украшавшие ее длинную шею, ее платья, блузки, чулки и шпильки – все это Баба-пьяный побросал в костер, который разжег во дворе.

Поэтому Эдим решил принять приглашение и остался в деревне, где его закармливали свежим маслом, сливками и медом. На следующий день хозяин дома лег соснуть после обеда, его жена и дочери занялись чисткой медной посуды, а сыновья уселись играть в триктрак. Утром Эдим вновь ездил к брату. На этом раз встреча была короче, хотя оба были рады

увидеться еще раз. Про коробку пахлавы Эдим снова забыл. Триктраком он не увлекался, никаких дел у него не было, поэтому теперь решил пойти погулять.

Он шел по деревне, глядя на покосившиеся дома, стены которых были покрыты трещинами, на чумазых детей, игравших у дороги, испещренной глубокими бороздами, оставленными колесами телег и машин, которые проехали по этой земле, чтобы никогда сюда не вернуться. Несмотря на царившее вокруг убожество, Эдим осматривался по сторонам с интересом. Когда он проходил мимо своры бродячих собак, валявшихся в грязи, один из псов, здоровенный рыжий кобель с налитыми кровью глазами, оскалил зубы и зарычал. Остальные псы последовали его примеру и тоже зарычали, прижав уши. Эдим повернулся и побежал, хотя и понимал, что это неразумно: увидев убегающего человека, собаки пустятся в погоню. Задыхаясь, он мчался не разбирая дороги, пока не увидел маленький домик, во дворе которого разгуливали куры и цыплята. На ограде сидела совсем юная девушка. Она смеялась, глядя на испуганного беглеца. Эдим, не спрашивая разрешения, заскочил во двор, надеясь, что эта смешливая особа не откажет ему в убежище.

Через несколько мгновений собачья свора влетела вслед за ним и окружила его со всех сторон. Один из псов, самый злобный, приблизился вплотную, обнажив клыки. Он уже собирался броситься на оцепеневшую от страха жертву, как вдруг девушка хлопнула в ладоши и что-то крикнула властным и одновременно презрительным голосом. Эдим не разобрал слов, но они произвели магический эффект. Один за другим псы опустили на землю, понуриив головы и поджав хвосты.

Эдим устался на свою спасительницу. Он был счастлив, что избежал опасности, но раздосадован, что обязан спасением какой-то девчонке. На левой щеке у девушки виднелась ямочка, огромные, влажные темные глаза походили на бездонные озера. В руках она держала кусок пирога и теперь с удовольствием вернулась к его поглощению. Никогда прежде Эдим не встречал девушки с таким отменным аппетитом.

– Ты что, испугался собак? – спросила она.

Эдим не ответил.

– Собаки всегда чувствуют, если человек их боится. Они жутко умные. Моя сестра их обожает. – Она наклонилась вперед, словно открывая великий секрет: – А я не люблю собак.

По-турецки она говорила с сильным акцентом. Невежественная курдская крестьянка, решил он про себя. Может, у нее даже вши есть. Он взглянул на ее каштановые с золотисто-янтарным отливом волосы,

аккуратно заплетенные в косы. Желание прикоснуться к этим толстым блестящим косам было таким сильным, что он даже поднял руку, но сдержался, и рука замерла в воздухе.

– А откуда ты знаешь турецкий? – спросил он. – Ведь в вашей деревне никто по-турецки не говорит.

– Я ходила в школу. Все мои сестры тоже туда ходили. Папа так хотел.

Эдим оглядел двор. На длинных веревках сушилось множество платьев, юбок и чулок.

– Сколько же у тебя сестер?

– Я восьмая дочь в семье.

– Круто. А братьев у тебя нет?

Она покачала головой, явно не желая обсуждать эту тему.

– Хочешь кусочек пирога? Я сама пекла.

Эдим взял протянутый кусок и впился зубами в мягкое воздушное тесто. Он никак не ожидал, что пирог окажется таким вкусным. Собаки по-прежнему сидели, поджав хвосты, и смотрели на них с надеждой. Под укоряющими взглядами псов они молча доели пирог. Оба не знали, как поддержать разговор.

– Я приехал из Стамбула, – первым нашелся Эдим.

– Правда? Говорят, там очень красиво.

– Так и есть, – с гордостью подтвердил Эдим.

Про себя он решил, что девушка начинает ему нравиться. Естественность, с которой она говорила, делала ее привлекательной. Рядом с ней он чувствовал себя легко и непринужденно.

– Можно, я кое о чем тебя спрошу? – сказала девушка и, не дожидаясь ответа, выпалила: – Это правда, что тротуары в Стамбуле вымощены золотыми плитками?

Странная девчонка, удивлялся про себя Эдим. Настолько смела, что может усмирить стаю разъяренных псов, и настолько наивна, что верит во всякую чушь. Тем не менее он был пленен ее обаянием.

– Конечно, – неожиданно для самого себя заявил он. – Если ты выйдешь замуж за кого-нибудь вроде меня, то поедешь в Стамбул и все увидишь собственными глазами.

– С чего это я выйду за тебя замуж? – вспыхнула она.

– Потому что тогда я увезу тебя отсюда.

– А я не хочу никуда уезжать. Мне и здесь хорошо.

Пока он придумывал, что ответить, из дома донесся женский голос. Девушка вскочила на ноги и уставилась на Эдима, словно желая приковать его взглядом. Затем она повернулась к собакам, погрозила им пальцем и

крикнула:

– Оставьте его в покое!

Девушка скрылась в доме, а Эдим неуверенно двинулся к калитке. Вожак собачьей стаи пристально наблюдал за ним и, когда Эдим проходил мимо, утробно зарычал. Эдим вздрогнул, уронил остатки пирога и несколько мгновений с сожалением смотрел, как сахарная глазурь растворяется в грязи.

В Стамбуле не было никаких золотых тротуаров. Равно как и ни в каком другом городе мира. Так что не стоило отправляться на поиски. Такие диковины существуют только в легендах и волшебных сказках. Реальный мир, в котором живут реальные люди, напоминает смесь грязи и сахара и, кстати, имеет примерно такой же вкус. Неужели она об этом не знает?

* * *

На следующий день Эдим побывал на свадьбе. Никогда прежде он не видел ничего подобного. Внутренний двор дома был до отказа забит мужчинами всех возрастов, которые полукругом сидели на корточках. Один музыкант что есть мочи колотил в барабан, другой без устали дул в кларнет, дети носились как угорелые, а женщины наблюдали за всем этим, стоя на плоской крыше дома. Лица их были наполовину закрыты покрывалами, руки выкрашены хной. Эдим заметил, что неженатые мужчины избегают смотреть наверх, и счел за благо тоже не поднимать глаз.

Напротив входа бок о бок, но молча восседали отец жениха и отец невесты. Родственники разместились по обеим сторонам в строгом соответствии со своим возрастом и положением. Жених и невеста сидели в центре, чтобы всякий мог как следует их разглядеть. Чисто выбритый жених часто улыбался. Понять, какие чувства испытывает невеста, было невозможно, так как лицо ее закрывала пурпурная вуаль с блестками. Время от времени одна из женщин на цыпочках приближалась к невесте и подавала ей какое-то питье. С помощью этой женщины невеста приподнимала вуаль совсем чуть-чуть, только чтобы отпить из пиалы и при этом не дать собравшимся возможности увидеть свое лицо.

Эдим хотел было устроиться в дальнем углу, но деревенский голова увидел его и рявкнул, указывая на место рядом с собой:

– Иди-ка сюда, горожанин!

Эдиму пришлось повиноваться. Настроение у него было отличное, и он с интересом наблюдал за церемонией до той поры, пока человек, сидевший рядом с ним, не выхватил ружье и не принялся палить в воздух. Его примеру немедленно последовали остальные. Грохот стоял такой, что можно было оглохнуть. Одна из пуль попала в крышу ближайшего дома и пробила в ней дыру, взметнув в воздух фонтан щепок. Эдим испуганно озирался по сторонам. Дыхание у него перехватило, когда посреди всего этого хаоса он увидел свою вчерашнюю знакомую. Спокойная и невозмутимая, она стояла на крыше и смотрела на него. Казалось, разлетись этот мир на куски, это не выведет ее из состояния безмятежности.

Как только пальба прекратилась, Эдим встал и, извинившись, сказал, что ему нужно в туалет. На самом деле он жаждал встретиться и поговорить с девушкой. Он увидел ее, едва выйдя из ворот: она сидела у колодца и занималась приготовлением йогурта. Когда только она успела спуститься с крыши?

– Рад, что мы снова встретились, – сказал Эдим.

– О чем это вы? – проронила она, смерив его холодным взглядом.

Эдим догадался, что она притворяется, будто видит его впервые. Несомненно, по правилам приличия, существующим в этой глухой деревеньке, скромная молодая девушка должна была вести себя именно так. Он решил поддержать игру:

– Простите, я забыл представиться. Меня зовут Эдим, и я буду рад познакомиться с вами и узнать ваше имя.

– С какой это стати я скажу вам свое имя? – усмехнулась она, и на ее правой щеке заиграла ямочка.

Глаза у нее сегодня были какие-то другие; ни цвет, ни форма не изменились, но во взгляде светились загадочные искорки, которых не было прежде. По крайней мере, так казалось Эдиму. Он решил, что девушка над ним смеется, и, раздосадованный, пошел прочь.

Когда он вернулся, предварительно справив малую нужду за кустом и немного успокоившись, девушки у колодца уже не было. Невеста отправлялась в свой новый дом верхом на лошади кремовой масти, которую вел под уздцы маленький мальчик – в знак того, что у молодых будет много сыновей. Гриву лошади украшали алые ленты и бусины, хвост был заплетен в косы. Толпа женщин и детей шла следом, хлопая в ладоши и улюлюкая. Мужчины готовились усесться за свадебный обед. Несколько юношей уже вносили во двор большие медные подносы. До Эдима долетел запах свежее испеченных лепешек и жареного мяса. Едва войдя во двор, он

снова увидел ее. Она торопливо шла куда-то с плачущим ребенком на руках.

– Скажи, почему ты на меня сердишься? – спросил он, преградив ей путь.

– Да ты что? С чего ты взял, что я сержусь? – звонко рассмеялась она. Ребенок на ее руках неожиданно затих и, казалось, с интересом прислушивался к разговору.

– Тогда почему ты не сказала, как тебя зовут?

Она убрала прядь волос, выбившуюся из-под платка, и улыбнулась:

– Потому что ты не спрашивал. Но если тебе интересно, меня зовут Джамиля.

Он обрадованно кивнул.

– А тебя как зовут? – спросила она.

– Я сказал тебе это минуту назад, – растерянно прошептал Эдим.

Девушка взглянула на него в легком замешательстве:

– А-а, наверное, ты разговаривал с Пимби, моей сестрой-двойняшкой.

Где ты ее видел?

Эдим не успел ответить, потому что снова началась пальба. Ребенок разревелся, и Джамиля бросилась прочь со двора. Эдим точно прирос к месту, ошарашенный и обрадованный одновременно. У нее есть сестра-двойняшка! Теперь все объяснилось. Ее ледяной взгляд, неприветливый тон. Это была не Джамиля. Не его Джамиля.

Вечером Эдим стоял у окна и любовался лунным серпом, свет которого серебрил деревенские крыши. Освещенные окна домов напоминали огоньки сигарет в темноте. Он скучал по Стамбулу и радовался тому, что скоро уедет. Вот только как он будет жить без Джамили?

Эдим пошел проститься с хозяином дома. Деревенский голова сидел в халате и курил трубку. В свете масляной лампы, бросавшей на стены причудливые тени, его глаза казались глубоко ввалившимися.

– Я очень признателен вам за гостеприимство, – начал Эдим. – Прошу, примите в знак благодарности эту пахлаву и...

– Увы, я сладкого не ем, – устало перебил хозяин. – Хотя иногда очень хочется. Диабет.

Эдим уставился на коробку, которую держал в руках. Наверное, она предназначена для кого-то другого. Он набрал в грудь побольше воздуха. Лучше было бы навести разговор на интересующий его предмет как-нибудь ненароком, но теперь стало ясно, что ничего из этого не выйдет.

– Сегодня на свадьбе я видел девушку, – выпалил он.

– Девушку?

Поняв, к чему клонит его гость, деревенский голова медленно вскинул бровь. «Аллах всемогущий, этот мальчишка вообразил, что влюблен», – говорила игравшая на его губах ухмылка.

– И что же это за девушка? Как ее зовут?

– Джамия, – ответил Эдим, чувствуя, что щеки его пылают.

– Джамия... Я не знаю в деревне ни одной девушки с таким именем.

– Длинные каштановые волосы. Большие зеленые глаза, – подсказал Эдим.

Его собеседник выпустил из своей трубки несколько колец дыма и покачал головой:

– Не представляю, о ком ты говоришь. Здесь нет такой девушки.

– Она говорит по-турецки.

– О... тогда ясно. Это одна из дочерей Берзо. Они все ходили в школу. Значит, ты запал на Достаточно Красивую?

– Достаточно Красивую?

– Да, она и ее сестра получили двойные имена. Розовая Судьба и Достаточно Красивая, – сообщил хозяин дома, но не снизошел до объяснений. – Послушай, ты, конечно, еще слишком молод и не имеешь никакого опыта. Но ты должен знать: характер мужчины сильнее всего проявляется именно в любви.

Эдим кивнул, не зная, что сказать.

– Если мужчина наделен раздражительным нравом, его любовь – это сплошные ссоры и склоки. Если нрав у него добрый и мирный, такой же будет и его любовь. Если мужчина постоянно жалеет себя, его любовь быстро умрет. Если он – веселый парень, его любовь будет проникнута радостью. Прежде чем отдать женщине свое сердце, ты должен спросить себя, какой будет твоя любовь.

– Ну, вообще-то, я хороший человек, – пробормотал Эдим.

– Насколько мне известно, единственным хорошим человеком на этой земле был пророк, – усмехнулся его собеседник. – Беда в том, что у Берзо слишком много дочерей. Ты же знаешь, традиция требует, чтобы младшие выходили замуж только после старших. А Джамия самая младшая. Вообще-то, я думаю, она будет отличной женой. Их семье пришлось нелегко. Мать, Нази, умерла в родах, бедная женщина. Она хотела родить сына, да так и не сумела. Берзо женился во второй раз, но его новая жена до сих пор не родила ему детей. А потом старшая дочь, Хейди...

– Что случилось? – нетерпеливо перебил Эдим.

– Да, суровая судьба выпала этому человеку. Но, думаю, он поторопится выдать замуж весь свой выводок, так что Джамии не

придется долго ждать.

Эдим улыбнулся. Значит, у него есть надежда, пусть слабая, но надежда.

– Но не забывай, сынок, семья бедна, никакого приданого у нее нет, – продолжал хозяин дома. – Твоему отцу и братьям наверняка не понравится, что ты решил жениться на курдской деревенщине. С другой стороны... твоя семья тоже не может похвастаться безупречной репутацией, ведь твоя мать сбежала с другим мужчиной. Может, тебе и лучше выбрать невесту где-нибудь в глуши, где никто об этом не знает.

Эдим помрачнел. Он и не подозревал, что этот человек так хорошо осведомлен об их семейном позоре. Слухи, подобно кочующим племенам, не знают покоя, и нет на земле места, куда они не сумели бы добраться.

Любовь подобна комете

Место вблизи реки Евфрат, декабрь 1977 года

В тишине ночи Джамиля дремала, сидя у очага, голова ее склонилась к плечу, левая рука свесилась с подлокотника кресла, правая крепко сжимала письмо. Она уснула после того, как перечла его в пятый раз.

Судя по виду спящей, во сне ее осаждали демоны. На щеках полыхали красные пятна, по виску стекала струйка пота. Ей снилось, что она попала в город – знакомый и одновременно чужой. Через центр этого города протекает река, широкая и бурная, а у причала, покачиваясь на воде, стоят на якоре бесчисленные катера и лодки. Джамиля идет вдоль пристани и заглядывает в кабину маленького рыбацкого суденышка. Там теснится множество людей, лица их мрачны и угрюмы, а тела кажутся гибкими и мягкими, словно сделанными из воска. Все они с жаром говорят... о ней.

Полувздох, полустон сорвался с губ Джамили. Один из этих людей – мужчина, удивительно напомилавший Эдима, – замечает ее и молча указывает на нее остальным. Охваченные непонятной яростью, все они выскакивают на берег и бросаются в погоню за ней по причалу. Джамиля бежит что есть мочи, петляет в лабиринте переулков, пересекает мощенные бульжником площади, но силы оставляют ее, и ноги наливаются каменной тяжестью. Скоро, совсем скоро, когда преследователи загонят ее в тупик и окружат со всех сторон, она сделает над собой отчаянное усилие и вынырнет из пучины сна. Но пока она пребывает в плену кошмара.

Воздух в комнате спертый и застоявшийся. Последнее полено, догорающее в очаге, треснуло и словно по мановению волшебной палочки рассыпалось множеством искр. В долине кричит какая-то ночная птица. Откуда-то доносятся шаги, далекие, едва различимые. Джамиля не слышит их. Пока не слышит. Она все еще бежит, спасаясь от преследователей, и только что свернула на улицу, которая заканчивается тупиком.

Сейчас спящая Джамиля выглядит старше своих тридцати двух лет. На щеке прорезались морщины – извивистые линии, напоминающие письмена какого-то загадочного алфавита. По правде говоря, она давным-давно перестала ощущать себя молодой.

Джамиля вздрогнула, откинулась назад и проснулась. На щеке ее отпечатались резьба, украшающая спинку кресла. Левое плечо затекло и

болело так сильно, что она несколько мгновений сидела неподвижно, не решаясь пошевелиться. Одной рукой она массировала затекшее плечо, а в другой по-прежнему оставалось зажатым письмо. Джамия посмотрела на него с недоумением, словно забыла, что это такое. Но в отличие от лодок в ее ночном кошмаре письмо было вполне реальным. Таким же реальным, как горы, окружавшие ее хижину. И таким же зловещим. Джамия снова принялась его читать.

Дорогая сестра!

С тех пор как я переселилась на этот остров, я множество раз жалела о том, что тебя нет рядом. Но никогда я не жалела об этом так сильно, как теперь. Будь ты рядом со мной, я положила бы голову на твои колени и сказала бы, что лечу в пропасть. Знаю, ты сумела бы меня удержать.

Эдм более не муж мне. Он не живет дома. Он нашел другую женщину. Дети ничего не знают. Я все держу в себе. Как и всегда. Мое сердце переполняют невысказанные слова, невыплаканные слезы. Я не виню его. Виню только себя. Став его невестой вместо тебя, я совершила жестокую ошибку, которая исковеркала наши жизни. Истина состоит в том, что он никогда не любил меня так, как любил тебя. Он полон сожалений и раскаяния, но лишен мужества. Мне жаль его.

Как бы мне хотелось вернуться в то время, когда мы с тобой были детьми. Помнишь, как мы воровали деньги из фонтана желаний? Если бы мы только знали то, что знаем сейчас.

Не помню, передавала ли я тебе слова, однажды произнесенные Эдмом? «Я бы хотел иметь магический ластик, – сказал он. – Так много в этой жизни хочется стереть и начать заново». Он не признался в этом, но я знала, что речь в том числе и о нас. О нашем браке. Я не должна была выходить за него замуж. Конечно, от меня мало что зависело, но я даже не пыталась этому препятствовать. По крайней мере, всерьез. Я слишком хотела уехать из деревни. Он был моим билетом в иные края. Джамия, наверное, ты до сих пор держишь на меня обиду? На твоём месте я никогда не простила бы такое.

Ты вспоминаешь когда-нибудь о нашей сестре Хейди? Недавно я сделала халву для ее души. И отдала соседям. Они были немного удивлены, ведь наши обычаи им совершенно неизвестны. Мне стыдно, что мы не чтим ее память так, как следует чтить усопших родственников. А тебе?

Твоя любящая половинка Пимби

Джамиля встала, потирая мозолистые ладони, подошла к окну и взгляделась в ночную тьму. Ей показалось, что до нее долетел какой-то звук, но, сколько она ни прислушивалась, вокруг было тихо. Вздохнув, Джамиля отошла от окна, поставила на огонь чайник и принялась готовить чай.

* * *

– Посмотри, сколько звезд высыпало на небе, – сказал Эдим.

Это было пронзительно холодным вечером 1961 года.

Придвинувшись ближе и пожирая глазами ее лицо, Эдим говорил о том, что любовь похожа на самые яркие звезды. Любовь освещает человеческую жизнь, даже в тяжелые времена она наполняет сердца счастьем и радостью. А бывает так, что любовь походит на Млечный Путь, по которому странствуют призраки предков, освещенные бледным сиянием.

– А наша любовь? – спросила Джамиля. – Она похожа на звезду?

Эдим заморгал, пораженный легкостью, с которой она произнесла слово «любовь». Он ломал голову над тем, как бы поделикатнее намекнуть, что он ее любит. А она сказала об этом без всяких околичностей. Она была намного смелее его, намного решительнее. Ему казалось, что роман их развивался слишком стремительно, и от этого у него слегка кружилась голова и захватывало дух. С другой стороны, у них не было времени медлить. Не было времени гулять, взявшись за руки, не было времени на робкие поцелуи, не было времени получше узнать друг друга.

– Наша любовь похожа на звезду с длинным сверкающим хвостом, – сияя улыбкой, сказал он. – Слышала про такие?

Джамиля покачала головой.

– Такая звезда называется кометой, – сообщил Эдим.

– Комета... комета...

Повторяя это слово, Джамиля вскочила на ноги, схватила лежавший на земле серп и отсекла длинную прядь своих каштановых волос.

– Это для меня? – спросил удивленный Эдим.

– Да, чтобы ты меня помнил. Всегда носи ее с собой.

В глазах ее светились нежность, тревога и еще одно чувство, которого он прежде никогда не встречал во взглядах других людей: доверие.

– Мне не нужно носить с собой твою прядь, чтобы вспоминать о тебе. Я и так не забуду о тебе ни на секунду, – сказал он, тем не менее пряча подарок в карман, словно сам не верил своим словам.

Годы спустя она больше узнает о кометах и о том, как они сталкиваются друг с другом. Наверное, тогда Эдим сам не слишком хорошо разбирался в небесных светилах. Однако он был совершенно прав: подобно двум кометам, они с бешеной скоростью мчались навстречу столкновению, оставляя за собой шлейф невыполненных обещаний и несбывшихся надежд.

* * *

Джамиля сняла чайник с огня и налила чай в маленькую чашку. Прежде чем отпить, она положила в рот кусочек сахара и задумчиво его пососала. Потом схватила ручку и сжала ее с ненужной силой, как делают многие люди, не привыкшие писать. В отличие от сестры, которая писала наполовину по-турецки, наполовину по-курдски, Джамиля предпочитала только курдский.

Дорогая Пимби, моя плоть и кровь, знала бы ты, как я по тебе скучаю.

Я не сержусь на тебя и никогда не сердилась. Наши судьбы определяет Аллах, лишь Он один.

В последние дни я просыпаюсь с тяжелым чувством. Не могу объяснить, что со мной. Я больше не могу спать в своей постели. Поэтому засыпаю в кресле. Но это не помогает. Мне снятся кошмары. Конечно, это пройдет. Не волнуйся обо мне.

Джамиля отложила ручку. У нее устали пальцы, на лбу залегли глубокие морщины. Она слышала, что с северо-западной стороны к ее дому приближаются люди. Их трое или четверо. Она различала потрескивание сучьев под их тяжелыми ботинками и стук мелких камешков, которые срываются с горной тропы вниз, в долину.

Эти люди могли быть солдатами. Или разбойниками. Они могли быть кем угодно. Джамиля посмотрела на дверь, запертую на засов. Деревянные, изъеденные жучком оконные рамы плотно закрыты. Джамиля накрыла голову платком и взяла в руки винтовку, стоявшую в углу. Это все, что она могла сделать.

Ей хотелось закончить письмо. Рассказать Пимби о тоскливом чувстве, грызущем ее изнутри. Хотелось предостеречь сестру от безрассудных и опрометчивых поступков. Но разве Пимби когда-нибудь была осторожна?

Когда ее сестра-двойняшка была маленькой девочкой, она вечно задавала самые невероятные вопросы. Как-то раз она даже пожелала узнать, почему деревья растут корнями вниз, а не вверх – ведь так им было бы удобнее пить дождевую воду. Девочка выросла, но не изменилась.

Ее сестра походила на открытую книгу, и это тоже всегда тревожило Джамилю. Какое бы чувство ни испытывала Пимби, будь то мимолетная радость или легкая печаль, оно моментально отражалось на ее лице. Если она не способна утаить самые простые эмоции, как могла она скрыть от всех, что равнодушна к мужу?

Шаги раздавались все ближе и ближе и замолкли у дверей. Раздался тихий стук, робкий и настойчивый одновременно. Джамиля набрала полную грудь воздуха, пробормотала молитву и открыла дверь.

За порогом стояли трое мужчин, с ними пара собак. Она сразу догадалась, что это контрабандисты. Их усы заиндевели и превратились в сосульки. Один из них – широкоплечий грузный мужчина с глубоко посаженными глазами и посверкивающими во рту золотыми зубами – выступил вперед. Это их главарь. Джамиля видела его прежде.

– Моя жена... – отрывисто бросил бандит. – Ты должна пойти с нами.

– Давно начались схватки?

– Часа два назад. Может, больше.

Джамиля кивнула, надела пальто, взяла винтовку и вышла из дома.

Они привели ее в заброшенный дом с пробитой пулями дверью и гофрированной железной крышей. Через несколько часов она уже держала на руках новорожденного ребенка. Лицо ее было забрызгано кровью и покрыто потом, глаза расширены от удивления. Такого диковинного младенца ей еще не доводилось принимать.

Это девочка, или, точнее сказать, девочка и полмальчика, потому что к ее телу приросло недоразвитое тельце младенца мужского пола. В материнской утробе зародилось два существа, но лишь один из близнецов, девочка, рос и развивался, в то время как другой, мальчик, остановился в своем развитии на полпути, словно испугавшись предстоящей ему жизни в этом мире.

– Вам надо ехать в город, – сказала Джамиля отцу. – Там ребенку сделают операцию. Отрежут второе тело, и девочка будет совершенно нормальной.

Контрабандист стоял, словно громом пораженный, прищурился, будто не хотел видеть того, что перед ним.

– Это проклятие? – хрипло спросил он.

Джамиля ожидала подобного вопроса.

– Вовсе нет, – мягко ответила она. – Подобные дети рождаются редко, но все же это случается. Близнецы срastaются в материнской утробе.

– Однажды я видел козла с пятью ногами. Что-то вроде этого, – бормочет он, словно не расслышав ее слов.

– Ваша девочка – особый ребенок. Она нуждается в вашей любви и заботе, – продолжала Джамия, сознавая, что утешить этого дикого человека в подобной ситуации – задача неразрешимая. – Если кто-нибудь скажет иначе, этот человек – ваш враг. Вы поняли меня?

Бандит отвел глаза.

Джамия вернулась домой. Она устала, но по-прежнему не могла спать. Может быть, Аллах ниспослал ей знак, размышляла она. Не контрабандисту и его семье, а именно ей. Она уселась за стол и вновь взялась за письмо.

Я только что приняла тяжелые роды. Родились близнецы, сросшиеся между собой. Один живой, другой мертвый. Окажись ты рядом, наверняка спросила бы: «Почему Аллах допускает такое? Ведь это несправедливо». Но я рассуждаю иначе. Я полностью и всецело полагаюсь на волю Аллаха. И делаю все, чтобы помочь людям, которые находятся рядом.

Бесценная моя, мы не можем стереть прошлое. Магических ластиков не существует. Я не держу никаких обид ни на тебя, ни на Эдима. Разве в наших силах укротить порыв ветра? Или превратить белый снег в черный? Мы не в силах повелевать природой и с легкостью с этим смиряемся. Почему же мы не можем смириться с тем, что наши судьбы находятся не в нашей власти? Ведь никакой разницы не существует. Если Аллах повел нас разными путями, значит на то имелись причины. Ты живешь там, я живу здесь. Мы должны смириться с этим. Но меня очень беспокоит участь вашей семьи. Надеюсь, все еще возможно поправить. Попытайся сделать это ради ваших детей.

Ты вспомнила о Хейди. Как странно. Я тоже вспоминаю о ней в последнее время особенно часто.

Твоя любящая сестра Джамия

Нет мудрости без глупости

Деревня вблизи реки Евфрат, 1961 год

В полдень тишину над маленькой курдской деревней взорвал пронзительный крик муэдзина. Эдим ощутил, как внутренности его тоскливо сжимаются. Время тянулось томительно медленно и при этом слишком быстро. Он отложил свой отъезд в Стамбул на несколько дней, но откладывать дальше было невозможно. Вместе с деревенским головой он пошел в мечеть и в первый раз со дня побега матери стал молиться.

– Аллах, мой Повелитель, я знаю, что неусерден в молитве, – шептал он, сидя на коврике. – Я не постился в прошлый Рамадан. И в позапрошлый тоже. Но прошу Тебя, помоги мне. Пусть для Джамили никогда не будет других мужчин, кроме меня. Никогда!

– Ты чего такой квелый, парень? – спросил деревенский голова, когда они вышли из мечети на залитую солнечным светом улицу. Несмотря на яркое солнце, день был прохладный.

– Я должен на ней жениться!

– А ты не слишком молод для этого?

– Я достаточно взрослый для помолвки.

– Да, но у тебя даже нет работы. И ты еще не отслужил в армии. Зачем такая спешка?

За день до этого Эдим ходил в воинскую часть, чтобы встретиться с братом. Вместе они составили телеграмму, которую Эдим отправил Тарику в Стамбул.

БРАТ, Я ВСТРЕТИЛ ДЕВУШКУ ТЧК НЕ МОГУ БЕЗ НЕЕ ЖИТЬ ТЧК ЗНАЮ, ЧТО СЛИШКОМ МОЛОД ТЧК НО НА ВСЕ ВОЛЯ АЛЛАХА ТЧК СОБИРАЮСЬ ЖЕНИТЬСЯ ТЧК НУЖДАЮСЬ В ТВОЕМ БЛАГОСЛОВЕНИИ ТЧК И В ДЕНЬГАХ ТЧК

Об этом Эдим не стал сообщать своему покровителю. Вместо этого он сказал:

– А зачем медлить? Я встретил девушку, о которой мечтал всю жизнь. Я умру, если мы не будем вместе.

– Тогда ты должен поговорить с ее отцом.

– А если он скажет, что знать меня не желает?

– Не волнуйся. Я замолвлю за тебя словечко. Поверь, Берзо не кусается.

– А почему вы мне помогаете? – спросил Эдим после недолгой паузы. Его собеседник усмехнулся:

– Потому что кто-то должен это сделать. Ты не похож на человека, способного устроить свою жизнь без посторонней помощи.

Добиться встречи с отцом Джамили оказалось куда проще, чем воображал Эдим. Трудность состояла в том, чтобы навести беседу на волнующий его предмет. Никогда не отличавшийся разговорчивостью Берзо после смерти первой жены и старшей дочери Хейди окончательно превратился в молчальника. Когда Эдим явился в дом будущей невесты, в сопровождении деревенского головы и с коробкой пахлавыв под мышкой, его встретил хмурый человек с насупленными бровями и неприветливым взглядом.

– Я пришел поговорить о вашей дочери, – отважился произнести Эдим, после того как им подали чай и сушеные фрукты. Вспомнив, что у этого человека множество дочерей, он уточнил: – Я имею в виду вашу дочь Джамилю. Достаточно Красивую.

– Не зовешь ее так! – на ломаном турецком отрезал Берзо.

– Простите... – пробормотал Эдим.

Отец Джамили изверг поток слов по-курдски, который деревенский голова перевел кратко:

– Он сказал, только покойная мать девушки могла называть ее Достаточно.

Растерянность Эдима граничила с отчаянием. К счастью, деревенский голова пришел ему на помощь.

– Конечно, этот молодой человек здесь чужой, – изрек он. – Но он достойный юноша и происходит из уважаемой семьи. Я знаю его отца. У Эдима честные намерения. Он хочет жениться на твоей дочери.

Отец Джамили снова заговорил по-курдски, и покровитель Эдима снова ограничился кратким переводом:

– Он говорит, что просить руки девушки положено по-другому. Где твои родители?

– Моя мать умерла, – солгал Эдим. – А отец тяжело болен. – Это, по крайней мере, было чистой правдой. – У меня есть два брата. Старший, Тарик, для меня как отец. Я уже послал ему телеграмму.

Погрузившись в напряженное молчание, все трое прихлебывали чай, заедая сушеными финиками. Наконец отец Джамили произнес:

– Ты не можешь на ней жениться. Она уже сосватана.

– Что?!

Эдим ушам своим не поверил. Почему она это скрыла? Он повернулся

к деревенскому голове, но тот отвел глаза.

Снова перейдя на ломаный турецкий, Берзо сообщил:

– Она обручалась нашему родственнику. Следующий год будут жениться.

– Но...

– Если хочешь мою дочь, берешь Пимби. Она такая же. Любить одну, любить другую.

Эдим покачал головой, в глазах его вспыхнул дерзкий огонек.

– Нет. Я хочу жениться на Джамиле. Никто не заменит мне ее. Выдайте Пимби за своего родственника.

Берзо допил последний глоток чая, вытер губы и издал нечто вроде утробного ворчания.

– Такого не бывать. Мой последний слово.

Когда Эдим и его спутник вышли в сад, юноша всплеснул руками и заорал:

– Что это значит?! Объясните мне, наконец! Почему вы скрыли от меня, что она сосватана?!!

Деревенский голова невозмутимо вытащил кисет и принялся сворачивать папиросу.

– Год назад Камила, старшая сестра Джамилы, собралась замуж. Но перед самой свадьбой между двумя семьями вспыхнула ссора. Не помню, в чем там была причина, но кончилось дело скверно. Берзо отменил свадьбу. Семья жениха была так этим оскорблена, что они похитили Джамилю.

– Что? – выдохнул Эдим.

– Несколько дней они ее где-то прятали. Потом Берзо послал к ним гонца и сообщил, что согласен на свадьбу Камилы. Тогда они вернули Джамилю.

– И что они... с ней сделали?

– Гмм, этого никто не знает. Они утверждали, что никто к ней пальцем не прикоснулся, но они могли и соврать. Сама девушка никому ничего не рассказала. Ее отец несколько раз поколотил ее, но так ничего и не добился. Ее осматривала повитуха. Сказала, у Джамилы нет девственной плевы, но некоторые девочки бывают такими от рождения.

Эдима била дрожь.

– Тут пришла хорошая новость, – продолжал его собеседник. – Семья жениха Камилы выразила согласие взять Джамилю в качестве невесты для своего престарелого родственника. Вдовца. Так что ее честь спасена.

– И вы об этом знали! – с укором выдохнул Эдим.

– Голова обязан знать все, что происходит в его деревне.

– Почему же вы мне ничего не сказали?

– Думал, судьба смилуется и ты все-таки ее получишь. К тому же ты должен был все узнать сам.

Эдим, охваченный гневом и досадой, слушал вполуха.

– А я-то считал вас своим другом! Полагался на вашу мудрость!

– Никто из живущих на земле людей не наделен одной лишь мудростью, – возразил деревенский голова. – Все мы наполовину мудрецы, наполовину глупцы. Мудрость и глупость неразделимы. Точно так же, как неразделимы гордость и позор.

Но Эдим, не слушая его, ускорил шаг. Он почти бежал, точно за ним гнались. Только на этот раз его преследовала вовсе не свора бродячих собак. Джамилю он отыскал в доме по соседству. Вместе с женщинами разных возрастов она ткала ковры. Увидев, что он заглядывает в окно, женщины принялись хихикать и прятать свои лица. Джамиля резко вскочила и выбежала на улицу.

– Что ты здесь делаешь?! – воскликнула она. – Ты меня позоришь!

– Позорю? Да, без позора здесь не обошлось, – процедил Эдим. – Именно это слово лучше всего подходит к тому, что случилось.

– Да что такое случилось?

– А об этом мне должна рассказать ты. Странно, что ты так долго молчала.

Взгляд Джамили стал жестким и непроницаемым.

– Хорошо, если ты этого хочешь, давай поговорим.

Они прошли на задний двор, где в тандыре недавно пекли лепешки. Огонь уже погас, но несколько искр по-прежнему посверкивали в грудке пепла. Зеленые островки травы напоминали, что приход весны неизбежен.

– Твой отец сказал, что ты, возможно, не девственница.

Эдим не собиравшись говорить так откровенно и резко, но слова вырвались сами собой.

– Он так сказал? – спросила Джамиля, избегая смотреть ему в глаза.

Эдим ожидал бурной реакции, ожидал, что она будет протестовать, возмущаться, убеждать его в своей непорочности, а в качестве последнего аргумента разразится рыданиями. Но Джамиля была до странности спокойна.

– А ты? – спросила она, глядя ему в лицо.

– Что – я?

– Что ты на это ответил?

Подобного вопроса Эдим никак не ожидал.

– Я хочу знать правду! – заявил он.

– Все зависит от того, что ты хочешь считать правдой.

Ком ярости, горький, как желчь, подкатил к его горлу.

– Заткнись. Хватит меня дурачить.

– Но я не думала тебя дурачить, – пожала плечами Джамия, и во взгляде ее красивых глаз мелькнула усталость. – Ты будешь любить меня, если это правда?

Эдим молчал. Он хотел сказать «да», но язык не слушался. Не в силах смотреть на нее, он отвернулся и уставился на вершины далеких гор.

– Похоже, мне вряд ли доведется увидеть золотые тротуары Стамбула, – долетел до него ее тихий голос.

Остаток этого дня Эдим провел в терзаниях и спорах с самим собой. Он без усталости кругами расхаживал по деревне и не замечал, что жидкая грязь густо облепила его ботинки. Время от времени он поднимался на холм, откуда был виден дом Джамии, и смотрел на двор, где встретил ее в первый раз. С тех пор как он приехал в эту забытую Аллахом деревню, прошло пять дней. За эти пять дней жизнь его совершила такой резкий поворот, что уже не могла вернуться в привычное русло.

Какая-то часть его существа отчаянно желала пойти к Берзо и заявить, что ему наплевать на эту грязную историю. Он любит Джамию и верит, что она любит его тоже. Все остальное не имеет значения. Он женится на ней и увезет отсюда, как и обещал.

Но другая его часть была исполнена опасений и сомнений. Джамия ничего не отрицала, не клялась в своей невинности, ее молчание наводило на тревожные мысли. Что, если она действительно не девственница? Неужели всю оставшуюся жизнь он будет томиться под гнетом этого подозрения? Что скажет его старший брат Тарик, когда узнает, что он выбрал в жены девушку с запятнанной репутацией? Разве честь их семьи мало пострадала после побега матери?

Тарик! Придется объяснить ему, в какую запутанную ситуацию он попал. Ведь сейчас он уже наверняка получил телеграмму. При одной мысли о предстоящем объяснении со страшным братом внутренности Эдима болезненно сжались. Он не может вернуться в Стамбул и заявить, что его брачные планы рассыпались, как замок из песка. Поступи он так, брат сочтет его сумасшедшим. Несколько часов спустя, когда Эдим вошел в дом городского головы, у него уже созрело решение. Хозяин ждал его, покуривая трубку.

– Привет, горожанин! Ну что, решил, что деревенские девушки не для тебя?

– Вовсе нет, – возразил Эдим. – Я решил жениться и не откажусь от

своего намерения.

– Вот как? – В глазах деревенского головы вспыхнуло удивление. – Не ожидал от тебя такого, парень. Я думал, ты откажешься от Джамили.

Повисла томительная пауза.

– Я не собираюсь жениться на Джамиле, – нарушил молчание Эдим. – Я возьму другую.

– Что?

– У нее есть сестра-двойняшка. Я женюсь на ней.

В глубине души Эдим понимал, что, несмотря на показную смелость и решительность, на самом деле он должен чувствовать себя ужасно. Но, как ни странно, ничего подобного не было. Откровенно говоря, он вообще не испытывал никаких чувств. Разве ощущает боль ветка, унесенная бурным потоком? Или сухой листок, подхваченный ветром? Таким листком казался себе Эдим – и в тот день, и в бесчисленные дни, которые за ним последовали.

*

Тюрьма Шрусбери, 1991 год

У Триппи сегодня плохой день. Здесь у нас бывают только плохие дни, сносные дни и дни, когда тебе все пофиг и ты чувствуешь себя машиной, потерпевшей аварию. Как ни странно, эти дни не самые худшие. Ты просто становишься растением, ничего не делаешь, ни о чем не думаешь. Ты туп, как репка. В такие дни тебе наплевать, что ты заживо гниешь в выгребной яме. Наплевать, есть ли рядом кто-то, кто может о тебе позаботиться. Тебе наплевать на весь мир. В сносные дни, как следует из их названия, все более или менее сносно. Плохие дни, естественно, самые паршивые: у тебя буквально едет крыша.

Календарь – самое дурацкое изобретение на свете. Если, как утверждают, время летит, то скорость его постоянно меняется. Неплохо было бы придумать календарь, который это учитывает. Например, сносные дни были бы там белого цвета и равны одной условной единице. Аварийные дни – красного цвета и равны двум условным единицам. А плохие дни – черного цвета и равны трем условным единицам.

Тогда было бы ясно, что парень, у которого весь месяц были одни плохие дни, на самом деле прожил в три раза больше, чем тот, у которого

все дни были сносные. Можно сделать простой арифметический подсчет, и станет понятно, почему одни люди стареют быстрее, чем другие. Что касается меня, с тех пор, как я сюда попал, плохих дней было столько, что мой календарь был бы сплошь замазан черной краской. Краской, похожей на сурьму, которой мать подводила глаза.

Жена Триппи потребовала развода. Он знал – как знаю это я и все, кто очутился в нашей выгребной яме, – что рано или поздно это неизбежно случится. И все же, когда это произошло, мы все были в шоке. Хотя в разводе нет ничего шокирующего. Разводы и расставания – самое обычное дело на нашей брэнной земле. Тем не менее мы должным образом изобразили потрясение – ради Триппи. Когда парень узнает, что его жена завела шашни с его лучшим другом, глупо говорить: «Ну, я-то давно догадывался, что она отмочит что-нибудь в этом роде». Если ты ляпнешь такое, бедняга почувствует себя в полном дерьме. Решит, что люди считают его недоумком, которому смешно надеяться, что жена будет ждать его из тюрьмы.

Но если ты скажешь: «Блин, ну и фигня! Ей что, жоужа под хвост попала?» – или что-нибудь в этом роде, твоему приятелю будет легче. Конечно, он все равно остался в дураках. Но по крайней мере, ему кажется, что для всех это стало полной неожиданностью.

Жена Триппи привозила булочки с заварным кремом, которые охрана редко разрешала ему передавать. Но все равно к следующему свиданию она опять пекла и привозила с собой эти булочки. Из себя она была ничего: худенькая, рыжеволосая, с белой, как молоко, кожей. Руки густо усыпаны веснушками, а на лице застыло выражение безграничного терпения. Обман, чистой воды обман. На безграничное терпение она не способна. Как и никто другой.

Сегодня она явилась, чтобы поговорить с Триппи. Надо отдать ей должное, решила все ему объяснить. А ведь могла просто прислать извещение о разводе, как это делают многие жены. Или вообще ничего не присылать. Но она явилась лично, чтобы своим хриплым, прокуренным голосом произнести слова, по вкусу напоминающие пепел. Она сообщила, что встретила другого мужчину. Что этот другой прекрасно ладит с детьми, которым необходимо мужское общество, особенно пятилетнему сыну. Еще она сказала, что дети по-прежнему будут навещать Триппи – ведь он их отец и таковым останется. Поцеловала его в последний раз и упорхнула, оставив булочки с кремом. Вот и все дела.

Иногда мне бывает любопытно, что чувствуют женатые. Каково это – иметь жену, женщину, которая знает все твои больные места и

слабые стороны лучше, чем ты сам. Твоя душа для нее словно открытая книга. И при всем этом она тебя любит. Каково это – жить бок о бок с женщиной, которая наполняет твою жизнь мимолетными, но такими желанными удовольствиями. Ты не придаешь им значения до тех пор, пока их не теряешь. Только тогда ты осознаешь, что стал пленником этих маленьких радостей. Одному Богу известно, как горько я сожалею о том, что лишен подобного опыта.

Но я совершенно не жалею о том, что мой сын, Том, называет папой другого мужчину. Отец из меня в любом случае вышел бы никудышный. Такой отец все равно что кость в горле. Не знаешь, как от нее избавиться, а когда наконец отделаешься, остается ссадина, не видная никому, но весьма болезненная. Нет, такого отца и врагу не пожелаешь.

Помню, как-то раз я спросил свою мать, почему она вышла замуж за отца. Спросить у нее напрямик, любит она его или нет, я не отважился.

Она повернулась и посмотрела мне в лицо. Отблески света, падавшего из окна, играли в ее глазах, наполняя их золотисто-янтарными искрами. Красота матери – это то, чего ты обычно не замечаешь. Но в тот день я отчетливо видел, что моя мать очень красива. И это меня тревожило. Неприятное предчувствие сжало мне сердце.

– Моя юность прошла совсем в другом мире, – сказала она. – Жизнь там совершенно не похожа на здешнюю. Знаешь, вам здорово повезло, что мы перебрались в Лондон.

Это был совершенно не тот ответ, который я хотел получить. Никаких носовых платков, расшитых переплетенными инициалами влюбленной парочки. Никакого трепета нежной страсти. Никаких обещаний, произнесенных робким шепотом под покровом ночи. Ничего этого в прошлом моих родителей не оказалось. Любовь была для них отвлеченным понятием, и они даже не пытались делать вид, что испытали ее. Моя сестра давно об этом догадалась. Она не сомневалась – мы трое появились на свет благодаря долгу, желанию отдаться на милость судьбы и равнодушию, но не любви. Любовь не имела ко всему этому ни малейшего отношения. Именно поэтому я вышел таким своенравным, Эсма такой непокорной, а Юнус таким впечатлительным.

Мы с сестрой часто говорили об этом. И о многом другом.

– Ваша болтовня похожа на шум дождя, – смеялась мама. – И на улице дождь, и в доме.

С Эсмой я делился тем, о чем никогда не рассказал бы ни друзьям, ни даже Кэти. Я доверял ей свои секреты, хотя ее реакция бывала непредсказуемой. С ней было интересно поговорить. Она умела находить

нужные слова. А еще я доверял ей потому, что в глубине души понимал, что она отлично знает наши семейные проблемы и способна разобраться в них как бы со стороны. Так продолжалось до осени 1978 года. Тогда во мне что-то сломалось, и исправить это не удалось.

* * *

Триппи молчит, словно язык проглотил. Лицо у него цвета старой мочи. Во время свидания он держался молодцом. Сказал жене, что все понимает, абсолютно ни в чем ее не винит и желает ей счастья. Никаких проблем. Он даже поблагодарил ее за то, что все эти годы она его поддерживала, – это было с ее стороны очень великодушно. Потом он дал охраннику сигнал, что визит окончен, проводил ее до дверей и поцеловал, сказав на прощание, что будет скучать по ее булочкам с кремом, и улыбкой дав понять, что это шутка.

Теперь он сидит, привалившись к стене. Челюсти у него крепко сжаты, глаза остекленели. Наверное, он думает о своей жене. О том, что она бессердечная сука, которая нанесла ему удар в спину. Такова уж человеческая природа: сильнее всего мы ненавидим тех, кого сильнее всего любим.

– Я чувствую себя куском дерьма, – едва слышно произносит Триппи и машет рукой, словно отгоняя невидимых мух.

– Хватит скулить. Не ты первый, не ты последний.

– Засунь свои утешения в задницу.

Я пробую зайти с другой стороны и глубокомысленно произношу:

– Ты же сам всегда твердил, что на этой земле мало кому везет.

Таков уж человеческий удел – чувствовать себя куском дерьма.

Триппи пропускает мои слова мимо ушей.

– Наверняка она уже беременна, – говорит он. – От этого гада.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю, и все.

Триппи встает и начинает ходить по камере туда-сюда. Глаза его падают на плакат с портретом Гудини. В какое-то мгновение мне кажется, что сейчас он сорвет плакат со стены и раздерет в клочья. Но Триппи этого не делает. Лицо его искажает отчаянная гримаса, он разбегается и со всей дури бьется головой о стену.

Раздается глухой тошнотворный звук. И я неожиданно вспоминаю сценку из далекого прошлого. Мы с отцом на улице. Ссоримся и кричим

друг на друга. Он так разозлился, что мечет глазами молнии и извергает огонь из ноздрей. Но я, наверное, разозлился еще сильнее, потому что срываю кепку и начинаю биться головой о стену. К нам с испуганными криками бегут люди.

Триппи снова бодает стену, и это возвращает меня к реальности. Я пытаюсь остановить его, но он отталкивает меня с такой силой, что я падаю. Прежде чем мне удастся скрутить ему руки и повалить на пол, он успеваает атаковать стену несколько раз, колотя по ней головой и кулаками.

– Кончай свой цирк, – увещаваю его я. – Иначе сюда сбежится вся охрана. Ты слышишь меня, придурок?

Лоб у него разбит, костяшки пальцев кровоточат, дышит он тяжело и хрипло. Я зажимаю его голову локтями и жду, пока он немного очухается.

– Тебе не следует так убиваться.

– Ты-то откуда знаешь?

– Знаю, и все.

– Мне надо выпустить пар.

– Давай достанем тебе боксерскую грушу.

Триппи горько усмехается. Я знаю, о чем он думает. От боксерской груши мало толку. Она не чувствует боли. А ему нужно ощутить под кулаками живую плоть, нужно услышать треск костей. Будь он на свободе, завалился бы в бар, нажрался до умопомрачения и затеял бы славную драку. Парень он хлипкий, так что ему наверняка всыпали бы по первое число. Но это пошло бы ему на пользу. Отвлекло бы от тяжелых мыслей. И на следующий день было бы о чем вспомнить, кроме этого паскудного разговора с женой.

По-прежнему сжимая его голову локтями, я заглядываю ему в глаза:

– Если уж так руки чешутся, можешь вмазать мне.

– Что? – сдавленным голосом спрашивает он.

– Ладно, ладно, успокойся. Если ты не забыл, я классный боксер.

Он смотрит на меня растерянно, потом начинает хохотать.

– Ну и дичь ты несешь, – фыркает он, но мы оба знаем, что мое предложение принято.

Внутри у меня начинает щекотать от возбуждения. Я снимаю футболку и отшвыриваю ее прочь. Несколько раз глубоко вдыхаю и выдыхаю, не задерживая дыхание. Вдох, выдох, вдох, выдох...

Плечи вниз, живот подобран. Я сжимаю кулаки и напрягаю мускулы. Необходимо сохранять свободу маневра. А для этого нужно, чтобы между

тобой и противником, между его кулаками и твоей мордой оставалось пространство. Пространство необходимо всегда – между человеком и обществом, между прошлым и настоящим, между воспоминаниями и твоим сердцем... Какие бы штуки не выкидывала с тобой жизнь, нужно сохранять свободу маневра. Это спасет тебя. Секрет успеха опытных боксеров в том, что они умеют обеспечивать себе достаточно пространства.

Триппи наблюдает за мной, вскинув бровь. Он всегда так делает, когда чего-то не понимает.

– Чего ты ждешь, мешок с дерьмом? – подзадориваю я.

Первый удар он наносит сбоку дрожащей, неуверенной рукой. Думаю, при этом ему было куда больнее, чем мне. Я присвистнул.

– Что? – сердито спросил Триппи.

– Ничего. – Я нарочито ухмыляюсь.

Триппи ненавидит, когда над ним насмеются. Стоит ему увидеть ухмылку, у него закипает кровь. Хотя, по правде сказать, я знаю человека, которому нравились чужие ухмылки.

Благодаря годам тренировок живот у меня жесткий, как железо, но сильный удар застает меня врасплох. Такой резкой боли под ребрами я никак не ожидал. Триппи отступает и смотрит на меня, пораженный собственной удалью.

А в моей памяти всплывает еще одна картина. Как-то раз, еще в Стамбуле, мать взяла меня в баню. Мне тогда было лет шесть или около того. Жара, пар, гулкое эхо, голые женские тела с бесстыдно расставленными ногами, старухи с висячими сиськами. Все это привело меня в такой ужас, что я бросился бежать. Мама схватила меня за руку и хорошенько потрянула:

– Куда это ты собрался?

– Мне здесь не нравится.

– Не придуривайся. Или я напрасно зову тебя султаном? Веди себя как султан, или я назову тебя болваном.

Свободное пространство. Мне нужно освободиться от воспоминаний о ней. Или я сойду с ума.

Я снова ухмыляюсь:

– Давай, вмажь мне, болван! От страха я уже напустил в штаны!

Триппи снова наносит удар – на этот раз четко, прицельно. Он не отличается крепким сложением, но слабаком его тоже не назовешь. Он похож на охотничью собаку: тощий, поджарый, нигде ни грамма жира, крепкий и жилистый.

Так продолжается еще некоторое время. Триппи так расходуется, что бьет меня в челюсть, но в основном бьет в прежнее место. Следующий удар оказывается куда более болезненным – он затрагивает мускулы, под которыми, словно свернувшийся червь, дремлет мой аппендикс. Совершенно бесполезный, ни на что не годный орган, ухитрившийся, однако, убить Гудини.

Железная дверь в конце коридора открывается, вспыхивает яркий свет. За стеной кто-то злорадно ржет. К нам врываются трое охранников. Видно, они решили, что мы затеяли разборку. Триппи обнимает меня за плечи, пытаясь доказать им, что между нами царит мир и понимание. Мы хорошие друзья. На губах его играет гордая ухмылка. Это он зря. Я уже говорил, ухмылки никто не любит. Особенно здесь.

Несколько минут в камере стоит светопреставление – крик, брань, угрозы. Короче, представители власти демонстрируют эту самую власть. Свет, яркий, резкий, бьет в глаза. Мы с Триппи съеживаемся и замираем, точно тараканы, застигнутые в кухне ночью.

– Вы что, спятили? – орет Триппи. – Говорят вам, мы и не думали драться.

– А чем вы тут занимались, козлы вонючие? – вопит один из охранников. – Бальными танцами?

Триппи смотрит на меня растерянно, словно хочет спросить: «И в самом деле, чем мы тут занимались? Что на нас нашло?»

* * *

На следующее утро в нашу камеру приходит офицер Эндрю Маклаглин. Его амбиции бредут за ним по пятам, как голодные собаки. К своим служебным обязанностям он уже привык, а вот ко мне нет. Он прочел рапорт о том, что произошло прошлой ночью, и решил, что мы одурели от наркотиков. Люди в здравом уме не станут драться без повода. Заявив, что наркотики наверняка припрятаны где-то в камере, он устраивает у нас обыск. Его люди переворачивают все: книги, одеяла, фотографии детей Триппи, мой блокнот. В конце концов они вспарывают наши матрасы.

Триппи прикусывает губу, чтобы сдержать улыбку. Мы оба думаем об одном и том же. О том, что они напрасно парятся. Вот если бы они устроили обыск пару дней назад, им бы удалось кое-что обнаружить. Но Триппи все пустил в дело. Так что волноваться не стоит.

Они уже готовы уйти ни с чем, но тут офицер Маклаглин наконец находит добычу. В руках у него какой-то листок.

– Что это? – спрашивает он.

Я вижу, что это не листок, а почтовая открытка, на которой изображена карусель. Деревянные лошадки, подсвеченные разноцветными огнями. На карусели ни одного человека, лишь красный воздушный шарик реет в воздухе, говоря о присутствии некоей невидимой силы – возможно, ветра.

– Не слышу ответа! – рявкает Маклаглин.

Я упорно молчу. Триппи тоже. Офицер Маклаглин начинает читать, изображая писклявый женский голос:

– «Дорогой брат... Или я больше не должна называть тебя так? И как же мне называть тебя, спрашивается? Аскандер? Искендер? Алекс? Султан? Убийца? Помнишь, когда мы только приехали в Лондон, мама повела нас кататься на карусели? Помнишь, как мы радовались? Юнус тогда еще не родился, папа пропал неизвестно где. Мы были втроем – ты, я и мама.

Я никогда не прощу тебе того, что ты сделал. Ты можешь сгнить заживо в тюрьме. Можешь вечно гореть в аду. Но какому бы тяжкому наказанию ни подвергли тебя люди или Бог, я никогда не сочту, что ты сполна расплатился за свой грех. На суде я не сделала ничего, чтобы облегчить твою участь. Несмотря на все уговоры дяди Тарика, я свидетельствовала против тебя. И теперь я оплакиваю две смерти: смерть матери и смерть брата.

Эсма».

– Твоя сестра молодчина, – заявляет офицер Маклаглин и потирает грудь напротив сердца, словно оно у него ноет. – Приятно узнать, что хотя бы один член твоего паршивого семейства рассуждает как нормальный человек.

Говоря это, он смотрит в пространство. Потом поворачивает голову, и несколько секунд мы буравим друг друга глазами. Я делаю попытку выхватить открытку, но он отдергивает руку и игриво машет открыткой в воздухе, приговаривая «тю-тю», словно дразнит собаку.

– Прежде чем я тебе это отдам, скажи, зачем ты позволил Триппи себя дубасить? – спрашивает он.

Я молчу. Офицер Маклаглин тоже молчит и рассматривает собственные ногти.

– Хорошо, я оставлю вас, моя сладкая парочка, – наконец говорит он. – Это очаровательное послание я заберу с собой. Когда ты, Алекс, захочешь рассказать правду, приходи ко мне, и получишь ее назад.

Мне не нужно перечитывать открытку, чтобы знать, о чем в ней говорится. Я и так помню каждое слово. Каждую точку, каждую запятую. Каждую букву в слове «мама».

Офицер Маклаглин уходит, а я опускаюсь на свою развороченную койку. Во рту у меня пересохло, глаза застилает пелена. Я пытаюсь держать себя в руках. Бью себя по щеке. Не помогает. Бью опять. Судя по всему, сегодня у меня снова плохой день.

Искендер Топрак

Расизм и рисовый пудинг

Лондон, декабрь 1977 года

Появившись на свет в качестве седьмой дочери женщины, страстно мечтавшей о сыне, Пимби с самого рождения смотрела на этот мир как на рассадник всяческих несправедливостей, с которыми приходится мириться, ибо таков уж человеческий удел. Правда, ей самой не доводилось сталкиваться с откровенной враждебностью, вызванной лишь цветом ее кожи. Но так продолжалось только до того дня в начале декабря 1977 года – дня, когда она встретила его.

В «Хрустальных ножницах» была лишь одна посетительница – библиотечарша на пенсии, которая никогда никуда не спешила, – и Пимби попросила у хозяйки, Риты, разрешения сходить в магазин. Юнус обожал рисовый пудинг с апельсиновой цедрой, и она решила в этот вечер сделать ему сюрприз.

– Рита, ничего, если я отлучусь на часок?

Рита была не только боссом Пимби, но и ее ближайшей подругой. Самая крупная негритянка в городе, обладательница задницы поистине впечатляющих размеров, Рита, несмотря на отсутствие передних зубов, постоянно сияла радостной, как летнее небо, улыбкой. Она любила поговорить о стране, из которой приехала, – Ямайке. На слух Пимби, название было аппетитным и хрустящим, как жареные орехи кешью.

– Иди, дорогая, – кивнула Рита. – Видишь сама, клиентов сегодня мало. Так что можешь не торопиться.

Когда Пимби покидала салон, на душе у нее было легко и тягостно одновременно. Легко – потому что в ее распоряжении был целый свободный час. Тягостно – потому что в последнее время в жизни ее семьи возникло слишком много проблем. Эсма без конца дерзила или дулась, уткнувшись в книгу, – похоже, у нее наступил переходный возраст. С Искендером дело обстояло еще хуже. Домой он являлся поздно вечером, и Пимби боялась, что он попал в скверную компанию. Что касается мужа... Она не желала знать, что с ним происходит. Но не могла не замечать, что он пропадает где-то неделями и возвращается, насквозь пропитанный запахами другой женщины.

Эдим всю жизнь пребывал в унылом настроении. Он без конца говорил о своем детстве, предаваясь мрачным воспоминаниям, от которых

никак не мог отделаться. В этом смысле он походил на человека, который, твердо зная, что какие-то продукты приносят его здоровью вред, продолжает набивать желудок именно такой едой. Разговоры о прошлом влекли Эдима неотвратно, и он заводил их, казалось, сам того не желая. Что до Пимби, то она твердо верила, что время и ее молитвы помогут преодолеть любые трудности, и никогда не позволяла себе ни малейшей жалобы. Все, что ни делается в этом мире, делается к лучшему, убеждала себя она. Только нам не всегда дано это понять. Будущее оставалось для нее чудесной страной, исполненной надежд и обещаний. Пока что ей не удавалось попасть в эту страну, но она не сомневалась в ее существовании. Жизнь представлялась ей чем-то вроде калейдоскопа, где картинка то рассыпается на множество разрозненных частиц, то вновь предстает в безупречной красоте и гармонии.

Для Эдима прошлое было святыней. Незыблемой, прочной, неизменной и, что важнее всего, неподвластной времени. Какой бы новый поворот ни готовила ему жизнь, прошлое немедленно проникало в настоящее, и это давало ему ощущение неразрывной связи времен. Он возвращался в свое прошлое не из чувства долга и не по душевной потребности, но словно повинувшись некоей высшей воле. Итак, религией Эдима было прошлое, а Пимби свято верила в будущее.

Утром светило неяркое зимнее солнце, но сейчас, после полудня, поднялся колючий резкий ветер. На Пимби было мешковатое серое пальто. Оно старило ее и одновременно делало похожей на девушку военной поры, которая ходит в обносках, потому что ей приходится экономить каждый пенни. Последнее, впрочем, вполне соответствовало истине. Пимби заскочила в «Теско» и купила все необходимое для пудинга. Когда она проходила мимо кондитерской на углу, взгляд ее упал на шоколадные эклеры, выставленные в витрине. То были не огромные толстые трубки, начиненные взбитыми сливками, а маленькие изящные пирожные, покрытые шоколадной глазурью. Такие она любила больше всего.

Пимби редко уступала подобным искушениям, но тут не смогла устоять и вошла в кондитерскую. Колокольчик, висевший над дверью, весело зазвенел. Хозяйка лавочки – дородная женщина, на ногах которой явственно выступали варикозные узлы, а брови были такими тонкими, что разглядеть их было почти невозможно, – оживленно болтала со своей знакомой. За прилавком стоял ее помощник, совсем молодой парень, не старше двадцати лет, тощий, с маленькими, как бусинки, глазами и красными пятнами на щеках, свидетельствующими о склонности к аллергии. Волосы его были подстрижены так коротко, что невозможно

было определить их цвет, на лбу густо высыпали прыщи, а руки были сплошь покрыты разнообразными татуировками, включая крупную свастику.

В кондитерской была покупательница – хорошо одетая пожилая леди, – и Пимби пришлось подождать. Через минуту колокольчик звякнул вновь, и в булочную вошел мужчина средних лет, на которого Пимби едва взглянула.

Пожилая леди оказалась очень придирчивой и никак не могла решить, чего же ей, собственно, хочется. Она требовала ячменных лепешек, три, нет, лучше четыре штуки, а в следующую секунду уже склонялась к булочкам с маком. Поразмыслив, она отказывалась и от них, отдавая предпочтение рогаликам. Корзиночки с клубникой тоже привлекли ее внимание, но она сомневалась в их свежести, равно как и в свежести фруктового пирога. Будь корзиночки действительно свежими, она взяла бы их вместо рулетов, которые ей успели порядком поднадоесть. Конца всему этому не предвиделось.

Всякий раз, когда пожилая леди изменяла свое решение, продавец возвращал отвергнутую выпечку на поднос, подцеплял лопаточкой очередное лакомство и показывал ей, ожидая одобрения. Когда она наконец сделала выбор, остановившись на полудюжине булочек с изюмом, началось обсуждение вопроса о том, как их лучше упаковать: положить в бумажный пакет, удобный и легкий, но ненадежный, или же в коробку, которая, конечно, намного прочнее, но не так удобна в переноске. Завязывая коробку, продавец скользнул взглядом по терпеливо ожидающим покупателям, задержавшись на Пимби. Она не заметила злобной тени, набежавшей на его лицо. Мужчина, стоявший сзади, оказался наблюдательнее.

Пожилая леди наконец ушла. Двигалась она так медленно, что даже колокольчик не звякнул, когда она открыла дверь. Подошла очередь Пимби, и она кивнула продавцу, но он, не обращая на нее внимания, принялся по-новому раскладывать пирожные. Затем он занялся металлическими подносами, которые переносил с места на место без всякой видимой необходимости.

– Извините... – решила наконец подать голос Пимби. – Вы не могли бы отпустить мне пару... вот этих... – Она указала на шоколадные эклеры.

– Ждите своей очереди, – бросил продавец, сосредоточенно протирая щипцы.

Обескураженная скорее его тоном, чем словами, Пимби растерянно переминалась с ноги на ногу. Неожиданно второй покупатель пришел к ней

на выручку.

– Сейчас как раз ее очередь, – сказал он.

Вмешательство возымело действие. Продавец отложил щипцы и процедил, буравя Пимби враждебным взглядом:

– Что вы хотите?

Никогда прежде Пимби не сталкивалась с расистами. У нее и мысли не было, что человек может стать объектом ненависти лишь из-за цвета кожи, разреза глаз или религии. Это казалось ей таким же невероятным, как снег в августе. Нельзя сказать, что в Англии ее никогда не задевали и не обижали. Такое бывало, но подобные происшествия казались ей делом случая, следствием людской раздражительности, а не сознательного предубеждения, против которого невозможно бороться. Конечно, она понимала, что они, Топраки, отличаются от своих соседей-англичан. Но между турками и курдами тоже немало различий, да и курды совсем не похожи друг на друга. Даже в их крошечной деревеньке, расположенной поблизости от реки Евфрат, у каждой семьи своя история, свое прошлое и свои обычаи. И наверное, на свете нет такой семьи, где дети были бы точной копией друг друга. Если бы Аллах хотел, чтобы все люди были одинаковы, Он, вне всякого сомнения, создал бы их таковыми. Пимби не могла судить о том, зачем Создателю понадобилось такое разнообразие, но привыкла доверять Его воле. Принимать людей такими, какими создал их Аллах, означало выражать покорность Его промыслу.

По правде говоря, толерантность Пимби касалась лишь врожденных человеческих свойств. Отличительные особенности, которые человек приобретал самостоятельно, зачастую вызвали у нее неприятие. Торчащие, как иголки ежа, волосы панков, серьги в носах и в бровях у подростков, татуировки, сплошь покрывающие тела рок-музыкантов, любовь Эсмы к брюкам с ремнем или подтяжками – со всем этим Пимби трудно было примириться. Ее прямолинейная логика подчас приводила ее в тупик. Например, встречаясь с гомосексуалистом, она никак не могла понять, создал ли его таким Аллах, или же он сам развил в себе порочную склонность. Перед Божьим промыслом она безоговорочно склонялась, но личностный произвол никак не могла одобрить. Впрочем, в конце концов в этом мире все совершается по воле Аллаха, и только Его одного, и Пимби не могла долго лелеять враждебные чувства по отношению к кому бы то ни было.

Поэтому, когда продавец спросил, что она хочет, она не обратила внимания на презрительный тон, которым был задан вопрос, и простодушно ответила:

– Пожалуйста, вот это и вот это.

Продавец уставился поверх ее головы, словно она была прозрачной, и проронил:

– Выражайтесь яснее.

Решив, что парень плохо расслышал, Пимби подошла к подносу и указала на эклеры, не заметив, что рукав ее пальто коснулся рулетов с корицей.

– Эй, поосторожнее! – завизжал продавец. Он подхватил щипцами один рогалик, осмотрел его и заявил: – Они больше не годятся на продажу!

– Что?

– Вы что, не видите, они все в шерстинках от вашего пальто, – заявил продавец. – Вам придется купить весь поднос.

– В шерстинках?

Пимби никогда раньше не слышала этого слова, и сейчас, когда она его произнесла, оно показалось ей кислым на вкус.

– Нет-нет, мне не нужен весь поднос.

В растерянности она вытянула вперед руки и задела сумкой корзинку с миндальными кексами, которая полетела на пол.

Продавец покачал головой:

– Вы просто ходячая катастрофа.

Шум привлек внимание хозяйки кондитерской, которая выглянула в зал и спросила, что происходит.

– Эта женщина испортила рогалики и разбросала по полу кексы. Я сказал, что она должна заплатить за все, но она не желает.

Под пронзительным взглядом хозяйки Пимби залилась краской.

– По-моему, она вообще не говорит по-английски, – фыркнул продавец.

– Говорю, – выдавила из себя Пимби.

– Значит, вы должны понимать, что вам говорят, – медленно, отдельно и громко, словно Пимби была глухая, произнесла хозяйка.

– Но он сказал, я должна купить весь поднос. У меня нет столько денег.

– Раз так, мы вызовем полицию, – угрожающе произнес продавец, скрестив руки на груди.

– Полицию? Зачем полицию? – пролепетала Пимби, чувствуя, что ее охватывает паника.

– Гмм, – нарочито громко откашлялся мужчина, стоявший за Пимби.

Теперь все взгляды устремились к нему, молчаливому наблюдателю.

– Этот эклерный конфликт произошел на моих глазах, – сообщил он. –

И я чувствую, что обязан сказать несколько слов. Ведь если дело дойдет до полиции, я буду единственным свидетелем.

– И что же? – вставил продавец.

– И я расскажу об этом событии с другой точки зрения.

– Интересно, с какой же?

– Мне придется сообщить, что вы грубо обращались с покупательницей и отказывались обслуживать ее должным образом. Я расскажу, что вы были медлительны, невежливы, непонятливы и, более того, агрессивны.

– Спокойно, спокойно, джентльмены, – растянув губы в умиротворяющей улыбке, пропела хозяйка, смекнувшая, что ситуация выходит из-под контроля. – Не будем делать из мухи слона. Все в порядке. Вызывать полицию ни к чему.

Медленно, словно двигаясь под водой, Пимби повернулась к своему защитнику и первый раз за все время посмотрела на него. Бежевый свитер с высоким воротом, коричневая вельветовая куртка с кожаными заплатками на рукавах. Слегка вытянутое лицо, крупный нос, светло-каштановые с золотистым отливом волосы, редущие на висках. Взгляд серых, как небо в ненастный день, глаз открытый и доброжелательный, хотя немного усталый. Пимби сумела рассмотреть это, хотя он был в очках, которые делали его похожим на университетского профессора, – по крайней мере, ей так показалось.

Продавец тоже пожирал его взглядом, только негодующим и возмущенным.

– Чем могу помочь? – прошипел он.

– Сначала помогите леди, – усмехнулся незнакомец. – Если только вы на это способны.

* * *

Из кондитерской они вышли вместе – два совершенно чужих человека, которых объединил случай. Казалось вполне естественным, что несколько минут они шли рядом, заново переживая произошедшее и наслаждаясь возникшим между ними чувством товарищества. Он настоял на том, чтобы нести сумки Пимби. Это тоже казалось вполне естественным, хотя она никогда не допустила бы этого, будь они в ее районе.

Они дошли до ближайшей детской площадки, совершенно пустой, – наверное, из-за холодной погоды. Ветер был так силен, что сухие листья

кружились в воздухе, точно подхваченные водоворотом. Тем не менее впервые со дня своего приезда в Англию Пимби находила, что здешняя погода не лишена приятности: несмотря на ветер, дождь и затянутое тучами небо, в ней чувствовалось непоколебимое спокойствие, к которому Пимби уже привыкла и, сама того не сознавая, начала любить. Отдавшись очарованию зимнего дня, она задумчиво глядела по сторонам.

Он украдкой наблюдал за ней, отмечая, что на лице у нее нет ни грамма косметики, а каштановые волосы, выбившиеся из-под шарфа, отливают осенним золотом и порой поблескивают медью. Но отблески эти так переменчивы, что их трудно уловить. Ее полные губы и ямочка на одной щеке показались ему чрезвычайно привлекательными. Жизнь – это лотерея, размышлял он про себя. Если бы эта женщина была иначе одета и иначе держалась, прохожие оборачивались бы ей вслед, пораженные ее красотой. Но сейчас ее красота почти незаметна, и, может быть, это к лучшему.

– Тот парень, наверное, сумасшедший, – сказала Пимби, которая все еще находилась под впечатлением происшествия в кондитерской.

– Никакой он не сумасшедший, – покачал головой ее спаситель. – Он просто расист.

Она помолчала, ошеломленная. До сих пор она думала, что расисты ненавидят только черных – таких, как Рита.

– Я же не черная, – проронила она наконец.

Он рассмеялся, словно услышал удачную шутку. А когда догадался, что она вовсе не шутит, в недоумении уставился на нее.

– Для того чтобы вызвать ненависть расистов, не обязательно быть черной. У расизма много разновидностей, хотя, по моему мнению, все расисты одинаковы.

Пимби внимательно слушала, с трудом постигая смысл его слов. Акцент этого мужчины резко отличался от тех, с которыми она сталкивалась прежде.

– Есть белые, которые ненавидят черных, – терпеливо разъяснял он. – Также есть белые, которые ненавидят желтых. Дело осложняется тем, что некоторые черные тоже ненавидят желтых, а некоторые желтые – черных. Среди белых, черных и желтых есть такие, кто ненавидит себе подобных, и такие, кто ненавидит абсолютно всех людей без различия цвета кожи. Религия тоже подливает масла в огонь ненависти. Некоторые мусульмане ненавидят всех иудеев, некоторые иудеи ненавидят всех мусульман. А среди христиан есть такие, кто ненавидит и мусульман, и иудеев.

– Но зачем кого-то ненавидеть? – удивилась Пимби.

Его поразило не столько вопрос, сколько простодушная, почти детская интонация, с которой он был задан. Он видел, что она абсолютно искренна. Растущая безработица, бедность, ксенофобия, нефтяной кризис, столкновение идеологий... Все это не могло служить убедительным ответом на ее вопрос, такой наивный и такой серьезный. И он, закоренелый скептик, давно разуверившийся во всех и вся, человек, который не доверял ни газетам, ни телевидению и любое собственное суждение приправлял изрядной долей сарказма, убежденный пессимист, не питавший никаких иллюзий по поводу светлого будущего человечества, эхом повторил за ней:

– Зачем кого-то ненавидеть? Я тоже не могу этого понять.

Позднее они не могли вспомнить, кому пришла в голову мысль посидеть на детской площадке. На своем небогатом английском Пимби сообщила, что она работает в парикмахерской, что сейчас у нее перерыв и она вышла, чтобы купить все необходимое для рисового пудинга с апельсиновой цедрой. Правда, ей не удалось найти фундук. Здесь вообще нет такого фундука, как в Стамбуле, и придется положить в пудинг миндаль. К ее великому удивлению, он слушал с интересом. Она никогда не думала, что на свете есть мужчины, способные интересоваться приготовлением пудинга.

– Значит, вы турчанка? – спросил он.

Пимби кивнула. Ей не пришлось в голову поправить его и сказать, что она из курдов. Обычно она забывала об этом обстоятельстве, как не имеющем особого значения.

– Lokumsu geldi hanin, leblebilerim var^[8], – произнес он нараспев.

Она уставилась на него, не веря своим ушам.

К ее великому изумлению, он расхохотался:

– Боюсь, это все, что я могу сказать по-турецки. Помню всего несколько слов.

– Но откуда?

– Моя бабушка была гречанкой. Родилась в Стамбуле. Очень любила этот город. От нее я и перенял два-три турецких слова.

Он умолчал о том, что бабушка его покинула Стамбул на закате Оттоманской империи, выйдя замуж за ливанского купца, и до последнего дня своей жизни тосковала по дому с видом на Босфор и по людям, жившим по соседству. Вместо этого он стал припоминать слова, общие для турецкого и греческого языков: *casik – casiki, avanak – avanaki, ispanak – spanaki, ciftetelli – tsifteteli...*

Его акцент забавлял Пимби, и она хихикала, закрыв рот и опустив голову, – так обычно делают люди, которые стесняются своих зубов или

своей радости.

Он смолк, вперил в нее долгий взгляд и сказал:

– Я даже не знаю, как вас зовут.

Пимби откинула со лба прядь волос. Она редко называла оба своих имени и никогда не говорила, что они означают, но тут с удивлением услышала собственный голос:

– Пимби Кадер. По-английски это значит «Розовая Судьба».

Он не стал ухмыляться или недоуменно вскидывать бровь, хотя Пимби ожидала именно такой реакции. Напротив, он смотрел на нее так, словно она только что открыла ему великую и печальную тайну.

– На редкость поэтичное имя, – сказал он.

Пимби уже знала, что означает по-английски слово «поэтичный». Не очень точно, но все-таки знала. Она улыбнулась – впервые с того момента, как они встретились.

Потом Пимби открыла пакет из злополучной пекарни, достала шоколадные эклеры, один взяла себе, а другой протянула ему. Он в ответ протянул ей булочку с фруктовым джемом, купленную там же. Сначала они ели в молчании, потом стали перебрасываться пробными словами: «неплохо», «очень даже вкусно», «а я, оказывается, проголодался»... Постепенно между ними завязался разговор, уже не имеющий отношения ни к расизму, ни к рисовому пудингу.

Выяснилось, что его зовут Элайас. Как и Пимби, он перебрался в Лондон почти восемь лет назад. Город ему нравился. Он тоже чувствовал себя здесь чужаком, но не страдал от этого, потому что привык к этому ощущению, которое не оставляло его ни в одном городе мира. Слушая его, Пимби мысленно сокрушалась, что так плохо понимает по-английски. Но для того чтобы общаться с другим человеком, хорошее знание языка не так уж и важно – верно? С мужем они говорили на одном языке, но, находясь рядом, оба предпочитали молчать. Пимби даже не могла вспомнить, было ли когда-нибудь иначе.

– Значит, вы грек? – спросила она.

Она сочла за благо умолчать о том, что слышала о греках много дурного, в особенности из уст своего зятя Тарика.

– Не вполне. Я на четверть грек, на четверть ливанец, на четверть иранец и на четверть канадец.

– Как это получилось, что в вас намешано столько кровей?

– О, все очень сложно. Моя бабушка, гречанка, вышла замуж за ливанца, и в этом браке родилась моя мать. Потом мать встретила отца. Его родители – граждане Канады, которые родились в Тегеране. Сам я родился

в Бейруте, вырос в Монреале, а теперь вот стал лондонцем. И кто же я по национальности, спрашивается?

«Удивительно, как богата его жизнь путешествиями, как часто ему приходилось заново начинать жизнь в незнакомом месте, – размышляла Пимби. – Неужели он не боится перемен, неужели его не страшит неопределенность?» Неожиданно она вспомнила, что в детстве мечтала стать моряком, бороздить моря и океаны, своими глазами увидеть все шесть континентов. Но это было давно, очень давно.

Словно угадав ее мысли, он улыбнулся:

– Уверяю вас, всю жизнь перебираться с места на место совсем не страшно. Некоторые люди не умеют пускать корни, но ничуть от этого не страдают.

Заметив у нее на пальце обручальное кольцо, он поспешно отвел от него взгляд. Что касается Пимби, она даже не заметила легкого следа, оставленного кольцом на его пальце, – слабого намека на супружеские отношения, которые прекратились, но еще не были забыты.

– Где вы работаете? – спросила она.

– В ресторане. Я шеф-повар.

Лицо ее просияло.

– Правда?

– Чистая правда. Думаю, я могу приготовить рисовый пудинг не хуже, чем вы.

Пимби представила себе, как ее новый знакомый режет лук или переворачивает отбивные на брызжущей маслом сковородке. Это так мало вязалось с его профессорским обликом, что она невольно хихикнула и тут же осеклась, испугавшись, что он сочтет ее смех обидным. Все мужчины, которых она знала прежде, считали ниже своего достоинства заходить в кухню и появлялись там лишь для того, чтобы выпить стакан воды. Обоих своих сыновей, в особенности Искендера, она тоже воспитывала в убеждении, что стряпня не мужское дело.

– Вашей жене повезло, – сказала Пимби.

– Мы с женой разошлись, – ответил Элайас и сделал такой жест, словно разорвал кусок хлеба.

Пимби решила повернуть разговор в иное русло.

– А что сказал ваш отец, когда вы решили стать поваром? – спросила она. – Не возражал?

Это был довольно рискованный вопрос. Сама того не зная, она коснулась болевой точки. Его отец возражал, очень даже возражал, дрогнувшим голосом признался Элайас. Несколько лет они не

разговаривали, но потом помирились. Кстати, интерес к стряпне у него возник еще в детстве. Мальчишкой он очень жалел свою сестру, Клео, и всячески старался ее порадовать.

– Ваша сестра была больна? – спросила Пимби.

– Она была особенная.

Правда, дети, живущие по соседству, называли ее другим словом: дефективная. Она родилась с тяжелым синдромом Дауна и отставала как в физическом, так и в умственном развитии. Брат ходил в местную школу, в класс для особо одаренных детей, а сестре приходилось ездить на автобусе в специальное учебное заведение, расположенное на городской окраине. Она часто приходила в уныние, раздражалась по пустякам, плакала, разбрасывала и ломала игрушки, рвала на себе волосы. Маленький Элайас заметил, что лучшее средство ее успокоить – вкусная еда. Учувя запах свежееиспеченного яблочного пирога, она расплывалась в улыбке и моментально забывала про свои горести. Постепенно Элайас научился готовить для сестры лакомые блюда. Со временем ему стало ясно, что они с сестрой помогли друг другу: пытаясь немного скрасить ей жизнь, он нашел собственное призвание.

Когда замешиваешь тесто, жилы твои наполняются силой земли. Когда жарить мясо, душа убитого животного разговаривает с тобой, требуя к себе уважения. Когда чистишь рыбу, ты слышишь шум воды, в которой она плавала. Поэтому с рыбой надо обращаться бережно, чтобы готовое блюдо хранило память о море. Пимби слушала как замороженная. Некоторые слова были ей незнакомы, но, к собственному удивлению, она понимала все, что он говорил.

* * *

– Аллах всемогущий... Я должна бежать.

Пимби вскочила, лишь сейчас осознав, как долго они просидели на детской площадке.

– Хотите, я провожу вас до вашей парикмахерской и донесу сумки? – предложил он.

– Нет-нет, – решительно возразила она. – Я справлюсь сама.

Ей пришло в голову, что кто-нибудь из знакомых может увидеть их вместе и рассказать об этом. Пойдут сплетни, которые рано или поздно непременно дойдут до ее мужа и детей. Сердце ее сжалось при мысли, что она никогда больше не увидит этого человека. Но он, даже не догадываясь

о том, что творится у нее в душе, протянул ей визитную карточку.

ЭЛАЙАС СТЕФАНΟΣ РОБЕРТ ГРОГАН
Шеф-повар

Она прочла все его имена, удивившись, что у него их так же много, как и национальностей. На обратной стороне карточки значилось название ресторана.

– Если вы придете вечером, я не смогу оставить кухню. Обеденное время тоже горячая пора. А вот если вы заглянете после четырех, я с удовольствием покажу вам ресторан и приготовлю для вас что-нибудь особенное, – пообещал он.

В ответ Пимби не могла дать ему ничего. Ни визитки. Ни адреса. Ни обещаний.

На прощание он хотел поцеловать ее в щеку, но она резко дернулась, чем привела его в замешательство. Заметив его смущение, она расстроилась и протянула ему руку. Но он не стал ее пожимать, потому что размышлял о причинах, заставивших Пимби уклониться от поцелуя. Наконец он погладил ее запястье, а она слегка коснулась рукава его куртки. Момент был такой неловкий, что, наблюдай за ними сторонний зритель, он наверняка расхохотался бы. Едва коснувшись друг друга, оба дернулись, словно схватились за оголенный провод, и разбежались в разные стороны, не оглядываясь.

Красавица и Чудовище

Лондон, декабрь 1977 года

Тобико отмечала день рождения. Меньше чем за год до того, как жизнь семейства Топрак вошла в крутой вираж, сердце семилетнего Юнуса было насквозь пронзено стрелой любви.

Тобико исполнилось двадцать. Юнус слышал, как она сказала о себе: «Я типичный Стрелец», но понятия не имел, хорошо это или плохо. Сам он родился под знаком Льва, и это ровным счетом ничего для него не означало. Все, что имело значение, – разница в возрасте между ним и Тобико, пропасть, которая становилась все шире, лишая его надежды когда-нибудь догнать любимую.

Он сидел в углу, мрачный и хмурый, поедая попкорн из пластикового пакета и наблюдал, как обитатели старого особняка преподносят имениннице подарки: серебряные сережки для пирсинга, огромные булавки, ошейник с шипами, плетеный браслет, кожаный ремень с заклепками, ботинки на «тракторной» подошве. Среди подарков был также лоскутный коврик с вышивкой «Марихуана исцеляет все», несколько бисерных украшений, плакат с портретом Патти Смит, книги («Сияние» Стивена Кинга, «Юг без признаков Севера» Чарльза Буковски), полицейский шлем (похищенный у раззявы-офицера, который оставил его на столике в кафе), плакат с надписью «Скука ведет к революции» и черная футболка с изображением панк-группы «Damned».

Юнус держался в стороне от всеобщего веселья. Он хотел преподнести Тобико свой подарок последним. На это имелось две причины. Во-первых, он надеялся хотя бы на несколько минут остаться с любимой наедине. Во-вторых, он был далеко не уверен, что подарок ей понравится. Эта неуверенность только усилилась, после того как он увидел, какие презенты выбрали остальные.

Томясь сомнениями, Юнус хмурился в углу, когда в комнату вошел Капитан. На нем были такие тугие джинсы, что трудно было представить, как Капитан сумел в них втиснуться, кожаная куртка, которая была ему велика размера на два, и байкерские ботинки. Никакого подарка Тобико он не принес. Ограничился тем, что поцеловал ее в губы и буркнул:

– Мой сюрприз будет позднее, детка.

На несколько мгновений Юнус исполнился решимости последовать

его примеру. С замирающим сердцем он представил, как подходит к Тобико ленивой самоуверенной походкой – в школьных серых брюках и голубом свитере, который связала мама, – целует ее и загадочно роняет:

– Мой сюрприз будет позднее, детка.

Интересно, как отреагирует на это Тобико? Улыбнется ему так же, как Капитану? Вряд ли. Юнус закрыл глаза и прислушался к нервному бурчанию в желудке. Мама всегда предупреждала его: «Будь осторожен с девочками. Они вовсе не такие простодушные, как вы, мальчики. Они умеют играть на вас, как на сазе»^[9]. Но если это действительно так, если Тобико будет играть на нем, мелодия, которую она сумеет извлечь из него сегодня, окажется унылой и меланхоличной.

– Эй, приятель, хочешь курнуть?

Юнус открыл глаза и увидел, что рядом с ним сидит юнец, голову которого украшают бесчисленные косички-дреды. Взгляд юнца был приклеен к какой-то невидимой точке на потолке, в руке он держал зажженную самокрутку с марихуаной. На руке у парня, ниже локтя, Юнус заметил татуировку: ленточку с надписью «Когда богатые воюют, погибают бедные». Если бы мама увидела этого типа, она упала бы в обморок от ужаса, пронеслось у него в голове. Она, конечно, первым делом спросила бы: «И как только такие уроды моют голову?» – и сама ответила бы на свой вопрос: «Боюсь, они не делают этого никогда».

Юнус уже пробовал пиво и несколько раз затягивался, подобрав брошенный окурок, но до наркотиков дело не доходило. Наркотики служили предметом самых жарких споров среди обитателей заброшенного дома. Некоторые из них (сторонники «Черной пантеры», радикальные феминистки, марксисты, троцкисты) были решительными противниками наркотиков и презирали тех, кто на них подсел. Другие (главным образом хиппи и экс-хиппи) употребляли только коноплю, а от всех прочих наркотиков воздерживались. Но были и такие (панки, нигилисты, сатанисты), кто презирал травку, отдавая предпочтение таблеткам и прочей химии. Только так можно по-настоящему улететь, получить реальный кайф, говорили они. Конечно, Юнус до сих пор избегал наркотиков не из-за этих бесконечных разногласий. Он боялся материнского гнева.

Но теперь, когда парень предлагал ему курнуть, Юнус не видел повода отказываться. Он вежливо взял самокрутку и затянулся так глубоко, что немедленно зашелся кашлем.

– Что, в школе тебя этому не учили? – расхохотался парень с косичками-дредрами. – Давай поосторожнее, а то мозги вынесет.

Юнус тоже рассмеялся и затянулся снова. Они с парнем так

расшумелись, что привлекли всеобщее внимание. Тобико подошла к ним и укоризненно покачала головой.

– Никогда не делай этого, зайчик, – сказала она, выхватила у Юнуса самокрутку и тут же затянулась сама. – Зачем тебе походить на всех остальных? Ты другой. И это здорово.

Ее слова и игривый взгляд подбодрили Юнуса. Но он забыл эффектную фразу, которой намеревался поразить Тобико, судорожно сглотнул и пробормотал:

– У меня тоже есть для тебя подарок.

– Правда? – удивленно протянула Тобико. – И что же это, милый?

Юнус встал, вскинул голову и расправил плечи, точно солдат, ожидающий приказа. Он вручил Тобико нарядный пакет, который весь вечер прятал за спиной: золотая коробочка, золотая бумага, золотая лента.

Развернув все это, Тобико извлекла стеклянный шар. Внутри розовой сферы находился дивный замок, а перед ним – принцесса и чудовище, державшие друг друга за руки. На принцессе было восхитительное платье, ее невзрачный кавалер застенчиво опустил косматую башку. Стоило повернуть ключ, и они начинали танцевать под треньканье колокольчика, вызвавшего незамысловатую мелодию. Увидев эту игрушку и узнав, что она называется «Красавица и Чудовище», Юнус вспомнил, что Тобико обожает песню Дэвида Боуи с таким же названием. Значит, эта штукавина ей тоже понравится, решил он.

Поначалу Юнус собирался купить другой стеклянный шар – в нем жених и невеста, осыпаемые рисовыми хлопьями, целовались перед входом в церковь. Но потом он решил, что подобный сюжет придется Тобико не по вкусу. Она была яркой противницей браков и церквей, и, насколько мог судить Юнус, швыряние риса в воздух тоже не вызвало бы у нее восторга. Тогда он выбрал «Красавицу и Чудовище», хотя этот шар стоил дороже и ему пришлось потратить все свои сбережения.

Для Юнуса Тобико была принцессой, воплощением всех мыслимых совершенств, а сам он – чем-то вроде уродливого неуклюжего монстра. Герой сказки превратился в неотразимого красавца-мужчину, и его, Юнуса, тоже ожидает подобное превращение. Только произойдет оно не в мгновение ока, а через несколько лет. Детский свой возраст мальчуган воспринимал как заклятие и лелеял надежду, что чары развеются и он станет взрослым быстрее, чем это назначено природой.

Наивность подарка растрогала Тобико чуть не до слез. Сжимая нарядный шар ладонями, словно птенца, она выдохнула:

– Фантастика!

Юнус просиял. Теперь он не сомневался: день, когда они поженятся, не за горами.

– Что там за фантастика? – раздался с другого конца комнаты голос Капитана.

Тобико не ответила.

Радость, бушевавшая в душе Юнуса, все росла и росла, она выплеснулась наружу и, превратившись в неудержимый поток, подхватила и унесла прочь этот старый дом с паутиной по углам, изъеденную жучком мебель, горящие свечи, вокруг которых плясали мошки, а главное, всех его потенциальных соперников, претендующих на сердце его избранницы.

* * *

Вечер продолжался. Наступил черед танцев под музыку «Clash», «Cockney Rejects» и «Sex Pistols» и именинного торта – бананово-шоколадного, с гашишем. Свечей на торте не было, так что Тобико не пришлось их задувать, но горевшие над столом разноцветные фонарики, украденные кем-то в супермаркете, создавали праздничную атмосферу.

Юнус уже не считал, сколько раз прикладывался к чужим стаканам с пивом. Что касается подозрительного торта, он съел несколько кусков. Голова у него не кружилась, но желудок неприятно сжимался. Прилагая отчаянные усилия, чтобы удержать рвотные позывы, он сидел, привалившись к стене и глядя прямо перед собой. В мерцающем свете свечей он разглядел на стене картину, которую не видел раньше. Это был портрет широкоплечего мужчины с крупным носом, седоватой бородой и пышной гривой, которую неплохо было бы причесать. Так как сегодня был день рождения Тобико, Юнус решил, что портрет появился на стене именно в связи с этим событием.

– Это твой дедушка? – спросил он, указывая на бородатого мужчину.

Прежде чем Тобико успела понять, о чем он говорит, парень с косичками-дредами, сидевший неподалеку, повернулся к остальным и заорал:

– Послушайте, малец решил, что Карл Маркс – ее дедушка!

По комнате прокатилась волна смеха.

– Карл Маркс – наш общий дедушка! – раздался чей-то веселый голос.

– Наш общий дедушка, который поможет нам изменить этот мир! – заявил Капитан.

Осознав, что сморозил невероятную глупость, Юнус вспыхнул до

ушей. Но все же он решил, что последнее слово не должно оставаться за Капитаном.

– По-моему, он слишком старый для этого, – произнес он чуть дрогнувшим голосом.

– Он стар и потому мудр, – последовал ответ.

– Но он толстый и лохматый, – не унимался Юнус.

Последовал новый взрыв смеха, но Капитан внезапно стал серьезным, глаза его угрожающе прищурились.

– Приятель, тебе следует отзываться о нем более уважительно. Тем более что Карл Маркс – твой союзник. Он отстаивал права таких, как ты.

– Он что, был турком? – вырвалось у Юнуса.

Все так и покатались со смеху. Вытирая выступившие от смеха слезы и постанывая от удовольствия, зрители ожидали продолжения шоу.

– Под такими, как ты, я имел в виду неимущих, – пояснил Капитан.

– А кто такие неимущие? – спросил вконец озадаченный Юнус.

– Неимущие – это люди, которые лишены того, что принадлежит им по праву. И в результате имущие владеют тем, на что не имеют никаких прав.

Юнус сосредоточенно сдвинул брови и прикусил губу.

– Ни один вид, проживающий на земле, не может сравниться с человеком по части жестокости, жадности и надменности, – все больше входил в раж Капитан. – Вся капиталистическая система построена на систематической эксплуатации неимущих. Я, ты, мой юный друг, мы все здесь – неимущие! Соль земли! Великая немытая гольтьба!

– Мама всегда поддерживает чистоту в доме, – пробормотал Юнус. Никакого другого аргумента он найти не смог.

Снова раздался смех, но на это раз не такой веселый, как прежде. Теперь в этом смехе звучали жалость и сочувствие.

Но Капитан, севший на своего любимого конька, не заметил, что настроение его слушателей изменилось.

– Пойми же наконец, парень, – продолжал он, – эксплуататоры угнетают твоих родителей и заставляют их вкалывать до седьмого пота, а сами набивают свои карманы!

Юнус вскочил на дрожащие ноги:

– Никто моих родителей не угнетает, и меня тоже. Мой брат – боксер, и он сумеет за нас постоять!

Юнусом двигала не только гордость. Никогда раньше ему и в голову не приходило, что его семья бедна. Конечно, мама частенько жаловалась, что им трудно свести концы с концами. Но никто у них дома не говорил, что они какие-то там неимущие, угнетенные, и тем более не употреблял

неблагозвучное слово «голытьба».

На этот раз никто не засмеялся. За окнами темнела ночь. В нескольких кварталах отсюда Пимби стояла у кухонного окна, смотрела на улицу, слабо освещенную фонарем, и изнывала от тревоги за младшего сына. Одиночество и тоска окружали ее плотной оболочкой, словно стеклянный шар – фигурки сказочных персонажей.

– Ладно, приятель, я не хотел тебя обидеть. – Капитан улыбнулся, чтобы следующая его фраза не прозвучала как упрек: – Просто ты еще слишком мал для серьезных разговоров!

Эти слова заключали в себе все, что Юнус ненавидел: намек на его малолетство, глупость и невозможность завоевать любовь Тобико. Едва сдерживая слезы, мальчик рухнул в кресло.

– Не обращай на него внимания, – прошептала Тобико. – Уже поздно. Тебе пора домой.

– Да, я пойду, – хмуро кивнул Юнус. Его желудок снова начал кувыркаться.

– Пока, зайчик.

Юнус попрощался со всеми, но не стал прикладывать правую руку к сердцу, как учили его отец и дядя. Вместо этого он растопырил средний и указательный пальцы в виде буквы «V», как это было принято у здешних обитателей. Но стоило ему сделать несколько шагов, комната начала кружиться. Не в силах предотвратить катастрофу, он без предупреждения изверг содержимое своего желудка даже не на пол – это было бы еще полбеды, – а на джинсы девушки, в которую был влюблен.

– Нет, только не это, – проскулил он, понимая, что его надежды на взаимность окончательно рухнули.

В следующее мгновение огоньки свечей превратились в ровный серебристый свет и он соскользнул в иную реальность.

Друзьям Юнуса пришлось доставить его домой на руках. Они позвонили у дверей и тут же умчались. Когда измученная ожиданием Пимби открыла дверь, она увидела лишь своего младшего сына, безмятежно сопящего у порога.

Пушистый свитер

Лондон, 18 декабря 1977 года

С начала семестра Кэти Эванс, сама того не желая, втрескалась в Искендера по уши. Алекс. Александр. Пошел он в задницу. Наглый идиот. Так тащится от себя, что смотреть смешно. Вечно окружен прилипалами и строит из себя самого крутого. И все же она чувствовала, что огоньки, тлеющие в его темных глазах, прожигают ее насквозь и ей отчаянно хочется коснуться его гладкой оливковой кожи. В конце концов Кэти набралась храбрости, подошла к нему первая и спросила, не хочет ли он в ближайшее воскресенье сходить с ней в кафе. В ответ он бросил «О'кей» и сообщил, что утром по воскресеньям помогает матери, с одиннадцати до двух у него тренировка в боксерской секции, а после он готов с ней встретиться, если она так хочет.

Первую половину воскресного дня Кэти провела в своей комнате, примеряя один наряд за другим и сосредоточенно разглядывая себя в зеркале. Мохеровые джемперы ярких цветов – абрикосовый, лавандовый, бирюзовый, – которые она покупала вместе с матерью, казались старомодными. Все юбки были уродливыми, слишком длинными или слишком короткими, все платья годились только для маленькой девочки, так же как и туфли фирмы «Мэри Джейн». Взглянув на свой гардероб глазами Искендера, она ужаснулась: такими скучными и детскими были все ее вещи. Испытав приступ жесточайшего отчаяния, во время которого все содержимое ее шкафа оказалось на полу, она решила, что оденется без всяких претензий: джинсы, спортивные туфли, голубой свитер. Волосы она собрала в конский хвост и ограничилась минимумом косметики. Кэти надеялась, что ее повседневный облик он воспримет как признак самоуверенности или скромности, а может, что самое лучшее, и того и другого сразу.

В кафе, где было назначено свидание, Кэти явилась на пять минут раньше, хотя по пути разглядывала свое отражение во всех витринах. Через сорок минут после назначенного времени Искендера все еще не было. Слишком гордая, чтобы признать поражение, Кэти заказала официанту еще одну кока-колу. Сначала она хотела заказать свой любимый молочный коктейль с клубникой и бананом, но, поразмыслив, решила, что это будет слишком по-детски.

Когда второй стакан колы был почти допит, а терпение Кэти подходило к концу, дверь открылась и вошел Искендер со спортивной сумкой на плече. Волосы у него были еще влажными после душа. Он как ни в чем не бывало жевал резинку и явно не испытывал неудобства оттого, что опоздал на свидание.

– Привет, красотка, – бросил он, подходя к ее столику.

Стоило ей услышать это глупое и нахальное словечко «красотка», вся ее ярость испарилась, а щеки вспыхнули румянцем.

– Долго ждала?

– Ничего, ерунда.

Его глаза откровенно рассматривали ее, словно ощупывая волосы, губы, грудь, скрытую мешковатым свитером. Любопытно, почему она не сочла нужным принарядиться, спрашивал он себя.

– Как твоя тренировка?

– Отлично. Тренер у меня крутой. Крепкий орешек. Раньше воевал в Северной Ирландии. Там навидался всякого.

– Он что, и людей убивал?

– Людей убивал? – ухмыльнулся Искендер. – Да на его счету не меньше десятка трупиков. И сам весь в шрамах. Этот парень учился боксу в боевой обстановке.

Кэти с облегчением ощутила, что щеки начали остывать. Хорошо все-таки, что не стала выпендриваться и оделась так буднично, решила она.

– Чем ты тут себя баловала? – спросил Искендер, указывая на ее пустой стакан.

– Выпила две колы. Догоняй.

– Нет. Ненавижу колу, – заявил Искендер. – От нее у меня живот раздувает. Говорят, в ней полно всякой вредной дряни, недаром они держат свой рецепт в секрете. Я лучше выпью молочный коктейль.

На лице Кэти не дрогнул ни один мускул. Искендер позвал официанта и заказал колу для нее и молочный коктейль с бананом и клубникой для себя. Они принялись болтать о школьных делах и о том, какие невероятные придурки встречаются среди их одноклассников и учителей. Кэти чувствовала себя почти счастливой, но Искендер, внезапно помрачнев, вдруг спросил:

– Скажи, с чего тебе взбрело в голову со мной встречаться?

Кэти растерянно заморгала. Не могла же она признаться, что всю минувшую ночь, устроив магнитофон на кровати, слушала песню «Би-Джиз» «Как сильна твоя любовь» и прокрутила ее, наверное, сотню раз.

– Ну, мне просто захотелось... пообщаться с тобой... – пробормотала

она.

– Послушай, я не хочу тебя обидеть. Ты классная девчонка, кто бы спорил, но мы с тобой... не подходим друг другу. Понимаешь... Я не тот парень, какой тебе нужен. Я живу в другом мире.

Кэти прикусила губу. Ей хотелось расплакаться, словно у нее украли что-то драгоценное и очень для нее важное. Он отверг ее прямо и откровенно. Он считал, что они не пара, он был недостижим, и все это рождало в ней одно желание: во что бы то ни стало завоевать его сердце.

– Но ты меня совсем не знаешь, – сказала она, пытаясь вновь навести мост, который он только что разрушил.

– Ты все же обиделась. Прости, – вздохнул Искендер, однако лицо его не выразило ни малейшего раскаяния.

Приятно было видеть эту вообразилу Кэти Эванс в таких расстроенных чувствах. Еще приятнее было сознавать, что она в него втюрилась.

– Знаешь, что я скажу? Мы с тобой неправильно начали. Давай попробуем еще раз.

Он подался вперед и пожал ее руку.

– Привет, как дела? Меня зовут Искендер. Можешь звать меня Алекс.

Губы Кэти дрогнули в едва заметной улыбке.

– Рада познакомиться, – проронила она.

Прежде чем они вышли из кафе, Искендер извинился и отправился в туалет. На лестнице он едва не столкнулся с каким-то молодым человеком, тощим, бритоголовым и прыщеватым. Молодой человек, который работал продавцом в расположенной по соседству кондитерской, проводил Искендера взглядом, и в глазах его что-то вспыхнуло.

В туалете у писсуара стоял чернокожий парень. Насвистывая какой-то жизнерадостный мотив, Искендер вошел в кабинку, закрыл за собой дверь и замер, пораженный тем, что увидел. На дверях была изображена огромная свастика, а рядом с ней расистские лозунги и угрозы. И под всем этим подпись: «Белая сила». Некоторые слова были нацарапаны каким-то металлическим предметом, другие небрежно выведены краской из баллончика. Искендер прикоснулся к краске. Еще свежая. Сделано совсем недавно.

Он быстро вышел из кабинки и кивнул чернокожему парню, который теперь мыл руки. Судя по его испуганному виду, он тоже заметил художества на дверях. Возвращаясь к Кэти, Искендер горько жалел, что не вошел в туалет на несколько минут раньше. Тогда он наверняка застал бы неизвестного расиста за работой и показал ему, где раки зимуют.

Они отправились гулять, долго бродили без цели, проходя мимо овощных магазинов, булочных и аптек, в витринах которых начали зажигаться огни. Хотя день был пасмурный и небо скрывала пелена туч, по улицам сновали толпы прохожих, спешивших по своим делам.

Они зашли в парк Виктории, постояли у пруда, посмотрели на лебедей, потом прогулялись по лужайке. Приятно было ощущать под ногами траву, упругую и свежую. Искендер обнял Кэти за талию, привлек к себе и поцеловал. Ей нравился его запах, вкус его губ. Ей нравилось, что он не пытался просунуть руки ей под свитер и потискать груди, как это делали другие мальчишки. Она слышала, что в голосе его звенит желание. Желание плескалось в его глазах и бушевало в душе.

Держась за руки, они сели на скамейку и принялись наблюдать за гуляющими. О каждом, кто проходил мимо, они тихонько отпускали какое-нибудь насмешливое замечание. Чокнутый. Тощая селедка. Старый хрен. Несколько человек улыбнулись им, радуясь тому, что видят влюбленную молодую пару. Другие предпочитали отвести глаза.

– А как тебе этот тип? – спросила Кэти. – Похож на пидора, правда?

Проследив за ее взглядом, Искендер увидел худощавого темноволосого молодого человека, который приближался к ним по дорожке. Спина Искендера моментально напряглась, рука, обнимавшая Кэти, упала.

– Что с тобой? Ты его знаешь?

Искендер, не говоря ни слова, повернулся к дорожке спиной и поднял воротник куртки. Молодой человек, которого все звали Оратор, прошел мимо, даже не удостоив их взглядом.

– Что случилось? Ты не хочешь с ним встречаться? – настаивала Кэти.

– Все это ерунда. Но лучше бы он не видел нас вместе.

Кэти была до крайности заинтригована, но вытянуть из Искендера больше того, что он хотел сказать, ей не удалось. Ей пришлось смириться с тем, что он становится нем как рыба, когда речь заходит о его семье и детских годах. Некоторые стороны его характера оставались для нее загадкой. Она решила, что в глубине души он добрый, хотя и легко выходит из себя. На следующем свидании он наверняка будет с ней нежнее. В этом она не сомневалась. Как и в том, что следующее свидание состоится.

Рождественские чудеса

Лондон, 24 декабря 1977 года

В просторной, залитой ярким светом кухне суеилось множество поваров и их помощников. Элайас, владелец и шеф-повар ресторана «Клео», стоял у огромной плиты, на которой шипели и булькали несколько сковородок и кастрюль. Он медленно помешивал грибной соус. Тот был почти готов, но еще не доведен до совершенства. Для того чтобы сделать его кулинарным шедевром, требовалось добавить щепотку тертого мускатного ореха. Ровно за минуту до того, как соус будет снят с плиты. Это был маленький секрет Элайаса. А сегодня все блюда следовало превращать в кулинарные шедевры. Ведь сегодня сочельник.

Православный христианин по рождению, агностик по убеждению, Элайас тем не менее любил рождественскую атмосферу: нарядные витрины, семейные сборища, подарки, но особенно предчувствие чудес. В детстве его любимым святым был Андрей Критский – не потому, что он превосходил прочих святых благочестием и добродетелями, но потому, что он сам был ходячим чудом. Немой от рождения, святой Андрей в семь лет неожиданно заговорил и начал изрекать истины, казалось бы, непостижимые для ребенка его возраста. Маленький Элайас обожал эту историю и с особым удовольствием представлял, как поражены были взрослые, когда немой мальчик произнес первые слова. Радовал его также тот факт, что святой вошел в историю как пламенный проповедник и сочинитель церковных гимнов и канонов. Если тот, кто от рождения был обречен молчать, смог достичь всего этого, значит жизнь не такая уж безнадежная штука, какой иногда кажется.

Бросив в кастрюлю мускатный орех, Элайас выключил огонь. К плите подскочил его помощник и осторожно вылил соус в фарфоровый сосуд, где ему предстояло остывать до того момента, когда его подадут на стол вместе с пятьюдесятью пятью порциями говяжьего филе.

Прежде чем приступить к приготовлению следующего блюда – грушевого пирога с пряностями и кленовым сиропом, – Элайас поглядел на часы. Он никогда не использовал в кухне металлическую утварь. Это был еще один его секрет. Все должно быть из дерева. Металл лишен жизни: он слишком холодный и гладкий. А дерево шероховатое, неровное, зато живое.

До Рождества оставалось всего семь часов. А до прихода нового, 1978

года всего несколько дней. Элайас не связывал с наступающим годом больших ожиданий. Точнее, он ждал одного: что новый год не будет таким ужасным, как уходящий.

Пожалуй, этот год был самым тяжелым из всех пятидесяти лет его жизни. В начале года карьера Элайаса шла на подъем, у него была красивая жена и просторный дом в Ислингтоне. Семь месяцев спустя он, одинокий, лишенный будущего, оказался в крошечной квартирке. Кроме нескольких близких друзей, он ни с кем не общался – никак не мог оправиться от удара, который нанес ему развод, и сравнивал сам себя с заводным поездом, у которого сели батарейки именно в тот момент, когда он взбирается на холм. Такой поезд неминуемо сходит с рельсов, и ничего тут не поделаешь. Развод, во время которого оба супруга проявили самые неприглядные стороны своего характера, забрал всю его энергию. Обсуждая финансовые вопросы, Элайас разговаривал на повышенных тонах и с удивлением замечал, что не узнает самого себя. В конце концов он счел за благо отказаться от всего – от жены, от дома, от воспоминаний.

Он любил свою жену и в глубине души до сих пор не переставал любить ее. Именно Аннабел с ее изящной фигуркой, узкими плечами, бледной кожей, безупречным британским произношением и оригинальными идеями стала единственной причиной, побудившей его перебраться в эту страну. Аннабел была большей англичанкой, чем сама королева, и не желала перерезать пуповину, связывающую ее с родителями, живущими в Глостершире. К тому же она была основательницей первого в Англии юридического центра, отстаивающего права женщин. Профессия Элайаса позволяла ему работать в любой точке земного шара, поэтому казалось вполне естественным, что после короткого медового месяца, проведенного на Ибнице, молодожены обоснуются в Лондоне.

Элайас не возражал против этого плана, однако пустить корни в Лондоне оказалось нелегко. В начале семидесятых этот город мало напоминал кулинарный рай. Первоклассные рестораны можно было пересчитать по пальцам; любое новаторство, не говоря о многонациональной кухне, воспринималось в штыки. Правда, индийская кухня пользовалась некоторой популярностью, но все блюда готовились совершенно не так, как привык Элайас. Что касается английской кухни, она казалась ему тяжелой и скучной. Однако посетители ресторанов были консервативны и подозрительно относились к новым блюдам, которые он им предлагал.

В результате их супружеская жизнь завершилась тем же, чем началась: сознанием того, что перемены назрели и совершать их нужно

безотлагательно. После того как документы были подписаны, все имущество, доставшееся Элайасу после семи с половиной лет семейной жизни, исчерпывалось старой персидской кошкой по кличке Магнолия и фотоальбомами, в которые он больше не желал заглядывать. Еще ему осталась горечь, пропитавшая не только его воспоминания, но даже сны.

В середине лета ему позвонила мать и сообщила, что у отца случился второй инфаркт, оказавшийся смертельным. О первом инфаркте Элайас и знать не знал.

– Он каждый день вспоминал о тебе, – сказала мать. – Папа очень уважал тебя, считал, что ты поступил правильно, настояв на своем выборе. Но он был слишком горд, чтобы сказать об этом тебе лично.

Связь была скверная, в трубке что-то потрескивало и щелкало, и Элайас сомневался, что расслышал мать правильно.

– Я скоро приеду домой, мама! – прокричал он.

– Не спеши, дорогой, – ответила она. – Ты приедешь повидаться со мной и Клео, когда все мы немного оправимся. А сейчас мы вряд ли сможем помочь друг другу. Оставайся там, где ты сейчас, и делай то, что считаешь нужным. Твой папа хотел именно этого.

Слова матери только укрепили Элайаса в решении не покидать Лондон, которое он уже принял. Он собирался работать до самозабвения, окружить себя работой, словно коконом, сквозь который не проникнет прошлое. Быть может, настанет время, размышлял он, когда он выйдет из этого кокона, чудесным образом преобразившийся, точно гусеница, ставшая бабочкой. В 1977 году работа была единственным, что ему не изменило, единственным, что его поддерживало. Ресторан процветал, словно компенсируя своему владельцу запустение, царившее во всех прочих сферах его жизни, и Элайас уже собирался открыть второй в Ричмонде.

К этому времени Элайас уже привык к постоянной боли. Она зарождалась где-то в желудке и расползалась по всей грудной клетке, мешая ему смеяться, а иногда даже дышать. Друзья продолжали ему звонить и требовать, чтобы он прервал свое затворничество. Они оставляли сообщения на автоответчике, устраивали ему свидания вслепую. Но Элайасу не хотелось встречаться с незнакомыми женщинами – женщинами, которые слишком переоценивали или, напротив, недооценивали себя. Он предпочитал проводить время наедине с собой и находил все больше оправданий своему выбору. Одиночество, которого он так боялся всю свою жизнь, стало теперь осязаемым, он плавал в нем, точно в мутной воде, и оно проникало во все поры его кожи, наполняло кровеносные сосуды и

насквозь пропитывало ткани его тела. Как ни странно, это ощущение вовсе не было ужасным.

Розовая Судьба – таким необычным именем представилась эта женщина. Элайас не мог не заметить, что между нею и Аннабел лежала пропасть. Если бы его бывшая жена познакомилась с Пимби, она снисходительно улыбнулась бы, сочтя ее наивной дурочкой. Возможно, она сказала бы, что в глубине души все мужчины предпочитают именно такой тип женщин. Наивная дурочка не станет изводить вопросами, не станет критиковать, придирается и противоречить. Вот только беда, непременно добавила бы Аннабел, в природе подобных женщин не существует. Есть только те, что разыгрывают из себя наивных дурочек, и те, кто не видит надобности в подобных играх.

И хотя эти аргументы представлялись ему недалекими от истины, Элайас продолжал думать о Пимби. Сначала он надеялся, что она заглянет в ресторан и они вдоволь наговорятся о вещах, которые интересны им обоим. А может, даже поделятся кулинарными рецептами. Дружеский обмен опытом. И ничего больше. Он особенно заботился о своей внешности, чтобы произвести хорошее впечатление, но недели проходили, а она не появлялась. Постепенно им овладела уверенность, что Пимби никогда не придет. Зачем ей приходить? По всей вероятности, он так долго отгораживался от реальности, что теперь реальность не желает иметь с ним ничего общего.

Как и всегда, его успокаивала только работа. Сегодня в ресторане царил обычное рождественское оживление, а кроме этого, намечались два банкета. На кухне все носились как угорелые, и никому не пришло в голову спросить, с какой стати шеф-повар в последний момент включил в меню еще одно блюдо: рисовый пудинг с апельсиновой цедрой.

Когда говяжьи отбивные уже мариновались в остром соусе, к Элайасу подошел один из его помощников:

– Шеф, к вам пришли.

С трудом выныривая из водоворота собственных мыслей, Элайас вскинул бровь:

– Что?

– Вас спрашивают.

– Скажите, что мне некогда. Пусть подождут.

Помощник пожал плечами и повернулся, чтобы уйти. И тут Элайаса внезапно озарила догадка.

– Погодите, – остановил он помощника. – Это случайно не женщина с волосами цвета осенних листьев?

– Цвета осенних листьев? Я не совсем уверен, шеф, что это за цвет...
– Долго объяснять, – буркнул Элайас, решивший проверить свою догадку сам.

Годы спустя после того рождественского сочельника Элайас с удивительной отчетливостью помнил, как он пересек кухню, вытер руки полотенцем, вышел в холл и замер, увидев ее. Пимби сидела в кресле, натягивая юбку на колени, словно та вдруг показалась ей слишком короткой. На плече у нее висела ярко-красная сумочка, на лице застыло виноватое выражение. Казалось, она сама не могла поверить, что все же решилась прийти сюда.

Они устроились за столиком. Сидеть в пустом ресторане было странно, а сотрудники, сновавшие туда-сюда, усугубляли это ощущение. Каждые несколько минут кто-то из поваров подходил, чтобы задать очередной вопрос, и всякий раз Элайас пытался отвечать спокойно, но в голосе его прорывалось раздражение.

– Вам надо вернуться в кухню, – вскоре сказала Пимби.
– Нет-нет, не волнуйтесь. У меня есть время, – солгал Элайас.
– Пожалуйста, возвращайтесь, – настаивала она. – И если можно, я пойду с вами.

– Вы уверены, что хотите этого? – спросил он. – Там у нас настоящий сумасшедший дом. Всего два часа до начала обеденного времени, и все квохчут и носятся, как куры в курятнике, в который ворвалась голодная лиса.

Пимби улыбнулась, ничуть не испуганная. Парикмахерская сегодня закрыта, сказала она, а Рождество ее семья не отмечает. Так что у нее полно свободного времени. И она не прочь стать еще одной курицей в его курятнике. Элайас, по-прежнему не уверенный в том, что поступает разумно, провел ее в кухню. К счастью, все были слишком заняты, чтобы глазеть на Пимби. По ее настоятельному требованию он выдал ей фартук, колпак, нож, и она принялась резать перец, крошить петрушку, чистить имбирь... Работала она без передышки, не говоря ни слова.

Когда Пимби настало время уходить, Элайас проводил ее до дверей. Они стояли под картиной, с которой на них равнодушно смотрела обнаженная женщина с неестественно белой кожей, – то была копия «Большой одалиски» Энгра. По разным причинам оба ощущали неловкость и отводили глаза и от картины, и друг от друга.

– Я ваш должник, – сказал он, но, догадавшись, что она не понимает, добавил: – Спасибо за помощь.

– И вам спасибо, – ответила она. – Вы ведь тоже мне помогли.

На этот раз он так боялся сказать или сделать что-нибудь неверно, нарушить нормы этикета, что протянул руку для пожатия. Но она, словно не заметив этого, нежно коснулась губами его щеки.

*

Тюрьма Шрусбери, 1991 год

Этим утром я иду к офицеру Эндрю Маклаглину, чтобы забрать открытку, присланную сестрой. Он знает, что я приду.

Он заставляет меня ждать полчаса, и вовсе не потому, что чертовски занят. Просто он хочет напомнить, кто здесь босс. Вместе со мной ждет новенький, который чувствует себя рыбой, вынутой из воды. Он нервно качает ногой и сжимает в руках какие-то бумаги. Наверняка хочет подать жалобу. Стоит бросить на парня взгляд, сразу видно, что он желторотый молокосос, еще не успевший хлебнуть лиха.

«Не будь кретином, – хочется мне сказать. – Не ищи неприятностей на свою задницу».

Стучать в тюрьме – это вообще опасное занятие, особенно в первые недели, когда все за тобой следят, как стервятники за добычей, а ты еще не разобрался, кто здесь кто. Сдуру можно наступить на такую мозоль, которую лучше не задевать. Все, что тебе останется после этого, – удавиться.

Стена напротив меня сплошь увешана плакатами и флаерами. Тут и общество друзей и родственников заключенных, и благотворительная программа поддержки узников, и прививки против гепатита В и С, и пересадка органов, и гормонозамещающая терапия. Человеку с воли вся эта мешанина напомнила бы, что в жизни много всякого паскудства. Но птицам вроде меня, тем, кто провел в клетке больше десяти лет, дурацкие бумажонки кажутся вестниками из свободного мира, о котором мы мечтаем.

Мне было восемь лет, а Эсме почти семь, когда мы приехали в Англию и со второго этажа огромного красного автобуса увидели королевские часы с боем – те, что называются Биг-Бен. Язык мы выучили быстро – в отличие от родителей, которым он давался нелегко, особенно маме. Главная трудность состояла даже не в том, что она не могла усвоить грамматику. Она вообще не доверяла английскому. Турецкому, кстати,

тоже. И даже своему родному курдскому. Слова порождают проблемы, так она считала. Именно из-за слов люди не понимают друг друга. Поэтому она боялась людей, умеющих ловко играть словами: журналистов, писателей, юристов. Мама любила песни и молитвы, ведь там слова если и имеют значение, то второстепенное.

Дома мама говорила с нами на турецком, который приправляла курдскими словами. Мы отвечали только по-английски и между собой разговаривали только по-английски. Я всегда подозревал, что из этих разговоров мама понимала больше, чем хотела показать.

Наверное, все иммигранты в какой-то степени боятся нового языка. Если взять толстенный кирпич Оксфордского словаря и попросить человека, только что прибывшего в страну, растолковать пару-тройку статей, он наверняка сядет в лужу. Идиомы и метафоры – вот то, что приводит в полный тупик. Можешь ломать голову сколько угодно, ты ни в жизнь не догадаешься, что «пинать корзинку» означает «бездельничать». При этом ты отлично знаешь, что такое «пинать» и что такое «корзинка», но вместе они остаются белибердой. Устная речь всегда дается тяжело, заставляет нервничать и чувствовать себя полным идиотом.

Моя сестра из тех, кто не боится слов. Эсма любит язык. Она плавает в нем, точно утка в пруду. К незнакомым выражениям она относится как коллекционер к редким монетам. Едва услышав непривычную метафору, берет ее на вооружение. Она любит слова, любит, как они звучат, любит смысл, скрытый за этим звучанием. Эсма с детства много читала, и мама боялась, что она испортит зрение и этим понизит свои шансы на удачное замужество. Что касается меня, ни времени, ни желания читать у меня не было. Уличный сленг нравился мне куда больше книжного языка, казался намного живее и выразительнее. А после того как начал заикаться, я вообще предпочитал помалкивать.

Здесь, в тюрьме, я изменился. Конечно, не сразу. Хотя я не отношусь к числу «особо доверенных», Мартин разрешил мне пользоваться библиотекой после закрытия. Я читаю и размышляю. Два этих занятия способны сделать жизнь в тюрьме ступенькой, ведущей в ад или на небеса – в зависимости от того, до чего додумаешься.

Естественно предположить, что парня, совершившего такое преступление, все презирают и ненавидят. Странно, но это не так. Я получаю письма, открытки и подарки из городов, названия которых мне порой совершенно незнакомы. Мне пишут мальчишки, которые мной восхищаются. Они понятия не имеют о моей жизни и тем не менее

считают меня героем. Пишут женщины, готовые выйти за меня замуж и излечить мои душевные раны своей любовью. Похоже, у этих баб не все в порядке с головой.

А еще меня осаждают «братья во Господе», жаждущие со мной «поработать». Они представляют все существующие на земле религии. Моя особа жутко привлекательна для этого народа. Время от времени я даже получаю разную хреновень от «Нью Эйдж»: буклеты, кассеты, брошюры. «Дорогой брат, позволь нам помочь твоей страждущей душе и просветить светом истинной веры тьму, в которой она томится». Пустые слова! Эти ребята без конца твердят о любви к ближнему и при этом готовы заживо сжечь всякого, кто с ними не согласен. Такие парни, как я, для них самая желанная добыча, которую они ни за что не выпустят из когтей. Очень уж им хочется вернуть грешника на путь истинный и заработать у Бога лишнее очко. Выходит, мы, отбросы общества, человеческий мусор, преступные и падшие души, – их билет на небеса.

Однажды ко мне явилась журналистка: тощая, как палка, но одета классно, юбка короткая, стройные длинные ножки выставлены напоказ. Она приходила ко мне несколько раз и вроде бы здорово мне сочувствовала.

– Мне вы можете полностью доверять, Алекс! – уверяла она. – Я хочу разобраться в том, что толкнуло вас на этот поступок, и потом рассказать об этом людям.

В общем, несла всякую благородную околесицу. А потом написала такую дерьмовую статью, что я переплевался, пока ее читал. Из ее писанины выходило, что я с детства был избалованным мамочкиным сыночком. Мама носилась со мной, как курица с яйцом, потому что такова уж восточная традиция: творить кумира из старшего сына. И прочая фигня в том же роде. Я так разозлился, что, когда эта журналистка приперлась снова, отказался с ней разговаривать. Правда этот народ интересуется меньше всего на свете. Все, что они хотят, – подогнать твою историю под свои любимые штампы.

Обо мне написано несколько докладов и даже диссертация в одном из университетов Лондона. Какой-то политик использовал меня, чтобы размазать по стенке всех иммигрантов-мусульман. «Преступление, совершенное этим человеком, – убедительный пример того, что мусульмане не способны принять базовые ценности европейской цивилизации» – такую пулю он отлил в своей речи. При этом он никогда в глаза меня не видел. Как и мою мать. Для таких людей мы лишь средство для достижения собственных целей.

Дверь отворяется, офицер Маклаглин выглядывает в коридор:

– Ну, кто тут ждет?

Он делает мне знак войти. Со времен Мартина офис изменился до неузнаваемости. Удивляться тут нечему. Мартин и его преемник – совершенно разные люди. Старину Мартина мы уважали.

Маклаглин сидит за столом и листает какую-то папку. Ясно. Это мое досье.

– Значит, вы родились в тысяча девятьсот шестьдесят втором году, – говорит он. – Мы с вами ровесники. Родились в один и тот же год, в один и тот же месяц. Надо же, какое совпадение.

Юнус по знаку зодиака Лев, Эсма – Дева, а я – Скорпион. Как и офицер Маклаглин.

– Говорят, существуют два разных типа Скорпионов, – продолжает он. – Вы об этом слышали? Скорпионы, которые отравляют других, и Скорпионы, которые отравляют сами себя. – Он пялится на меня, словно пытаюсь решить, являюсь ли я аномалией, объединяющей в себе обе долбаные категории. – Здесь говорится, что вас периодически помещают в одиночную камеру. Вы часто затеваете драки. Да, похоже, кулаки у вас так и чешутся! Сломали нос сокамернику, набросились на офицера охраны. Еще одному сокамернику переломали пальцы. Четыре пальца. – Он делает паузу и окидывает меня взглядом от макушки до пят. – Наверное, это очень больно, когда тебе ломают пальцы? – (Мой желудок судорожно сжимается.) – Скажите, Алекс, а как вы это сделали? Прижали его руку к твердой поверхности и хрястнули чем-то тяжелым по пальцам или ломали их один за другим?

Я знаю, зачем ему все это. Он напоминает мне, кем я был и кем, возможно, остался. Моя жизнь здесь, в тюрьме, состоит из двух частей. Поначалу я был для всех настоящим чирьем в заднице. Иначе не скажешь. Я просто исходил от злости и готов был уничтожить весь мир. А потом наступил другой этап, который продолжается до сих пор. Я по-прежнему злюсь, но больше на себя, чем на других.

– Я с размаху ударил его рукой о стену, – сообщаю я.

– Вот как? – Маклаглин понимающе кивает. – А офицер охраны? Чем он вам не угодил?

– У нас вышла небольшая ссора.

Честно говоря, этот отморозок сам напросился. Он наезжал на меня, словно хотел проверить мое терпение. Всячески меня провоцировал, осыпал ругательствами, несколько раз заставлял раздеваться и искал черт знает что у меня в заднице. В общем, он получил то, на что нарывался. Я

полоснул по его поганой морде лезвием, которое прятал в тубике зубной пасты. Потом его перевели в другую тюрьму. Говорят, у него остался здоровенный шрам.

– В вашем досье говорится, что у вас наблюдались судороги, эпилептические припадки, мигрени, приступы паники и страха, помутнение сознания... Были также суицидальные попытки... Гмм... – Он на миг умолкает, видно обнаружив что-то особенно интересное. – Нарушения речи! И в чем же они выражались?

– Я заикался, – поясняю я. – Какое-то время.

Заикание прошло, хотя и не полностью. Когда я нервничаю, язык у меня снова начинает спотыкаться. Но я не доставлю Маклаглину удовольствия, признавшись в этом.

Маклаглин снова принимается читать:

– Проходил терапию сильнодействующими седативными препаратами. Тразодон, зимелидин, литиум, паксил, валиум, ксанекс.

Некоторые из этих снадобий вообще не действовали, другие действовали лишь короткое время. Некоторые давали столько побочных эффектов, что я чувствовал себя только хуже. Из-за литиума я начал жиреть. Зимелидин вызывал приступы тошноты, такие сильные, что мне казалось, я вот-вот выблюю собственные внутренности. А из-за тразодона у меня как-то возникла болезненная эрекция, которая держалась три дня. Интересно, неужели все эти сведения содержатся в моем досье? А может, Маклаглин залез в мою медицинскую карту? Это, кстати, уже нарушение закона.

Неожиданно Маклаглин испускает сдавленный смешок:

– О, вы не едите мяса!

Я киваю.

Он снова усмехается:

– Ох, простите. Но понимаете, когда узнаешь, что тип вроде вас... Я имею в виду, человек, который убил свою мать и постоянно увечит других людей, так жалеет животных, что не хочет есть мясо. Согласитесь, это немного странно.

Я воздерживаюсь от комментариев. Повисает тяжелое молчание.

– Могу я забрать свою открытку?

– Конечно, – отвечает он, внезапно посерьезнев. – Как только вы скажете, по какой причине вы позволили сокамернику себя отдубасить, вы получите свою открытку.

– Ему в тот день было очень хреново. Жена потребовала развода. Ему нужно было выпустить пар.

– И вы, как положено доброму самаритянину, предоставили для этой цели свою дружескую грудь?

Маклаглин выдвигает ящик стола и достает открытку Эсмы. К моему великому удивлению, он без всяких фокусов вручает ее мне. Потом говорит:

– Некоторые идиоты утверждают, что Гарри Гудини умер из-за удара в живот. Якобы у него разорвался аппендикс.

Я молчу. Ни к чему сообщать ему, что я один из таких идиотов. Если несколько раз ударить по зоне аппендикса с достаточной силой, можно добиться результата. Все зависит от угла. По крайней мере, стоит попробовать. В конце концов, я ведь ничего не теряю. Я просто экспериментирую со смертью.

– Алекс, судя по сведениям, которыми я располагаю, вы всячески пытаетесь ускорить свою встречу с Создателем. Похоже, вы из тех Скорпионов, что отравляют сами себя.

А этот паршивец умнее, чем я думал. Но никаких признаний он от меня не дожидается.

– Зачем мне убивать себя? Скоро я выйду на свободу.

Тут офицер Маклаглин привстает, перегибается через стол и, буравя меня глазами, говорит такую умную вещь, какой я от него никак не ожидал:

– Алекс, мы ведь с вами знаем, что вы никогда не выйдете на свободу. Из тюрьмы вы можете выйти, это да. Но даже когда вы будете разгуливать по улицам, вы останетесь пленником преступления, которое совершили.

Он опускается на стул.

– Зарубите себе на носу: смерть Гудини не имела никакого отношения к ударам в живот. Приступ аппендицита невозможно спровоцировать таким образом.

– Зачем вы мне это говорите?

– Затем, что опытный мореплаватель, чуя близость шторма, держит курс в гавань.

– А если никакого шторма не будет? – спрашиваю я, поднимаясь. – А ваш корабль будет торчать в гавани, вместо того чтобы продолжать плавание?

Я сознаю, что совершаю ошибку. Мне не следует разговаривать с ним в таком тоне. Но во мне проснулась гордость – если только она когда-нибудь спала.

– Сидеть! – командует Маклаглин.

Я повинуюсь. Мы оба молчим, чего-то выжидая. Так проходит минута, а может, и больше.

– Можете идти, – кивает Маклаглин.

Я иду к двери и слышу, как он бормочет себе под нос:

– И зачем только весь этот сброд прется в Англию? От них одни проблемы.

Неприязнь, с которой в Британии относятся к иностранцам, всегда застигает меня врасплох. Здесь тебя не будут звать в лицо черномазым или чуркой, хотя иногда приходится слышать и такое. В отличие от других стран, расизм здесь не высовывается наружу каждый день. В Англии он благовоспитанный, скрывается под лоском хороших манер. Твой цвет кожи и религия почти никого не волнуют. Тебя презирают за то, что ты не в состоянии усвоить культуру этой высокоцивилизованной страны.

Я возвращаюсь в камеру, приветствуя по дороге своих знакомых. Большинство здешних арестантов – коренные англичане, но есть среди них и африканцы, арабы, испанцы, русские, болгары. Среди людей всех наций встречаются хорошие парни и законченные ублюдки. Таково мое мнение. И у всех мозги одинаково выносит от наркотиков и драк. Лично у меня вместо мозгов уже картофельное пюре.

Наркотиками балуются почти все. Многие начинают запускать лапы друг другу в штаны. Пидорам приходится несладко. Когда я сюда попал, ни одна из здешних группировок не пришлась мне по вкусу, и я решил организовать свою. Это было непросто, но мне удалось. У нас имелись свои неписанные законы, которым подчинялся каждый. С педофилами и насильниками мы обходились жестко. Гомосексов и опущенных среди нас не было. Подсевших на героин и на прочую дурь тоже.

А потом мне все это осточертело. Я не мог заправлять своей группировкой, потому что у меня были дела поважнее. Мне хотелось найти ответы на вопросы, которые вертелись у меня в голове. Тогда-то я стал заниматься членовредительством, и меня посадили на седативные препараты. Наблюдали за мной двадцать четыре часа в сутки, чтобы не дать совершить самоубийство. Какое-то время я летел все ниже и ниже и никак не мог остановиться.

А потом ко мне явилась мать. То есть, конечно, ее призрак. Или привидение. Можно назвать как угодно. Я ощущал запах ее волос. И этот запах был вполне реален. Она оставалась со мной всю ночь. Я смотрел ей в лицо. Смотрел ей в глаза. И рыдал, как не рыдал никогда в жизни. С той ночи я начал меняться. Сейчас я другой человек. Может быть, я не стал лучше, чем прежде. Но я другой. И эту информацию офицер Маклаглин

никогда не найдет в моем личном деле.

* * *

Я захожу в камеру и вижу, что Триппи лежит на койке, укутавшись несколькими одеялами. Кожа у него пепельного цвета, глаза закрыты. Судя по всему, он под кайфом.

– Ну что? – спрашивает он, не открывая глаз.

– Все путем, – отвечаю я. – Мы не задушили друг друга, и это главное.

– Отлично, – бросает он и вновь впадает в ступор.

С тех пор как Триппи узнал о разводе, он жрет таблетки пригоршнями.

Наплюй ты на эту рыжую стерву, хочется сказать мне. Но я знаю, единственное, что ему нужно сейчас, – это чтобы его оставили в покое. Я уважаю его желание. Поэтому я молча растягиваюсь на своей койке и предаюсь размышлениям.

Есть некий мост, ведущий в иной мир, и мост этот тонок, как волос, и скользок, как угорь. Когда настанет день Страшного суда, каждому из нас придется пересечь этот мост. Крики грешников, которые будут корчиться на кострах, огласят воздух. Всякий, кто творил зло, угодит в пламя, бушующее под мостом. А тот, кто совершал много добра, переберется на другой берег. Животные, которых он приносил в жертву на Иде, воскреснут и помогут ему преодолеть мост. Кто рассказал мне об этом? Точно не помню – наверное, дядя Тарик.

Мне было семь лет, когда я перестал есть мясо. Каждый Ид-уль-Адха (праздник жертвоприношения) мы просили у Аллаха прощения за то, что не можем принести в жертву животное. Соседи приносили нам мясо, и это было очень приятно. Но в последний год, который мы провели в Стамбуле, мама уговорила отца купить барана, причем побольше и пожирнее. Мы ведь собирались перебраться в Англию. Папа уже нашел там работу на фабрике. Бог открыл перед нами новую дверь, и нам следовало Его как следует отблагодарить.

Папа долго упирался, говорил, что это ни к чему, что баран стоит кучу денег, но в конце концов сдался. Проснувшись однажды утром, я услышал бляение, выглянул в окно и увидел здорового барана, который пощипывал в саду травку. Это был настоящий красавец, и к рогам его была привязана алая лента. Мне разрешили кормить и поить его. Следующие два дня я буквально от него не отходил. Это был мой первый и

единственный домашний питомец.

– Не надо слишком привязываться к этому барану, – предупредил дядя Тарик.

– Почему? – спросил я.

Дядя нахмурился:

– Разве родители тебя не сказали? Его скоро заколют.

Заливаясь слезами, я бросился к папе. Он был в хорошем настроении и обещал не трогать животное.

– У меня только один сын, – сказал он. – И если он хочет держать дома барана, у него будет баран.

От радости я готов был прыгать выше головы. Я был горд тем, что мое желание уважили. Горд, что я мальчик, а не какая-нибудь там никчемная девчонка вроде Эсмы. На следующий день меня послали с каким-то поручением. Когда я вернулся, на дереве висела ободранная туша моего барана.

Не знаю, что ранило меня больше: потеря питомца или ложь отца. А может, то, что мама была его сообщницей? Или сознание того, что, хотя я и мальчик, мои желания вовсе не закон для родителей? Мама мазнула меня по лбу бараньей кровью, поцеловала, назвала султаном и побежала в кухню готовить мясо. Дом был весь пропитан густым едким запахом. Вечером, когда передо мной поставили тарелку с мясом, я отказался есть.

– Ты знаешь, сколько стоил этот баран? – рассердился отец. – Нет, ты этого не знаешь, тварь ты неблагодарная!

Тогда, в детстве, я еще не знал, что со мной происходит, зато хорошо знаю теперь. Приступ ярости. Выброс адреналина. Ощущение того, что ты летишь в пропасть и одновременно до головокружения вертишься вокруг собственной оси. Этот приступ накатывает, как волна, поднимает тебя на гребень, и ты готов броситься на кого угодно, даже на собственного отца. Я резко отодвинул тарелку – более резко, чем намеревался. Соус и куски мяса разлетелись по столу. От неожиданности отец заморгал, глазам своим не веря. Действительно, в это трудно было поверить: я бросал ему вызов в присутствии матери и сестры. Отец, конечно, вышел из себя. Я никогда не видел его в таком гневе.

– А ну-ка, ешь, Искендер! – взревел он. – Я не бью своих детей, но ради такого случая могу изменить этому правилу!

Я пожал плечами. Это была последняя капля, переполнившая чашу. Отец вскочил и нагнул мою голову, ткнув меня лицом в лужу соуса. Это было так неожиданно, что мой подбородок, стукнувшись о тарелку,

отскочил, как резиновый мяч. Но мой нос по-прежнему оставался в густой маслянистой подливе. Никогда не забуду ее отвратительный вкус – вкус моей собственной слабости. Отец не позволял мне поднять голову, пальцы его сжимали мой затылок. Давясь, я жевал мясо, с трудом хватая ртом воздух.

Наконец отец отпустил меня. Видно было, что ему стыдно за эту вспышку. Он не был домашним тираном, по крайней мере никогда не распускал руки. Не знаю, что на него нашло. Думаю, он и сам этого не знал.

Мама подбежала ко мне и принялась вытирать мне лицо платком.

– Мой львенок, мой султан. Тебе больно?

Не обращая на нее внимания, я попытался испепелить отца глазами. Взгляд, которым он ответил мне, был скорее страдальческим, чем возмущенным. Что мы делаем друг с другом? Почему вымещаем свою злобу на самых близких?

В тот день я понял, что должен научиться скрывать свой страх. Тот, кто не умеет скрывать страх, подставляет себя под удар. Весь мир будет рад выместить на слабаке свою злобу. А тот, кто обладает силой, сам вымещает злобу на других. С тех пор я ни разу не проявлял слабости. Да, я совершал ошибки. Роковые ошибки. Но слабости не проявлял. Никогда. И никогда больше не ел мяса.

Искендер Топрак

Усы

Лондон, 1 января 1978 года

Эдим проснулся в пять сорок утра. В последнее время он ставил будильник на двадцать минут раньше, чтобы выкроить свободное время, до того как проснется Роксана. Ему нравилось смотреть, как она спит. Лицо ее становилось совсем другим, расслаблялось. Во сне она не сердилась, не досадовала на него за то, что он никогда не станет тем, кто ей нужен. Рот, с которого она на ночь стирала персиковую помаду, становился меньше и уже не казался надменным. Волосы рассыпались по подушке, точно нити волшебного клубка, указывающие во всех направлениях, но главное – в направлении его сердца.

Живя с Роксаной, Эдим порой казался себе человеком, который наблюдает движение корабля по морской глади. Иногда он представлял, как сидит на берегу, приставив ладонь козырьком ко лбу. Он видит, что корабль движется. Двигается медленно, без всякой спешки, но через какое-то время непременно исчезнет за горизонтом. Эдим знал: дни, которые он проведет с Роксаной, сочтены. Она ускользала от него, медленно, но неотвратимо, и все, что ему оставалось, – ждать, когда она превратится в точку на горизонте. Как только Роксана выяснит, что у него совершенно нет денег, она даст ему отставку. Сомневаться в этом не приходилось, потому что Роксана с самого начала ясно дала ему понять: мужчина без денег ей ни к чему. У красивой женщины много потребностей, часто повторяла она. Роксана всегда была невыносимо, убийственно прямолинейна.

Она была свидетельницей его сокрушительного проигрыша, но все же рассчитывала, что какие-то средства у него остались: счет в банке, недвижимость в Лондоне или доходные акции. Уж конечно, он не нищий, рассуждала она. Ведь он так долго живет в этой стране. Каждый день она ожидала, что Эдим наконец откроет свою потайную сокровищницу. Ожидания ее выросли не на пустом месте: Эдим делал все, что от него зависело, чтобы поддерживать ее в заблуждении насчет своей состоятельности.

Правда же состояла в том, что несколько дней назад он потерял работу на заводе. Начальство больше не желало мириться с его рассеянностью и невнимательностью. Теперь он мог добыть средства к существованию только одним способом: одалживая деньги у друзей. Единственным

имуществом Эдима был дом, в котором жила его семья. Шесть лет назад он взял заем на покупку этого дома и пока выплатил только четверть.

Роксана вздохнула во сне и повернулась на другой бок. Ноздри ее раздулись, лицо исказила сердитая гримаса.

– Нет-нет, – произнесла она, потом что-то неразборчиво пробормотала и вновь отчетливо повторила: – Нет.

Эдим затаил дыхание, прислушиваясь. Как он хотел знать, что ей снится. Ее тело лежало в постели рядом с ним, а душа разгуливала неизвестно где с другим мужчиной. Может быть, с тем, кого она когда-то любила. Эдим даже не знал, что хуже: сознавать, что эта женщина ни разу не была влюблена, потому что не способна открыть свое сердце, или выяснить, что ее единственная страстная любовь осталась в прошлом и больше никто не возбудит в ней такое же сильное чувство.

Он осторожно спустил ноги с кровати. Одеяло соскользнуло, обнажив бедра Роксаны. Она всегда спала обнаженной, зимой и летом ей было комфортно в собственной коже. А вот он так не мог. Вечером он всегда надевал пижаму, снимал ее, перед тем как заняться любовью, и потом надевал снова.

– Неужели ты не можешь спать без носков? – смеялась Роксана. – Прямо старик какой-то!

Чтобы сделать ей приятное, он снимал носки и страдал от этого, потому что у него мерзли ноги. Батареи в ее квартире были чуть теплыми. Старые трубы протекали и нуждались в замене. Но Эдим не смел жаловаться. Роксана не нравилось в нем и кое-что еще: усы.

– Англичане не носят усов, – часто говорила она. – Почему ты их не сбреешь? С этими дурацкими усами ты похож на Сталина.

Тихонько ступая в темноте, Эдим вышел в кухню и зажег свет. Царивший здесь хаос изумлял его, хотя ему казалось, он уже притерпелся к беспорядку. Роксана ненавидела домашнюю работу и вечно упрекала его за то, что он ей не помогает.

– Я не обязана тебя обслуживать, – говорила она. – Я ведь тебе не жена, верно?

Ее высказывания всегда были остры, как осколки стекла. Бесцеремонность – неотъемлемая часть ее натуры – отчасти служила способом самозащиты. Его задевала не столько резкость ее замечаний, сколько их обезличенность. Всякий раз, когда Роксана осыпала его упреками, Эдиму казалось, что она обращается не к нему, а ко всем мужчинам, которых знала. Это ранило его глубже всего. Эдим хотел забыть, что в ее коллекции любовников он всего лишь очередной экспонат,

лишенный индивидуальных черт, но она постоянно напоминала ему об этом. Эдим хотел быть уникальным, единственным и неповторимым. Ему было наплевать, сколько мужчин у нее было прежде. Нет, разумеется, не наплевать. Точнее сказать, он смирился бы со всеми ее прежними любовниками, если бы сознавал, что стал для нее особенным. Скажи он об этом Роксане, она подняла бы его на смех. «Разве я когда-нибудь говорила, что люблю тебя?» – наверняка спросила бы она. Как только он заводил разговор о чувствах, чего, кстати, он прежде никогда не делал ни с женой, ни с детьми, она досадливо отмахивалась, словно отгоняя сигаретный дым.

Эдим открыл буфет, стараясь не смотреть в раковину, где высилась пирамида грязных тарелок и кружек. Ухитрившись найти чистую посудину, он принялся готовить кофе по-турецки.

Он поставил кастрюльку на маленький огонь, и через несколько минут кофе закипел. Его бульканье действовало на Эдима успокоительно. Аромат кофе смешивался с кислым запахом, насквозь пропитавшим кухню. Когда кофе был готов, Эдим уселся за стол и несколькими глотками осушил чашку. Он до сих пор не проснулся до конца. Ночь все еще не отпускала его.

Вчера он ходил к школе, где учился его младший сын, и, притаившись в укромном месте, ждал, когда выйдет Юнус. «Точно преступник», – вздыхал он про себя. Когда Юнус наконец появился в окружении друзей, у Эдима сжалось горло и он не смог окликнуть сына. До этого он несколько раз ходил кругами вокруг кафе «Пещера Аладдина», надеясь встретить Искендера. Один раз он увидел его издали – Искендер шел, держась за руки с худенькой светловолосой девушкой. Эдим знал, что у его старшего сына есть подружка-англичанка, но, увидев их вместе, влюбленных, полных юношеского пыла, внезапно почувствовал себя старым, уже отжившим свой век. За те несколько месяцев, что его не было дома, Искендер так вырос! Теперь это был не мальчик, а молодой красивый мужчина. Несмотря на острое желание подойти к сыну, Эдим не смог заставить себя сделать это. Их могли увидеть знакомые. Встречать знакомых было теперь для Эдима сущей пыткой. Разговаривая с друзьями и соседями, он отделялся пустячными замечаниями и старался не смотреть им в глаза. Старался не думать, что у них на уме. Не думать о том, что они считают его подонком, бросившим семью ради танцовщицы из стрип-клуба.

Эдим пересек темный коридор, вошел в ванную, зажег свет и уставился на собственное отражение в зеркале. Глаза ввалились, на щеках следы от прыщей, в волосах белеют седые пряди. Он невольно нахмурился. Интересно, почему волосы на голове уже всю седуют, а усы остаются

черными как смоль? Эдим собирался подровнять усы так, как делал это каждое утро в течение пятнадцати лет. Но у его правой руки оказались другие планы. Подчинившись внезапному импульсу, он схватил бритву.

Когда чисто выбритый Эдим вышел из ванной, Роксана уже проснулась. Сидя в кровати, она листала женский журнал. Ему достаточно было одного взгляда, чтобы понять: спала она плохо и настроение у нее неважное.

– Ты сваришь мне кофе? – спросила она, не поднимая головы.

– Конечно.

В разговорах с ней голос его звучал слегка по-другому, словно эхо его обычного голоса.

– У меня опять болит шея.

Он принялся массировать Роксане шею, круговыми движениями растирать плечи, постепенно опускаясь к пояснице. Она тихонько постанывала, тело ее расслабилось, стало мягким и податливым, как мыльная пена. Он продолжал массировать, прилагая чуть больше силы. Теперь руки его поднимались вверх по ее спине, до тех пор пока пальцы обеих ладоней не встретились на ее шее, сначала случайно, потом нарочно. Мысль о том, что он мог бы убить эту женщину, в очередной раз пришла ему в голову.

– Пойду сделаю тебе кофе, – сказал он.

– Подожди. – Она пристально взглянула на него. – Что с твоим лицом?

– Всего лишь сбрил усы, – пожал плечами он. – Они же тебе не нравились.

Роксана кивнула, но, сама не зная почему, мысленно пожалела о его утраченных усах. Пожалела о том, что этот человек любит ее слишком сильно, о том, что все складывается именно так, а не иначе. Грустная улыбка тронула ее губы. Казалось, в этой улыбке сконцентрировалась вся горечь, которая жгла ее изнутри.

Сюрприз

Лондон, 2 января 1978 года

С утра в окнах парикмахерской «Хрустальные ножницы», украшенных новогодними гирляндами, горела праздничная иллюминация, заливавшая помещение мягким золотистым светом. Рита, еще не успевшая прийти в себя после вчерашней вечеринки, допивала третью чашку черного кофе, когда дверь отворилась, пропуская мужчину средних лет. Держался он со спокойной самоуверенностью, которая могла бы граничить с надменностью, если бы не сияющее приветливой улыбкой лицо.

Вскинув бровь, Рита оглядела посетителя с головы до пят. Он совершенно не походил ни на представителя компании, выпускающей средства для волос, ни на сборщика подписей под каким-нибудь воззванием. Инспекторы, время от времени проверявшие санитарное состояние салона, тоже выглядели совершенно иначе. Судя по одежде, это был вполне респектабельный мужчина – если только в наше время можно судить о человеке по одежде.

– Могу я вам помочь? – спросила Рита.

– Думаю, да. Мне хотелось бы подстричься.

– Боюсь, мы еще не открыты, – хихикнула Рита. – И откроемся только минут через пятнадцать. К тому же...

– О, я готов подождать на улице.

– Я хотела сказать, у нас женский салон. Почему бы вам не заглянуть в мужскую парикмахерскую за углом?

– Я как-то раз там стригся, – сообщил Элайас. – Похоже, их парикмахер до недавнего времени работал газонокосильщиком.

– Ну, я уверена, вы сумеете подыскать достойный салон, – заверила Рита, которой ситуация казалась ужасно забавной.

– Вы заметили, что многие парикмахерские в последнее время обслуживают и мужчин, и женщин? – дружелюбно спросил он. – Так сказать, унисекс.

– Да что вы? – с преувеличенным удивлением пожала плечами Рита.

Посетитель держался вполне адекватно, но все же она не исключала возможности, что он маньяк или кто-нибудь в этом роде.

Пимби, которая чистила расчески в маленькой задней комнате, прислушалась, пытаясь понять, с кем это болтает Рита. Голос показался ей

знакомым, но она не могла поверить, что это действительно он. С бьющимся сердцем она на цыпочках подошла к дверям и выглянула. Увидев Элайаса, беседующего с ее боссом, она испытала такое потрясение, что привалилась к стене, не в силах двигаться.

Элайас ее не заметил.

– Последние четыре года я носил длинные волосы, – произнес он. – Думаю, пришло время перемен.

– Угу, я всегда говорю своим клиенткам, что у женщины должны быть длинные волосы. Так уж заведено от Бога.

К этому времени Пимби поняла, что ей необходимо вмешаться и прогнать его прочь. Но каким образом это сделать, не выходя из границ вежливости? Покусывая губы, она решала этот вопрос.

– О, если вы одобряете мое намерение, надеюсь, вы все же поможете его осуществить, – сказал Элайас. – Это будет благое дело. Видите ли, я повар, и каждый день кто-нибудь из клиентов жалуется, что в супе плавает волос.

– Я бы с удовольствием, – расхохоталась Рита. – Но на половину двенадцатого ко мне записана клиентка.

– Я его подстригу, – подала голос Пимби.

Рита и Элайас одновременно повернулись и уставились на Пимби с таким недоумением, будто она была заговорившей табуреткой.

– Я его подстригу, – повторила Пимби, стараясь, чтобы голос звучал как можно равнодушнее.

Стричь ей уже приходилось. Хотя Пимби не училась на парикмахера, но она много наблюдала за Ритой и понимала, что к чему. Вот уже несколько лет она практиковалась на своих детях, в первую очередь на сыновьях, и, что называется, набила руку.

– Хорошо, договорились. – Рита и пожала плечами, давая понять, что снимает с себя всякую ответственность. Она собиралась что-то добавить, но тут зазвенел колокольчик и в салон вошла клиентка.

Рита направилась к ней с распростертыми объятиями:

– Маргарет, как я рада вас видеть!

Тем временем Пимби усадила Элайаса в кресло в дальнем углу комнаты и одними губами прошептала:

– Зачем вы пришли?

– Я должен был вас увидеть.

– Нет, не должны! – заявила она тоном обиженного ребенка, накинула ему на плечи пеньюар и принялась увлажнять его волосы, брызгая из баллончика.

Элайас заметил, что руки Пимби дрожат – так сильно ее взбудоражил его визит. Ему так хотелось обнять ее за плечи и извиниться за свой поступок, что он с трудом сдерживал это желание. Но хотя он искренне сожалел о своем промахе, удовольствие быть рядом с ней перевешивало раскаяние. Перед ним висело овальное зеркало, и, глядя в него, он наблюдал за каждым ее движением. Наслаждаясь ее прикосновениями, он закрыл глаза, а когда открыл, встретил в зеркале ее изучающий взгляд. Слова, которые она произнесла, противоречили полыхающему в ее глазах интересу:

– Я вас подстригу, но больше никогда сюда не приходите.

– Договорились. Обещаю, что больше никогда не приду.

Немного успокоенная, Пимби первый раз улыбнулась:

– А как вас подстричь?

– Понятия не имею.

Элайас всю жизнь носил волосы примерно одной длины и только сейчас осознал, что не готов изменить свой стиль. Тем не менее он бодро заявил:

– Сделайте меня красавцем, если только это возможно.

– Вы и так красавец, – пробормотала Пимби так тихо, что он чудом ее расслышал.

С другого конца комнаты долетел смех. Рита и ее клиентка смаковали последние сплетни.

– Я должен вам кое-что сказать.

– Что? – напряженно спросила Пимби.

– Ну... понимаете ли... мне хотелось бы узнать вас лучше, проводить с вами больше времени. Но если вы против, скажите прямо, и я исчезну.

Пимби заморгала, щеки ее слегка побледнели. Прошла целая вечность, прежде чем она выдохнула:

– Не надо... исчезать.

Элайас высунул из-под пеньюара правую руку и так, чтобы никто не заметил, пожал правую руку Пимби. Он прикасался к ней не впервые, но все прежние прикосновения были случайными или же вызывали у него приступ смущения и паники. Теперь он сжал ее руку крепко, как человек, падающий в пропасть, сжимает веревку. Она не стала вырываться, хотя он, наверное, причинил ей боль. В этот миг оба испытывали одинаковые чувства: смятение, растерянность, радость. Ее рука трепыхалась в его ладони, как пойманная птичка.

Прошло несколько секунд, прежде чем Пимби освободила свою руку и спросила:

– Так как все же вас подстричь?

– Сделайте меня похожим вот на него, – усмехнулся Элайас.

Проследив за его взглядом, Пимби увидела на столике неподалеку раскрытый журнал, со страниц которого сиял ослепительной фарфоровой улыбкой загорелый голливудский красавец атлетического сложения.

– Вот на этого? – хихикнула Пимби. – Не знаю, получится ли.

– Уверен, получится. Я всегда хотел выглядеть как знаменитость.

Пимби взяла журнал и принялась изучать фотографию. Она прекрасно понимала: красавчик-актер здесь ни при чем, и Элайас просто тянет время, чтобы побыть с ней подольше. В течение следующего получаса она не проронила ни слова, сосредоточенно работая ножницами. Он тоже не пытался завязать разговор. Каждый раз, когда Рита бросала взгляд в их сторону, она видела одну и ту же картину: Пимби работает, сдвинув брови, а странный посетитель листает журнал.

Закончив стрижку, Пимби дала Элайасу зеркало, чтобы он мог увидеть себя сзади. Он подавил сокрушенный вздох, стараясь скрыть, насколько его шокировали коротко стриженный затылок и открытая шея. Когда Пимби сняла с него пеньюар, он спросил как бы между прочим:

– Вы любите кино?

– Что?

– Я имел в виду, вы любите смотреть фильмы?

Пимби молча кивнула. В первые годы, проведенные в Англии, она несколько раз ходила с детьми в кино, но мало что понимала из-за языкового барьера. Актеры говорили слишком быстро.

– А почему вы спрашиваете?

Элайас поймал ее взгляд.

– Я оставил кое-что под баллончиком с лаком для волос, – тихо сказал он. – Это для вас. – Потом возвысил голос и добавил: – Отличная работа. Я очень вам благодарен.

Убедившись, что клиент доволен, Рита просияла. Обменявшись с ней любезностями, Элайас расплатился и ушел. Пимби стояла не двигаясь, уставившись на баллончик с лаком. Там лежал билет в кино: четыре часа дня ближайшей пятницы, кинотеатр в Ист-Финчли. Фильм старый. Черно-белый, немой.

Бесчестье

Лондон, 5 января 1978 года

Тарик являлся счастливым владельцем маленького магазинчика, расположенного на углу Куинсбридж-роуд. Шесть дней в неделю, двенадцать часов в сутки он торговал конфетами, чипсами, сухариками, газированными напитками, замороженными овощами, сигаретами и всякой всячиной. В магазине имелся также стеллаж, где были выставлены десятки газет и журналов – «Mayfair», «Men only», «Fiesta», «Knave», «Penthouse», «Club International». Тарик невольно хмурился, когда взгляд его скользил по некоторым из этих изданий. Эта страна просто рассадник непристойности: куда ни глянешь, всюду фотографии голых баб. Тарик всю жизнь не мог понять, какое удовольствие находят мужчины, пуская слюни над этими фотографиями. И уж тем более он не мог понять, почему женщины позволяют снимать себя в непотребном виде. Неужели у них нет никого из близких – отцов, мужей или братьев? Журналы подобного рода он держал в дальнем углу полки, за жестянками с тунцом и сгущенным молоком. Любители клубнички их все равно отыщут, но пусть эта гадость хотя бы не смущает невинные взгляды.

Тарик почувствовал, что проголодался, и взглянул на часы, висевшие на стене. Всего четверть двенадцатого. Каждый день ровно в половине первого его жена Мерал приносила обед в железных судках: суп на кислом молоке, тушеные баклажаны, рис с фасолью. В задней комнате постоянно шипел самовар, полный кипящей воды. Обычно Тарик выпивал за день около тридцати стаканов крепкого черного чая, всякий раз с кусочком сахара.

Пока он ел, Мерал не сидела без дела: мыла в магазине полы, смахивала пыль с полок и протирала вывеску, гласившую: «Мини Мар...ет „Оазис“». Тарик давно собирался вернуть на место отлетевшую букву «к», но все никак не мог выбрать время для этого. К тому же покупателям было совершенно все равно.

Когда Тарик завершал обед, Мерал собирала грязную посуду и отправлялась домой заниматься хозяйством. Тарик допускал, что когда-нибудь попросит жену помогать ему в магазине. Но никогда не допустит, чтобы она, как Пимби, работала среди чужих людей. Место женщины – дом. Лишь крайняя нужда может вынудить ее искать работу.

В мечеть, расположенную неподалеку, Тарик не заглядывал никогда – ни утром, ни вечером. Он не был религиозен, хотя его густая длинная борода и четки, которые он постоянно держал в руке, заставляли предположить обратное. Бороду он носил, потому что она ему шла, делала солиднее и скрывала отметины, оставленные оспой. Что касается четок, он не расставался с ними по привычке, а не из благочестия. Дома у него была целая коллекция четок из янтаря, бирюзы, коралла, жадеита, оникса. Привычными пальцами он быстро перебирал бусины, не замечая их мерного стука, который заглушали шорох шин и скрип тормозов, доносившиеся с улицы.

Тарик был старшим из трех братьев. Он первым покинул Стамбул и в поисках работы отправился за границу. Вначале он оказался в Германии, в маленьком городке под названием Тройсдорф, где устроился на завод, выпускающий машинное оборудование. Работа оказалась тяжелой, немцы – неприветливыми, их язык не поддавался изучению. Немцы допускают тебя в свою страну, чтобы ты на них пахал, и делают все, чтобы ты не смог здесь прижиться, а как только надобность в твоей работе отпадает, в два счета выгоняют из страны. Общаться с ними – все равно что гладить ежа. Возможно, в душе немцы отзывчивые и приятные люди, точно так же, как ежи – милые и безвредные существа. Но, встречаясь с чужаками, и те и другие выставляют жесткие иглы. Сообщество иммигрантов могло бы помочь Тарику ощущать себя не таким одиноким, но он никогда не умел заводить знакомства и, оказавшись за границей, не стал общительнее.

Тем не менее он подружился со своим коллегой, уроженцем Туниса, и как-то раз в пятницу тот повез его в Гамбург, в знаменитый квартал красных фонарей. Неоновые огни, музыка, взрывы смеха, разноязыкая речь. Тарик был потрясен, увидев женщин, выставленных, подобно манекенам, в витринах. Особенно его поразило надменное выражение их лиц, их гордо вскинутые головы и самоуверенные взгляды. Они совершенно не походили на проституток из старых турецких фильмов, несчастных и побитых жизнью.

– Хочешь заходить? – на ломаном немецком спросил его товарищ и указал на дверь, украшенную мерцающими шарами.

– А что там?

Тунисец загадочно улыбнулся:

– Что там? Там живут киски, приятель. Белокурые киски.

Тарик опустил глаза, уставившись на носки своих ботинок, и едва слышно пролепетал:

– Я не хочу.

Тунисец бросил на него взгляд, полный презрения:

– Понятно, приятель. Не можешь так не можешь.

Тарику отчаянно захотелось ударить его, двинуть ногой по яйцам, но он подавил желание. Тунисец исчез за дверью, оставив его на улице в одиночестве. Сквозь закрытые окна до него доносились пение и женский хохот.

На следующей неделе выяснилось, что тунисец разболтал всем и каждому о том, что Тарик отказался идти в бордель, потому что «был не готов». Люди хихикали за его спиной. Одни считали Тарика гомосексуалистом, другие – импотентом. Тарик собирался жениться в самом скором времени, но теперь решил исполнить свой план безотлагательно. Невесту, которая приходилась ему троюродной сестрой со стороны отца, он привез из маленького городка в Анатолии. Первый месяц после свадьбы он требовал, чтобы Мерал каждый день приходила к проходной. Пусть все убедятся, что он абсолютно нормальный мужик, и заткнут свои глотки.

* * *

В 12.25 дверь магазина распахнулась и вошла Мерал, раздумавшаяся от холодного ветра. Сегодня она принесла чечевичный суп, фаршированные зеленые перцы и тулумбу^[10]. Стоя рядом, Мерал с гордостью наблюдала, как он с аппетитом уничтожает ее стряпню.

– Сегодня утром к нам заходила Пимби, – сообщила она.

– Что ей надо?

– Она не сказала, но, похоже, им нужны деньги.

– Деньги, деньги, деньги... – пробурчал Тарик.

Однажды он смотрел фильм, главный герой которого стал бандитом, чтобы спасти своего младшего брата от бедности и обеспечить ему достойное будущее. Конец у фильма оказался совершенно неожиданным: младший брат, ставший полицейским инспектором, арестовывает главного героя, своего горячо любимого старшего брата, которому он обязан всем.

Их собственная семейная история не походила на кино, где действуют герои и злодеи. Конечно, Тарик сделал все, чтобы поднять своих младших братьев. Он хотел бы верить, что с его помощью они сумеют добиться для себя лучшей участи. Но при этом он всегда сознавал: никто в их семье не способен прыгнуть выше головы. Братья, Эдим и Халил, пошли по его стопам, устроились работать за границей – один в Англии, другой в

Австралии. Сам Тарик, промучившись несколько лет в Германии, тоже перебрался в Англию. Про эту страну говорили, что погода там отвратительная, зато люди вежливые.

– Пимби знает, где Эдим? – спросил Тарик, обмакнув бороду в суп.

– Понятия не имеет. Только... – Мерал смолкла, наливая в фарфоровый чайник горячую воду из самовара. – Она знает, что он у другой женщины.

– Ну, если женщина не способна удержать своего мужа дома, пусть пеняет на себя, – изрек Тарик.

Эдиму не следовало жениться на этой женщине. Он мог выбрать себе куда более достойную пару. Совершенно непонятно, почему он запал на Пимби. Почему ему так срочно загорелось на ней жениться. Нет, Тарик не отрицал, что Пимби хороша собой. Но если женщина не заслуживает доверия, от ее красоты одни проблемы. Когда дело касается красивых женщин, мужчины часто совершают роковые ошибки. По правде говоря, с красотками неплохо поразвлечься в холостяцкие дни, но будущая супруга должна обладать достоинствами более важными, чем привлекательная внешность. С самого начала Тарик был против этого брака. Но в той забытой Аллахом курдской деревушке, где Эдим влюбился в Пимби и попросил ее руки, старшего брата рядом не было. Эдим был один и ужасающе молод.

Когда их мать сбежала с каким-то мерзавцем, Тарику было шестнадцать лет, Халилу тринадцать, а Эдиму всего одиннадцать. В то время как миллионы матерей в лепешку разбиваются, чтобы сохранить семью и угодить своим детям, их мать, именно их мать, бросила сыновей на произвол судьбы.

Не все способны понять, что честь – единственное богатство, принадлежавшее им в этом мире. Богатые люди не слишком заботятся о своей репутации, зная, что купить уважение и влияние не многим сложнее, чем приобрести новую машину или дом. Но для всех прочих дело обстоит иначе. Чем меньше у мужчины денег, тем бережнее он должен относиться к своей чести. Здесь, в Англии, люди позабыли это древнее правило. Мужья с улыбкой наблюдают, как их жены целуют других мужчин, флиртуют и танцуют с незнакомцами.

Мужчина, утративший свою честь, подобен мертвецу. Он более не имеет права смотреть в глаза другим людям и должен ходить, потупив взгляд. Он не решается зайти в чайную, чтобы сыграть в триктрак, не смеет смотреть футбол в пивной. Плечи его навсегда опускаются, кулаки разжимаются, глаза западают, а тело словно усыхает при каждом новом слухе, достигшем его ушей. Когда он говорит, никто не смотрит в его

сторону, слова его имеют не больше веса, чем сушеный навоз. Никто не станет курить предложенную им сигарету; кофе, который он пьет, отдает горечью. Его не приглашают на свадьбы, помолвки и церемонии обрезания, потому что он приносит несчастье. Отделенный своим бесчестьем от прочих людей, такой человек гниет, словно тронутый порчей фрукт. Тарик знал это лучше других, ибо подобная участь постигла его отца. Баба умерла вовсе не от цирроза печени. Алкоголь ускорил конец, но главной причиной смерти отца стало бесчестье. Эдим и Халил были слишком молоды, чтобы это понять, но Тарик видел, как бесчестье убивало отца изо дня в день.

Когда Мерал ушла, Тарик погрузился в задумчивость. Споры нет, брат попал в скверную ситуацию, но это скорее его беда, чем вина. Пристраститься к игре значит оказаться во власти тяжелой болезни. Увлечься танцовщицей из кабака, развратной дрянью вроде тех, что снимаются голыми для похабных журналов, и бросить ей под ноги все свои деньги – значит оказаться во власти безумия. Он должен поговорить с Эдимом. Но для этого его нужно сначала найти. Когда мужчина пренебрегает своим долгом, члены его семьи могут пуститься во все тяжкие. Конечно, Тарик сделает все, чтобы предотвратить беду. Он приглядит за Пимби и за детьми. Они носят ту же фамилию, что и он. Если кто-нибудь из них запятнает эту фамилию, позор падет на него, самого старшего в семье Топрак. Их честь – это его честь.

Недостающий фрагмент

Лондон, январь 1978 года

Кинотеатр «Феникс» был открыт в 1910 году. Фасад в стиле модерн выложен плиткой, несколько ступеней, ведущих в просторное фойе, и нарядный зал в стиле ар-деко. Во время войны он служил нации, показывая кинохронику и веселые фильмы, которые помогали людям забыть о безрадостной действительности. К счастью, здание не пострадало во время немецких бомбежек. Позднее, когда кинотеатр перешел к новому владельцу, здесь начали показывать заумные фильмы артхаус, но не забывали и о голливудской классике. Поскольку кинотеатр был расположен далеко от центра, он почти всегда пустовал.

Сегодня в зале было всего четыре человека: юная пара, которая явно пришла сюда, чтобы без помех попрактиковаться в технике поцелуя, и старик в плоской шляпе, скорее всего родившийся еще до того, как был открыт этот кинотеатр. Четвертым был Элайас, сидевший в середине ряда в полном одиночестве. Он нервничал и беспокойно ерзал. Фильм начался несколько минут назад, но Элайас еще ни разу не взглянул на экран, потому что неотрывно смотрел на вход. Она не пришла.

Наконец Элайас повернулся к экрану. Лицо его невольно смягчилось, когда он увидел Чарли Чаплина. Элайас всегда любил Чаплина – его юмор, пронизанный печалью, его беспредельную человечность, его грустные темные глаза. Он сам не заметил, как фильм – в тот день показывали «Малыша» – захватил его целиком, вытеснив разочарование и тревогу.

Через какое-то время до Элайаса донесся легкий шорох, но он даже не обернулся. Кто-то, бесшумный, как тень, приблизился к нему и сел рядом. Сердце его бешено заколотилось. Краешком глаза он увидел Пимби, красивую и сияющую. Она не отрывала глаз от экрана, грудь ее равномерно вздымалась.

«Я так рад, что вы пришли, – хотел сказать Элайас. – Вы себе не представляете, как я боялся, что вы на меня рассердились». Но она была так увлечена фильмом, что он не сказал ни слова.

С каждым новым эпизодом фильма выражение лица Пимби становилось все более удивленным. Когда Чаплин нашел брошенного младенца в мусорном баке и растил его как собственного сына, она одобрительно улыбалась. Когда мальчишка стал бросать камни в окна

соседских домов, чтобы его приемный отец, изображавший из себя стекольщика, смог вставить новые стекла и заработать деньги, она рассмеялась. Когда представители социальной службы забрали мальчика, на глазах ее выступили слезы. А в конце, когда отец и сын снова соединились, лицо ее осветила радость, приправленная еще каким-то чувством, которое показалось Элайасу близким к печали. Она была до такой степени поглощена происходящим на экране, что Элайас почувствовал себя слегка обиженным. Не хватало только ревновать к Чарли Чаплину, усмехнулся он.

Краешком глаза он наблюдал, как Пимби распустила волосы и снова заколола их шпильками. До него долетел аромат жасмина и розы – пьянящая, волнующая смесь. За минуту до финальной сцены он уступил неодолимому желанию и сжал ее пальцы, словно подросток на первом свидании. К радости Элайаса, она не стала вырывать руку. Они сидели безмолвные и неподвижные, точно два каменных изваяния, боясь неосторожным движением вспугнуть возникшую между ними нежность.

Когда в зале включили свет, обоим потребовалось несколько секунд, чтобы вернуться к реальности. Он быстро вырвал из блокнота листок и написал название еще одного кинотеатра, расположенного в другой части города.

– В следующую пятницу, в тот же час. Придете?

– Да, – выдохнула она.

Прежде чем он успел сказать что-нибудь еще, Пимби вскочила на ноги и бросилась к выходу, спасаясь бегством от него, от того, что происходило или могло бы произойти, будь они другими людьми. В ладони она сжимала листок с названием кинотеатра, где ей предстояло встретиться с ним вновь, сжимала так крепко, словно это был пропуск в магический мир, которым она, будь на то ее воля, воспользовалась бы без промедления.

С тех пор так и повелось. Они встречались каждую неделю, обычно по пятницам, но иногда и в другие дни. «Фениксу» они отдавали явное предпочтение, но про другие кинотеатры, малолюдные и расположенные вдали от ее района, тоже не забывали. Фильмы в таких кинотеатрах менялись редко, поэтому «Малыша» они посмотрели дважды. Были еще «Король и я», «Багдадский вор», «Страсти Жанны д'Арк», «Горбун из Нотр-Дама» и «Бен-Гур».

Фильмы эти они воспринимали не столько как истории давно минувших дней, но как вечные сюжеты, постоянно повторяющиеся в этом мире. Какую бы картину они ни смотрели, ситуация оставалась неизменной. Пимби не сводила глаз с экрана, Элайас не сводил глаз с нее.

Ему нравилось наблюдать, как выражение ее лица изменяется при каждом новом повороте сюжета. Иногда ему казалось, что в ней дремлет множество разных женщин и некоторые стороны ее характера скрыты не только от окружающих, но и от нее самой. Порой она всматривалась в него так же пытливо, как он в нее, словно хотела проникнуть взглядом в его душу. Под этим взглядом Элайас беспокойно поеживался, пытаясь догадаться, что она видит в эти мгновения.

Постепенно он узнавал о Пимби все больше и потом, расставшись с ней, складывал разрозненные кусочки головоломки, выстраивая целостную картину. Он выяснил, что, хотя ее имя означает «розовая», больше всего она любит фиолетовый цвет, что она любит петь старые курдские песни о любви и что у нее приятный голос. Помимо свинины, которую она, как все мусульмане, не ела по религиозным соображениям, она не брала в рот креветок, кальмаров, улиток, устриц – все это вызывало у нее отвращение. Зато она могла часами сосать ломтик лимона. Элайас выяснил также, что Пимби еще совсем молода. Оказалось, что она на целых семнадцать лет моложе Элайаса, но из-за манеры одеваться и вести себя выглядела старше своего возраста.

Размышляя о природе охватившего его непостижимого влечения, он понимал, что не в силах разгадать эту загадку. Эта женщина, с которой у него было так мало общего, имела над его душой власть столь же неодолимую, как власть детских воспоминаний. По причинам, скрытым от его разума, но очевидным для сердца, он хотел защитить ее от всего мира своей любовью. Чувство, подобное этому, возбуждали в нем три женщины: его сестра, его мать и его бывшая жена. Но рядом с Пимби он испытывал нечто новое, неведомое прежде. Только рядом с ней Элайас чувствовал, что живет реальной жизнью, и его не пугало, что жизнь эта полна неведомых опасностей. Источником постоянной тревоги для него служило лишь одно обстоятельство: любовь их была незаконной, а значит, он мог потерять ее в любую минуту. Страх утратить Пимби усиливал и обострял его желание обладать ею. До знакомства с нею жизнь его словно распадалась на куски, а она все связала воедино, соединив его с прошлым, с предками, с Востоком. Ее любовь стала недостающим фрагментом головоломки, путеводной нитью в поисках утраченного времени.

Всякий раз после того, как свет в зале зажигался, они дергались, отодвигались друг от друга и выходили на улицу порознь. Никто не видел их вместе, – по крайней мере, на это они надеялись.

Она выходила первая, а он нарочно замедлял шаг, рассматривая афиши на стенах кинотеатра. Он думал о фильме, о ее глазах, излучающих свет, и

пытался привыкнуть к чувству пустоты, которое охватывало его после разлуки.

*

Тюрьма Шрусбери, 1991 год

Я внезапно просыпаюсь посреди ночи. В камере темно, только из коридора проникает слабый желтый свет. Считается, что дежурные лампочки успокаивающе действуют на наши нервы. Дерьмовая идея. От этого паскудного желтого света меня тянет блевать.

Койка кажется жесткой, словно я лежу на голых камнях. Но я проснулся не из-за этого. Что-то не так, и я это чувствую. Я прислушиваюсь, затаив дыхание. Из соседних камер доносятся храп, хруст костей, пердеж и скрип зубов. Люди на воле думают, что в тюрьме стоит жуткая тишина. Это не так. Но сегодня, несмотря на обычные звуки, тюрьма кажется пустой. Чего-то не хватает. А может, у меня просто едет крыша.

Мама часто говорила, что предчувствия – это шепот Аллаха в темном лесу. Время от времени Он предостерегает нас, учит быть осмотрительными, не заводить ненужных знакомств, не открывать ненужных дверей. Но мы не обращаем на это внимания. Правда, я не уверен, что слышу сейчас шепот Аллаха. Предчувствие – это сознание того, что скоро должно произойти что-то плохое. А у меня совсем другое чувство. Оно больше похоже на печаль, которую испытываешь после того, как что-то плохое уже произошло и ничего нельзя изменить.

Я приподнимаюсь, опираясь на локти, и напрягаю слух. Поначалу мне кажется, что призрак матери снова решил нанести мне визит. Но я быстро понимаю, что ее в камере нет. Когда она приходит, все по-другому: сердце мое начинает бешено колотиться, в дальнем углу камеры всегда возникает слабое свечение, как от только что выпавшего снега, что-то тихонько шуршит, как шелковые занавески, воздух пахнет жасмином и розой, а еще кунжутной халвой. Никогда не забуду, как это случилось в первый раз. Тогда я с испугу едва штаны не намочил.

Раньше мама приходила ко мне часто. Потом все реже и реже. Последний раз она появлялась очень давно. Боюсь, что больше она вообще не придет. Конечно, это полный идиотизм, но, пока она приходит, у меня

остаётся надежда, что когда-нибудь она сможет меня простить.

Поначалу я просто рехнулся от страха. По ночам не спал, потому что боялся, что она задушит меня во сне. Потом я узнал, что призраки не занимаются подобными вещами. Их вообще не интересует месть. Они хотят только одного: понять. Поэтому они смотрят на тебя своими пустыми глазами и ждут объяснений. Они смотрят прямо тебе в душу. И ничего не говорят. По крайней мере, мама всегда молчит. Это немое кино, хотя и цветное.

Но сегодня мамы здесь нет. Тревожный колокольчик у меня в голове звонит по другой причине. По какой? Я несколько раз глубоко вдыхаю и выдыхаю. Задерживаю дыхание. И опять прислушиваюсь. Только тут до меня доходит, в чем дело. Не слышно храпа Триппи. Во сне он всегда ворочается, стонет и разговаривает, а сегодня спит тихо, как мышь. Я встаю и подхожу к его койке. Он лежит ко мне спиной.

– Триппи! – окликаю я.

Он не отвечает. Не двигается.

– Патрик, ты спишь?

Сам не знаю, почему я назвал его настоящим именем. Раньше я никогда этого не делал. Но сейчас это имя само сорвалось у меня с языка. Я сдергиваю с него одеяло. В нос мне ударяет тяжелый запах. Он выглядит до странности маленьким, словно за ночь усох. Я трясую его за плечи. Он не реагирует. Я трясую сильнее. Руки у него неуклюже болтаются, как у сломанной куклы. Я приподнимаю его руку. Она тяжелая, хотя он самый тощий парень из всех, кого я знаю.

– Триппи, приятель, кончай придуриваться!

Я пытаюсь нащупать пульс у него на шее. Она холодная и жесткая. «Холоднее, чем ведьмины сиськи», – сказал бы он сам. Кладу ладонь ему на грудь. Сердце не бьется. Тогда я приподнимаю ему голову и вдуваю воздух ему в рот. Этим ртом он целовал свою жену и других баб. Этим ртом он изрыгал проклятия, но иногда молился. Этим ртом он ел и глотал таблетки, от которых у него тухли мозги. Я дую, дую и дую. Никакого результата.

Я начинаю смеяться. Потому что это смешно. Ангел смерти или слеп, или выжил из ума. Азраила пора увольнять. Неужели Бог не замечает, как хреново его помощник делает свою работу? Почему всегда умирают не те, кто должен умереть? Я учил Триппи, как действовать кулаками. Ученик он был паршивый, не из тех, кто все хватает на лету. Но я все равно с ним возился. Заставлял его наносить мне удары в одно и то же место: в живот. В мужском теле есть и более уязвимые места.

Например, голова, шея, адамово яблоко, переносица. Но если бы он ударил меня в одно из этих мест, это выглядело бы как настоящая драка. На нас мигом наехали бы охранники. А если он колотит меня по животу, это похоже на мирную забаву. Все знают, что я боксирую для развлечения.

Если нанести удар в живот правильно, он может стать смертельным. Вызвать внутреннее кровотечение. И через несколько часов человек отдаст концы – если, конечно, оставить его без медицинской помощи. А в том, что никакой медицинской помощи не будет, можно не сомневаться.

Триппи, конечно, ни о чем не догадывался. Все должно было выглядеть как несчастный случай – так я рассчитывал. Конечно, припрется какой-нибудь инспектор, будет что-то корябать в своем блокноте. Потом его секретарша настроит рапорт. Новость просочится в прессу. Может, пара-тройка газет тиснет статейки, озаглавленные «Убийца матери умер в тюрьме» или что-нибудь в этом роде. Офицер Маклаглин все эти статьи аккуратно вырежет и подошьет в мое личное дело. Какое-то время о моей смерти будут ходить разговоры. Но никто не расстроится. Потом все обо мне забудут. Не останется ни одного воспоминания, как не остается ни крошки пищи на тарелке голодного. Триппи перестанут дергать, а я буду свободен. Наконец-то свободен.

Я уйду, как ушел Гудини. Правда, офицер Маклаглин заявил, что все это чушь собачья, глупые выдумки, в которые может верить только такой идиот, как я, и на самом деле великий маг умер вовсе не от удара в живот. Но мне плевать, как там было на самом деле. Каждый раз, глядя на плакат Гудини, я вспоминаю, что у меня есть способ избавиться от этой жизни. Плакат напоминает мне еще кое о чем. Именно благодаря Гудини дядя Тарик узнал, что у моей матери есть любовник. И все прочие, в том числе я, узнали об этом тоже.

Я поворачиваю Триппи на бок и сажусь на койку рядом с ним. Подо мной что-то хрустит. Я приподнимаюсь посмотреть, что это, и снова начинаю смеяться.

– Ну ты и проворный ублюдок, – бормочу я.

Это шприц. Когда он успел вколоть себе дозу, которая оказалась слишком большой? Интересно, он сделал это по ошибке? Или воспользовался собственным способом улизнуть из этого мира? Как это я ничего не заметил? Наверное, он дождался, пока я усну. Я дрых как бревно. Как жирный еж в теплой норе. Валялся на своей койке, словно мешок с дерьмом. Меня передергивает от отвращения к себе. Я щупаю постель. Простыня мокрая – тут и моча, и слюна, и блевотина. Его тело пыталось

извергнуть отраву прочь. Я замечаю, что левый кулак Триппи плотно сжат, и разжимаю его пальцы. В ладони он держит клочок бумаги. Я подхожу к зарешеченному оконцу и в желтом свете, который проникает из коридора, читаю:

«Алекс, брат, если ты это читаешь, значит у меня все получилось. Ты ведь хотел уйти раньше меня – верно? Честно говоря, ты последний кретин. Неужели ты думал, что я ни о чем не догадываюсь? Но я хотел тебе помочь, видит Бог, хотел. Просто я больше не могу. Не злись. Мы еще встретимся. Что бы ни ожидало нас после смерти, теперь я сам об этом узнаю. Больше никаких фокусов. Никаких Гудини. Ты хороший парень. Когда увижу твою мать, скажу ей об этом.

Твой друг Триппи».

По щекам у меня текут слезы. Я бью себя по морде. Не помогает. Дергаю себя за волосы. Сначала одной рукой, потом обеими. Сильнее. Еще сильнее. Кожа трещит, в руках у меня остаются целые пряди. При этом я тихонько поскуливаю, точно потерявшийся пес. Пес, которого задавила машина. Переломала ему все кости. Триппи переехал меня.

Я вскакиваю на ноги. Голова моя сейчас взорвется. Адреналин кипит в крови, внутри у меня все ходит ходуном. Я слишком хорошо знаю, что это такое: ярость. Напрасно мне казалось, что я от нее избавился: два года назад запихал в мешок, плотно завязал его и утопил, как ненужного котенка. Два года назад я обещал себе, что стану лучше. По крайней мере, попытаюсь. Но попытка не удалась. Моя ярость вылезла из мешка и вернулась. Здравствуй, мисс Ярость, моя старая возлюбленная. Ты не хочешь со мной расставаться. Мы слишком привыкли друг к другу.

Я срываю со стены плакат Гудини и раздираю его на куски. Разбрасываю в разные стороны подушку, простыни и одеяло. Колочу по стене руками, ногами и головой.

Свет. Шаги. Голоса. Кто-то входит в камеру:

– Какого дьявола ты здесь бузишь?

Меня окружают со всех сторон. Сбивают с ног, прижимают голову к полу. В камере включают свет. Отвратительно яркий свет. Он режет мне глаза. Кто-то стоит надо мной – кажется, офицер Эндрю Маклаглин. Зачем он приперся? Дежурит в ночную смену? Этот парень любит свою работу.

Они столпились у койки Триппи, пытаются нащупать пульс. Видят шприц. И записку. Один из них читает ее вслух. Черт. Я вырываюсь,

вскакиваю и, прежде чем они успевают очухаться, вырываю записку.

– Ну ты! – обиженно восклицает молодой охранник, словно я смошенничал в игре.

Офицер Маклаглин делает шаг вперед:

– Отдай.

– Это мое.

– Здесь нет ничего твоего, подонок. Отдай.

Мы пожираем друг друга глазами. Момент наконец настал. Он может откровенно показать, как сильно меня ненавидит. А я могу откровенно показать, что эта ненависть взаимна. Притворяться больше нет смысла. Идиотские попытки казаться лучше теперь ни к чему. Мы такие, какие есть. Я запихиваю записку себе в рот.

– О, такого я не предвидел, – говорит офицер Маклаглин. – Кретинских фильмов насмотрелся, да?

Я начинаю жевать. Медленно. Торопиться нет никакой надобности. Все тарачатся на меня, как на психа.

– Алекс, тебе придется об этом пожалеть. Даю тебе последний шанс спасти свою задницу. Прекрати.

Я жую, жую, жую... Никогда не думал, что у бумаги вкус мела. Интересно, видит ли меня сейчас Триппи? Я не знаю, что происходит с нашими душами, когда мы умираем. Может, они, покинув тело, взлетают к небесам, точно шары, наполненные горячим воздухом. А может, еще какое-то время остаются на земле. Видела ли мама, как я своими руками вытащил нож, которым ее заколол?

Я глотаю записку.

Первый удар приходится в челюсть. Я не успеваю подготовиться. Зубы мои громко лязгают друг о друга. Офицер Маклаглин знает, куда бить. В отличие от бедняги Триппи. Остальные охранники отводят взгляды. Наверное, им все это не нравится. Они добропорядочные граждане. У них есть жены и дети. Они предпочитают спокойно спать по ночам. Никто из них не хочет пачкать руки кровью. Но никто не пытается остановить Маклаглина. С теми, кто любит распускать кулаки, люди предпочитают не связываться. Считают, себе дороже. Поэтому драчуны и борзуют. Я знаю это по опыту. Я сам был одним из них.

Мама была очень суеверной. Дома у нас повсюду валялись бусинки, защищающие от дурного глаза. Она совала эти бусинки мне в карманы, в рюкзак. Как-то раз я обнаружил, что она пришила такую бусинку к подкладке моей кожаной куртки. Мама запрещала нам свистеть по вечерам, открывать зонтик в доме и стричь ногти после заката. Иногда она заставляла нас надевать белье на левую сторону, чтобы обмануть неудачу. За обедом нельзя было передавать друг другу нож. Мама дела все, что могла, чтобы защитить меня от нападок злых духов. Но она забыла, что злые духи гнездились внутри меня. Невозможно защитить человека от врагов, которых он носит в себе.

Это случилось в Стамбуле, через несколько недель после того, как мне сделали обрезание. Ранка зажила, и я снова стал играть с ребятами на улице. Наверное, дело было осенью. Я помню, дороги были грязными, а с деревьев облетали листья. Около нашего дома протекал канал. Но мы никогда в нем не купались, потому что вода там была мутная и вонючая. В этот канал вечно бросали всякую дрянь. Бутылки, консервные банки, пластиковые коробки, листовки с коммунистической пропагандой. Однажды кто-то нашел на берегу пистолет.

Как-то раз я брел вдоль канала и думал об этом самом пистолете. Интересно, кому он принадлежал? Может, бандиту, который грабил банки? Или наемному убийце? И где он сейчас, хозяин пистолета? Наверное, его схватила полиция. Я был так погружен в свои размышления, что не заметил их и не успел свернуть в сторону. Или спрятаться за кустами и переждать, пока они пройдут мимо. Вместо этого я пер прямо на них. На троих парней. Все трое были немного старше меня.

– Ой, кто это? Никак Красная Шапочка вышла на прогулку?

– Искендер, где твоя мамочка? Неужели она не с тобой?

Я покачал головой.

– Она зовет его «мой султан», – сообщил один из мальчишек. – Эти курды вечно несут всякие глупости.

– Султан с помойки – вот кто он!

Мальчишка, стоявший в середине и явно бывший их главарем, пока не сказал ни слова. Он следил за мной. Пристально смотрел на меня. Шутки, которые отпускали на мой счет его друзья, ему не слишком нравились. По крайней мере, мне так показалось. Я счел его своим защитником и сделал шаг в его сторону.

– Это правда, что ты убежал во время церемонии обрезания? – спросил он. – И залез на дерево?

Наверное, у меня челюсть отвисла от неожиданности. Откуда они

узнали? Кто им рассказал?

– Слухами земля полнится, – сказал он, словно в ответ на мои мысли. – Так чем все-таки дело кончилось? Обрезали твою письку или нет?

– Обрезали, – пробормотал я и с ужасом убедился, что голос мой предательски дрожит.

– Он говорит, обрезали, – повернулся главарь к своим приятелям. – Но можно ли ему доверять?

Они повалили меня на землю. Стащили с меня штаны. Я визжал как резаный.

– Ну и писька у него! Просто воробьиный клюв какой-то! Понятно, почему он сбежал, – не хотел терять большую ее часть!

– Но его обрезали неправильно! – заявил главарь. – Придется нам закончить работу!

Не могу утверждать с уверенностью, что в руке у него действительно блеснул перочинный нож. Не исключено, я вообразил это со страху. А вот то, что я описался, помню точно.

– О, какая неприятность вышла с нашим султаном, – хохотали мои мучители. – Теперь его одежку надо простирнуть.

Они сгребли мои брюки, трусы, носки и ботинки, и швырнули в канал.

– Давай, сплавай за своим барахлом. Или иди домой как есть. Пусть все полюбуются твоим воробьиным клювом.

Мальчишки убежали. Я не мог поверить, что они оставили меня в покое. Сидел, обхватив колени руками, и ждал, что они вот-вот выскочат из-за кустов и снова набросятся на меня. Не знаю, сколько времени прошло. Стемнело. Пошел мелкий дождь. Мне все было пофиг.

Вдруг из темноты появилась мама в сопровождении двух соседей. Видно, они искали меня повсюду. Не знаю, как мама догадалась, что я на берегу канала, в единственном месте, куда она запрещала мне ходить. Она ни о чем не спросила. Накинула мне на плечи свою шаль, отвела меня домой, вымыла, причесала и передела в чистую пижаму.

– Что бы ни случилось, ты всегда останешься моим султаном, – сказала она.

Через несколько дней я сколотил собственную банду. Ничего впечатляющего. Просто пятеро пацанов. Но все они были преданы мне до мозга костей. Это были цыганские дети, с которыми никто не хотел дружить. Они курили. Без конца сквернословили. Собирали все, что попадет под руку: пробки от бутылок, фольгу, флаконы от аэрозолей. И смотрели мне в рот.

Мы отколошматили двух моих мучителей, но главаря не тронули. Я

хотел, чтобы он испугался по-настоящему. Но не мог решить, какое наказание ему придумать. Тут, кстати, у меня вышла первая серьезная стычка с отцом. Из-за барана. Я пообещал себе, что больше никогда не проявлю слабость. И выполнял свое обещание.

Как-то воскресным утром колокольчик на дверях нашего дома зазвонил. Мама открыла дверь. На пороге стояла заплаканная женщина. Она сказала, что вчера свора мальчишек напала на ее сына. Они бросили его в вонючий канал, и он непременно утонул бы, потому что не умеет плавать. Хорошо, что в воде оказалась какая-то доска, за которую он уцепился. Еще она сказала, что мальчишки, эти малолетние бандиты, заставили ее сына пить его собственную мочу. Она хотела узнать, не известно ли что-нибудь моей матери об этой расправе, но напрямую ни в чем меня не обвиняла. Сын не назвал ей имена своих обидчиков.

Я слышал, как мама провела эту женщину в кухню. Слышал, как она рассыпается в сожалениях. Она предложила нежданной гостье чаю и кусок пирога. Но женщина от всего отказалась.

– Вчера я как раз занималась стиркой, – сказала мама. – Искендер помогал мне снимать шторы и вешать их обратно. Он целый день был у меня на глазах. Так что, если вы думаете, что мой сын имеет к этому отношение, вы ошибаетесь.

– Вы уверены?

– Уверена.

После того как женщина ушла, мама вошла в комнату. Я сидел у окна, смотрел на ноги прохожих и ждал нагоняя. Ждал, что она ущипнет меня за руку. Накрутит мне уши. Но она ничего этого не сделала. Она долго смотрела на меня, и, мне кажется, я различил в ее взгляде отсвет гордости. Потом она спросила:

– Что мой султан желает на обед? Может, сварить его любимый чечевичный суп?

О мальчике, с которым я расквитался, мы никогда не вспоминали. Ни тогда, ни потом.

Искендер Топрак

Решительный бой

Лондон, март 1978 года

Едва Юнус свернул на улицу, где стоял старый особняк, он понял – что-то не так. Подойдя ближе, он увидел, что окна на всех трех этажах забаррикадированы ящиками и картонными коробками, причем на некоторых изображены анархистские символы. Вчера температура воздуха упала ниже нуля, и теперь с водосточных труб, точно слезы, свисали сосульки. В воздухе стояла напряженная тишина, не нарушаемая ни единым звуком.

После дня рождения Тобико, когда мертвецки пьяного Юнуса доставили домой на руках, Пимби, которая в тот вечер обезумела от тревоги и уже собиралась обходить все городские больницы, несколько недель не выпускала сына из дома. Каждое утро она лично отводила его в школу, а после уроков забирала и вела домой. Но с сегодняшнего дня она снова начала работать в «Хрустальных ножницах», и Юнус получил вождеденную свободу. Он пообещал маме, что сразу после школы вернется домой. Но хотя Юнус никогда не врал, велосипед, на котором он решил покататься, сам привез его к заветному дому.

Припарковав велосипед у ворот, Юнус побежал к дверям, скользя на обледенелой дорожке. К его удивлению, дверь оказалась запертой и, похоже, заложеной изнутри на засов. Прежде такого никогда не случалось. Обитатели особняка очень гордились тем, что их жилище не нуждается ни в замках, ни в ключах, ни в засовах – ведь это дом в высшем смысле этого слова, а не тюрьма частной собственности, как все прочие здания.

Никакого колокольчика на дверях не было, и Юнусу пришлось стучать. Сначала он делал это тихо и вежливо, потом, охваченный тревогой, начал молотить в дверь изо всех сил.

– Оставьте нас в покое! – прокричал кто-то из-за дверей.

Пораженный Юнус опустил руки. Неужели недавние друзья больше не желают его видеть? И именно поэтому заперли дверь? Нет, это невозможно. Он снова начал стучать, робко, но упорно.

– Убирайтесь прочь, шовинисты проклятые! – долетел изнутри грозный мужской голос.

– Не на тех напали! – вторил ему женский. – Мы будем драться!

Изумление Юнуса сменилось ужасом. Конечно, он любил Тобико, но

перспектива схватки с целой бандой разъяренных неформалов не слишком его вдохновляла.

Дрожащим голосом он выкрикнул:

– Но это же я... я, Юнус! Пожалуйста, разрешите мне войти!

За дверью повисло молчание, сменившееся взрывом хохота. Через несколько секунд дверь с треском распахнулась. Перед Юнусом предстал парень, напоминающий Игги Попа: как и упомянутый певец, он обходился без рубашки, выставляя на всеобщее обозрение безволосую грудь. Увидав Юнуса, он улыбнулся и крикнул через плечо:

– Ложная тревога! На границе все спокойно! Это наш малец!

– Привет! – пробормотал Юнус. – Я тут катался на велосипеде и решил заглянуть – узнать, как у вас дела.

– Дела идут отлично! Собираемся дать кой-кому хорошего пинка в зад.

– Кому? – спросил Юнус.

– Властям, кому же еще, – усмехнулся Игги Поп.

Слово «власти» относилось к числу тех загадочных слов, которые Юнус часто слышал, совершенно не понимая их значения. Как-то раз он спросил Тобико, что это такое, но она, желая блеснуть красноречием, ответила весьма туманно:

– Это то, что в избытке имеется у отцов, но чего совершенно лишены матери и дети. Правда, у мальчишек есть вероятность получить это, когда они станут взрослыми.

– Значит, власть – это усы? – уточнил изумленный Юнус.

И теперь, когда Игги Поп употребил это слово, Юнус решил, что жильцы особняка собираются пинать в зад каких-то усачей. Картина, представшая в его воображении, была такой дикой и невероятной, что на него едва не напал столбняк.

Не обращая на мальчика внимания, Игги Поп выглянул на улицу и осмотрелся по сторонам. Убедившись, что на улице не происходит ничего подозрительного, он дернул Юнуса за руку и, когда тот наконец вошел в дом, запер дверь и заложил самодельный засов: деревянную планку, укрепленную при помощи гвоздей и проволоки.

– Зачем это все? – спросил Юнус, но Игги Поп, не слушая его, уже поднимался по лестнице.

Поднявшись на второй этаж, Юнус глазам своим не поверил. Обитатели старого дома собрались здесь и все были заняты делом: кто-то мастерил рогатки, кто-то готовил дубинки, дротики и метательные снаряды. Все были серьезны, озабоченны и поглощены работой. Воздух насквозь пропитался табачным дымом, индийскими благовониями и

марихуаной. На маленькой горелке стоял чайник, с усталым свистом извергавший струю пара. Юнусу показалось, что даже чайник сошел с ума.

Капитан стоял посреди комнаты и отдавал приказы, точно командир скаутов. Его лицо, напоминающее мордочку хорька, было таким решительным и сосредоточенным, что Юнус понял: за хаосом, царившим вокруг, скрывается четкая, почти военная организация. Надо уносить отсюда ноги, пока не поздно, пронеслось у него в голове. Но желание увидеть Тобико пересилило страх. Где же она? Сколько Юнус ни озирался по сторонам, найти Тобико ему не удавалось.

Тогда он подошел к панку по прозвищу Богарт, юнцу в круглых очках, из-за которых глаза казались неестественно огромными, и с торчащими, как иглы дикобраза, волосами.

– Привет! Чем занимаешься?

– Привет, Иона! Хочешь мне помочь?

– Давай, – кивнул Юнус. – Что я должен делать?

– Разливай эту жидкость по бутылкам. Работенка непыльная.

Юнус взял пластмассовую воронку и принялся наполнять винные бутылки скипидаром.

– Противный запах, – заметил он через несколько минут. – А что вы будете делать с этими бутылками?

– Швырять во власти, – как ни в чем не бывало сообщил Богарт.

У Юнуса глаза на лоб полезли. Почему его друзья ненавидят мужчин с усами до такой степени, что собираются швырять в них бутылки с какой-то гадостью? Его отец тоже носит усы, так неужели в него тоже запустят бутылкой?

– Вы собираетесь нападать на все власти? – уточнил он.

– Скажешь тоже! Разве это возможно? Этих ублюдков слишком много. Они плодятся, как крысы! – воскликнул Богарт, и его крупное адамово яблоко заходило ходуном. – Чтобы они все к чертям провалились!

– Я сейчас вернусь, – пообещал Юнус, вставая. Он чувствовал, что ему потребуется многое обдумать.

Во всех комнатах шла подготовка к военным действиям. Неформалы не шутили. Похоже, они собирались дать усачам решительный бой. Наконец Юнус увидел ее – Тобико. Она в одиночестве сидела на матрасе: глаза закрыты, голова опущена. Судя по всему, она была погружена в медитацию. Юнус опустился на матрас рядом с ней, радуясь возможности полюбоваться ее профилем. Ее черными волосами, ее татуировками, ее бесчисленными серьгами. Надо было спасти ее, увести из этого дома, прежде чем начнется война, но Юнус не представлял, как это сделать.

– Это ты, малыш? – тихо спросила она, не открывая глаз.

Юнус почувствовал, что щеки его вспыхнули.

– Как ты догадалась?

– Видела, как ты вошел, дурачок.

Тобико открыла глаза, подмигнула ему и чмокнула в щеку.

– Какой ты сегодня серьезный! Что случилось с моим зайчиком?

– Я никак не могу понять, что у вас происходит.

– Да все эти гады из муниципалитета, – вздохнула Тобико, и глаза ее сердито сверкнули. – Они решили нас выселить. Представляешь? Прислали постановление, в котором говорится, что через неделю мы должны отсюда убраться. С тех пор прошло девять дней. В любую минуту они могут сюда нагрянуть, ублюдки вонючие!

– Но зачем им вас выгонять?

– Чтобы продать дом таким же жирным крысам, как они сами.

До Юнуса наконец дошло, что мужчины с усами тут ни при чем. Обитателям заброшенного особняка предстоит схватка с какими-то другими врагами. Мальчуган вздохнул с облегчением. Потом наострил уши, словно ожидая услышать грохот таранов, вой полицейских сирен и машин скорой помощи. Но до него донеслось лишь завывание ветра – ледяного, пронзительного.

– А если вас все-таки выгонят, где ты будешь жить? – спросил Юнус.

– Не выгонят, – бросила Тобико.

– Но ведь дом принадлежит им.

– Неправда. Некоторые дома принадлежат всем. Если хочешь знать, я считаю, что все на свете дома должны принадлежать всем. – Тобико вскинула голову, глаза ее блестели, в голосе звучала решимость. – Они хотят вышвырнуть нас отсюда. Но мы будем с ними сражаться. Потому что тот, кто не сражается с системой, становится ее частью.

– А может, они передумают, – неуверенно предположил Юнус. – Может, Бог все устроит.

– Бог? У Бога под началом много таких планет, как наша. И там живут другие люди. Не исключено, они даже похожи на нас с тобой. Но они другие. И у Бога не хватает времени следить за всеми и разрешать все проблемы.

Мальчуган слушал затаив дыхание, но смысл слов ускользал, словно песок между пальцев. Впервые он слышал, как кто-то усомнился во всемогуществе Аллаха. По причинам, непонятным ему самому, это его опечалило.

– А мама говорит, Бог любит всех.

– Любит? – Тобико поперхнулась, как будто слово застряло у нее в глотке. – Любовь – штука непостоянная. Вынуждена тебя разочаровать, малыш: Бог о нас забыл.

Юнус зажмурил глаза, потом опять открыл их и уставился на собственные руки, бормоча что-то нечленораздельное. Сначала Тобико даже показалось, что он читает молитву. Потом, сквозь шум голосов она разобрала, что он повторяет, как эхо:

– Но я никогда тебя не забуду. Никогда тебя не забуду. Никогда не забуду.

* * *

В течение следующих нескольких часов Капитан составил план боевых действий, воспользовавшись для этого доской, похищенной из соседней школы. Обычно Капитан казался до странности заторможенным, словно оглушенным наркотиками, но сейчас энергия была в нем ключом. Когда полиция окружит дом, сообщил он своей маленькой армии, все поднимутся на чердак, где приготовлено достаточно боеприпасов. Все кровати и столы пойдут на строительство баррикад. Из осажденного дома будет открыт такой яростный огонь, что британской прессе волей-неволей придется откликнуться на это событие. Сюда слетятся десятки журналистов, в газетах появятся фотографии, сделанные на поле боя, и молодежь во всем мире узнает о бесчинствах, которые творятся в Хакни. В конце концов правительство попытается сохранить хорошую мину при плохой игре и возьмет на привязь своих шавок из муниципалитета.

– Колоссально, чуваки! Это будет нашей Парижской коммуной! – заявил Богарт, размахивая зажженным косяком в нескольких дюймах от бутылок со скипидаром.

– Парижская коммуна плохо закончилась, – напомнил Игги Поп.

Юнус смекнул, что, если он окажется в окруженном полицией доме и об этом узнает мама, у нее от страха разорвется сердце. Надо выбираться отсюда как можно быстрее, решил он. Скоро здесь вспыхнет война, но он не собирается воевать. Как бы плохи ни были эти самые власти, он не хочет бросать в них бутылки и камни. Но, сознавая, что надо бежать, он не двигался с места. Точно котенок, нуждающийся в тепле и ласке, он льнул к девушке, которую любил. Вместе с ней он готовил боеприпасы, слушал истории о бесстрашных повстанцах и бунтовщиках, ел попкорн и распевал песню Дэвида Боуи «Мятежница».

К счастью для мальчугана, лязг металла и вой сирен так и не раздались в тот день. Это случилось три дня спустя, когда Юнус был в школе. Силы оказались слишком неравными, и, несмотря на всю отвагу защитников дома, через несколько часов они были арестованы.

Через пару дней, после доскональной полицейской проверки, почти всех выпустили, выразив надежду, что отныне они будут более уважительно относиться к законам, социальным нормам и правилам поведения. Муниципалитет планировал в самом скором времени заняться ремонтом дома и не оставить никаких следов прежней жизни.

«Янтарный возлюбленный»

Место поблизости от реки Евфрат, апрель 1978 года

Джамиля вертела пестиком в ступке, перетирая рубиново-красный шафран. Запасы шафрана подходили к концу, и она совершенно не представляла, когда сможет их пополнить. Все прочие травы – майоран, эстрагон, гусиная лапчатка, чертов коготь – тоже были на исходе. Ей требовалось совершить несколько походов в горы и непременно заглянуть к контрабандистам. Но в последнее время Джамиле все меньше хотелось покидать дом, и она делала это лишь в случае крайней необходимости.

Все утро она провела в подвале, работая и размышляя. Подвал, темное и сырое помещение без окон, с маленькой дверью-люком, к которой вела небольшая лестница, был ее святилищем, ее земным раем. По стенам от пола до потолка тянулись деревянные полки, на которых стояли кувшины, горшки и банки всевозможных форм и размеров. Дикие травы, древесная кора, благовонные масла, семена, специи, минералы, змеиная кожа, олени рога, сушеные насекомые – все эти ингредиенты она использовала для приготовления целебных отваров и притираний. Четыре отверстия, узких, как вход в кротовую нору, обеспечивали в подвале вентиляцию. Несмотря на это, в воздухе стоял густой, острый, тяжелый запах, которого Джамиля давно уже не замечала. Но если бы сюда вошел посторонний, с непривычки у него наверняка закружилась бы голова. Впрочем, посторонний вряд ли оказался бы здесь. Никто, кроме самой Джамили, до сих пор не спускался в этот подвал, и она не собиралась никого сюда пускать в будущем.

В течение последних пятнадцати лет Джамиля проводила здесь не меньше двух часов в день, готовя снадобья, которые могли ей понадобиться. В любую минуту в ее дверь могли постучать и позвать на помощь. Ведь она была целительницей. Повитухой-девственницей, понимавшей язык птиц, змей и насекомых. Внучкой пророка Сулеймана. Именно так звали ее местные жители. И это было одной из причин, позволивших ей выжить в одиночестве в этом глухом месте. Ее уважали, боялись и презирали одновременно. И в результате старались держаться от нее подальше. Она была женщиной, в которой не осталось ничего женского; ведьмой, которая редко кого достаивала двух слов.

Когда Джамиля спускалась в погреб, душа ее словно покидала тело,

становясь проводником таинственной энергии, пронизывающей вселенную, энергии, способной рождать и исцелять. Джамиля ощущала, что рождает свою собственную утробу и эта утроба, расширяясь до беспредельности, вбирает в себя весь окружающий мир, согревая его своим теплом. В этом надежном укрытии Джамиля полностью отрешалась от реального мира. Она не знала, день сейчас или ночь. Это не имело значения. Она не следила за часами, подчиняясь лишь собственному течению времени. Бывали дни, когда она трудилась в погребе от рассвета до заката, приготавливая снадобья по древним рецептам и составляя новые. Ей никогда не надоедала эта работа. Иногда она чувствовала усталость, но скуки не испытывала никогда. Каждая травинка, каждый камешек скрывали в себе тайну, которую вложил в них Бог. Людям эти тайны, как правило, неведомы. Они смотрят на омелу и видят лишь вьюнок-паразит, обвивший стол дерева, не догадываясь о том, что омела способна улучшать кровообращение. Джамиля понимала: для того чтобы обладать знанием, необходимо достичь доверия. Если природа доверяет тебе, она откроет свои секреты. Не сразу, постепенно. Со временем ты узнаешь все про целительную силу растений. И не только. Ты поймешь, что во вселенной нет ничего мелкого, ничего незначительного, потому что любая ее частица дает ответ на какой-то важный вопрос. Все зависит от того, насколько прозорлив твой взгляд. Джамиля была прозорлива.

Ее никогда не манили путешествия в незнакомые места и встречи с незнакомыми людьми. Неведомые страны, лежащие за горизонтом, не возбуждали ее интереса. Несомненно, мир велик и разнообразен, но люди везде остаются одинаковыми. Стоит ли тратить время на то, чтобы скитаться с места на место? Аллах уготовил ей иной удел: открывать тайны природы, и ее обязанность – следовать этому уделу, оставаясь там, где родилась. Она узнала, как лечить множество недугов, но огромное их количество пока оставалось для нее загадкой. Под пестрыми длинными платьями и узорными жилетами она всегда носила шаровары, чтобы, когда потребуется, легко вскочить на лошадь. Днем и ночью она была готова спешить на зов.

О ней ходило множество слухов. Некоторые верили, что рецепты своих снадобий она получила от джинна. Другие считали, что она тайком ходила на гору Каф, обитель ведьм, нимф и эльфов, куда людям вход закрыт. Когда подобные слухи доходили до Джамили, она лишь удивленно качала головой. Люди жаждали, чтобы среди них жили герои, способные творить чудеса, и за полным отсутствием таковых утолять эту жажду приходилось ей одной. Она знала, что не в силах творить чудеса, но

способна помочь многим. Если обратившийся к ней человек был небеден, она просила небольшую плату за свои отвары и бальзамы, но чаще отдавала их бесплатно. Деньги, которые она выручала, шли на покупку дополнительных ингредиентов.

Джамиля готовила также яды, хотя об этом знали немногие. Яд – это дар от Аллаха. Божественное благословение, которое люди не способны оценить. Как и все в этой жизни, яд может быть великим злом или великим благом. Природе неведомы понятия добра и зла. То, что в одном случае целительно, в другом может повлечь за собой смерть. Джамиля не сомневалась, что ремесло составителя ядов ничем не отличается от всех прочих ремесел. Как всякий мастер, она отвечала лишь за качество своего товара, а не за то применение, которое найдут для него покупатели. Она продавала яды, которыми травили мышей, крыс, землероек, тараканов и змей. Конечно, эти яды могли убивать и людей, но ведь и мясо тоже бывает смертельно опасным. Если есть слишком много мяса, можно нажать тяжкие болезни, которые без должного лечения сведут в могилу. Но из-за этого никто не отказывается покупать мясо и не требует арестовать мясников.

Джамиля смахнула бисеринки пота, блестевшие на лбу, отложила ступку и открыла маленькую шкатулку. Квадратную перламутровую шкатулку, внутри которой лежал драгоценный камень. Самое большое ее сокровище. Бриллиант редчайшего медового оттенка, размером больше лесного ореха. Она внимательно оглядела его, вертя в пальцах. Здесь, в долине, полно людей, которые ради такой драгоценности не задумываясь перережут десяток глоток. Глупцы! Бриллиантами нельзя владеть, ими можно только любоваться. Они совершают в этом мире бесконечное путешествие, и каждый новый владелец – лишь временная остановка на их пути. Джамиля понимала и принимала это. Сегодня бриллиант у нее, завтра будет неведомо где. Иногда она использовала камень, чтобы сделать свои снадобья более эффективными. Некоторые камни излучают тепло и свет, и если подержать их в сосуде с отваром, они отдадут ему частичку своей души, помогают всем составляющим гармонично соединиться. Для этой цели у Джамилы имелось несколько драгоценных камней, но бриллиант, конечно, не знал себе равных.

С незапамятных времен жители Месопотамии называют бриллианты «слезами Бога». Они верят, что эти дивные камни состоят из звездной пыли или же из осколков рассекающей небеса молнии. Джамиле доводилось даже слышать, что бриллианты – это застывшие капли пота, который выступает каждую весну, когда Мать Земля и Отец Небо занимаются

любовью. Дикая фантазия! Когда люди сталкиваются с вещами, которые находятся за пределами их понимания, они дают своему воображению полную волю. Небылицы, которые они выдумывают, избавляют их от мучительного недоумения, для которого жизнь предоставляет слишком много поводов. Взять хотя бы наше пребывание в этом мире, столь краткое и мимолетное.

Если сравнивать человеческую жизнь с жизнью бриллианта, она покажется быстротечной, как летний дождь. Человек, достигший восьмидесяти лет, превращается в дряхлую развалину. А для бриллианта такой возраст можно считать младенческим. Джамия предполагала, что с тех пор, как ее камень извлекли из земных недр, ограничили и отшлифовали, миновало три-четыре столетия. Он все еще молод. И проживет еще тысячу лет, если не больше.

Испокон веков бриллианты возбуждают в людях страстное стремление завладеть ими. Страсть эту невозможно насытить, ею одержимы и богатые, и бедные. Тот, у кого нет бриллианта, мечтает о нем. Тот, у кого уже есть бриллиант, жаждет получить еще. Несмотря на свою молодость, ее бриллиант много раз становился свидетелем людской жестокости, коварства и алчности. Как и все редкие камни, он обречен на кровавую историю. Купцы, странники, пилигримы, солдаты и разбойники убивали и обманывали друг друга, чтобы присвоить его. Когда бриллиант попадал в чей-то дом, там все изменялось: муж чувствовал себя настоящим мужчиной, жена любила его более преданно, и даже слуги почтительнее относились к своим хозяевам. Сомнения развеивались, влюбленности заканчивались браком, друзья становились врагами, враги собирались в войско. Подобно солнечному лучу, который, отражаясь от убеленной чистым снегом земли, становится ярче, бриллиант медового оттенка делал ярче жизнь, которая его окружала. Но он нес не только свет, но и тьму. Джамия знала: за такой дивный камень люди способны продать душу. И наверняка делали это множество раз.

Бриллиант подарил ей бек. Человек, который привык, что все прочие люди склоняются перед ним в почтительном поклоне, трепещет от благоговейного ужаса. Джамия спасла жизнь его единственного сына. Доктора сказали, что надежды нет, но она сумела вернуть мальчика из царства Азраила. Это было не менее трудно, чем вытащить сани из проруби, но ей удалось. Когда мальчик впервые открыл глаза и заговорил, бек заплакал. Точнее, завыл, как это делают многие мужчины, непривычные к слезам.

Бек предложил ей денег. Джамия отказалась. Тогда он предложил ей

золото. Землю. Пасеку. Шелковичную ферму. Джамиля в ответ лишь молча качала головой. Она уже собиралась уходить, когда он извлек бриллиант. «Янтарный возлюбленный» – так он его называл. Джамиля не могла отвести глаз от камня. Ее заворожила не его баснословная цена, но тайны, которые он скрывал. Она почувствовала, что камень исполнен тайн.

– Говорят, на нем лежит заклятие, – сказал бек. – Его нельзя купить, нельзя отнять силой. Нельзя украсть. Его можно лишь принять в дар, если кто-то дарит от всего сердца. Именно так он попал ко мне. Теперь он твой.

Джамиля мгновенно ощутила, что между нею и камнем существует связь – глубокая мистическая связь, непостижимая разумом. Тем не менее она нашла в себе силы вновь покачать головой, отказываясь от подарка. Но бек был умен. Он понял, что камень пленил Джамилю и в то же время испугал ее. Она боится, что, став владелицей такого сокровища, подвергнет свою жизнь опасности. Одна из причин, по которой Джамиля не боялась грабителей и бандитов, орудующих в долине, состояла в том, что в ее доме брать было нечего. Поэтому бек не стал настаивать. Но в тот же вечер он послал ей бриллиант с доверенным гонцом. С той поры Джамиля приняла Янтарного возлюбленного в свой дом.

В людях много странного и необъяснимого. Они считают насекомых отвратительными, но, когда божья коровка садится им на руку, радуются этому как счастливой примете. Они ненавидят крыс, но белки вызывают у них умиление. Грифы-стервятники кажутся им мерзкими, а за полетом орла они наблюдают с восхищением. Мух и москитов они убивают сотнями, а светлячками любят как великим чудом. Золото они сделали предметом благоговейного культа, хотя для хозяйственных надобностей куда важнее железо и медь. На камни под ногами они не обращают внимания, а из-за отшлифованных самородков сходят с ума.

Размышляя об этом, Джамиля пришла к выводу, что человечество избрало себе в мире природы нескольких фаворитов, которых удостоило своей любви. Люди не способны понять, что предметы и явления, вызывающие их антипатию, важны для великого круговорота жизни не менее их любимцев. В этом мире каждая былинка, каждая мошка имеет свое предназначение. В глазах Творца водяной комар так же значителен, как светлячок, и медь ничем не уступает золоту. Аллах, этот великий ювелир, создал вселенную таким образом, что каждому в ней нашлось свое дело.

Громкий, настойчивый стук вернул Джамилю к реальности. Кто-то колотил в дверь дома. Джамиля поспешно убрала бриллиант в шкатулку. Может, стучат уже давно, а она не слышала? Тяжело переводя дух, она

поднялась по лестнице. Стоило ей поднять дверь-люк, ведущую в комнату, по ушам ударил крик:

– Открывай! Повитуха-девственница, ты дома?

Джамиля, упершись руками в пол, выбралась наружу, закрыла дверь-люк, раскатала сверху ковер и расправила его складки. Только после всех этих приготовлений она пошла открывать.

К своему удивлению, она увидела на пороге контрабандиста, у жены которого приняла роды вчера. Отца полутора младенцев. Она уже собиралась спросить, как себя чувствуют роженица и ребенок, как вдруг увидела за его плечом голову другого человека. Густые темные волосы, лицо в крови. Судя по всему, контрабандист приволок своего раненого товарища на спине.

– Джамиля... сестра... помоги ему, – взмолился контрабандист.

Она все поняла без лишних объяснений. Они пересекли границу с Сирией. Товары несли на себе. Чай, табак, шелк, возможно, наркотики. Ситуация сложилась не так, как предполагалось. Они попали в засаду. Один из них был ранен. Они могли бросить его, но не сделали этого. По очереди несли его на спинах. Но раненый потерял слишком много крови; душа его уже готовится выскользнуть из тела. Джамиле не нужно было осматривать раненого, чтобы определить: он умирает.

– Прости, но я ничем не смогу помочь, – сказала она. – Его надо везти в больницу.

Контрабандист пососал кончик усов. Он не выглядел ни сердитым, ни слишком опечаленным, но в глазах его плескалось нетерпение.

– Ты же знаешь, мы не можем отвезти его в больницу.

С этими словами он вошел в комнату и, словно они с Джамилей обо всем договорились, положил раненого на диван.

– Если он умрет, зажги в саду костер, – направляясь к двери, сказал он. – Мы увидим огонь и придем, чтобы похоронить его.

* * *

На вытянутом, угловатом, с высокими скулами лице раненого застыло страдальчески-угрюмое выражение. Худощавый, узкий в кости, он казался человеком без возраста. На взгляд Джамилы, ему могло быть и под тридцать, и за сорок. Впрочем, теперь, когда щеки его покрывала мертвенная бледность и по жилам струилась смерть, гадать о его возрасте не имело смысла.

Она постаралась устроить его как можно удобнее, положила под голову подушку. Голова его оказалась до странности тяжелой и в то же время легкой. Он издал короткий стон, приглушенный и какой-то нечеловеческий, словно в груди у него был ком, а в горле застряла еще одна пуля. Струйка крови потекла у него из ноздрей. За свою жизнь Джамия навидалась всякого, тем не менее, глядя на умирающего, она неожиданно для самой себя ощутила приступ ужаса.

Милосерднее всего помочь ему умереть, решила она. Даже лошадь со сломанной ногой заслуживает достойной смерти. Для человека в таком состоянии будет достаточно щепотки сушеного болиголова. Старый добрый яд. Удивительно, как часто люди принимают болиголов за дикий укроп, фенхель, беззаботно жуют зеленые травинки, а после никто не может догадаться о причине их внезапной смерти. Местные жители называют болиголов «дыхание шайтана», но Джамия придумала название лучше: «пурпурный туман». Если бы только ей удалось заставить раненого проглотить щепотку болиголова, он погрузился бы в сладкую дремоту, от которой уже никогда не очнулся бы. Два раза в жизни Джамия была близка к самоубийству: после того как похитители вернули ее отцу, сохранив ее девственность, но навсегда покрыв ее позором, и после того, как Эдим попросил руки Пимби. Но каждый раз она отказывалась от своего намерения: страх после смерти попасть в ад и желание еще раз увидеть восход солнца пересиливали отчаяние.

Джамия расправила плечи и трянула головой, отгоняя печальные воспоминания. Быть может, этот человек тоже найдет в себе силы жить дальше. Надо осмотреть его раны. Ловко разрезав одежду, она раздела его донага. Он был так худ, что она едва не заплакала: таким беззащитным, уязвимым показалось ей это окровавленное тело с выступающими под кожей ребрами. Ран было три: одна пуля вошла в ногу, вторая в плечо. Но наибольшую опасность для жизни представляла третья рана. Пуля застряла около позвоночника. Ему стреляли в спину.

Джамия провозилась с ним весь день. Раненый стонал от боли, но ей все же удалось вытащить две пули. Точнее, две с половиной: третья, застрявшая под его правым коленом, разлетелась на осколки. Джамия решила, что кромсать ногу не стоит. Если он выживет, то сможет жить и с осколками. Только вот таким, как прежде, он уже никогда не будет. Это она знала точно. Подобно минералам и драгоценным камням, пули имеют душу и, входя в человеческое тело, отдают ему частицу этой души.

После того как на небе погасли последние отблески заката, Джамия задремала в кресле у его постели. От неудобной позы у нее затекла шея. В

эту ночь, как и прежде, она ощущала неприятное стеснение в груди, и ей словно не хватало воздуха.

Ее разбудил стон раненого. Он хватал воздух ртом, словно рыба, вытасченная на берег. Она смочила носовой платок и увлажнила его пересохшие губы.

– Еще, умоляю!

– Нет, – мягко возразила она. – Больше нельзя. Потом я дам тебе еще воды.

Раненый выругался, с трудом выплевывая слова. Он весь пылал от жара, то впадал в забытие, то вновь приходил в сознание. Джамия не знала, что он за человек и какие грехи отягчают его совесть. Впрочем, это не имело значения. Каков бы он ни был, она все равно попыталась бы его спасти. Наверное, он женат, у него есть дети. Если он умрет, будет ли кто-нибудь горевать по нему?

Стараясь не шуметь, Джамия скатала ковер и открыла дверь-люк, ведущую в подвал. Ей надо было приготовить отвар, отгоняющий сон, отвар, который она собиралась выпить сама. Она бросила взгляд на раненого. Скорее всего, он не проснется несколько часов. Джамия спустилась по лестнице на несколько ступенек и, поддерживая кончиками пальцев крышку люка, осторожно опустила ее. Снова раскатать ковер она не могла, но, по крайней мере, открытый люк не будет бросаться в глаза. Если раненый проснется, он решит, что хозяйка пошла собирать хворост.

В тот момент, когда крышка опустилась на место, контрабандист открыл глаза. Затуманенным взором он обвел хижину, вглядываясь то в аккуратно сложенную поленницу, то в висевшую на стене винтовку. Наконец взгляд его остановился на крышке люка. Странное выражение мелькнуло на его лице, он вновь провалился в лихорадочный сон.

Эсма

Лондон, апрель 1978 года

Я закрываю за собой дверь и облегченно вздыхаю. В последнее время эти полуночные побеги вошли у меня в привычку. После того как все засыпают, я запираюсь в ванной. Зажигаю свечу и наблюдаю, как мое отражение в зеркале изменяется в колеблющихся отблесках огня. Мое лицо, лицо пятнадцатилетней девчонки, мало меня интересует. Мне хочется увидеть то, что скрывается за внешней оболочкой, увидеть свое другое «Я», присутствие которого я так отчетливо ощущаю.

Почти все мои знакомые девочки имеют собственные комнаты и могут уединяться, когда им этого захочется. Я этим благом не обладаю. Если я позволю себе запереться в комнате, которую делю с младшим братом, мама решит, что я спятила. Поэтому я так люблю ванную – единственное место, где можно остаться наедине со своим телом и своими мыслями.

Я снимаю свитер и лифчик телесного цвета, который ненавижу лютой ненавистью. Груды у меня острые, под кожей проглядывают голубые жилки. Мне они кажутся отвратительными. Мало в моей жизни проблем, так еще и это дурацкое вымя. Сегодня утром один мальчишка из нашего класса попытался схватить меня за грудь, сделав вид, что хочет достать книгу с полки за моей спиной. Хорошо, что я пресекла его намерения и в последний момент увернулась. Другие парни, его приятели, заржали. Я догадалась, что это была их совместная выдумка. Они трепались обо мне. О моих сиськах. Когда я поняла это, меня затошнило.

На улице идет дождь. Я смотрю в окно, на мокрые тротуары Лавендер-гроув. Потом снова пялюсь в зеркало. Интересно, как бы я выглядела, если бы родилась мальчиком? Мысль эта приходила мне в голову бесчисленное количество раз. Я хватаю карандаш для подводки глаз, расширяю себе брови и соединяю их на переносице. Потом рисую над верхней губой усы. Не тоненькие, едва заметные усики, а здоровенные пышные усы с загнутыми вверх концами. Если бы меня сейчас увидел Искендер, он наверняка покачал бы головой и сказал: «Сеструха, у тебя, похоже, крыша поехала!» Иногда у меня возникает какое-то необъяснимое чувство: мне кажется, что в небесной канцелярии произошла ошибка, из-за которой я оказалась здесь, в семье Топрак, в то время как мой истинный удел поджидает меня неведомо где.

«Знакомьтесь, это моя сестра. Ей нравятся исключительно неудачники» – так Искендер представляет меня всем своим знакомым, в особенности парням.

Это неизменно работает. Парни шарахаются от меня, как от зачумленной. Впрочем, мне на это наплевать. И, надо признать, Искендер не грешит против истины. Как это ни дико, меня действительно тянет к людям, которых никак не назовешь везунчиками. Даже когда я смотрю футбол, мне всегда хочется, чтобы матч закончился вничью, и в результате я начинаю болеть за проигрывающую команду. Мысль о том, как ужасно расстроятся футболисты, разочаровавшие своих фанатов, наполняет мое сердце горячим сочувствием к ним.

– Ты человек-улитка. В этом вся беда, – говорит мама.

Она верит, что в мире существует два типа людей: люди-улитки и люди-лягушки.

В деревне, где мама жила в детстве, дети часто ловили лягушек в ближайшем пруду. Однажды они поймали лягушку невероятных размеров – такую никто из них раньше не видел. Кто-то принес из дома стеклянную миску и накрыл ею несчастную тварь, которая оцепенела от страха. Целый день дети подходили и смотрели на лягушку, с отвращением и любопытством разглядывая ее выпученные глаза и пупырчатую кожу. Какой-то мальчик поймал улитку и подсунул ее под миску. Лягушка немедленно вышла из оцепенения и уставилась на добычу. Улитка меж тем ползла вдоль края миски, не думая об опасности и надеясь выбраться из заточения. Лягушка прыгнула раз, прыгнула другой и схватила улитку. На глазах у десятка визжащих ребятишек она сожрала добычу, и изо рта у нее потекла вязкая слизь.

Мама вспоминает, что все дети поддерживали лягушку, хлопали в ладоши и всячески ее ободряли.

– Но окажись там ты, наверняка переживала бы за улитку, – говорит она. – Поэтому я так за тебя тревожусь.

В самом деле, я ничего не имею против улиток. По крайней мере, они никуда не спешат. Лучше иметь дело с ними, чем с теми, кто живет на бешеной скорости, вроде некоторых девчонок из моего класса. Наша школа разделяется на два лагеря. К первому принадлежат зубрилки вроде меня – девчонки в лучшем случае самой заурядной, а в худшем откровенно страхолюдной внешности. Все мы вкалываем как проклятые, чтобы получать отличные оценки, и никто, кроме учителей, не обращает на нас особого внимания. Ко второму лагерю принадлежат так называемые красотки. Они плевать хотят на учебу и не желают тратить на нее ни

минуты своего драгоценного времени. Им не терпится начать жить взрослой жизнью, и они уверены, что образование – это последнее, что может пригодиться им в этой жизни. Самые крутые красотки входят в разряд, который я называю «Барби».

Я давно наблюдаю за представительницами этого разряда, изучаю их поведение и пришла к выводу, что это новый, неизвестный науке биологический вид. Барби никогда не говорят ни о чем, кроме мальчишек, зато могут без конца обсуждать, кто на кого глаз положил, кто к кому неровно дышит, и им это не надоедает. Они замечают, кто с кем словом перемолвился, кто кому улыбнулся, и ведут скрупулезный подсчет этих улыбок. Если парень и девушка встречаются, им непременно надо знать, дошло ли у них до этого самого и сколько раз они этим занимались. Они следят, не растет ли у девчонки живот, ломают себе голову, решая, беременна она или нет, оставит ли ребенка себе или отдаст приемным родителям. Они постоянно влюбляются и остывают, романтические чувства бурлят в них, как кипяток, каждый день они готовы ринуться в пучину страсти, но вместо этого намертво увязают в болоте сплетен.

Самое любимое их занятие – шопинг в компании себе подобных. Когда матери или старшие сестры берут их в универмаг покупать белье, они на седьмом небе от счастья. Несмотря на все уговоры старших, они категорически отвергают скромные подростковые лифчики и требуют купить кружевные – сексуальные и изысканные. На следующий день в школе они хвастают обновкой перед подругами и даже показывают пресловутый лифчик в туалете. Те раздражаются восхищенными возгласами: «блеск!», «классно!» и тому подобными. Если что-то приводит Барби в восторг, они всегда лепечут «блеск» и «классно», для всего прочего у них припасено словечко «отстой». Эти три слова они пускают в ход, о чем бы ни шел разговор – о еде, одежде, учителях, родителях, даже о других странах и мировых событиях.

Представительницы разряда Барби постоянно жалуются на болезненные менструации, причем всем, кто окажется рядом: близким и не слишком близким подругам, бойфрендам, матерям, а некоторые даже отцам. Меня лично пробирает дрожь при одной мысли о подобных разговорах. Иногда я размышляю с почти научным интересом, насколько по-разному одна и та же вещь воспринимается в различных семьях. Наверное, все дело в том, что мы представляем разные культуры. Если бы я заговорила с мамой о своих менструациях, она сгорела бы со стыда. Мигом оборвала бы меня и устроила разнос, вывалив на мою бедную голову все наставления бабушки Нази.

Может, учись я в ближайшей школе, с соседскими детьми, все было бы иначе. Может, если бы моих одноклассниц звали не Трейси, Деби и Клер, а Айша, Фара и Зейнаб, я бы лучше с ними ладила. Честно говоря, я так не думаю. Знаю, это звучит слишком самоуверенно, но я предпочитаю делать уроки, читать книги и проводить время в своем собственном обществе. Я рада, что оказалась в этой школе, и горжусь своими успехами. За это, кстати, надо благодарить миссис Пауэлл, мою учительницу в начальной школе. Бедняга! По слухам, ее единственного сына, отпетого балбеса, исключили из школы, после чего он сбежал из дома и скрылся в неизвестном направлении. Миссис Пауэлл находила утешение в том, что всячески помогала встать на ноги детям, которым судьба предоставила не слишком благоприятные стартовые условия. К числу таких детей относилась и я.

Довольно оглядев усы, я принимаюсь рисовать на подбородке бороду. Да, именно миссис Пауэлл однажды явилась к нам домой, чтобы поговорить с моими родителями. Она убедила их отправить меня в хорошую школу. Не в частную, конечно, но в школу с гуманитарным уклоном. «У меня такой богатый опыт, что я за милую руку распознаю одаренного ребенка, – так она сказала. – Поверьте мне, мистер и миссис Топрак, ваша дочь очень способная девочка». Миссис Пауэлл также поговорила с руководством этой хорошей школы – школы, предназначенной для детей из среднего класса, белых, англичан, христиан. В общем, не для таких, как я. Не знаю, что она им сказала, но это сработало. Оставаясь в душе улиткой, я совершила лягушачий прыжок.

Уже тогда я хотела стать писателем. Именно писателем, а не писательницей. Я даже выбрала себе псевдоним: Джон Блейк Оно. Он включает в себя имена трех моих кумиров – поэта, писателя и артистки: Джона Китса, Уильяма Блейка и Йоко Оно.

Меня всегда удивляет, почему женские имена так сильно отличаются от мужских. В женских именах есть что-то прихотливое и мечтательное, словно женщины принадлежат не к реальности, а к миру воображения. Мужские имена исполнены силы, значительности и власти. Например, Музафер означает «победитель», Фарух – «тот, кто отличает правду от лжи», Гусам эль Дин – «меч истинной веры». Женские имена, напротив, похожи на фарфоровые вазы – такие они изящные, изысканные и хрупкие. Если тебя зовут Нилюфер – «цветок лотоса», Гюльсерен – «расцветающая роза» или Бинназ – «тысяча комплиментов», твое дело – украшать этот мир своим присутствием, но никак не изменять его.

Дж. Б. Оно. Такое имя книготорговцы будут произносить с уважением.

Такое имя подходит человеку-загадке, двуполой личности, соединяющей в себе мужское и женское начало. Личности, которой ни к чему бюстгальтер.

* * *

Закончив рисовать бородку, я осматриваю свое отражение в зеркале. Карандаш не помог. Даже с бородой и усами я не буду выглядеть мужчиной. Если бы только я унаследовала отцовскую худощавость и материнские глаза – огромные, зеленые, чуть раскосые. Вместо этого я взяла от родителей их самые непривлекательные черты: мамину короткую шею, папины маленькие, невыразительные глазки. Нос у меня картошкой, волосы вьются так сильно, что их невозможно расчесать, лоб слишком высокий. На подбородке родинка – здоровенная коричневая муха. Я много раз просила маму сводить меня к врачу, которые срежет эту гадость, но она пропускает мои просьбы мимо ушей. Мама красивая женщина – так все говорят. Братья у меня тоже симпатичные – и старший, и младший. Ужасно несправедливо, что, когда родители делали меня, ген красоты решил взять выходной.

У Юнуса просто ангельская мордашка, хотя его детское обаяние потихоньку начинает улетучиваться. Красота Искендера совсем другого плана. Его привлекательность не имеет ничего общего со смазливостью. Он настоящий мачо, как сказали бы представительницы вида Барби. Уверена, половина моих одноклассниц влюблена в моего брата. Некоторые из них именно по этой причине набиваются ко мне в подружки. Искендер иногда встречается меня после школы и при этом постреливает по сторонам глазами со скучающим выражением крутого парня. К моему удивлению, этот нехитрый прием действует убойно.

– Такому красавчику невозможно отказать, – кудахчут девчонки.

– До чего он похож на Майкла Карлеоне из «Крестного отца». Не хватает только пистолета!

– Может, вам сходить к окулисту? Со зрением у вас явно проблемы, – ворчу я в ответ.

Ни малейшего сходства между Аль Пачино и Искендером я не замечаю. Но даже если девчонки улавливают мой сарказм, на меня им ровным счетом наплевать. Вот мой брат – совсем другое дело. Они считают его воплощением сурового мужского обаяния.

С тех пор как отец пустился в бега, Искендер здорово переменялся: стал заносчивым, раздражительным, брюзгливым. Все время проводит с

приятелями и своей кошмарной подружкой. Без конца лупит свою боксерскую грушу, словно мир полон его тайных врагов, которым он готовится дать отпор. Может быть, все это так называемые подростковые комплексы. Не хочу, чтобы у меня они тоже появились.

С мамой мы были очень близки до того времени, когда у меня начали расти груди и начались первые месячные. Теперь ее волнует только одно: моя девственность. Она вечно твердит, что я должна беречь эту самую девственность как величайшее сокровище и давать решительный отпор всякому, кто на нее покусится. Она предостерегает меня против бесчисленных опасностей, угрожающих девушке, и к этому сводится все наше общение. Мама внушает мне, что с мальчишками нужно быть настороже, потому что у них одно на уме. В этом возрасте мальчишки – настоящие похотливые животные, думающие только о том, как удовлетворить свою похоть. Многие из них остаются такими на всю жизнь, повторяет она. Любопытно, что на моих братьев ее жизненные правила не распространяются. Юнус, конечно, еще слишком мал. А вот Искендера она никогда не учит уму-разуму. Осторожность и осмотрительность не для него. Он имеет право быть собой. И ни на кого не оглядываться.

Мама не в состоянии понять, что я совершенно не интересуюсь мальчишками. По мне, все они тоскливые кретины, одуревшие от избытка гормонов. Если бы мама не талдычила целыми днями о сексе, я бы, наверное, забыла, что это такое. Кстати, улитки – гермафродиты, каждая из них обладает женскими и мужскими репродуктивными органами. Как жаль, что люди не такие. Если бы Бог создал людей наподобие улиток, в этом мире было бы намного меньше разбитых сердец.

Стеклянное сердце

***Место поблизости от реки Евфрат, апрель
1978 года***

Раненый пылал как в огне. Джамия проверила, сильный ли у него жар, коснувшись губами его лба. Точно так же, как поступала с младенцами. Потом она осторожно положила руку ему на запястье, нащупывая пульс. Пульс был слабым и частым одновременно. Удары сердца походили на бой барабанов, долетающий откуда-то издалека, на шум битвы. Человеческое тело – это великая тайна. Оно любит сражаться. Большинство людей не сознают, что их тело – настоящий воин, куда более сильный и выносливый, чем душа. Но подобно всем великим воинам, оно имеет свои уязвимые стороны. Если тело понимает, с каким именно врагом ему пришлось столкнуться, оно способно сопротивляться и нанести сокрушительный удар. Если враг остается для тела неопознанным, оно не в состоянии дать ему отпор. В этих случаях на помощь телу приходила Джамия. Испокон веков целители, подобные ей, помогали больным распознать болезнь и заставить тело бороться с ней. Она не столько исцеляла сама, сколько помогала людям исцелиться собственными силами.

Джамия намочила полотенце в уксусе и положила на лоб раненого. Любопытно все-таки, каков он, этот человек, за которым она ухаживает. В том, что всякий человек заслуживает жизни, она не сомневалась. Но всякий ли заслуживает, чтобы его с боем вырвали у смерти? Над этим вопросом ей приходилось размышлять часто, но она так и не нашла определенного ответа. Возможно, любой человек рождается чистым и добродетельным, но, вырастая, впускает в свою душу грех и зло. Или же зерна порока проникают в человеческую природу еще во время зачатия? В Коране говорится, что все мы созданы из сгустка крови. Неужели в этом сгустке все люди были такими, какими пришли на эту землю? Жемчужина, безупречная и сверкающая, вырастает из пылинки, которая случайно проникает в раковину устрицы. Даже дурное семя способно дать прекрасные всходы. Но бывает иначе. Порой малая толика зла, разрастаясь, приносит щедрый урожай. Некоторые младенцы, которым она помогла появиться на свет, станут лжецами, мошенниками, ворами, насильниками, даже убийцами. Обладай она способностью предвидеть, какие люди вырастут из младенцев, как бы она поступала? Отказывалась бы

способствовать рождению тех, кто приносит в этот мир зло и несчастье? Предоставляла бы им возможность задохнуться в материнской утробе?

Всякий раз, держа на руках новорожденного, Джамиля умилялась его крошечным пальчикам, его носику-кнопке и ротику, похожему на бутон розы. Всякий раз она не сомневалась, что столь совершенное существо может быть предназначено для одного лишь добра. Но иногда она чувствовала, что некоторые дети отличаются от остальных. С самого момента своего рождения. Разумеется, они не могли проявлять злобного нрава или склонности к пороку, и все же они были другими. Их матери непременно ощутили бы это, не будь их интуиция притуплена любовью. В отличие от матерей Джамиля оставалась во всеоружии интуиции. Глядя на этих детей, она чувствовала тревогу. Но она ни с кем не делилась своими предчувствиями.

Джамиля слышала о повивальных бабках, которые убивали новорожденных, хотя ей трудно было в это поверить. Одну из таких историй рассказал им с Пимби отец.

Однажды солнечным днем Берзо вместе со всеми восемью дочерьми отправился в Урфу, к священному водоему. Нази, несмотря на свой возраст, снова была беременна, и они намеревались помолиться и попросить Аллаха, чтобы на этот раз она произвела на свет мальчика. По бескрайнему лазурно-голубому небу проносились легкие облака. Вокруг толпилось множество людей, и их приглушенные голоса звучали словно шелест сухих листьев. Потрясенные увиденным, девочки робко жались друг к другу. Как и положено, они покормили рыбу в священном пруду. На обратном пути отец рассказал им легенду, связанную с этим местом. Тогда Берзо был совсем не таким, каким стал вскоре, взгляд его еще не обрел суровость, он еще не научился улыбаться. Все это произошло незадолго до того, как жизнь их семьи пошла наперекосяк.

Некогда жил на земле царь Нимрод, начал свой рассказ Берзо. Гордость его не знала пределов, равно как и его жестокость. Однажды главный придворный звездочет сообщил царю, что царствованию его придет конец, когда на свет появится некий мальчик по имени Абрахам. Нимрод, не желая расставаться со своим тронном, приказал повитухам в своем царстве убивать всех новорожденных мальчиков без исключения – и богатых, и бедных. Повитухам пришлось повиноваться. Они помогали роженицам разрешиться от бремени и, если рождался мальчик, убивали его. Но матери Абрахама удалось избежать этой ужасной участи. Она родила сына без помощи повитухи, скрывшись в горах, в темной и сырой пещере.

Когда Абрахам вырос, он восстал против жестокости Нимрода. Царь

был в ярости. Когда пророк был схвачен, царь приказал всем своим подданным, молодым и старым, сложить на площади костер, такой огромный, что он мог гореть в течение нескольких дней. В этот костер он повелел бросить Абрахама. Но пророк вышел из пламени целым и невредимым, лишь одна прядь волос на его голове поседела. Аллах в мгновение ока превратил огонь в воду, а раскаленные угли в рыб. Так и возник священный водоем в Урфе.

Несмотря ни на что, Джамиля не считала свою жизнь неудавшейся. После свадьбы Эдима и Пимби она уговорила отца позволить ей не выходить замуж и стать помощницей местной повитухи. Он согласился, думая, что вскоре она изменит свое решение. Но Джамиля оказалась упорной. Теперь она сожалела лишь об одном – о том, что не стала врачом. Сложись обстоятельства иначе, эта мечта стала бы реальностью. Она работала бы в сверкающей чистотой клинике, носила бы белый халат с табличкой на груди: «Доктор Джамиля Етер» – «Доктор Достаточно Красивая».

* * *

Джамиля порезала две луковицы крупными кольцами и льняными тряпицами привязала их к ступням раненого. Лук должен был вытянуть жар из головы к ногам. Но пока раненый по-прежнему горел, и Джамиля каждые несколько минут меняла мокрое полотенце на его голове и предавалась занятию, которому предавалась всегда, когда не имела других дел: молилась. К полуночи жар ослабел. Довольная Джамиля задремала в кресле и оказалась во власти тревожного видения.

Ей снилось, что она бредет по городу, охваченному пожаром. Рядом никого нет, она на сносях и чувствует, что вот-вот начнутся схватки. Она ищет укромное место для родов, но все вокруг в огне. Здания рушатся на глазах, обезумевшие от страха люди мечутся туда-сюда, собаки завывают. И посреди этого хаоса Джамиля видит огромную кровать с резными столбиками и шелковыми подушками. Она ложится на эту кровать и рождает девочку. Кто-то спрашивает, как она назовет дочь, и она отвечает:

– Пимби, в честь моей покойной сестры-двойняшки.

Джамиля проснулась с бешено бьющимся сердцем. Коснулась губами лба раненого. Жара почти не было. Этому человеку удалось победить смерть. За окном разгорался день. Потирая затекшие конечности, Джамиля выпила стакан воды. Воспоминания о тягостном сне она старательно

отгоняла. Надо было готовить завтрак. Джамия разожгла плиту, растопила на сковородке кусочек масла, разбила три яйца, добавила соли и щепотку розмарина. Стряпня никогда не была ее сильной стороной. Обычно она довольствовалась самыми простыми блюдами и, поскольку ей некого было кормить, никогда не испытывала потребности усовершенствовать свое кулинарное мастерство.

– Вкусно пахнет. Что это?

Джамия вздрогнула и резко повернулась. Контрабандист, взлохмаченный и заросший рыжеватой щетиной, сидел в постели.

– О, всего лишь яичница, – ответила она.

Он издал какое-то нечленораздельное бурчание, не то одобрителное, не то недовольное.

– Кто ты такая?

– Джамия, повитуха.

– А почему я оказался в твоём доме? – удивился он.

– Ты был ранен. Это чудо, что тебе удалось выжить. Ты здесь уже неделю. На, выпей чаю.

Он сделал глоток и сплюнул:

– Ну и гадость! Лошадиная моча, да и только!

– Это целебный отвар, – сказала она, стараясь не поддаваться обиде. – Тебе лучше его выпить. И я буду очень признательна, если ты не будешь плевать в моём доме.

– Прости, – ответил он хриплым шепотом. – До меня только теперь дошло, что я должен поблагодарить тебя за своё спасение.

– Благодарю Аллаха. Только Он властен сохранить человеку жизнь.

Уголки его губ дернулись, но он ничего не сказал.

– Послушай, повитуха, найдется у тебя сигарета? – спросил контрабандист после минутного молчания.

– Тебе нельзя курить.

– Прошу тебя. Хотя бы одну затяжку.

Раздираемая противоречивыми чувствами, она достала пачку табака и бумагу. Пока она сворачивала сигарету, он смотрел на её руки, красные и загрубевшие. Цыпки говорили о том, что она часто моет руки в холодной воде, а мозоли на ладонях – о том, что ей приходится самой рубить дрова.

– Ты странная женщина, – заявил он.

– Да, так обо мне говорят многие.

– Как ты можешь жить совершенно одна? Женщине нужен мужчина, защитник.

– А у твоей жены есть рядом мужчина, который её защищает? Уверена,

она так же одинока, как и я. Некоторые женщины замужем и одиноки одновременно. А некоторые, вроде меня, просто одиноки.

Контрабандист усмехнулся, в глазах его зажглись насмешливые искорки.

– Я могу на тебе жениться. Моя жена не будет возражать. Она обрадуется, узнав, что в доме появится еще одна женщина.

Джамиля зажгла сигарету, затянулась и выпустила колечко дыма. Когда она передавала ему сигарету, он успел погладить ее руку кончиками пальцев.

– С твоей стороны очень великодушно сделать мне предложение, – улыбнулась она. – Но я предпочитаю ничего не менять в своей жизни.

Он метнул в нее пронзительный взгляд, но промолчал. Когда он снова заговорил, выпуская дым из ноздрей, голос его слегка дрожал.

– Границу мы пересекали вчетвером. Тебе рассказали, что случилось с одним из нас?

Джамиля покачала головой. Она была совсем не уверена, что хочет это слышать.

– Он наступил на мину. Это самое худшее, что может случиться, поверь мне. Я не боюсь, что меня застрелят. Не боюсь оказаться в тюрьме. Я боюсь только наступить на мину. Но этому не бывать, я знаю. Когда придет мой час, мое тело заруют в землю в целостности и сохранности, с руками и ногами. И никому не придется ползать по земле и собирать мои потроха.

Не зная, как реагировать на его слова, она спросила:

– У тебя есть дети?

– Три сына. Скоро родится еще один. Если будет на то воля Аллаха.

– А дочери у тебя есть?

– Есть, целых четыре. – Он закашлялся, и лицо его перекошилось от боли. – Я должен вернуться. Я им нужен.

– Ты нужен им здоровым и сильным, а не слабым и больным. Ты должен поправиться. Потом можешь уходить.

– Я слышал, что болтают о тебе люди. Они считают, что твой муж – джинн и что он прилетает к тебе в безлунные ночи. Это он научил тебя составлять всякие зелья, верно?

Джамиля достала из шкафа медный поднос, поставила на него чайник, сковородку с яичницей, положила плоскую лепешку и отнесла поднос раненому.

– Муж-джинн... – повторила она и невольно улыбнулась. – Придумают же... Боюсь, я тебя разочарую. Увы, я самая заурядная женщина, и жизнь

моя куда скучнее, чем ты думаешь.

Едва произнеся эти слова, она о них пожалела. Было бы лучше, если бы этот человек считал ее необычным созданием, женщиной, не похожей на всех прочих. Не стоит показывать кому бы то ни было, в том числе и ему, свою беззащитность, свою уязвимость, свою ранимость. Если люди знают, что твое сердце сделано из стекла, они непременно его разобьют.

Мальчик из воска

Лондон, май 1978 года

В тот день, когда обитатели заброшенного дома были арестованы, Тобико тоже оказалась в полицейском участке, но, в отличие от всех остальных, вскоре после освобождения исчезла. Никто не знал, где она. От отчаяния Юнус даже осмелился постучать в дверь дома, стоявшего по соседству с пресловутым особняком. Дверь приоткрылась, и какой-то старик выглянул в щелочку, не снимая дверной цепочки.

– Простите, сэр, что побеспокоил вас, – пробормотал мальчик. – Я ищу свою подругу. У нее темные волосы и много татуировок. Она жила вон в том доме.

– Ты имеешь в виду этот притон извращенцев?

– Д-да, – неуверенно кивнул Юнус.

– Не знаю я никакой татуированной девицы с темными волосами, и знать не хочу! – завизжал старик. – Надеюсь, вся эта шваль убралась отсюда навсегда! Давно надо было их выкурить!

Дверь с шумом захлопнулась.

Тогда Юнус решил самостоятельно обыскать весь город. Он объезжал на своем велосипеде улицу за улицей, заглядывая в лица всем девушкам, хоть отдаленно напоминающим Тобико. Он бродил по универсамам и супермаркетам, заходил в книжные магазины и прачечные, но поиски оставались безрезультатными.

Однажды, в начале мая, он свернул на Кингслэнд-роуд поблизости от кинотеатра «Рио», мысленно витая в каких-то туманных далях и грезя о встрече с Тобико. Его рассеянный взгляд упал на парочку, которая стояла у цветочного лотка, выбирая цветок в горшке. Оба стояли к Юнусу спиной, но внезапно он почувствовал, что не в состоянии отвести от них взгляд.

Мужчина протянул руку и нежно погладил запястье женщины. Она льнула к нему всем своим хрупким телом, голова ее клонилась к его плечу. Юнус внезапно ощутил, как внутренности его болезненно сжались, а уши вспыхнули. Каштановые волосы женщины, ее зеленое платье с рукавами-фонариками и золотыми пуговицами, изгиб талии, грациозные движения рук – все это было ему слишком хорошо знакомо. Сердце мальчугана затрепетало, как бабочка. Он словно прирос к месту, беззвучно двигая губами.

Мужчина привлек женщину к себе и прошептал что-то ей на ухо, касаясь губами ее шеи. Короткое, мимолетное прикосновение, возможно случайное, застенчивое и невинное, заставило женщину повернуть голову и улыбнуться. На ее правой щеке заиграла ямочка.

Мама.

Юнус развернул велосипед и что есть мочи налег на педали. Он был в шоке, но из волн паники, захлестнувших его с головой, внезапно вынырнула мысль о том, что никогда прежде он не видел маму такой. Такой сияющей. Такой счастливой. Бесспорно, эта женщина была его матерью и все же разительно от нее отличалась. Эту женщину окружала аура радости, не менее яркая, чем цветы, которые она покупала.

Вечером, когда Юнус вернулся домой, он был бледен и молчалив, как восковая статуя. Искендер и Эсма подшучивали над ним, заявляя, что его надо поместить в Музей мадам Тюссо. Пимби испугалась, решив, что у сына желудочный грипп, и попыталась напоить его мятным чаем. Но Юнус от чая отказался и, не обращая внимания на колкости брата и сестры, отправился спать непривычно рано.

В ту ночь он снова описался.

Гарун-контрабандист

Место вблизи реки Евфрат, май 1978 года

Ближе к вечеру Джамиля отправилась в лес собирать хворост. На обратном пути она присела на камень и задумалась. За пояс у нее было заткнуто письмо, и сейчас она вытащила его и принялась скользить по строчкам невидящим взглядом, словно надеясь, что они исчезнут. Но в отличие от кошмаров, преследующих ее во сне, письмо было реальным. Оно было таким же реальным и таким же зловещим, как горы, обступившие ее со всех сторон. Джамиля в очередной раз принялась читать:

Джамиля, дорогая моя сестра!

Наверное, за эти годы я послала тебе не меньше сотни писем. У меня бывали хорошие дни и бывали дурные дни. Но ни одно из писем я не писала с таким трудом, как это. Сестра, я встретила другого мужчину. Прошу тебя, не спеши осуждать. Дай мне шанс объяснить, что произошло, хотя я не вполне уверена, что понимаю это сама. Только тебе одной я могу довериться. Больше никто не знает. Я схожу с ума от страха. И в то же время меня переполняют радость и надежда. Как это может быть?

Раньше я думала, что мое сердце высохло, словно кусок кожи, слишком долго пролежавший на солнце. Думала, что не способна любить никого, за исключением тебя и моих детей. Но когда я встретила его, все изменилось. Теперь мне кажется, будто я знала его целую вечность. Мои чувства невозможно передать словами. Я пыталась не думать о нем, но у меня ничего не получилось.

Представляешь, он повар. Как и ты, он понимает язык трав и специй. Он не похож на всех прочих жителей Лондона. Здесь все люди на что-то злятся, но он не злится никогда. Он говорит, что только очень терпеливый человек может работать поваром. Он жил во многих странах, но ни одну из них не считает родной. Возможно, он носит свой дом на спине, как черепаха.

Я знаю, что ты сейчас в ужасе. Знаю, что ты хочешь мне сказать: это позор. Призрак мамы будет вечно преследовать и укорять меня. Призрак папы тоже.

«Я бы предпочел, чтобы дочь моя бросилась в Евфрат, но не покрыла

себя позором». Так он сказал, когда сбежала Хейди. Помнишь?

Но скажи мне, если человек выучил алфавит, можно ли запретить ему читать? Стоит женщине попробовать эликсир любви, ее начинает томить жажда. Раз увидев собственное отражение в глазах любимого, становишься иной. Прежде я была слепая, а теперь прозрела. Яркий свет страшит меня, но я не хочу больше жить, как крот. С меня довольно.

Моя дорогая, моя любимая сестра, я не прошу тебя простить меня, – возможно, твое сердце наложит на это запрет. Я прошу лишь не лишать меня своей любви. Ни сейчас, ни потом. Я тоже буду любить тебя. Всегда, что бы ни случилось...

Твоя преданная двойняшка Пимби

Пимби сошла с ума, решила Джамия. Любовь – это загадочная стихия, которая лишает человека сил и рассудка, делает его глухим к доводам здравого смысла. Эдиму, похоже, наплевать, что творится с женой, но все прочие – соседи, друзья, родственники с той и другой стороны – налетят на Пимби, как стая ворон. Даже если она сумеет получить развод, вряд ли этот повар, человек без корней, без роду и племени, согласится немедленно жениться на ней и тем самым положить конец пересудам. К тому же он, судя по всему, иноверец, христианин, а это усугубляет проблему. Чем больше Джамия размышляла, тем отчетливее понимала: сестра попала в беду. И для того чтобы спасти Пимби, необходимо быть с ней рядом. Она, Джамия, должна защитить свою сестру от клеветы и позора. Должна защитить Пимби от самой Пимби, если это потребуется.

Придавленная не столько вязанкой хвороста, которую она несла на спине, сколько грузом тяжелых мыслей, Джамия доплелась до своей хижины. Сложив хворост у очага, она перевела дыхание и только тут краешком глаза заметила, что контрабандиста нет на диване. Несколько недель она ухаживала за ним как за родным, и вот он наконец смог встать на ноги. Она с улыбкой повернулась, и взгляд ее наткнулся на винтовку, которую он держал в руках.

– У такой женщины, как ты, наверняка кое-что припрятано на черный день, – сказал он, наставив на нее дуло. – Покажи мне, где твой тайник.

– Что я могу прятать? Я простая повитуха, и со мной редко расплачиваются деньгами.

На долю мгновения ей показалось, что слова ее убедили контрабандиста. Но все же он сказал:

– Ладно, посмотрим. Веди меня в погреб.

– Что?

У Джамили перехватило дыхание. Откуда он узнал про погреб?

– В погребе ничего нет. Только всякий старый хлам.

– Вот и покажи мне этот хлам, – бросил он.

Вены на его висках вздулись, глаза налились кровью.

– Идем, хватит тянуть время, – скомандовал контрабандист.

Тело Джамили, не привыкшее выполнять чужие приказы, внезапно стало непослушным.

– Давай пошевеливайся, или я прострелю тебе голову и скормлю твои потроха собакам, – прошипел контрабандист. – Все равно я спущусь в твой погреб.

Джамиля скатала ковер, открыла дверь-люк и отступила, давая дорогу контрабандисту.

– Нет, – покачал головой он. – Мы спустимся туда вместе. Ты первая. Подожди-ка...

Он вытащил веревку и стянул ей руки так, чтобы она могла двигать ими, но не могла развязать узел.

– Я не смогу спуститься по лестнице со связанными руками, – сказала Джамиля.

– Ничего, ты ловкая. Как-нибудь спустишься.

Уцепившись за верхнюю ступеньку и с трудом удерживая равновесие, Джамиля начала медленно спускаться. Он следовал за ней. Она чувствовала, что не до конца зажившие раны причиняют ему боль. Но охватившая его алчность была сильнее боли.

– Чем это здесь так воняет? – проворчал он и сморщился, словно подавляя рвотный позыв.

Впервые за многие годы Джамиля ощутила витавший в погребе запах, пронзительный и острый.

– Ну у тебя и хозяйство! – воскликнул контрабандист, оглядываясь по сторонам. Он взял банку с горчичными семенами и удивленно потряс ее. – Я так и знал. Ты ведьма. Давай, показывай свои сокровища.

– Нет у меня никаких сокровищ. Только травы и камни. Я готовлю из них снадобья. Если ты помнишь, эти снадобья тебя исцелили.

– Ты же сама сказала, только Аллах способен сохранить человеку жизнь, – ухмыльнулся он. – И ты совершенно права. Только Бог решает, жить человеку или умереть. Он много раз спасал меня. Люди, которые не испытали и половины того, что выпало на мою долю, давно мертвы. Но я жив. Такова воля Аллаха.

Он толкнул ее дулом винтовки так, что она потеряла равновесие и едва

не упала.

– Интересно, какова ты на вкус, – сказал он, приближаясь и пожирая глазами ее бедра и груди. – Ты ведь никогда не знала мужчины – верно? Бедняга. Может, покончив с делом, я отблагодарю тебя как следует, повитуха-девственница.

Повернувшись к Джамиле спиной, контрабандист принялся обыскивать погреб. Он разбивал горшки, высыпал на пол содержимое банок и коробок, заглядывал в кувшины. Джамиля лихорадочно соображала, что делать. Бриллиант в перламутровой коробочке лежал на полке.

– Идем наверх, – сказала она, стараясь, чтобы голос не дрожал.

– Зачем это?

– Я приготовлю тебе вкусный ужин. Омою твои ноги.

Контрабандист вперил в нее острый взгляд. Слова его разрезали воздух, как нож:

– Ты что, считаешь меня полным идиотом?

Джамиля ощутила приступ паники.

– Нет, разумеется, нет. Я знаю, ты очень умен.

– А если знаешь, зачем пытаешься обвести меня вокруг пальца? Что за дурацкие игры? Ты должна меня ненавидеть! – заявил он и внезапно спросил: – Куда ты смотришь?

Джамиля поняла свою ошибку. Смятение, охватившее ее, было так велико, что она несколько раз невольно бросила взгляд на полку за его спиной. Он проследил за ее взглядом и обнаружил шкатулку.

– Ах ты колдунья поганая! – выдохнул он, увидев бриллиант. – А прикидывалась нищей. Такой камешек стоит целое состояние! Где ты его украла?

– Это подарок, – одними губами прошептала Джамиля.

– Неужели? И ты думаешь, я в это поверю? – усмехнулся он, засовывая бриллиант в карман. – Давай поворачивайся. Возвращаемся наверх. Ты первая. И без всяких там шуточек.

Как только Джамиля повернулась к лестнице, он сбил ее с ног ударом приклада. Падая, она ударилась лбом о железную ступеньку. Мир вокруг стал кроваво-красным, и она потеряла сознание.

Несколько часов спустя Джамиля очнулась. Голова у нее кружилась, желудок сжимался, а боль в висках была так мучительна, что она не решалась открыть глаза. Несколько минут она лежала на полу и поскуливала, как слепой щенок. Потом медленно, очень медленно поднялась, ожидая, когда глаза привыкнут к сумраку.

Она нашла нож и перерезала веревку, стягивавшую ей руки. В подвале царил такой разгром, словно здесь побывала вражеская армия. На столе валялась перламутровая шкатулка. У нее не было возможности рассказать контрабандисту легенду, связанную с бриллиантом. На камне лежит заклятие. Его нельзя купить, нельзя украсть или взять силой. Его можно только подарить или принять в подарок.

Джамиля поднялась по лестнице, морщась при каждом движении. Оказавшись наверху, она увидела, что дверь в хижину распахнута настежь. За порогом раскинулась безмолвная ночная долина. Внезапно все вокруг показалось ей зловещим. Земля, взрастившая ее и защищавшая ее все эти годы, теперь кишмя кишела скорпионами, змеями, ядовитыми растениями, злобными чужаками... На каждом шагу здесь подстерегали ловушки, расставленные самим Богом. Джамиля разрыдалась, словно со стороны прислушиваясь к собственным всхлипываниям, неумелым всхлипываниям человека, который так давно не плакал, что позабыл, как это делается. Остаток дня она провела в оцепенении. Не выходила из дома. Не молилась. Не ела. Безучастная ко всему, она сидела на постели, сжимая в ладонях чашку с водой.

Неожиданно до нее долетел шум. Мужские голоса. Топот копыт. Джамиля смахнула слезы жесткой мозолистой ладонью. Наверное, контрабандист вернулся со своими товарищами, решила она. Что он хочет взять на этот раз? Ее тело? Ее жизнь? Она огляделась по сторонам в поисках винтовки. Винтовки не было. Видно, контрабандист забрал ее с собой. Она схватила кинжал, но пальцы так дрожали, что она отбросила оружие и пошла к дверям, полная решимости встретить свою участь лицом к лицу.

В сумерках угадывались очертания четырех всадников. Один из них спешил к ней, ботинки его чавкали в жидкой грязи. Джамиля узнала этого человека. То был главарь контрабандистов. Это его жена родила дочь, к телу которой приросло тельце мертвого брата. Это он притащил сюда раненого, ставшего причиной ее горя.

– Джамиля... сестра... Можно войти в твой дом?

Она молча сделала приглашающий жест.

Он увидел кровоподтек у нее на лбу, ее опухшие от слез глаза.

– Я не задержу тебя долго. Мы и так принесли тебе несчастье. Я пришел попросить прощения за то, что случилось. Этот ублюдок не заслужил твоей доброты.

Джамиля понимала, что должна что-то сказать, но язык ее словно примерз к небу.

– Я принес тебе кое-что, – сказал он. – Прошу, прими мои подарки.

С этими словами он вытащил из кармана шаровар два шелковых мешочка – один красный, другой черный. Коснувшись рукой ладони Джамили, он заглянул ей в глаза и сунул ей в левую руку красный мешочек, а в правую – черный.

– Где сейчас... тот человек? – спросила Джамия, к которой наконец вернулся дар речи.

– Поверь, он больше не причинит тебе зла.

– А как его зовут? Я даже не спросила его об этом.

– Его звали Гарун, – ответил главарь контрабандистов, заноса ногу в стремя. – Это имя высечено на его могильном камне.

Прошло несколько мгновений, прежде чем смысл этих слов дошел до нее, и у нее перехватило дыхание. Трясущимися руками она развязала красный мешочек. Там лежал ее бриллиант. Янтарный возлюбленный. Джамия развязала второй мешочек. Пара окровавленных человеческих ушей. Только тут она догадалась, что оба мешочка сшиты из одинаковой материи, но шелк потемнел от крови и стал черным. Причиной смерти Гаруна-контрабандиста стала не мина. Но все же телу его не суждено лежать в могиле в целостности и сохранности.

Подчиняясь внезапному импульсу, Джамия бросилась из дома вдогонку за своим гостем. Сначала ей показалось, что всадники, подобно призракам, которых так много было в ее жизни, уже растаяли в темноте. Но, взглядевшись, она увидела их на тропе.

– Подождите! – крикнула она.

Главарь натянул поводья, останавливая лошадь, все прочие последовали его примеру.

Подбежав к ним, она внезапно остановилась в замешательстве, словно не находя слов. Несколько мгновений она молчала, заправляя за ухо выбившуюся прядь и теребя концы шали, и наконец выдавила:

– Мне нужна твоя помощь. Очень нужна.

– Расскажи, в чем дело.

– Я хочу поехать к сестре в Англию. У моей сестры случилась беда. Я должна быть рядом.

Всадники переглянулись.

– У меня нет ни паспорта, ни денег, – продолжала Джамия. – Ничего нет. Я могу пересечь границу только так, как вы. Незаконно. – Джамия разжала кулак. – Но у меня есть Янтарный возлюбленный. Этот камень я могу подарить кому захочу. И я хочу подарить его тебе. Тому, кто получает бриллиант в подарок, он не приносит несчастья. Ты будешь богатым,

поверь мне.

– Ты подаришь мне бриллиант, если я помогу тебе переправиться через границу?

– Совершенно верно.

Главарь сдвинул брови и потеревил кончики усов:

– Это будет не так просто. Куда сложнее, чем пересечь границу с Сирией.

– Но, как мне доводилось слышать, есть люди, которые устраивают подобные вещи. Мне самой их не отыскать, но ты можешь это сделать. Помнишь младшего сына Ахмада? Он ведь тоже пересек границу. Если я не ошибаюсь, ему надо было в Швейцарию. Его спрятали в кузове грузовика, и все прошло без сучка без задоринки.

Теперь, когда у Джамии хватило мужества заговорить, речь ее неслась стремительным горным потоком. Слова вырывались из самых глубин души. Она чувствовала, ее мольба не может остаться безответной.

На лице главаря не дрогнул ни один мускул, но она видела, как в его глубоко посаженных глазах сменяют друг друга разные чувства: тревога, понимание, сомнение, восхищение.

– Я сделаю все, что в моих силах, – сказал он наконец. – Если Аллах этого захочет, нам будет сопутствовать удача.

Джамия, содрогаясь всем телом, разжала ладонь. Бриллиант сверкнул в руках заходящего солнца.

– Возьми его, и да благословит тебя Аллах.

Главарь контрабандистов отвернулся и сказал, словно обращаясь не к ней, а к ветру:

– Оставь его себе. Ты заслужила этот камень, Джамия.

Слегка кивнув, он пришпорил лошадь и поскакал по узкой тропе. Его люди последовали за ним. Джамия проводила их взглядом. Облако пыли, поднятой лошадиными копытами, окружало ее, словно неотвязные воспоминания.

*

Тюрьма Шрусбери, 1991 год

Я возвращаюсь из карцера. Койку Триппи уже занял новенький. Быстро они нашли мне соседа. Я рассчитывал какое-то время пожить

один, но тюрьма забита под завязку. Каждый день прибывают новички. Тюремная система напоминает мне фабрику, на которой когда-то работал отец. Только вместо печенья здесь по конвейеру движутся заключенные. Охранники распределяют их по камерам, как печенье по коробкам. Но сейчас коробок не хватает. Вот и приходится забивать их до отказа.

На первый взгляд мой новый сокамерник выглядит совершенно безвредным типом. Я не спрашиваю его, за что он сидит, а он не лезет с рассказами. С такими разговорами лучше не торопиться. Росточка он маленького, хилый, тщедушный. Лоб высокий, лицо какое-то угловатое, волосы поблескивают в свете лампы. Приглядевшись к нему, я на мгновение поражаюсь. Его взгляд лучится добротой.

Он отвечает мне поклон:

– Меня зовут Зизхан.

И смотрит на меня, ожидая, что я тоже представлюсь. Я молчу, скрестив руки на груди и поджав губы.

– Зизхан рад знакомиться с тобой, – говорит он.

Трудно сморозить большую глупость. По-английски он лопочет с горем пополам. Наверное, ему лет сорок. Кожа смуглая, желтоватая. Явно приехал откуда-то с Востока. Пытается завязать непринужденный разговор, но я не отвечаю на его старания. Лучше с самых первых минут провести разделительную линию. Другой на его месте давно бы отстал. Сидел бы на своей койке и размышлял о том, сможет ли он спать спокойно в обществе такого отморозка, как я. Эту ночь и множество следующих ночей. До Зизхана наверняка дошли устрашающие слухи, но это его, похоже, не пугает. Мне надоедает играть в молчанку, и я решаю снабдить его информацией к размышлению.

– Парень, который спал на твоей койке, умер, – говорю я.

– А, я слышал, – говорит Зизхан. – Слышал, вы бывать хороший друзья. Тебе тяжело, очень тяжело. Принимай мои извинения.

– Ты хочешь сказать, сожаления?

– Да, верно.

Мой выпад не принес результата. Сочувствие всегда застает меня врасплох. Я не знаю, что с ним делать, с этим дурацким сочувствием.

– Заруби себе на носу: мне наплевать, кто ты и как тебя зовут, – говорю я. – Здесь есть свои правила, и тебе надо их выучить. Чем быстрее ты это сделаешь, тем лучше для тебя. Правило номер один: не претендуй на мое пространство. Правило номер два: не наступай мне на ноги. Правило номер три: не действуй мне на нервы. Усек?

Он растерянно мигает. Маленькие раскосые глазки перебегают с моего лица на стену и обратно.

– Зизхан усек, – говорит он.

– Вот и молодец!

Вскоре до нас долетает шум. Наступило утро. Двери, расположенные по обеим сторонам коридора, открываются. В молчании мы ждем, когда начальство явится проверить, на месте ли мы.

Появляется офицер Маклаглин. На его левом ухе повязка. Мы с ним обмениваемся ненавидящими взглядами. Он не простил, что я съел письмо Триппи. Я не простил, что он меня до этого довел. Он не простил, что я едва не откусил ему ухо. Я не простил, что он отправил меня в карцер. Мы оба хотим поквитаться друг с другом. И не скрываем свои желания.

– Помни, я за тобой наблюдаю, – говорит офицер Маклаглин. – Еще одно нарушение, и пеняй на себя.

Я молчу, прикусив язык. Набираю полную грудь воздуха, чтобы успокоиться. Он стоит так близко, что я вижу волоски в его ноздрях. Очень удобное расстояние. Чтобы разбить ему нос, хорошенько двинув лбом. Надо только правильно выбрать угол. Жаль, что я не могу осуществить свое желание.

Мы снова остаемся одни. Зизхан таращится на меня как на великое чудо.

– Почему он такой злой на тебя? – спрашивает он.

– Потому что он крыса, которая притворяется человеком.

Зизхан хохочет, словно это лучшая шутка, которую он слышал в своей жизни.

– Человек-крыса, – повторяет он. – Здорово!

Он погружается в задумчивость и после изрекает:

– Еще бывают человек-рыба, человек-птица, человек-змея, человек-слон. В этом мире мало человеческих людей.

Я не очень представляю, о чем он говорит. Странный он парень, хотя я никак не могу понять, в чем именно заключается эта странность. От него не так просто отделаться, и его блаженная улыбка начинает выводить меня из себя. Наверное, надо посоветовать ему сполоснуть морду водой и смыть эту дурацкую улыбку. Но я не успеваю открыть рот, как он спрашивает:

– Трудно все время драться?

– Что? – растерянно переспрашиваю я. – Что значит – все время драться?

– Драться значит драться. Наверное, ты уставать от это?

Я пялюсь на него во все глаза. Он не похож на человека, у которого поехала крыша. В его голосе нет ни насмешки, ни издевки. Ему просто любопытно.

– Откуда ты? – спрашиваю я.

– О-о, – тянет он, словно ответить на этот вопрос чертовски сложно. – В первый раз я рожусь Бруней.

– Это что за дыра?

В глазах его вспыхивает обида.

– Бруней Даруссалам. Остров Борнео. Британская колония. Раньше быть. Теперь Бруней отдельно.

– Я вижу, слуги королевы не слишком старались научить тебя говорить по-английски.

– Я учить по-английски, – заявляет Зизхан, пропуская мимо ушей мой сарказм. – Каждый день учить новое. Зизхан хорошо учить.

Я ухмыляюсь. Пока мне никак не удастся решить, разыгрывает он из себя придурка или на самом деле плох на голову.

– Ты сказал, что родился в этом самом Брунее в первый раз, – напоминаю я. – Что это значит?

Он улыбается, демонстрируя зубы, мелкие и желтые, как дикий рис.

– Первый раз я рожусь Бруней, – повторяет он. – Второй раз рожусь целый мир. Я отовсюду. Мир мой дом.

Мои тормоза, похоже, вот-вот откажут.

– О, я наконец допер, – говорю я. – Ты из этих помешанных на религии кретинов, верно? Шатаешься по миру, трудясь во славу Божью?

– Что?

– Можешь четко ответить на вопрос: ты член какой-нибудь секты или чего-то в этом роде?

Он пялится на меня сначала растерянно, потом испуганно.

– Сразу предупреждаю: не вздумай наставлять мою заблудшую душу на путь истинный. У меня рвотный рефлекс на всю эту мурню. Лучше читай проповеди своей мыльнице.

– Своей мыльнице, – эхом повторяет он, явно не понимая ни бельмеса.

– Признайся честно: ты религиозный фанатик?

– Фанатик? – Лицо Зизхана вспыхивает от радости. Наконец-то он услышал знакомое слово. Но в следующую секунду он серьезно сдвигает брови. – Фанатик говорить так: все плохо, я один хорошо. Зизхан говорить: все хорошо, я один плохо. Почему Зизхан быть фанатик?

– Хорошо, – киваю я и решаю зайти с другой стороны. – Говоришь, ты родился во всем мире. Но какая-то религия у тебя есть?

– Моя религия – любовь.

– Впервые о такой слышу, – округляю я глаза.

Он смотрит на меня с неподдельным недоумением:

– Каждый слышать то, что хотеть. В мире много звуков, которые мы не хотеть слышать.

– Но ты же должен принадлежать к какой-нибудь вере. Кто ты – буддист, мусульманин, христианин?

– Ай-ай-ай, – морщится он, словно я наступил ему на ногу. – Ты спрашиваешь, что у меня тут? – Он стучит себя по груди. – В человеке есть вселенная.

– И этот человек – ты?

– Этот человек – ты, – повторяет он за мной, нажимая на последнее слово.

Пожалуй, с меня хватит. Потеха кончилась. Этот тип начинает меня бесить. Терпеть не могу самодовольных кретингов, у которых имеется готовый ответ на любой вопрос.

– Вселенная, говоришь? – спрашиваю я. – А что такое вселенная, ты знаешь? Это злоба, ненависть, жестокость... В этой вселенной люди убивают друг друга.

– Угу, – кивает Зизхан и погружается в задумчивость, словно слышит обо всем этом впервые. Он закрывает глаза, и мне даже кажется, что он собирается вздремнуть. Но он говорит с закрытыми глазами, и голос звучит бодро: – Давай смотреть на природа. Животный убивать другой животный. Большой насекомый ест маленький. Волк ест овца. Много крови, очень много. Но животный и защищать друг друга. Рыбы плавать стаями. Птицы тоже.

– Потому что в мире слишком много хищников. Если ты окружен себе подобными, у тебя больше шансов выжить.

– Все мы надо заботиться друг о друге, – изрекает Зизхан.

– Чушь собачья! – ору я. – Сладкие сопли!

Он открывает глаза:

– Зизхан не чушь.

– Боюсь, я должен тебя разочаровать, – цезжу я. – Природа находится в состоянии вечной войны. Так же как и люди. Мир – это бесконечные крысиные гонки.

Он подается вперед и буравит меня взглядом, словно хочет увидеть насквозь.

– В природе есть гармония, – говорит он, старательно выговаривая трудное слово. – Есть гармония внутри тебя – вот вопрос.

Слово «гармония» в его устах звучит так, что можно подумать, он интересуется, есть ли во мне гормоны. Подобный вопрос тоже имеет смысл. В конце концов, многие людские беды происходят по милости этих чертовых гормонов.

– Будь по-твоему, – киваю я. – Пусть в природе царит гармония. Равновесие между добром и злом и все такое. Какой вывод из этого следует? Каждый может вытворять все, что в голову взбредет. Это твое гребаное равновесие все равно невозможно нарушить.

– Нет, нет, не так. Нельзя делать что хочется. Надо делать только то, что хочется Бог. Я состоять из разных веществ. Ты тоже. Зизхан состоять из вода. А ты? Огонь, похоже, что так. Да, конечно, огонь. Всегда драться, потом жалеть. Язык острый, как стрела. Ты говорить, вселенная – дикие джунгли. В этих джунглях я разбивать свой сад.

– О каком дерьмовом саде ты говоришь?

– Дорогой друг, – произносит Зизхан, словно начинает читать письмо. – Злоба – это тигр. Ты смотреть на тигр и думать: какой большой животный. Он будет мой. Но никто не может приручить тигр. Он всех ест.

– Оставь несчастных тигров в покое. Злобе мы научились не у них. Злобе мы учимся у других людей. Они так преуспели в ненависти к себе подобным, что никакие дикие звери за ними не угонятся.

– Если ты любить только себя, это как хищная птица, – талдычит Зизхан, пропуская мои слова мимо ушей. – Гриф. Стервятник. Он говорит: лететь со мной, и станешь сильным. Но он врать. Если ты любить только себя, ты слабый. Если ты любить других, ты сильный.

Несмотря на все свое косноязычие, говорит он уверенно. Слова подбирает медленно и тщательно, словно составляет букет. Когда он умолкает, я бросаю:

– У меня остался только один вопрос.

– Какой?

– Почему тебя не поместили в отделение для помешанных?

– Что это?

Вместо ответа я кручу у виска указательным пальцем. Этот красноречивый жест понятен даже ему. Он довольно хохочет:

– Да, да, они сказали, Зизхан малость чокнутый.

В тот день, когда полиция явилась в дом Кэти, я сбежал через заднюю дверь. Мне повезло. Я украл велосипед и приналег на педали, чтобы вырваться из Хакни как можно скорее. После бросил велик и решил двигаться автостопом. Меня подвезли два французских студента. Оба говорили с жутким акцентом. Оба голубые, как июльское небо. Никогда раньше я не видел влюбленной парочки гомосеков. Смотреть на них было противно. Но кто я такой, чтобы их судить? Кстати, вели они себя очень тактично. Догадались, что у меня какие-то проблемы, но не задавали лишних вопросов. Предлагали мне сигареты, а когда мы заехали в кафе, купили пожрать. Вот только музыка у них в машине играла отстойная. Какое-то старье.

В Варвике они меня высадили. Прежде чем расстаться, мы покурили травки под стенами замка. Мы так хохотали, что у меня едва не оторвалась голова, но никак не могу припомнить ни одну из шуток, которые так нас развеселили. Потом они поехали на север.

А я остался совсем один. Через четыре дня меня арестовали. Взяли, когда я спал на скамейке в парке. К этому времени я уже околевал с голоду. Так измучился, что чуть ли не радовался аресту. Во время расследования я держался спокойно и с готовностью отвечал на все вопросы. Они не сразу сказали мне, что она умерла. Я долго думал, что ее рана не опасна для жизни. Я ведь ударил ее ножом всего один раз, и удар пришелся где-то в районе правого плеча. Неужели от этого можно умереть? Но как-то раз в камеру пришел один из офицеров.

– Разве ты не знаешь, что убил ее? – спросил он.

Я был так ошарашен, что не поверил своим ушам, и тупо переспросил:

– Что вы говорите?

– Я говорю, что ты убил свою мать, подонок. Как ты собираешься жить после этого?

Я и тогда ему не поверил. Думал, он берет меня на испуг. Я знал, что в полиции любят подобные фокусы. Но он вынул газету и положил ее передо мной. Я прочел статью. Может быть, ту самую, что офицер Маклаглин вырезал и подшил в мое личное дело. Так я узнал, что мамы больше нет.

На процессе я не проронил ни слова. Впал в ступор. Как в детстве, когда я испугался обрезания, убежал и залез на дерево. Помню, было много журналистов. Меня фотографировали. У зала суда собрались какие-то люди с плакатами, призывавшими осудить меня как можно строже. Никого из этих людей я знать не знал. Другие люди призывали отнестись ко мне снисходительно. Никого из них я не знал тоже. В толпе я увидел

Эсму. Лицо ее было белым, как маска. К ней жался Юнус, мой младший брат. Он озирался по сторонам, словно ничего не понимая. Вот тогда я почувствовал, что не могу дышать. Мои легкие отказывались вмещать воздух. Я свистел и хрипел, словно старик, которому пришлось пешком подняться на десятый этаж. Все решили, что это приступ астмы. Доктор оказался хорошим парнем. Он осмотрел меня и ничего не нашел. Тогда меня направили к психиатру. Вот тот был настоящим ублюдком. Просто мешок с дерьмом. Он вывел меня из себя, и я швырнул в него пепельницей. Жаль, что промазал.

Оказавшись в своей камере, я кулем свалился на койку и уставился в потолок. Целый час я думал о намеках этого паршивого психиатра. Может, он прав и я в самом деле рехнулся?

На суде выяснилось, что в своем заключении он ничего подобного не написал.

– Этот молодой человек не сумасшедший, – заявил прокурор. – Он пребывает в здравом уме и заслуживает сурового наказания.

На следующую ночь я опять глаз не сомкнул. Мой опыт показывает: чем хуже ты спишь, тем больше бесишься днем. Чем больше бесишься днем, тем хуже спишь. Просто замкнутый круг. Первые годы в тюрьме были для меня сплошным кошмаром. И сам я был кошмаром для остальных. Я всех достал до печенок. А потом кое-что случилось. Как сейчас помню, это было в полночь. На улице бушевала гроза, лил дождь, гремел гром. Потом все стихло, но я все равно не мог уснуть. Я лежал на своей койке, и вдруг меня охватило странное чувство. Я понял, что моя мать здесь, рядом со мной. Она ни в чем меня не укоряла. Не жаловалась, не сердилась. Она была выше этого.

Тогда я расплакался. Рыдал так, что грудь ходила ходуном. Слезы, которые я сдерживал всю жизнь, вытекли из меня в ту ночь.

* * *

После двух недель жизни бок о бок с Зизханом я все же нарушаю одно из своих правил.

– За что ты сидишь? – спрашиваю я. – Любопытно, что ты мог натворить?

Он меняется в лице:

– О, они говорят, Зизхан делать тяжелый преступление. Доказательств нет. Есть один человек. Суд слушать его, потому что он

из хорошей семья. Он говорит, я бить старая леди. Брать ее сумка. Она больница сейчас. Кома.

– Ты ударил старушку, чтобы украсть ее сумочку? Ну ты даешь!

– Зизхан не ударять! – яростно трясет он головой. – Когда леди открыть глаза, скажет правду. Я ждать. Молиться.

– Ты хочешь сказать, что сел за преступление, которого не совершал? Неужели ты думаешь, я поверю в эту фигню?

Он пристально смотрит на меня, словно решая, как лучше сообщить новость.

– С самого дня, как полиция приходила в мой дом, я все думать, думать... Зачем? Зачем все это? Ничего не бывает просто так. У Бога всегда есть цель – верно? Я спрашивать, какая здесь цель, но ответа нет. Теперь все понимать.

– Что ты несешь?

– Я понимать, зачем Бог посылать меня сюда. В тюрьма. Раньше не знать и обижаться. Теперь встретить тебя и все понимать. Больше не буду грустить.

– Если ты не прекратишь пороть околесицу, я сверну тебе челюсть. Тогда тебе действительно взгрустнется.

Моя угроза ни капельки его не испугала.

– Я знать, зачем Зизхан здесь, – радостно лопочет он. – Спасибо тебе. – Он молчит, испускает вздох и продолжает: – Если ты приходиться ко мне, было просто. Но ты не приходиться. Я сам приходиться к тебе. Так надо. Поэтому Зизхан попал в тюрьма. Для тебя.

– Вижу, приятель, ты окончательно спятил. Если расшифровать твой лепет, получается, ты не совершал никакого преступления, но какая-то высшая сила послала тебя в тюрьму, чтобы ты встретился здесь со мной.

– Верно, верно!

Он сияет, как ребенок, которому подарили воздушный шарик.

Да, у этого парня явно завелась в голове блохи. И с каждым днем этих блох становится все больше. Если только он не ломает комедию. Кстати, похоже, это именно так. Я хватаю его за шиворот и прижимаю к стене:

– Офицер Маклаглин специально посадил тебя ко мне, гнида? Он решил преподать мне урок – так? Решил, что ты pomoжешь мне свихнуться? Вы это с ним задумали, падашь?

Он морщится, словно досаждая на мою тупость:

– Я говорить, меня посылать Бог. Ты говорить, Маклаглин. Маглаглин маленький, Бог большой.

Я выпускаю его. У меня начинает ломить виски, и я их потираю.

– Сколько тебе лет? – спрашиваю я.

Он смущенно опускает глаза:

– Шестьдесят семь.

– Хватит дурацких шуток.

– Зизхан говорить правда.

– Но ты не выглядишь на этот возраст.

– Спасибо, – отвечает он. – Зизхан выглядишь как Зизхан.

– Ты хочешь сказать, ты человек без возраста?

– Я хочешь сказать, каждый имеет свой возраст.

Он снова начинает пороть чушь.

– Я приходишь к тебе, – говорит он. – Я ничего не делать раньше.

Жить без польза. Бог приводит сюда, Бог не любит ленивых. Мы все надо работать. Много работать.

– И как же мы, по-твоему, должны работать?

– Мистики говорить...

– Кто-кто?

– Мистики. Мистик – человек, который уметь глядеть внутрь. В сердце. Он знает, все люди связаны. Все люди похожи. Разные только снаружи. Кожа, одежда, паспорт. Это все снаружи. А сердце одинаково. Всегда. Везде.

– Ты совсем зарпортовался, приятель. И не надоест тебе нести всякую хреновень?

Он улыбается. Может, потому, что впервые слышит слово «хреновень» и не представляет, что оно значит. Может, потому, что решил не обращать на мои выпады внимания.

– Мистик верить, все мы умирать и воскресать. Бог задавать четыре вопроса. Как ты жить? Откуда брать деньги? На что тратить молодость? Четвертый вопрос – самый важный. Что ты делать со знанием, которое давать я? Так спрашивать Бог. Ты понял?

– Ни черта я не понял. Ты слишком паршиво говоришь по-английски.

– У меня есть знание, – заявляет он. – Я учитель.

– Помню, ты вкручивал мне, что любишь не учить, а учиться.

– Каждый учитель любить учиться.

– Ох, до чего мне надоело слушать твои бредни. Дай перевести дух.

– Я – учитель, – упорно повторяет он. – Я приходишь сюда и делить свои знания с тобой.

На воле я нагяделся на всяких придурков. Здесь, в тюрьме, тоже. Кого здесь только нет! Тихие идиоты и буйные психи, маньяки, садисты,

мазохисты... Иногда все они совмещаются в одном лице. Но такой диковины, как этот Зизхан, рожденный в Брунее и во всем мире, стены Шрусбери еще не видели. Не представляю, как мы с ним уживемся.

Искендер Топрак

Эсма

Лондон, май 1978 года

Дядя Тарик и тетя Мерал пришли к нам в гости со своими четырьмя детьми. После обеда все мы уселись перед телевизором – смотрели «Коронейшен-стрит», пили чай и ели сушеные фрукты. Мы почти не разговаривали, лишь изредка обменивались замечаниями, связанными с событиями на экране. Сюзи как раз соблазнила Стива, а Гейл застучал их в интимный момент. Всем хотелось узнать, что будет дальше. Дядя Тарик заявил, что роман Сюзи и Стива долго не протянется. Тетя Мерал была с ним согласна, но на ее слова никто не обращал внимания – все знали, что она плохо въезжает в сюжет. Мне приходилось переводить для нее некоторые сцены, потому что она еле-еле понимает по-английски. Иногда я добавляла кое-что от себя, чтобы усилить впечатление.

После того как гости ушли и все улеглись спать, я снова заперлась в ванной и принялась разглядывать себя в зеркало. Стук в дверь отвлек меня от этого занятия.

– Занято! – рявкнула я, обернувшись к дверям.

Стук повторился, тихо, но настойчиво. Вне себя от злости, я открыла дверь. На пороге стоял Юнус, в пижаме с Питером Пэном.

– Ой, какая ты страшила! – заверещал он. – Зачем ты так размалевалась?

Только тут я вспомнила, что опять нарисовала на подбородке бороду. Памятуя о том, что нападение – это лучший способ защиты, я грозно спросила:

– Зачем ты ломишься в ванную посреди ночи?

– Мне надо пописать.

Тут я заметила, что под мышкой он держит свернутую комом простыню.

– Надо пописать, говоришь? – спросила я, переходя на турецкий. – По моему, ты уже удовлетворил эту надобность.

Юнус жалобно замигал. Несколько мгновений мы смотрели друг на друга, не говоря ни слова.

– Ладно, сейчас впусти тебя, – сменила я гнев на милость. – Подожди секунду.

Я закрыла дверь, смыла с лица дурацкую бороду и еще раз осмотрела

себя в зеркале. Когда я открыла дверь, Юнус терпеливо ждал, привалившись к стене.

– Знаешь что, давай сюда твою простыню. Я сама ее стираю, – предложила я.

После секундного замешательства Юнус застенчиво улыбнулся и протянул мне злосчастную простыню. Я заткнула раковину, наполнила ее водой и принялась стирать. Вопреки моим ожиданиям, Юнус не стал возвращаться в комнату. Он ждал, робко заглядывая в приоткрытую дверь.

– Готово? – подал он голос.

– Почти. Стирать в раковине не так просто, – ответила я нарочито утомленным тоном. – Может, объяснишь, почему ты каждую ночь писаешь в постель?

Ответом было молчание.

– Зря играешь в молчанку. Я не собираюсь трепаться о твоих ночных подвигах.

Я сказала это, чтобы его утешить, но результат получился обратным. Губы Юнуса задрожали, лицо потемнело. Он стоял передо мной, такой маленький и несчастный. Огромные невинные глаза, смешные оттопыренные уши. Мой младший братишка, которого я всегда любила.

– Прости, зайка. Я не хотела тебя обидеть.

– Я и не обиделся. Просто у меня сейчас... много всякой всячины на душе.

– Вот как? Может, все-таки расскажешь?

– Не могу, – вздохнул он. – Это секрет.

– Секреты жутко опасная вещь, – сказала я. – Как бы ты ни старался их спрятать, они рано или поздно вылезут наружу. Как уши царя Мидаса.

– Что за царь такой?

Я рассказала ему историю царя, у которого были ослиные уши. Он прятал их под короной, но когда к царю приходил брадобрей, корону приходилось снимать. На всем свете только брадобрей знал царский секрет, и он поклялся, что не выдаст его ни одному человеку на свете. Но ему так хотелось рассказать хоть кому-нибудь про ослиные уши царя, что однажды он отправился на болото и поведал об этом тростнику. А после какой-то человек срезал тростник, сделал из него флейту и принялся играть на ней на городской площади. Песня флейты выдала тайну, и все, кто слушал музыканта, узнали про ослиные уши Мидаса.

– Значит, я никому не должен рассказывать свой секрет, – вздохнул Юнус.

– По крайней мере, не стоит открывать его тростнику. Как выяснилось,

он не заслуживает доверия.

Я думала, он рассмеется, но Юнус бросил на меня печальный взгляд, повернулся и скрылся в коридоре.

– Спокойно ночи, канин^[11], – пробормотала я, хотя прекрасно знала, что он меня не услышит.

Я стояла над раковиной, полной мыльной пены, и ощущала, как в груди моей шевелится подозрение. Пока я воображала себя мальчиком и грезила о прочих чудесах, под самым моим носом происходили события, на которые я не обращала внимания. Позднее, припоминая этот момент, я осознала, что он был для нашей семьи поворотной точкой. Привычная жизнь дала трещину, и все мы один за другим начали соскальзывать в иную реальность, где все происходило с головокружительной быстротой. Я часто спрашиваю себя: могла ли я хоть что-нибудь изменить? Как развивалась бы ситуация, если бы я повела себя иначе? Если бы я вытянула из Юнуса секрет, точивший его изнутри? Вероятно, очень даже вероятно, все сложилось бы иначе. Но я была слишком поглощена собой. И не смогла предупредить маму о надвигающейся опасности.

Пощечина

Лондон, июнь 1978 года

В ту субботу Искендер не пошел на тренировку. С Кэти он тоже не стал встречаться. У него и у его друзей были другие планы. Из дома он вышел где-то в девять часов утра. Теплый ветер ласково коснулся его лица. Искендер чувствовал, что перед ним открыт весь мир, он был полон сил и готов к решительным действиям. Подняв воротник пальто, он зашагал ровной, уверенной походкой. Искендер был уверен, что походка очень много говорит о человеке. Она выдает все скрытые недостатки, по ней можно судить, насколько человек умен и смел. Поэтому при ходьбе он всегда расправлял плечи, слегка выпячивал грудь и поднимал подбородок, словно готовясь дать бой всякому, кто встанет у него на пути.

Парни ждали его в «Пещере Аладдина». Их было четверо. Все сидели за пластиковым столиком в дальнем углу. Подходя к ним, Искендер слегка кивнул, и все четверо кивнули в ответ. Он видел, что в их глазах светится уважение – уважение, с которым к его отцу не относилась ни одна живая душа, даже такие завзятые игроки, как он сам, разве что только после крупных выигрышей.

– Привет, – бросил Искендер, не обращаясь ни к кому в отдельности. – Где Аршад?

– Пока не пришел, – ответил Фарид, низкорослый марокканец с мягким, чуть шепелявым выговором.

– Может, сдрейфил, – предположил Азиз и обнажил в усмешке кривые зубы. – Неделька выдалась такая, что его можно понять.

Лето выдалось тревожным. Каждый день приносил известия о новых неприятных происшествиях. На улицах было небезопасно: мужчин избивали, женщин оскорбляли, над детьми издевались. По ночам в дома иммигрантов летели камни; их белье, вывешенное для просушки, кромсали на куски, в их почтовые ящики подбрасывали собачье дерьмо. Но самое худшее произошло шесть дней назад.

Ранним утром одиннадцатого июня в конце Брик-лейн собралась группа скинхедов. К полудню их там была уже целая толпа, и они продолжали прибывать – пешком, на велосипедах, в машинах. Некоторые приезжали издалека, например из Путни. Наконец они начали свой марш, скандируя лозунги типа «Лондон для белых». Полиция не сочла нужным

вмешаться, даже когда скинхеды с криками «бей черномазых!» начали громить витрины магазинов, принадлежавших иммигрантам. Казалось, властям нет дела до того, что свора разъяренных ублюдков посягает на частную собственность.

– Слышал кто-нибудь, что копы заявили после? – усмехнулся Фарид. – Они назвали это спонтанно вспыхнувшим небольшим инцидентом.

– Вот суки, – рассеянно бросил Искендер.

Разговор прервался, когда к их столику подошел Аладдин, хозяин заведения, ширококостный приземистый мужчина лет пятидесяти. Одна нога у него была короче другой, и от этого он казался кособоким. Для каждого посетителя у него находилось доброе слово, и на лице его неизменно сияла улыбка. Правда, рукопожатием он обменялся только с Искендером. Спросил, как дела в школе, как поживает мать, как в эти трудные времена идут дела в магазине у дяди. На все вопросы Искендер отвечал почтительно, но кратко.

– Что будете есть? – спросил наконец Аладдин. – Твои друзья ничего не заказывали, дожидались тебя.

Искендеру было приятно это услышать.

– К нам должен подойти еще один человек, – сказал он. – Сделаем заказ, когда он придет.

Аладдин заковылял прочь. Проводив его глазами, Искендер повернулся к Азизу:

– Какие еще новости?

– Вчера на улице избили парня. Бенгальца. Его нашли истекающим кровью в нескольких шагах от дома Аршада. Это уже четвертый случай за месяц.

Искендер пожевал нижнюю губу. Лицо его было непроницаемым, как маска.

– Знаете, что бесит меня больше всего? – подал голос Сонни. – Эти расистские сволочи твердят, что они вовсе не расисты. Реалисты, вот как они себя называют. Хрен собачий они реалисты! Брехуны, которые боятся сказать правду.

Имя этого парня было Сальватор, хотя все звали его Сонни. Его семья перебралась в Хакни из маленькой сицилийской деревни. Он говорил по-английски так быстро и с таким жутким акцентом, что половина его слов оставалась непонятной для окружающих.

– Куда он запропастился, этот знаменитый трепач? – спросил Чико, нетерпеливо барабаня пальцами по меню. Отец Чико был марокканцем, мать – испанкой.

– Не называй его так, – вставил Азиз. – К людям надо относиться уважительно. Он требует, чтобы его называли Оратор.

– Не вижу разницы. Знаешь, как говорят? Дурак любит говорить, умный – слушать. А этот парень трендит всю дорогу. Вывод можешь сделать сам.

Искендер, нахмурившись, откинулся на спинку стула и сцепил пальцы рук, давая понять, что настало время перейти от пустого трепа к серьезному разговору.

– Он будет примерно через полчаса, – сообщил он. – Я решил, нам стоит собраться пораньше и кое-что обсудить. Дела принимают хреновый оборот. И надо быть полными идиотами, чтобы этого не замечать.

Чико опустил голову. Все остальные, возбужденно блестя глазами, закивали в знак согласия.

– Они хотят вышибить нас из этой чертовой страны, – продолжал Искендер. – Всех скопом – арабов, турок, итальянцев, ливанцев, пакистанцев... И что же, мы будем сидеть сложа руки и упражняться в остроумии? Наши родители поступают именно так и того же хотят от нас. Хотят, чтобы мы сидели и с улыбкой ждали, когда нас перестреляют. Но мы ведь не станем – верно?

– Конечно нет, – откликнулся Чико.

– Я уже слышал, как говорит этот парень. По части речей он мастер. Без шуток. Так что дайте ему высказаться. Если он вам не понравится, значит нам с ним не по пути. Так или иначе, он не из тех, кто, как страус, прячет голову в песок.

Тут открылась дверь и в кафе вошел Аршад. Сунув руки в карманы, он двинулся к их столику. Искендер изменился в лице, когда увидел, что вслед за ним идет девчонка.

– Какого черта ты притащил ее с собой?

– От нее было не отвязаться... – попытался оправдаться Аршад. – Сам разбирайся со своей сестрой.

Искендер прожег Эсму взглядом:

– Вали домой.

– И не подумаю, – заявила она.

Парни наблюдали за стычкой, с трудом сдерживая улыбки.

– Послушай, сеструха, ты начинаешь меня утомлять, – процедил Искендер. – Вали домой и не испытывай мое терпение.

– А чем я тебе мешаю? Просто хочу послушать, о чем здесь будут говорить.

– Хватит строить из себя упрямую ослицу. Говорят же тебе, девчонкам

здесь не место.

– Это еще почему? Или эти чертовы скинхеды наезжают только на мужчин? Как бы не так! Женщинам тоже от них достается. И даже девчонкам. А значит, я должна быть готова дать им отпор.

– Она права, – заметил Азиз.

Вдохновленная поддержкой, Эсма взмолилась:

– Прошу тебя, брат, не надо меня прогонять.

Искендер покачал головой, но на этот раз менее решительно:

– Хорошо. Только уговор: рот на замок. Посмей только пикнуть, сразу выставлю вон.

– Заметано. Ели хочешь, я буду нема как рыба. Или даже как труп, – кивнула Эсма, изо всех сил стараясь скрыть обуревавшую ее радость. Все-таки она не удержалась и добавила: – Мне до смерти хочется взглянуть на этого парня. Наверняка я узнаю его, как только он войдет.

Предчувствие, как вскоре выяснилось, обмануло Эсму. Когда Оратор вошел в полупустое кафе, никто, включая Искендера, не догадался, что это он. Все ожидали появления статного мужчины неопределенного возраста, в одежде которого сочетались бы элементы традиции и экзотики. Конечно, глаза его должны были сверкать, как алмазы, а волосы живописно рассыпаться по плечам. А перед ними предстал тощий юнец лет двадцати с небольшим, с самым заурядным лицом, в самых заурядных потертых джинсах. Лишь когда он подошел к их столику и поздоровался, они поняли, что это пресловутый Оратор.

– Садись, пожалуйста, – пригласил Искендер и быстро представил всю компанию, за исключением Эсмы.

Они заказали еду: хумус^[12], баба гануш^[13], кебаб, фалафель^[14]. Искендер наполнил тарелку гостя, хотя в этом, как оказалось, не было надобности: тот ел мало, как птичка. Все остальные, глядя на него, тоже умерили свои аппетиты, включая обжору Сонни.

Когда подали чай, Оратор заговорил. Голос у него был тонкий и пронзительный, каждую минуту он, подобно волне, то возвышался, то снова падал. Оратор говорил так гладко, что можно было подумать, будто он считывает свою речь с невидимой шпаргалки. Он охарактеризовал различные стадии капитализма. Заявил, что человечество вплотную приблизилось к Судному дню. «Мы дошли до самого края, – сказал он. – Близок тот день, когда прогнивший режим низвергнется в пропасть». Молодежь сегодня намеренно одурманивают наркотиками, чтобы она сохраняла покорность системе, утверждал Оратор. Потоки наркотиков, циркулирующие по всему миру, в значительной степени регулируются

политиками. Для того чтобы держать молодежь в плену иллюзий, придумываются новые идеологии. Эти идеологии, всякого рода современные «измы», например феминизм, – те же самые наркотики. В лучшем случае снотворные таблетки.

– У меня есть тетя-феминистка, – вставил Сонни, недовольный тем, что ему не удалось до отказа набить брюхо. – Волосы у нее короткие, как у пацана. И она всегда ходит в брюках.

– От феминизма не больше пользы, чем от снеговика в Сахаре, – заявил Оратор. – И знаете почему?

– Потому что все феминистки становятся уродинами, – ответил Сонни. – Они даже ноги перестают брить. Противно смотреть на их мохнатые лапы.

Мальчишки захихикали, а Эсма сердито округлила глаза. Один Искендер продолжал смотреть на Оратора. Взгляды их встретились, и в них мелькнуло понимание. Оба были выше подобных ребяческих шуточек.

– Да, наш друг прав, – изрек Оратор. – Феминизм противоречит женской природе. Он лишает женщину привлекательности. Но это следствие, а не результат. А я спрашивал, почему он бесполезен для таких, как мы.

– Потому что феминизм – это западная выдумка, – ответил Искендер. – А нам их проблемы пофиг. Своих хватает.

Аладдин, подошедший к их столу с подносом, услышал эти слова и подозрительно вскинул бровь. Искендер моментально догадался, что Аладдин знает Оратора и относится к нему неодобрительно. «От таких пустобрехов, как этот, одни проблемы, – было написано на лице у хозяина кафе. – Забьет мальчишкам головы всякой ерундой, и они потом натворят дел». Оратор, словно ощутив исходившие от Аладдина волны неприязни, умолк и не произнес ни слова, пока хозяин кафе ставил на стол чайник и чашки.

– Отличный ответ, – одобрительно сверкнув глазами, заявил Оратор, когда Алладдин отошел прочь. – Феминизм – это их ответ на их проблемы. Очень неубедительный ответ, надо сказать. Разве можно вычерпать озеро ложкой? Феминизм эффективен ничуть не более. Если западная цивилизация утратила семейные ценности и уважение к женщине, кучка визгливых активисток вряд ли что-нибудь изменит.

Эсма тихонько фыркнула. Искендер украдкой бросил на нее испепеляющий взгляд. Она едва заметно кивнула, показывая, что сознает свою вину.

– Смотри у меня, – одними губами прошептал Искендер.

Если Оратор и заметил их безмолвный разговор, то не подал виду.

– На Западе люди пребывают в растерянности, – продолжал он витийствовать. – Они не в состоянии отличить счастье от свободы, а свободу от вседозволенности, и в этом их беда. В отличие от них мы уважительно относимся к нашим женщинам, матерям, женам и сестрам. Мы не заставляем их носить наряды, пригодные только для куклы Барби. На Западе мода – это мощная индустрия. Огромное количество предприятий производят косметику, одежду, обувь и всякие женские штучки. А про анорексию вы слышали?

Парни отрицательно замотали головами.

– Это болезнь, которая развивается у женщин, желающих похудеть. Бедняги всю жизнь сидят на диете. А если все-таки что-нибудь съедят, вызывают у себя рвоту. Каждый год десятки женщин в Европе и США попадают в больницу с диагнозом «анорексия». Они превращают себя в скелеты, но им все равно кажется, что они слишком жирные. Братья, не будем забывать, что в эту самую минуту дети в Азии, Африке и на Среднем Востоке умирают от голода, – возвысил голос Оратор. – Они были бы рады куску черного хлеба. Ни разу в жизни они не пробовали ни конфет, ни сладостей. И в то время, когда люди в третьем мире голодают, на Западе женщины выблевают шоколадные пирожные в туалетах шикарных ресторанов.

Индустрия вооружения и индустрия красоты – вот две главные отрасли западной промышленности. При помощи индустрии вооружения воротилы современного мира убивают людей, держат их в подчинении и страхе. Но индустрия красоты ничуть не меньшее зло. Все эти модные журналы, сногшибательные платья, женоподобные мужчины и мужеподобные женщины отвлекают людей от реальных проблем. Индустрия красоты помогает манипулировать общественным сознанием.

Все внимали Оратору в благоговейном молчании. Эсма, едва дыша, изучала собственные ногти. Ей хотелось бы, чтобы Искендер слегка разрядил атмосферу. Похлопал бы Оратора по плечу, сказал, что не стоит так переживать. Отпустил бы какую-нибудь шуточку. Заставил бы всех засмеяться. Она знала, у него хватит на это и смелости, и чувства юмора. Но, взглянув в лицо Искендера, она поняла, что на этот раз он не намерен шутить.

– Алекс, может, закажем еще чаю? – осмелилась она подать голос. – От этих разговоров у меня пересохло в горле.

Оратор взглянул на часы:

– Мне пора. Было приятно познакомиться с вами.

Он встал и повернулся к Искендеру:

– Почему она называет тебя Алекс?

– Это моя сестра. Не обращай на нее внимания. Меня все так называют. Алекс – это сокращенное от...

– Разве «Алекс» – это сокращенное от «Искендер»? – перебил Оратор. – Нет, и ты сам это знаешь, брат. Неужели мы откажемся от наших имен и возьмем другие, более удобные для англичан? Неужели мы будем под них подделываться? Нет, есть другой путь. Заставь всех выучить твое полное имя и произносить его с уважением.

И он ушел, провожаемый смущенным молчанием.

Искендер первым вскочил на ноги:

– Ребята, я провожу Эсму домой и вернусь.

– Но я вовсе не хочу домой, – возразила Эсма.

Но Искендер уже шагнул к выходу.

– Давай пошевеливайся. Долго тебя ждать?

Эсма неохотно повиновалась. Когда они вышли на улицу, она воскликнула:

– До чего отвратный тип! Просто мистер Аппити, севший на своего любимого конька.

– Нравится он тебе или нет, он настоящий боец.

– А по-моему, он просто болтун. Причем жутко озлобленный.

– В этом мире поневоле озлобишься.

– И по-моему, он ненавидит женщин. Даже не взглянул в мою сторону.

– Это потому, что он тебя уважает, идиотка безмозглая! Ты бы предпочла, чтобы он пялился на твои коленки? Ты этого хотела?

– Да что с тобой?! – всплеснула руками Эсма. – Очнись! И потряси как следует головой – может, встрясешь всю ту мурню, которой она забита.

– Что за грубости, Эсма? Думаешь, что говоришь!

– Ох, напугал!

– Ты меня поняла. И еще. На наших встречах тебе делать нечего. Я не нянька, чтобы все время за тобой присматривать.

– А кто сказал, что мне нужна нянька? – возмутилась Эсма. – Я сама за собой отлично присмотрю. Так что можешь не беспокоиться. И вообще, ты слишком много о себе воображаешь. Это мама тебя испортила. Вечно тебя облизывала. Внушала, что ты центр мироздания. Ах, мой султан, ах, мой львенок. И ты по дуруости вообразил себя султаном Хакни!

– Заткнись.

Эсма слишком поздно заметила, что тон Искендера изменился, лицо потемнело, кулаки сжались. Ей слишком хотелось высказать все то, что

давно накипело на душе.

– Раньше мы с тобой всегда были заодно. Помнишь, как нам было весело? Мы все время смеялись. А сейчас ты разучился смеяться. Зато научился раздуваться от гордости. Знаешь, мне кажется, твоя главная проблема – в том, что ты слишком серьезно к себе относишься.

Искендер схватил ее за плечи и прижал к стене:

– Говоришь, я разучился смеяться? А над чем мне смеяться? Над тем, что людей избивают на улицах? Над тем, что на прошлой неделе какому-то парню пробили голову камнем? Ты считаешь, это очень смешно?

– О, значит, великий герой. Тогда спаси нас, пожалуйста.

Щеку Эсмы обожгла пощечина. Внезапная, как порыв ветра. Эсма прижала руку к щеке. От потрясения она лишилась дара речи.

– Не суйся в мои дела, – процедил Искендер, не глядя на сестру. – Я тебя предупредил.

Он резко повернулся и поспешно двинулся в сторону кафе. Прежде Эсме казалось, что она знает своего старшего брата как свои пять пальцев. Но теперь он стал неузнаваемым. Прежде он защищал ее от всего мира. Теперь она чувствовала, что ей нужна защита от него самого.

Большая коричневая форель

Лондон, июль 1978 года

Несколько недель Юнус безуспешно искал Тобико, и наконец его поиски увенчались успехом. Увидев ее, он испытал странное чувство: смесь радости и страха. Конечно, он был счастлив, вновь обретая любимую, которую он почти отчаялся встретить. Но мучительный страх потерять ее снова омрачал его счастье. Если бы он мог, то прирос бы к ней намертво, как моллюск к коралловому рифу.

За время их разлуки Тобико изменилась, немного пополнела. Ее длинные темные волосы по-прежнему блестели, как мокрая галька, но кончики их были выкрашены в ядовито-зеленый цвет. Вместо серебряного колечка на ее нижней губе теперь посверкивал стразовый «гвоздик», а в мочку каждого уха было вдето по полдюжины крошечных алых сердечек, похожих на капли крови. Пересчитывая их, Юнус в очередной раз заметил, какие у нее маленькие очаровательные ушки.

Он напрасно пытался выяснить, где Тобико пропадала все это время и почему не оставила ему даже записки. На все расспросы она отвечала пустыми фразами вроде: «То здесь, то там. Мне нужно было сменить обстановку, зайка». К своей великой досаде, Юнус узнал, что сейчас она живет в доме Капитана, точнее, его матери. Сам Капитан тоже вернулся под родной кров, вместе с несколькими приятелями, изгнанными из старого особняка.

Мать Капитана, миссис Пауэлл, вдова, прежде была учительницей, но теперь вышла на пенсию. Неформалы, поселившиеся под ее крышей, не вызвали у нее особой симпатии, но она согласилась дать им приют, надеясь таким образом удержать дома своего единственного сына. Предоставив молодежи нижний этаж дома, сама она, вместе со своим телевизором и грелкой, перебралась в спальню наверху. Она редко покидала свою комнату, обедать и ужинать предпочитала у себя и делала вид, что не замечает ни царящего внизу хаоса, ни плавающих в воздухе клубов сладковатого травяного дыма.

Юнус, впервые оказавшись в этом доме, притулился на диване рядом с Тобико. Теперь, когда она была рядом, с губ его не сходила улыбка.

– Это временное решение, – пояснил Капитан. – Скоро мы вернемся на старое место. И снова будем все вместе.

– Мы добьемся возвращения нашего дома, – заявил Богарт, не выпуская изо рта сигареты и перебирая оставшиеся две струны на гитаре. – И уж теперь никому не удастся нас оттуда вышибить. Мы хорошо усвоили урок. А если кто-нибудь к нам сунется, получит крепкий пинок в задницу.

Среди прежних знакомых Юнуса появилось новое лицо – бритый наголо парень, на макушке которого красовался гребень, выкрашенный во все оттенки оранжевого. Его звали Багдадский Вор, потому что он не считал необходимым за что-либо платить. Книги, продукты, одежду, диски – все это он крал в супермаркетах. Однажды он утащил пару ботинок «Доктор Мартинс», спрятав их в широких рукавах своего габардинового пальто.

– Вы словно бродячие собаки, которые забрались в тихий уголок, чтобылизать раны, – ухмыльнулся Багдадский Вор.

Юнус слушал их болтовню и радовался тому, что эти люди вновь вошли в его жизнь, которая без них была такой скучной и пресной. Богарт, заметив блаженную улыбку, застывшую на его лице, заметил:

– А малец похож на пригретшегося котенка.

– А ты служишь ему теплой мягкой корзинкой, – добавил Капитан, подмигнув Тобико.

Она рассмеялась, но слегка, чтобы не обидеть Юнуса, и сразу попыталась сменить тему.

– Что ты там бренчишь? – спросила она у Богарта, по-прежнему пощипывавшего струны гитары.

– О, я написал песню. О том дне, когда нас изгнали из дома. О нашем Кровавом воскресенье. Но это было во вторник. Поэтому песню я назвал «Кровавый вторник».

И Богарт, не заставляя себя упрашивать, запел. Мелодия отличалась крайней примитивностью, слова были ей под стать:

Я дошел до края, я в печали,
Словно камень, я закатился в дыру,
В дыру, дыру, дыру, дыру.
Он настал, этот черный день,
Кровавый вторник, самый худший из дней.
Восстанем против системы! У системы нет души!
Нет души, души, души, души!

Игги Поп, в афганском жилете и желто-коричневой коротенькой

футболке, едва прикрывавшей соски, заткнул уши руками.

– Умоляю, заткни глотку! – простонал он.

– Что? – спросил Богарт, оборвав свои завывания.

– Дерьмовая песня, парень, – заявил Игги Поп.

– К тому же нас вышибли из дома не во вторник, а в среду, – добавила Тобико.

– Фиг тебе, в среду! – нахмурился Богарт. – Это было во вторник.

Юнус наблюдал за перепалкой, которая одновременно и забавляла, и пугала его. Он знал, как легко его друзья переходят от безобидного трепа к бурным ссорам со взаимными оскорблениями, проклятиями, хлопаньем дверями и битьем посуды.

– Что вы можете помнить? У вас мозги давно протухли, – проворчал Богарт. Он повернулся к Тобико: – Ты не помнишь, что ела сегодня на завтрак, а туда же, лезешь меня поправлять.

– Давайте спросим Юнуса, – предложила Тобико. – Он – независимый свидетель.

– Если он независимый свидетель, то я – английская королева, – ухмыльнулся Капитан. – Чтобы к тебе подмазаться, он подтвердит, что снег черный.

Щеки у Юнуса пылали, однако он изо всех сил притворялся равнодушным. Надо было что-то сказать, отпустить какое-нибудь прикольное замечание, которое утихомирило бы страсти. Не придумав ничего лучше, он заявил:

– Я хочу сделать себе татушку.

– Вау! Вот это круто! – расхохотался Богарт.

– Хочешь – сделаем, – кивнул Игги Поп. – Нет проблем. Я лучший тату-художник в этом городе.

– Малыш, а это не расстроит твою маму? – обеспокоенно спросила Тобико.

Разумеется, Юнус об этом подумал.

– Если сделать тату где-нибудь на спине, она ничего не увидит, – сказал он.

– Сообразительный парнишка, – усмехнулся Багдадский Вор.

– Пойду принесу инструменты, – сказал Игги Поп, потирая руки.

– А мне надо пописать, – пробормотал Юнус.

Поднявшись наверх, он увидел по обеим сторонам коридора две двери. После короткого замешательства Юнус открыл левую и, к своему великому удивлению, увидел пожилую леди в розовой ночной рубашке, сидевшую в постели. Она ела печенье «Ритц» и смотрела по телевизору очередной

эпизод шоу «Южный берег». Прическа ее походила на воронье гнездо, на щеках чернели разводы туши. Должно быть, она плакала. В общем, она здорово походила на чокнутую.

– Извините, мэ.

Юнус уже собирался закрыть дверь, когда женщина, не отрываясь от экрана, спросила:

– Они что, и тебя втянули в свою шайку?

Юнус замер, не уверенный, что слова обращены к нему.

– Простите?

– Я спрашиваю, ты тоже с ними? – повторила пожилая леди. – Ты что, самый юный панк в Англии?

– Нет, – обеспокоенно прошептал Юнус.

– Это хорошо, – кивнула леди, по-прежнему глядя на экран телевизора. – Я работала с детьми всю свою жизнь. А собственному сыну ничем не могу помочь.

Всмотревшись повнимательнее в лицо женщины, Юнус догадался, что перед ним миссис Пауэлл. Она была не только матерью Капитана, но и учительницей его старшей сестры. Именно она уговорила родителей отдать Эсму в хорошую школу. Теперь он увидел, как похожи мать и сын: у миссис Пауэлл тоже высокий лоб, длинный нос с круглым кончиком, широко поставленные темно-серые глаза.

– В твоём возрасте мой сын был чудесным мальчиком, – продолжала она. – Все дети милые, пока маленькие. А когда они вырастают, выясняется, что они тебя ненавидят.

Миссис Пауэлл наконец отвернулась от экрана и вперила взгляд в Юнуса. Под глазами у нее набухли темные мешки. Можно было подумать, что она хронически недосыпает.

– Как ты называешь свою мать, дорогой?

– Я... я зову ее «мама», – с запинкой ответил Юнус.

– О, тогда ей очень повезло. Мой сын называет меня винтиком системы. Или прислужницей буржуазии. – Она тяжело вздохнула. – Как ты считаешь, он прав?

– Нет, что вы! – яростно затряс головой Юнус.

Он вспомнил, что когда-то обещал Тобико никогда не становиться винтиком системы. Но дать стрекача он не мог.

– Я думаю, вы очень красивая, миссис Пауэлл. Только вам надо чаще бывать на воздухе.

Она удивленно уставилась на него и расхохоталась. Смех был невеселый, хриплый, но, когда она вновь посмотрела на мальчика, в глазах

ее блестели живые искорки.

– Это самый очаровательный комплимент, который я когда-либо получала.

– Спасибо, мэ.

Когда Юнус вернулся вниз, Тобико сидела у окна и наблюдала за птичкой, скакавшей по дорожке сада. В ярком солнечном свете перья пичуги отливали всеми цветами радуги. На столике стояли две чашки горячего шоколада.

– Можно мне кое о чем спросить? – сказал Юнус, прихлебывая шоколад.

– Конечно, зайка.

– Это насчет секретов, – волнуясь, начал Юнус. – Моя сестра говорит, секреты нельзя доверять никому. Даже тростнику.

Тобико с любопытством взглянула на него:

– Никак не пойму, о чем ты.

– Ну, видишь... Представь, есть один человек, которого ты любишь. И у этого человека есть секрет... А ты его нечаянно узнал. Как думаешь, мне сказать ей об этом или лучше молчать?

– Вау, это сложный вопрос. Наверное, лучше все же молчать.

С этими словами Тобико опустила голову ему на плечо – осторожно, лишь слегка касаясь. Сердце Юнуса заколотилось где-то в горле. Больше всего на свете он хотел, чтобы это мгновение длилось вечно. Но вскоре вернулись Капитан и остальные. С иглами и рисунками для татуировок.

– Ну, приступим, – изрек Игги Поп. – Сразу предупреждаю, будет больно. Но не очень. Готов?

Юнус кивнул, прикусив губу.

– Какую татушку ты хочешь? Какое-нибудь слово или, может, лозунг? Или картинку?

– Можешь выколоть мне кита? – спросил Юнус. – Вроде того, что когда-то проглотил пророка Иону.

То, что получилось в результате, больше походило на большую коричневую форель – рыбу, в которую в незапамятные времена, в канувшем в небытие мире, хотела превратиться бабушка Нази.

Глава семьи

Лондон, сентябрь 1978 года

Четвертая встреча Искендера и Оратора отличалась от всех предыдущих. Оратор заявил, что хочет поговорить с ним с глазу на глаз и не в «Пещере Аладдина», а где-нибудь в другом месте. Они условились встретиться в парке Виктории.

Войдя в парк через Королевские ворота, Искендер решительно направился к фонтану Виктории. Увидев Оратора, он замедлил шаг. Тот стоял, прислонившись спиной к каштану. На плече сумка, руки в карманах, лицо задумчивое и непроницаемое. Трудно было определить, ждет он уже долго или пришел только что. Сегодня на нем были очки в тонкой оправе, в которых лицо казалось еще более квадратным. Коричневые остроносые ботинки, свободная линялая куртка и джинсы из тех, что обычно покупают своим сыновьям заботливые матери, – так, по крайней мере, решил Искендер.

– Привет, – помахал он рукой.

Оратор слегка улыбнулся:

– Давай пройдемся.

Искендеру совсем не хотелось гулять, но он не стал спорить.

– Пойдем.

Солнце всю сияло на безоблачном небе. На озере не было ни малейшей ряби, зеленоватая вода казалась недвижимой, противоположный берег тонул в туманной дымке. Родители с детьми бросали хлеб уткам. По дорожкам трусили бегуны. На траве нежились парочки. Одна из них так распалилась от страсти, что, кажется, позабыла обо всем. Искендер заметил, что Оратор поспешно отвернулся, на лбу у него прорезались тонкие морщинки. Наконец, устав от ходьбы, они нашли пустую скамейку, где можно было без помех поговорить.

– Я так понимаю, у тебя много друзей, – заметил Оратор.

– Да, и все они классные парни, – с готовностью подтвердил Искендер.

– А ты их лидер?

Искендер медлил с ответом. Никогда раньше он не задумывался, имеет ли право считать себя лидером.

– Ладно, все и так понятно, – кивнул Оратор, словно угадав его мысли. – Это хорошо, что ты умеешь руководить людьми и при этом не

заносишься над ними. Свойство благородных натур.

– Спасибо, – ответил Искендер.

Его только что удостоили звания лидера, к тому же причислили к благородным натурам, и он поневоле ощутил прилив гордости.

– Твои друзья – славные ребята, но все они еще дети. Им расти и расти. А вот ты куда взрослее, хотя все вы примерно одного возраста. Как это тебе удалось?

– Отец слинял в неизвестном направлении, – неожиданно для самого себя сообщил Искендер. – Так что мне волей-неволей пришлось взрослеть в ускоренном темпе.

– Это многое объясняет, – проронил Оратор.

Искендер ощущал, как гордость проникает ему в кровь, растекается по всем жилам. Это было невыразимо приятное чувство. Раньше он не сознавал, что настолько отличается от других. Но ведь это чистая правда. Он куда взрослее сверстников. Он глава семьи, ее надежда и опора.

– Я старший сын. У меня есть младшие брат и сестра.

– Твою сестру я помню, – многозначительно произнес Оратор.

– Боюсь, она держалась грубо. Пожалуйста, извини.

– Ерунда. Ее можно понять. Она же еще совсем ребенок. В голове полный хаос. Всякая ерунда, которой она набралась от других девчонок, из журналов, из телепередач. Нам всем с детства промывают мозги, и это не проходит даром.

Искендер промолчал.

– Женщинам приходится даже труднее, чем нам, мужчинам, – продолжал Оратор. – Слишком много искушений сбивает их с верного пути. Вечная погоня за тряпками, поиск сначала богатого мужа, потом роскошного дома, потом шикарной мебели. Все это тянется без конца.

– Верно, – подал голос Искендер.

– Прости за бестактность, но почему твой отец не живет с вами?

Искендер судорожно двинул кадыком, словно сглатывая просившийся на язык резкий ответ. Бестактность, за которую попросили прощения, не переставала быть бестактностью. Что за допрос? Может, этому человеку что-нибудь известно об отце? Или он проверяет, до какой степени Искендер с ним откровенен? В любом случае он слишком зарывается.

– У него своя жизнь, – отрезал Искендер.

– Понятно.

– А мне вот не слишком понятно, почему ты про себя ничего не рассказываешь и при этом ждешь, что человек вывернется перед тобой наизнанку.

В глазах Оратора вспыхнули насмешливые огоньки.

– Вот это-то мне в тебе больше всего и нравится, – заявил он. – Твое прямодушие. Ты рискованный человек. И ни перед кем не станешь прогибаться.

– Верно, – кивнул Искендер. – Прогибаться я не намерен.

– Поэтому я тебя и уважаю, – продолжал Оратор. – Вообще, у нас с тобой много общего. Я тоже не люблю пускаться в откровенности. Но раз уж зашел разговор, расскажу о своей семье.

Лицо Искендера слегка смягчилось. Он уже жалел о своей вспышке.

– Мой отец, Халид, родился в Египте, – начал Оратор. – В тысяча девятьсот пятьдесят первом году он перебрался в Бирмингем. Работал в ночную смену, самостоятельно учил английский. «Если не будешь вкалывать до седьмого пота, ничего не добьешься и не станешь никем», – твердил он. Больше всего на свете он боялся остаться никем! За годы, проведенные в Англии, все у него изменилось: одежда, еда, привычки. Только избавиться от акцента ему никак не удавалось. Он женился на англичанке. Родился я. Мои родители отличные люди. Не думай, я ничего не имею против них. Но они настолько поглощены заботами этого мира, что позабыли про мир иной. У них нет веры. И мне их искренне жаль.

Мимо них на роликовых коньках промчалась девушка в ярко-красных шортах и куртке. Искендер проводил взглядом ее голые ноги и только после этого вернулся к разговору:

– Родители всегда остаются родителями, и тут ничего не поделаешь.

– Согласен. Я люблю своих стариков, но уважать их не могу. Любовь и уважение совсем не одно и то же. Если твои родители живут неправильно, ты не обязан их одобрять.

– А мой отец... – начал Искендер, сам не зная, что скажет в следующую минуту. – Пока мы росли, его никогда не было рядом. Потом он смылся. С тех пор прошел почти год.

Он пытался говорить равнодушно, но голос предательски дрогнул.

Оратор внимательно посмотрел на Искендера:

– Значит, тебе пришлось стать главой семьи. Это нелегко. Тебе требуется много сил. Хорошо, что ты занимаешься боксом. Но сила духа важнее физической силы.

– Я понимаю, что ты имеешь в виду, – сказал Искендер, на самом деле совершенно в этом не уверенный.

Оратор открыл свою сумку-портфель и извлек оттуда две тощие брошюры:

– Возьми. Когда прочтешь, поговорим опять. Расскажешь мне, что тебе

в этих книгах понравилось. А если что-то не понравится, тоже выкладывай, не стесняйся.

– Эсма, моя сестра, жить не может без книг. А я, честно говоря, не слишком люблю читать.

– Придется полюбить. Иначе нельзя. – Это прозвучало не как приказ босса – скорее, как важный совет. – Человеческий ум нуждается в новых идеях. Иначе он не сможет работать, так же как автомобильный двигатель без бензина. А книги – самый богатый источник идей.

– Да, наверное, ты прав.

– И вот еще что. Никому эти книги не показывай, хорошо?

– Как скажешь. – Искендер собирался добавить что-то еще, но тут взгляд его упал на часы. – Боюсь, мне пора! – воскликнул он.

Оратор провел кончиком языка по губам. В глазах его мелькнула легкая тень обиды.

– Девушка?

– Ага.

– Англичанка?

– Ага.

– А почему не из наших?

Вопрос застал Искендера врасплох. Иногда ему приходило в голову, что они с Кэти очень разные, но он полагал, что все дело в несходстве характеров, и только. К тому же, как выяснилось, Оратор сам наполовину англичанин. Когда Искендер снова заговорил, в голосе его звучало откровенное раздражение.

– Не знаю. Так получилось.

– Понятно. Хорошая девушка?

– Нормальная, – буркнул Искендер, не слишком понимая, какой смысл он вкладывает в это слово.

– Ну хорошо, иди. Не заставляй ее ждать. А я буду молиться, чтобы Бог наставил тебя на верный путь.

– Спасибо. Увидимся. – Искендер махнул рукой, радуясь тому, что может наконец расстаться с этим въедливым типом.

Долг

Лондон, 30 сентября 1978 года

В воскресенье, ближе к концу дня, Искендер вошел в магазин своего дяди Тарика. Тарик поднялся навстречу племяннику, и на лице его заиграла гордая улыбка. Мальчишка здорово вырос за какой-нибудь год. Он уже был выше ростом, чем его отец, и при этом намного шире в плечах и крепче. Над верхней губой начали пробиваться усики, глаза горели, как и положено в юности.

– О, кто к нам пожаловал! Мой любимый племянник!

Искендер слегка улыбнулся:

– Как дела, дядя?

– Отлично. Чему обязан радости тебя видеть?

– У меня назначена встреча с друзьями по соседству. Вот я и решил по пути заглянуть к тебе.

Парень говорил по-турецки, но при этом то и дело вставлял английские слова. Акцента в его речи не ощущалось, но словарный запас не отличался богатством. Надо бы отправить его в Стамбул хотя бы на несколько месяцев, подумал Тарик. А еще лучше привезти ему невесту – скромную девушку из какой-нибудь анатолийской деревни. Надо будет поговорить об этом с Пимби.

– Как успехи в школе? – спросил он. – Учителя не обижают?

– В школе все нормально, – равнодушно бросил Искендер.

– Боксом-то занимаешься?

– А как же. Тренер говорит, у меня большое будущее. Но мама хочет, чтобы я бросил это дело.

– Что ж, ее можно понять. Она боится, что тебя когда-нибудь исколошматят на ринге.

Искендер помолчал, прислушиваясь к постукиванию четок, которые беспрестанно перебирал дядя.

– Дядя, один мой хороший друг попал в беду, – наконец заговорил он.

– Вот как? И что же, он пришел к тебе за советом?

– Ну да. Я всем этим пацанам как старший брат. Они всегда ко мне обращаются, когда попадают в переплет.

– И что же случилось с твоим другом?

– Ему нужны деньги.

Тарик сдержал тяжелый вздох:

– О какой сумме идет речь?

Когда Искендер назвал сумму, Тарик удивленно почесал бороду:

– Зачем это мальчишке такая пропасть денег?

На лицо Искендера набежала тень, в глазах мелькнула тревога, но, когда он заговорил, голос его звучал спокойно и невозмутимо.

– Похоже, его девушка забеременела. Деньги нужны на операцию в клинике.

– Понятно, – кивнул Тарик. – А эта девушка... Она англичанка? Я имею в виду, настоящая англичанка?

– Да, конечно.

Тарик подавил вздох облегчения. Хорошо, что эта девка не живет по соседству, не принадлежит к иммигрантскому сообществу. Значит, обойдется без семейных разборок, без полыхающих жадой мести отцов и старших братьев. В голове у Тарика крутился целый рой вопросов, однако он понимал, что задавать их не имеет смысла. Ощущая на себе взгляд племянника, он встал и направился к сейфу, стоящему в задней комнате.

Искендер смущенно отвел глаза, когда дядя положил перед ним деньги.

– Скажи своему другу, что поможешь ему.

– Спасибо, дядя.

– Но объясни ему, что помогаешь в последний раз. Пусть сам учится выпутываться из неприятностей. Иначе пропадет. Надеюсь, он это поймет. И передай ему привет от меня.

– Не волнуйся, дядя. Он понятливый парень. – Искендер спрятал деньги в карман и направился к выходу, однако на полпути к двери остановился: – Дядя?

– Что еще? – обеспокоенно прищурился Тарик.

У него мелькнуло подозрение, что из переделки, в которую угодил мальчишка, не выкарабкаться при помощи нескольких банкнот.

– Ничего. Просто я хотел сказать, что ты мне как отец.

Лицо Тарика просветлело.

– А как же иначе? Я всегда рад тебе помочь.

Искендер едва заметно кивнул. Взгляд его внезапно стал серьезным.

– Настанет день, когда я сумею тебя отблагодарить. Вот увидишь.

Человек из другого мира

Лондон, октябрь 1978 года

В пятницу, когда Мерал в обычное время принесла мужу обед, Тарик разговаривал по телефону. При этом он вскидывал подбородок и дергал себя за бороду, как делал всегда, сдерживая приступ ярости. Судя по тому, что он молчал, его собеседник на другом конце провода говорил почти непрерывно. Мерал тихонько проскользнула мимо мужа и принялась накрывать на стол в задней комнате. Сегодня она приготовила манты^[15] с соусом из кислого молока и сливочного масла. В соус она положила больше перца чили, чем обычно, и волновалась, что мужу это не придется по вкусу.

Закончив накрывать на стол, Мерал взяла влажную тряпку и стала протирать полки. Золотые браслеты на ее запястьях тихонько позвякивали. Она переставляла жестянки с тушенкой и консервированными бобами, бутылки с томатным соусом, банки с маринованным луком, пластиковые контейнеры с капустным и картофельным салатом – едой, которую она никогда в рот не брала.

– Кто же покупает все это? – как-то спросила она мужа.

– Современные жены, – ответил Тарик. – У них нет времени готовить. Весь день они на работе, а вечером заглядывают в магазин, покупают банку тунца, заправляют майонезом и подсовывают своим мужьям под видом ужина.

Мерал трудно было представить, что на свете есть такие женщины. Интересно, в каких семьях они выросли? Даже бесстыжие красотки, снимавшиеся для журналов в чем мать родила, поражали ее меньше, чем эти жены, не желавшие быть нормальными женами. Тех голых девиц из журналов наверняка или обманули, или заплатили им за снимки целое состояние. Конечно, они пали совсем низко, но не исключено, что милосердный Аллах поможет им вернуться на верный путь. А вот этих так называемых современных жен, о которых рассказывал Тарик, никак нельзя было считать жертвами обстоятельств. Они зарабатывали деньги, водили машины, шикарно одевались. Некоторые из них даже имели детей. Тем не менее они не желали приготовить своим мужьям даже такое простейшее блюдо, как фаршированный перец.

В глубине души Мерал подозревала, что ее невестка тоже относится к этой категории. Хотя тщательно это скрывает. Мерал не могла сказать, что

именно в поведении Пимби настораживает ее, но чувствовала: за внешним спокойствием невестки скрывается мятежный нрав. Впрочем, чего ждать от жены такого мужа? Этим где-то пропадал уже почти год, да и раньше уделял семье не слишком много внимания. Хорошо, что муж Мерал совсем не похож на своего брата.

– Жена! – крикнул Тарик, все еще прижимавший к уху трубку.

– Что?

Тарик махнул рукой в сторону двери. В магазин только что вошли покупатели. Двое парней и девушка. Совсем молоденькая. «Наверное, ровесница моей старшей», – подумала Мерал. У одного из парней в бровь была вставлена серебряная серьга, а на голове пламенел оранжевый гребень, делавший его похожим на экзотическую птицу. Вторым, высоким, тощим, был без рубашки, только в афганском жилете, выставляющем напоказ безволосую грудь. На девушке были рваные чулки. Ее черные волосы отливали синевой, белая, как мука, кожа почти сплошь покрыта татуировками.

Мерал на мгновение зажмурилась, словно надеясь, что юнцы исчезнут, как кошмарное видение. Но когда открыла глаза, все трое по-прежнему стояли у прилавка.

– Похоже, она не хочет нас обслуживать, – заметила девушка.

– Да нет! Неужели мы вас испугали, леди? – перегнулся через прилавок парень без рубашки. В глазах его плясали огоньки – не то веселые, не то издевательские. Дыхание насквозь пропахло табаком и пивом.

Мерал невольно подалась назад. Краешком глаза она видела мужа. Тарик по-прежнему стоял у телефона и, судя по всему, не собирался заканчивать разговор.

– Что вы хотите? – выдавила из себя Мерал.

Сколько раз она просила мужа нанять охранника, но он отказывался, говорил, это слишком дорого. Никакого оружия у нее под рукой не было, разве что длинная палка с крюком, при помощи которой они доставали товар с верхних полок.

– Есть у вас имбирный эль, леди? – спросил парень с оранжевым гребнем.

Мерал вскинула подбородок, словно готовясь принять удар, и пролепетала:

– Нет, амбарных елей у нас нет.

Голос ее жалобно дрожал. Она понятия не имела, о чем они спрашивают, и решила, что будет проще ответить отказом. Но тут парень в

афганском жилете обнаружил холодильник, где хранились газированные напитки.

– Леди, здесь его полно! Почему вы не хотите продать нам пару банок?

– Наверное, она решила выдуть все сама, – предположил его приятель с оранжевым гребнем.

– Хватит дурить, – вмешалась девушка. Она указала на полку за спиной Мерал и попросила: – Будьте добры, дайте коробку пастилы.

Взгляд Мерал растерянно заметался по полкам. Как понять, что хочет эта жуткая девица? Она хваталась то за шоколадные конфеты, то за банки с детским пюре.

– Не то, не то! – хором восклицали юнцы, пока она не нашла нужный товар.

Появление Тарика положило конец потехе.

– Добро пожаловать! – громовым голосом приветствовал он покупателей, потом повернулся к жене и спросил по-английски:

– Что хотят молодые люди?

– Пасатлу, – ответила Мерал и шлепнула коробку на прилавок.

– Иди, я сам их обслужу, – бросил Тарик по-турецки.

Мерал вернулась в заднюю комнату и снова принялась вытирать пыль. Выглянув, она с удивлением увидела, как парень с оранжевым гребнем украдкой сунул в карман два батончика нуги. Мерал была так растеряна, что решила не поднимать шум – по крайней мере, до тех пор, пока воришка не посягнет на что-нибудь более ценное. Тем временем ее муж приветливо болтал с покупателями. Помимо имбирного эля и пастилы, они купили несколько пачек сигарет, спички и упаковку соленого печенья «Туиглетс». На прощание они помахали Мерал, которой пришлось помахать в ответ.

– Ну и уроды, – проворчала она, оставшись наедине с мужем.

– Что ты хочешь от современной молодежи? – пожал плечами Тарик.

«От современной английской молодежи», – мысленно поправила Мерал. Если бы кто-то из их собственных детей разукрасил себя подобным образом, мужа хватил бы удар. А к англичанам он относился снисходительно. Или делал вид. Она, по крайней мере, никогда не кривила душой. Всегда оставалась собой – дома, в магазине, на улице. И у нее в голове не укладывалось, как это можно проткнуть себе бровь серьгой или разгуливать в рванине, кое-как скрепленной булавками. Она не собиралась притворяться, что одобряет подобных отморожков, только потому, что они покупатели.

Тарик, словно угадав мысли жены, отодвинул тарелку и встал.

– Слишком остро! – бросил он.

- Ты почти ничего не съел.
- Нет времени. Я должен идти.
- Но я не могу ждать, пока ты вернешься. У меня суп стоит на плите.
- А дочери на что? Неужели не разберутся с супом? – Тарик, дожевывая на ходу, надел куртку. – Жена, дело срочное. У меня возникли проблемы с поставщиком. Если я их не улажу, завтра нам нечем будет торговать. Останемся без молока, без масла, без яиц. Даже без хлеба.
- А далеко ты собрался? – со вздохом спросила Мерал.
- На другой конец этого чертова города.

* * *

Тарик поехал на автобусе. Метро он не любил. Ему неприятно было сознавать, что он находится глубоко под землей. После смерти все мы уйдем под землю, но зачем отправляться туда, пока мы еще живы?

Район Юго-Западного Лондона, по которому он ехал, был ему совершенно незнаком. Ехать было далеко, автобус полз медленно, но, по крайней мере, сегодня водители не бастовали. Мысленно досадуя на то, что ему приходится тащиться в такую даль из-за простого недоразумения (так, во всяком случае, считал Тарик), он прикидывал, как лучше повести разговор с менеджером. Человек, звонивший по телефону, сказал, что контракт, который Тарик заключил с их фирмой, более не действителен. Безмозглый кретин! Тарик извлек из внутреннего кармана сложенный листок и еще раз скользнул глазами по датам. Этот чертов менеджер сгорит со стыда, когда он сунет контракт ему под нос. Может, для того, чтобы загладить неловкость, ему предложат значительную скидку. В любом случае проблему следует разрешить безотлагательно. В этой жизни он всего добился сам, и он не позволит каким-то тупым бюрократам разрушать дело, которое стоило ему стольких трудов, пота и крови.

Тарику пришлось два раза пересаживаться на другой автобус. С ощущением, что путешествие длилось несколько часов, он наконец сошел в Брикстоне. Хотя день был холодный, солнце вдруг выглянуло из-за туч, неожиданное, как сделанный без повода подарок. Люди высыпали на Голдхарбор-лейн, наслаждаясь солнечными лучами. Тарик смотрел на английских детей, на их красные носики-кнопки, бледную кожу и удивлялся тому, как легко они одеты. Турецкие матери вечно напяливают на своих малышей кучу всяких одежек, превращая их в подобие капустных кочанов. А англичанки позволяют своим отпрыскам в разгар осени

расхаживать в шортиках и легких куртках. Некоторые дети были даже без носков. Интересно, почему они не мерзнут? За годы, проведенные в Лондоне, Тарик так и не мог понять, как англичане ухитряются привыкнуть к своему мерзкому климату.

Ему отчаянно захотелось зайти в кафе и выпить чашку чая, но его бюджет не предусматривал подобной траты. Тарик был единственным из всего семейства Топрак, у кого хватало мудрости и силы воли, чтобы откладывать на черный день. Впрочем, откладывает ли деньги Халил, он не имел понятия. Халил был отрезанным ломтем, жил в Австралии и не интересовался тем, как идут дела у его родственников. Что касается Эдима, тот был безнадежен. Он играл и все, что удавалось выиграть, тратил на эту дрянь, русскую стриптизершу, о которой все говорили, но которую Тарик ни разу не видел.

Тарик прошел мимо обувной мастерской, магазина религиозной литературы и довольно убогой на вид благотворительной лавки. Вся улица, застроенная одинаковыми домами из красного кирпича, выглядела пустынной. Пешеходов почти не было. Даже кинотеатр здесь казался каким-то реликтом, сохранившимся с незапамятных времен. Этот город был слишком стар. Полон напоминаний о прошлом. Однажды Тарик, вскапывая клумбу в собственном садике, обнаружил в земле шрапнель.

Интересно, как там справляется в магазине Мерал, гадал он. Если жена намерена помогать ему в торговле, ей придется срочно подучить английский. Может, стоит купить ей карманный словарь и каждый день заставлять ее запоминать хотя бы пять слов? Все эти годы Мерал жила в замкнутом мирке, где все говорили по-турецки, и никаких проблем с языком у нее не возникало. Но теперь Тарик понимал: дальше так продолжаться не может. В конце концов, с годами он не становится моложе. И на нем лежит двойной груз, ведь приходится заботиться не только о собственной семье, но и о семье брата.

Кстати, Мерал не умеет обходиться с покупателями не только потому, что плохо понимает их. Она слишком застенчива, относится к людям подозрительно и настороженно и не желает быть с ними любезной. Странно, но факт: женщина, которая всю жизнь обслуживает своих близких – мужа, детей, родственников, не способна заставить себя обслуживать чужих людей. А он, Тарик, дома ни разу пальцем не пошевелил, а для покупателей готов расшибиться в лепешку.

Солнце снова исчезло за завесой туч. Судя по всему, собирался дождь. Тарик ускорил шаг. Наконец он увидел нужный ему дом.

Встреча прошла совершенно не так, как планировал Тарик. К менеджеру его не пустили, сообщив, что у того важные дела. Разочарованный Тарик сунул контракт заместителю, и тот указал ему на пункт, из которого следовало, что компания-поставщик может потребовать изменения условий соглашения и даже разорвать его без предварительного уведомления. Тарик заявил, что найдет другого поставщика, в ответ ему пожелали сделать это как можно быстрее.

Двадцать минут спустя, когда Тарик вышел на улицу, на душе у него было до крайности паршиво. Ничего, мир не перевернется только потому, что он порвал с этой дерьмовой компанией, говорил он себе. Он посоветуется с другими владельцами магазинов в Хакни и найдет поставщика ничуть не хуже. Единственная проблема заключалась в том, что Тарик любил советовать, а не спрашивать совета. И он дорожил своей репутацией человека, который в чужих советах не нуждается. Проходя мимо кинотеатра, Тарик остановился и принялся разглядывать афишу.

ЧЕЛОВЕК ИЗ ДРУГОГО МИРА
ГАРРИ ГУДИНИ

Тарик не был любителем кино, но личность великого фокусника вызывала у него любопытство. Парень, который способен целым и невредимым выбраться из плотно закрытого бака с водой, куда его сунули вниз головой, предварительно сковав цепями по рукам и ногам, заслуживает внимания. Тарик вошел в фойе и огляделся по сторонам. Он заметил стенд, посвященный картине: фотографии, газетные рецензии. К своему разочарованию, Тарик обнаружил, что это старый немой фильм. Естественно, черно-белый. Неужели находятся люди, готовые смотреть подобное старье?

Словно отвечая на его вопрос, двери зала отворились и на пороге появилась парочка. Сеанс только что закончился, и немногочисленные зрители вышли в фойе. Среди них Тарик увидел женщину, которая двигалась к выходу, опустив голову и уставившись в пол.

Тарик невольно шагнул в ее сторону. Вне всякого сомнения, то была его невестка. Он уже собирался окликнуть ее, спросить, каким ветром ее сюда занесло, и предложить вернуться домой вместе, как вдруг к Пимби подошел какой-то мужчина средних лет. Он взял ее под локоть, прошептал что-то на ухо и протянул клочок бумаги, который она с улыбкой взяла и тут

же спрятала в карман.

Ошеломленный Тарик стоял возле афиши, гласившей: «Никто на земле не может лишить Гудини свободы», взирал на все это, не в силах двинуться с места. В голове у него царил сумбур, взгляд метался по сторонам.

Решение

Лондон, октябрь 1978 года

Воскресным утром, когда Искендер подошел к кафе, где у него было назначено свидание с Кэти, он, к великому своему удивлению, увидел дядю Тарика, который прохаживался по улице взад и вперед, дергая себя за бороду.

– Дядя, что ты здесь делаешь?

– Жду тебя. Сначала зашел в «Пещеру Аладдина», встретил там твоих друзей. Они сказали, где тебя искать.

При мысли, что дядя Тарик бросил магазин в разгаре дня, для того чтобы отыскать его, внутренности Искендера болезненно сжались.

– Что случилось?

– Я должен с тобой поговорить. Как мужчина с женщиной.

– Насчет тех денег, что ты мне дал?

– Помолчи и выслушай меня.

– Но меня ждут.

– Подождут, – охрипшим голосом буркнул Тарик.

Только тут Искендер заметил, что дядя сам не свой от тревоги. На лбу у Тарика выступили капли пота, словно день был изнуряюще жаркий. В неловком молчании они вошли в ближайший садик и сели на скамейку. Тарик закурил. Интересно, видит ли их из окна кафе Кэти, спрашивал себя Искендер. И что он ответит, если она явится сюда и начнет выяснять, что, в конце концов, происходит.

– Сынок, у меня плохая новость.

– Это я уже понял.

Тарик несколько раз затянулся, выпустил из ноздрей дым и тихим ровным голосом произнес:

– Дело касается твоей матери.

* * *

Искендер вошел в кафе бледный, как привидение. Губы его были плотно сжаты, взгляд непроницаем. Он подошел к Кэти, которая ждала его за их любимым столиком. Коротая время, она допивала второй клубнично-

банановый коктейль и доедала пончик с кремом.

– Опять опоздал, – вздохнула она.

– Извини.

– Я привыкла к твоим опозданиям, ты знаешь. Но думала, сегодня ты все-таки будешь поточнее. Неужели ты так никогда и не научишься считаться с кем-нибудь, кроме себя?

Искендер взял ее руку и поцеловал кончики пальцев:

– Почему ты сегодня такая сердитая?

– Почему? Как будто ты не знаешь.

Кэти помолчала, словно собираясь сказать что-то еще, но вместо этого расплакалась.

Искендер вытащил из кармана пачку денег и вложил ей в ладонь:

– Может, это тебя немного утешит.

Кэти по-прежнему молчала.

– Деньги я взял у дяди, – добавил Искендер. – Не мог передать их тебе раньше, потому что ты отказывалась со мной встречаться.

– Я же сказала, мне нужно все обдумать. Самой.

– И что ты надумала?

– То, что ты можешь вернуть эти деньги.

Кэти бросила пачку на стол и отдернула руку, словно это были не банкноты, а раскаленные угли.

– Это почему же?

– Я передумала, Алекс.

– Что ты сделала?

– Не смотри на меня так. Я... Я не буду это делать. Я рожу ребенка.

– Ты что, спятила? – позабыв об осторожности, рывкнул Искендер и сразу понизил голос: – Тебе же всего шестнадцать лет. Когда твоя мамаша об этом узнает, ее удар хватит.

– Никакой удар ее не хватит. Она уже знает.

– Да ты издеваешься надо мной! – Охваченный новым подозрением, Искендер прошипел: – А может, это она промыла тебе мозги?

– Никто мне мозги не промывал! И почему ты всегда заводишься, стоит мне упомянуть о маме?

– Твоя мамаша тут ни при чем. Мы с тобой приняли решение! Вместе! Я сходил к дяде, достал денег. Нашел клинику. Обо всем договорился. Дважды договаривался, потому что ты оттягивала решение. А теперь принцесса сообщает, что она, видите ли, передумала!

Кэти снова принялась плакать. Но на этот раз она плакала по-другому, уже не от жалости к себе. Слеза упала в молочный коктейль, оставив

соленый след на розовой поверхности.

– Этот ребенок – дитя любви. Он имеет право жить.

– Не знал, что ты способна нести такую чушь, Кэти Эванс.

– Никакая это не чушь. Я уже ощущаю связь с ним... или с ней... Ведь срок у меня целых три месяца.

– Что? Почему же ты раньше не говорила?

– Не была уверена, – всхлипнула она. – И вообще, это не важно. Я хочу, чтобы ты жил с нами. С ребенком, со мной и с моей мамой.

Искендер выгнул бровь:

– Ты что, не понимаешь, что это полная фигня? Или ты действительно спятила?

Кэти с пронзительным скрипом отодвинула стул:

– Я не собираюсь сидеть здесь и выслушивать оскорбления. – Голос ее стал тонким и был полон такой боли, что казался незнакомым. – Я уйду.

– Куда, черт побери, ты пойдешь?

– Домой. Отдыхать. Мама говорит, мне сейчас нельзя переутомляться.

Искендер ударил по столу кулаком так громко, что несколько посетителей обернулись. Но на Кэти это не произвело ни малейшего впечатления.

– Может, тебе лучше успокоиться и подумать о том, как мы назовем ребенка? – бросила она на прощание. – У меня уже есть по паре вариантов и для мальчика, и для девочки.

Искендер набрал в грудь побольше воздуха и замер, уронив голову на ладони. Желудок его, казалось, завязался узлом. Он знал, что официант с интересом наблюдает за разыгравшейся на его глазах сценой, ожидая, как поступит парень, после того как рассерженная девушка бросила его одного. Что теперь делать? Встречаться с друзьями Искендеру не хотелось. Возвращаться домой – еще меньше. Он с яростью впился зубами в то, что осталось от пончика Кэти, потом смахнул с колен крошки. Если бы он мог так же просто отделаться от подозрений, которыми поделился с ним дядя Тарик, выбросить их из головы! Смущенный и растерянный, Искендер достал из кармана куртки одну из двух брошюр, которые дал ему Оратор. Он носил их с собой, но так ни разу и не открыл. Пробегая глазами по строчкам, он пытался хоть что-то понять, но слова утрачивали смысл, распались на буквы. Через несколько минут он оставил бесполезное занятие, подозвал официанта и заказал множество разных блюд. Намного больше, чем мог съесть при всем желании. В конце концов, у него были деньги.

Мать

Лондон, октябрь 1978 года

Юнус катил на велосипеде по Ричмонд-роуд. Ветер играл его мягкими кудрями. Воротничок белой накрахмаленной рубашки Юнуса был застегнут так туго, что на шее появилась розовая полоса. Но Юнус не собирался расстегивать верхнюю пуговицу. Он хотел выглядеть представительно. Он считал, что с кожаной курткой следует носить рубашку, застегнутую на все пуговицы. Куртка, спору нет, была ему велика, однако никогда прежде он не носил такой шикарной вещи! Вспомнив о том, при каких обстоятельствах он завладел этой курткой, Юнус вспыхнул от стыда.

Нынешним утром Юнус встал спозаранку, едва начало светать, и на цыпочках проскользнул в комнату брата. Накануне у Искендера был боксерский поединок, вернулся он поздно, усталый до смерти. Теперь он слегка похрапывал, свернувшись калачиком и сунув голову под подушку. Кожаная куртка, которую мама подарила ему на прошлый день рождения, валялась на стуле, темная и блестящая, словно черный лед. Стены в комнате Искендера были сплошь увешаны постерами: «Звездные войны», Мохаммед Али на ринге, Брюс Ли в фильме «Путь дракона», Супермен, летящий над Манхэттеном, Джеймс Дин на мотоцикле, Кенни Бернс перехватывает мяч у Фрэнка Стэплтона.

Озираясь по сторонам, Юнус почувствовал внезапный укол зависти – чувства, которого он прежде за собой не знал. У Искендера был свой мир – спорт, друзья, а самое главное – свобода. Никто не позволял себе вмешиваться в его жизнь. Он приходил домой, когда заблагорассудится, уходил, когда считал нужным, и никто не требовал от него никаких объяснений. Это было несправедливо. Юнус знал: так считает не он один.

Юнус тихонько подошел к стулу, взял куртку, сунул руки в рукава и замер, охваченный ужасом и восторгом. Он не мог не ужасаться, сознавая, что взял без спроса чужую вещь. Конечно, он собирался вернуть ее уже сегодня вечером, но все равно это была кража. Тем не менее, стоило ему надеть куртку, он будто моментально вырос на несколько дюймов. Это привело его в восторг. Теперь-то Тобико наконец поймет, что он больше не маленький мальчик. К человеку в такой крутой куртке невозможно относиться как к ребенку.

Тут Искендер повернулся в постели, голова его выскользнула из-под подушки. Юнус замер, боясь пошевелиться. Через несколько мгновений до него вновь донеслось сонное дыхание брата. А ведь когда-то папа ругал и наказывал Искендера за малейшую провинность, вспомнил Юнус. Но это было давно. Теперь Искендер воображает себя боссом, а все остальные должны ходить перед ним по струнке. Неплохо бы маме поставить его на место и показать, что главная в доме она. Но ей сейчас не до этого.

Юнус невольно вздохнул, вспомнив свой секрет. Как ни пытался, он не мог возненавидеть мужчину, которого видел с мамой. Но ему ужасно хотелось узнать, кто он, этот человек. И почему мама улыбается ему так, как никогда никому не улыбалась? Может, он собирается увезти ее куда-нибудь далеко? Все эти вопросы томили Юнуса, но он не мог никому их задать. Ни с кем не мог поделиться. Секрет есть секрет.

И сейчас, изо всех сил накручивая педали, Юнус решил, что никогда не женится. От женитьбы одни проблемы и сложности. Очень часто люди, которые, казалось бы, любят друг друга, быстро друг другу надоедают и мечтают лишь об одном: вернуть себе свободу. Нет уж, лучше жить в коммуне. Плохо только, что панки и им подобные разводят вокруг себя слишком много грязи. Но они все равно куда счастливее, чем те, кто живет в семьях. Когда Юнус вырастет, он никакой семьи заводить не будет. Вместо этого он поселится в коммуне вместе с Тобико. У них будет много друзей, много еды в холодильнике. А если у них родятся дети, их будет растить вся коммуна.

Юнус приковал свой велосипед к деревянной ограде и двинулся к дому матери Капитана. К его удивлению, дверь была распахнута настежь. Он заглянул во все комнаты, расположенные на первом этаже, в кухню и в ванную. Ни души. Может, его друзья пошли за продуктами? А может, решили обзавестись новой мебелью на ближайшей свалке? В доме стояла тишина, лишь что-то шумело в водопроводных трубах да из крана капала вода. Юнус решил подождать в гостиной. От нечего делать он принялся разглядывать проспекты, комиксы и флаеры, валявшиеся на журнальном столике. На одном из флаеров был изображен молодой человек, разбивающий витрину магазина. Подпись под картинкой гласила:

*Государство ведет социальную войну против своих граждан.
Ты знаешь почему? Потому что в этом его назначение.
Если оно не будет вести войну, оно перестанет быть государством.
Сопrotивляйся государственному идеологическому аппарату.
Сопrotивляйся принудительному счастью.*

Юнус не имел даже отдаленного понятия о том, что такое идеологический аппарат, а слово «государство» вызывало у него ассоциации исключительно с гусями. Точнее, с гусиным царством, если только такое где-нибудь существует. Конечно, гуси очень агрессивные и злобные птицы. Неудивительно, что в их царстве не слишком здорово живется. Хотя не очень понятно, как с ним бороться, ведь никто не знает, где оно. И какой у этих гусей может быть загадочный аппарат?

Мальчуган все еще вертел флаер в руках, когда оглушительный шквал музыки заставил его вздрогнуть. Почти одновременно он понял две вещи: музыка доносится сверху, и это жизнерадостная попса, которую его друзья ненавидели лютой ненавистью. Никто из панков не стал бы такое слушать. Наверное, музыку включила миссис Пауэлл, решил Юнус. Правда, это тоже несколько странно. Когда они познакомились, она выглядела крайне расстроенной. Неужели решила поднять настроение при помощи заводной песенки?

Умирая от любопытства, Юнус поднялся по лестнице. Теперь он слышал, что записи слегка фальшиво подпевают женский голос. Юнус постучал в дверь спальни. Ответа не последовало. Он немного подождал, потом постучал вновь и, так и не получив ответа, осторожно приоткрыл дверь.

Посреди комнаты в ритме музыки подергивалась Тобико. Глаза ее были закрыты, в руках она держала щетку для волос, изображавшую микрофон. Для того чтобы освободить побольше пространства, она сдвинула мебель. Занавески на окнах были плотно задернуты и пропускали совсем немного света. В полумраке Тобико казалась высокой, тонкой и совершенно не похожей на себя.

Юнус, открыв рот, смотрел на свою обожаемую принцессу панков. Песня, казалось, будет длиться вечно. Тобико в очередной раз пропела в импровизированный микрофон «Take a chance on me» и упала на колени, мотая головой и вскинув вверх плавно извивавшиеся руки. Вариация на тему индийского танца, которую она исполняла, мало соответствовала попсовой мелодии, но Тобико это, похоже, не волновало. Когда музыка смолкла, она, видимо почувствовав чье-то присутствие, открыла глаза и осмотрелась по сторонам. Только тут она наконец заметила Юнуса:

– Привет, зайка! Как ты меня напугал!

– Прости, – пробормотал Юнус. – Я не хотел.

Тобико не слишком уверенно поднялась на ноги и попыталась улыбнуться. Улыбка получилась почти застенчивая, не такая, как обычно.

Она положила щетку на туалетный столик, выключила магнитофон, раздернула занавески и зажмурилась от хлынувшего в комнату яркого света.

– Как ты сюда попал? – спросила она.

– Пришел повидаться с тобой. Входная дверь была открыта, – сказал Юнус. – А что это ты слушала?

– Так, мурня, – пожалала плечами Тобико. – У миссис Пауэлл пропасть подобных отстойных кассет. Я просто убивала время.

– А где миссис Пауэлл?

– Пошла к доктору. Раньше трех не вернется. – Тобико понизила голос до шепота: – По-моему, она пошла к психоаналитику.

– Правда? Ей бы не помешало. Она была такая грустная, – задумчиво произнес Юнус, но тут же перескочил на другое: – Эта музыка, которую ты слушала... Это ведь «АВВА» – верно?

– Откуда ты знаешь?

– Мама тоже их любит, – с гордостью сообщил Юнус.

– Не могу сказать, что я их люблю. Музыка не в моем вкусе. Они слишком уж жизнерадостные. Ты не находишь?

Юнус смотрел на Тобико с нежностью и удивлением. Впервые со дня их знакомства он обнаружил, что внутри ее живет маленькая девочка. Выяснилось, что не только он один лезет вон из кожи, чтобы казаться взрослее и круче, чем это есть на самом деле.

Тобико, не подозревавшая об открытии, которое он только что сделал, заметила:

– Классная у тебя куртка.

– Спасибо, – кивнул Юнус и поспешно сменил тему: – Слушай, может, еще раз включим музыку и ты поучишь меня танцевать?

Тобико шаловливо улыбнулась:

– Хочешь потанцевать со мной, лапочка?

Юнус вспыхнул до ушей, но не пошел на попятный.

– Почему бы и нет? – выдохнул он.

– Отлично, – кивнула Тобико. – Но раз ты сегодня такой красивый, мне тоже надо приодеться.

Они распахнули шкаф и с удивлением увидели, что он до отказа набит одеждой, обувью, шикарными шляпками и стильными аксессуарами.

– Похоже, эта леди все свои деньги тратит на тряпки! – воскликнула Тобико.

– А черного у нее ничего нет, – заметил Юнус.

Но принцесса панков, неизменно ходившая в черном, как выяснилось,

не питала отвращения и к другим цветам. Она с восхищением смотрела на розовый шарф, светло-бежевую юбку, сиреневую блузку. Вечернее платье, усыпанное блестками, жакет, отделанный рыжей лисой, длинная, мягкая на ощупь шуба тоже привели ее в восторг.

Наконец она извлекла из шкафа длинное винтажное платье из атласа и тафты такого светлого розового оттенка, что оно казалось почти белым, с тончайшими алыми полосками, усыпанными стразами.

– Тебе очень пойдет, – одобрил Юнус.

Тобико покачала головой, пытаясь отогнать искушение. Но попытка не увенчалась успехом, поэтому она попросила:

– Выйди на несколько минут и не входи, пока я тебя не позову!

Юнусу пришлось ждать в коридоре целую вечность. Когда ему наконец позволили вернуться в комнату, перед ним предстала другая, совершенно незнакомая девушка. У нее были глаза Тобико, кожу, как и у Тобико, покрывали татуировки, но на этом сходство заканчивалось. Тобико распустила волосы, обычно собранные в хвост, и смыла свой готический макияж. Вместо черной помады – нежно-розовая, вместо черных теней – перламутровые, вместо рваных чулок в сеточку – тонкие, прозрачные, телесного цвета. На ногах золотистые туфельки на высоком каблуке, в ушах бриллиантовые серьги в форме слезы, на губах робкая улыбка. В воздухе витал волнующий аромат духов.

Юнус присвистнул – так всегда делал Искендер, выражая изумление или восторг.

– Ты... Ты такая... – Он осекся, не находя слов, способных хоть в малой степени выразить его чувства.

– У тебя глаза вылезли из орбит, зайка. Смотри не потеряй! – расхохоталась Тобико и широко раскинула руки.

Потом она схватила две щетки – одну для себя, другую для Юнуса – и включила магнитофон. Когда музыка заиграла, они вылетели на сцену, сияя ослепительными улыбками. Тысячи людей в этот вечер собрались, чтобы послушать их. Билеты были распроданы несколько недель назад; вокруг концертного зала собралась толпа поклонников. Юнус, легкий как перышко, неотразимый в своей кожаной куртке, играл на всех инструментах: рояле, гитаре, барабанах, саксофоне. Тобико пела и танцевала. При каждом рефрене они стояли спина к спине, касаясь друг друга. Зрители ревели в экстазе.

Когда музыка смолкла, оба в изнеможении повалились на пол. Немного отдышавшись, Тобико обняла Юнуса:

– Помнишь, мы с тобой как-то говорили о секретах. Пусть у нас с

тобой тоже будет секрет – наша любовь к «АВВА». Обещай, что никому его не выдашь.

В тот день Тобико открылась Юнусу с совершенно неожиданной стороны. Так и не сняв атласное розовое платье, она выкурила косячок и призналась, что не сама бросила Тоби, своего бывшего бойфренда. Это он ее бросил, разбив ей сердце. Потом она встретила Капитана. Честно говоря, она его не любит, но и расстаться с ним тоже не отваживается. Раньше она была смелее и решительнее, а сейчас ей нужно, чтобы рядом был человек, на которого она могла бы опереться. Наверное, все дело в том, что у нее неизлечимый комплекс Электры. Это значит, она все еще чувствует себя соперницей собственной матери и в каждом мужчине, в которого влюбляется, видит отца. Потом она показала Юнусу коротенькое стихотворение, озаглавленное «Мать». Едва Юнус начал его читать, внизу раздались шаги. Вернулась миссис Пауэлл.

– Черт, черт, черт! – заметалась по комнате Тобико.

– Не волнуйся, – успокоил ее Юнус. – Я пойду отвлеку ее, а ты пока переоденешься.

Он сунул листок со стихотворением в карман и пулей вылетел из комнаты.

* * *

Вечером, когда вся семья собралась за столом, Искендер едва не испепелил Юнуса взглядом, однако не стал спрашивать, где весь день пропадала его кожаная куртка. После ужина он объявил, что идет прогуляться. Ему необходимо увидеться с друзьями и поиграть в бильярд – это помогает привести мысли в порядок. Не слушая возражений матери, он вышел на улицу. После разговора с дядей Искендер обращался с матерью с подчеркнутой холодностью, хотя от открытых конфликтов воздерживался.

Вечер был холодный, ветреный. Искендер поднял воротник куртки и сунул руки в карманы. В одном из карманов обнаружился сложенный вчетверо лист бумаги. Он развернул листок и в свете уличного фонаря прочел то, что там было написано.

Искендер дрожащими пальцами скомкал листок и швырнул в урну. Кто-то затеял с ним жестокую игру. Всю ночь он ломал себе голову над тем, кто бы это мог быть, но так и не нашел ответа. В голове упорно крутились две последние строчки записки:

«Мать врет, мать обманывает.»

Она не та, кем хочет казаться».

*

Тюрьма Шрусбери, 1991 год

День сегодня тянется одуряюще медленно. Ползет, как улитка. До половины двенадцатого работал в прачечной. Потом пошел обедать. После обеда читал, слушал болтовню Зизхана о любви и мировой гармонии. В четыре нас всех заперли по камерам. Через четверть часа появляется офицер Маклаглин.

– Похоже, завтра к тебе приедет посетитель, – говорит он.

– Кто это?

– Подумай на досуге.

Единственный человек, который меня навещает, – это Эсма, да и она в этом году перестала приезжать. Интересно, кто это обо мне вспомнил? И странно, что офицер Маклаглин разрешил свидание. Учитывая, сколько у меня в последнее время нареканий, он имел полное основание отказать. Весь вечер я ломаю себе голову над этой загадкой. Вдруг меня осеняет. Кто бы ко мне ни приехал, этот визит выведет меня из равновесия, и офицер Маклаглин прекрасно это знает. Именно на это он и рассчитывает. Я, как моллюск, прячусь в раковине, в которую никто не может проникнуть, но есть люди, способные эту раковину разрушить. Таких людей немного, но они есть. Моя раковина для них такая же пустяковая преграда, как стена для привидения.

– Ты беспокойный, – говорит Зизхан.

Не знаю, спрашивает он или утверждает. В любом случае спорить я не собираюсь.

– А как тут будешь спокойным, если понятия не имеешь, кто явится ко мне на свидание завтра?

– Мы все не знаем, что бывает завтра, – говорит Зизхан. – Но каждый новый день носить надежда.

Я не в настроении слушать его лепет. Отгороженный от всего мира невидимой скорлупой, я лежу на койке. Да, день сегодня опять выдался паршивый. Таких в моей жизни было множество. Правда, один из них был наипаршивейшим: следующий после того, когда я сделал это.

Ночь после преступления длится вечно. Ты просыпаешься, ощущая,

что в мозгу у тебя горит красная тревожная лампочка. Ты пытаешься не обращать на нее внимания. Пока есть надежда, пусть совсем слабая, что это все тебе приснилось. Ты цепляешься за эту надежду, как человек, сорвавшийся с обрыва, цепляется за травинку. Проходят минуты. Часы. А потом до тебя наконец доходит. Ты понимаешь, что давно вырвал травинку с корнем и теперь летишь в пропасть, сжимая ее в руках. Летишь, чтобы расшибить себе голову об острые камни реальности.

Я помню, как стоял на Лавендер-гроув, сжимая в руке нож. И слышал крики. Пронзительные крики, которые никак не хотели смолкнуть. Кто-то завывал в голос. Странно, мне казалось, это завывает мама. Но она никак не могла так громко кричать. Она лежала на земле, истекая кровью. Крики, стоны, визг эхом отдавались у меня в мозгу. Я взглянул на свою левую, наиболее сильную руку. Она висела как плеть, словно ее прикрепили к моему телу лишь на время и сейчас скрепы ослабели. Я зашвырнул нож под припаркованную рядом машину. Если бы это было возможно, вслед за ножом туда же полетела бы и моя рука.

Потом я побежал. На моей куртке остались пятна крови. Не знаю, почему никто меня не остановил. Так или иначе, этого не случилось. Я мчался по улицам и переулкам, не имея ни малейшего понятия, куда бегу. Наверняка я пересекал улицы в неположенных местах, налетал на прохожих, пугал собак. Ничего не помню. Примерно полчаса я бежал словно в беспамятстве и очнулся, только когда увидел телефонную будку.

Я позвонил дяде Тарику и рассказал ему о том, что сделал. На другом конце провода повисло молчание. Я подумал, дядя меня не расслышал. И повторил все снова. Сказал, что наказал маму за недостойное поведение. Теперь она вряд ли возьмется за старое. Сказал, что рана не опасная, но, конечно, пройдет какое-то время, прежде чем мама поправится. Я ударил ее в правую сторону груди. Чтобы она поняла, сколь тяжкий грех совершила. Теперь у нее будет время осознать свой грех и раскаяться. А что касается его, этого подонка, он наверняка испугается до смерти и больше не приблизится к ней на пушечный выстрел. Пятно с нашей семейной чести смыто.

– Как ты мог, сынок? – Дядя говорил очень тихо, словно ему не хватало воздуха. – Это ужасно.

Я был ошеломлен.

– Н-но... т-ты ж-же с-сам с-с-сказал...

– Ничего я не говорил, – отрезал дядя.

Человек, который открыл мне глаза на то, что происходит с мамой, человек, который настойчиво твердил, что я должен положить этому

конец, внезапно растворился в воздухе, как мираж. Я молчал словно громом пораженный.

– Искендер, сынок, ты должен явиться с повинной. Мне придется сообщить полицейским о твоём звонке и сказать, что я дал тебе именно такой совет. Не можешь же ты всю жизнь провести в бегах, – донеслось из трубки.

В голове у меня внезапно мелькнуло подозрение. Похоже, дядя Тарик заранее отрепетировал этот разговор. Он ждал моего звонка. Догадывался о том, что я скажу, и подготовил ответные реплики. Наверное, он уже придумал, что будет говорить на следствии и на суде... Да, дядюшка все предусмотрел.

– Сынок, где ты? Скажи мне, где ты?

Я повесил трубку. Снял куртку и затолкал ее в урну. Потом двинулся на Альбион-драйв, к дому Кэти. Я много раз бывал около ее дома, но никогда не заходил внутрь. Я позвонил в дверь. К моему великому облегчению, открыла сама Кэти. Увидев меня, она просияла:

– Алекс, какой сюрприз! Милый, я знала, что ты придешь.

Она схватила меня за руку и затащила в холл. Сказала, ее мать будет очень рада, узнав, что я решил жить с ними, потом обняла меня. Ее живот, твердый и круглый, торчал между нами. Неужели она всего на четвертом месяце? Казалось, она проглотила футбольный мяч.

Я спросил у Кэти, где ванная. Вымыл руки. Отражение в зеркале было таким же, как вчера. Таким же, как раньше. Я ожидал, что мое лицо, мои глаза как-то изменятся. Но они остались прежними. Я снова вымыл руки. Я тер их изо всех сил. Мыло пахло розой. Я открыл стенной шкафчик и обнаружил бутылку с отбеливателем. На бутылке была изображена хорошенькая домохозяйка. Она радостно улыбалась, демонстрируя белоснежные зубы. Я налил отбеливателя себе на руки. Ладони мои были порезаны в нескольких местах, и я едва не взвыл от боли. Закусив губу, я опять принялся тереть руки. Под ногтями что-то темнело. Грязь? Краска? Кровь? Мне никак не удавалось это смыть.

Кэти вошла в ванную и спросила, почему я так долго возжусь. Она обняла меня, любуясь нашим общим отражением. В зеркале мы были все вместе: я, она, наш ребенок. Она расплылась в гордой улыбке. Про себя я отметил, что она похожа на девушку с бутылки с отбеливателем. Обе лучились радостью.

Кэти закрыла кран:

– Хватит плескаться, любовь моя. По-моему, ты достаточно чистый.

Мы вошли в гостиную. Мать Кэти сидела в кресле у окна и ждала нас. На ней было свободное шелковое платье с запахом, в вырезе которого проглядывали груди. Ярко-голубое. Такие наряды я видел только по телевизору. Веснушки, сплошь усыпавшие шею женщины, походили на крошки мускатного ореха. Волосы тщательно причесаны, словно она собиралась поужинать в шикарном ресторане, но в остальном вид у нее был вполне домашний. Я старался смотреть ей в лицо и не соскальзывать взглядом ниже.

Миссис Эванс предложила мне чаю в чашке из костяного фарфора. Пирожные с фруктами. Мы ели в молчании. На стенах висели фотографии в рамках. Множество фотографий. На некоторых был отец Кэти. Он не производил впечатления человека, способного бросить семью. Миссис Эванс исподтишка наблюдала за каждым моим движением. Мне казалось, она заметила темные ободки у меня под ногтями. Я спрятал руки под стол.

– Алекс, Кэти сказала мне, что вы решили назвать ребенка Мэгги, если, конечно, это будет девочка. А если мальчик – Том.

Я повернулся к Кэти. Она отвела глаза.

– Да, что-то в этом роде, – пробормотал я.

Потом миссис Эванс спросила, готов ли я взять на себя ответственность, связанную с отцовством. Я ответил, что не знаю, но буду очень стараться.

– Увы, порой все наши старания оказываются тщетными или приводят к обратному результату, – изрекла она.

Мне показалось, эту фразу она слышала в каком-нибудь фильме. Или вычитала в книге. Она пообещала помочь нам, пока мы не встанем на ноги. Сказала, что с радостью будет заботиться о внуке, и с улыбкой добавила: «О своем первом внуке». Я заметил, что зубы у нее ровные и жемчужно-белые.

Вечером Кэти сообщила, что нам придется спать в разных комнатах. Сказала, что постелет мне на диване в гостиной. Это ненадолго, сказала она. Скоро мы поженимся и тогда будем спать в одной постели. Пока смерть не разлучит нас.

Она принесла подушку и простыни. Медленно стянула свитер. Груды у нее выросли, соски потемнели и припухли. Под кожей просвечивали голубые извивистые жилки. Она попросила меня приложить ухо к ее животу. Я послушался, но сначала ничего не мог разобрать. А потом ощутил какое-то движение – словно кто-то потянулся со сна. Один раз, другой, третий. Это было невероятно.

Интересно, подумал я, когда мама была беременна мной, она просила папу послушать, что происходит у нее в животе?

– Прости, но мне жутко хочется спать, – сказал я, отстраняясь от Кэти.

– Да, конечно, милый, ложись.

Когда она ушла, я растянулся на диване и оглядел комнату. Тюлевые занавески, подушки из ткани в цветочек, фарфоровая ваза на каминной полке, старинные напольные часы в углу. Мне казалось, я не сомкну глаз, но, едва голова моя коснулась подушки, заснул мертвецким сном. Проснулся я на рассвете. У дивана стояла Кэти. Бледная, с выпученными от страха глазами.

– Алекс, у дверей двое полицейских, – прошептала она.

Я вскочил, взял ее голову в ладони и поцеловал, ощутив на губах вкус соли. Вкус паники.

– Они спрашивают о тебе.

Мы бесшумно выскользнули в коридор. Мать Кэти в ночной рубашке и со следами крема на лице стояла у дверей. Нижняя губа у нее дрожала. Она схватила Кэти за руку и притянула к себе, словно я был болен какой-то заразной болезнью. В окно я увидел полицейскую машину с мигалкой и двух офицеров. Один из них здорово походил на Джеймса Каллагана, только очков не хватало. Они меня пока не видели. Я велел Кэти сказать им, что одеваюсь.

Решение бежать было почти бессознательным. Я действовал, повинаясь инстинкту. Вошел в кухню, открыл дверь, выбежал в сад, перескочил сначала через одну ограду, потом через другую. Кэти еще разговаривала с полицейскими, а я уже был на другой улице.

* * *

Последний день ноября 1978 года. Я почти раздумал делать это, как вдруг увидел ее на улице. Наверное, она ходила за покупками – в руках у нее были сумки. Шла она неторопливо, никуда не спеша. Кровь у меня вскипела от бешенства. Я ведь запретил ей выходить из дома.

Она остановилась около уличного музыканта, сидевшего ко мне спиной. Мне был виден ее профиль. Она улыбалась. Внутри у меня поднялась волна злости. Разве я не говорил ей, что она не должна выходить? Разве не запретил носить короткие платья? Она плевать хотела на все мои запреты. Она не воспринимала меня серьезно.

Я пошел за ней следом. Она опять остановилась, на этот раз около витрины, и домой явно не торопилась. Я даже подумал, что у нее назначено свидание с любовником и он вот-вот появится. Но ничего такого не произошло. Когда мы дошли до нашей улицы, она споткнулась и уронила сумочку. Старую потрепанную сумочку цвета хаки, которую я никогда прежде не видел. Она наклонилась, чтобы ее поднять, и только тут заметила меня.

– Искендер... – прошептала она, словно мое имя было великой тайной.

Искендер Топрак

Прут и веник

Лондон, октябрь 1978 года

Найти Оратора оказалось сложнее, чем предполагал Искендер. Он заглянул во множество кафе, сделал пропасть телефонных звонков, но все безрезультатно. Только тут до Искендера дошло, как мало он знает об этом человеке. Все эти месяцы Оратор посылал ему записки, в которых назначал место и время встречи, но никакой обратной связи не существовало. Искендер понятия не имел, где Оратор живет, где проводит свободное время. Вроде бы он говорил, что студент, что собирается получить какую-то техническую специальность. Но где именно учится Оратор, осталось загадкой, как и все остальное.

Наконец, выстроив длинную цепочку знакомых, Искендеру удалось отыскать Оратора в каком-то захудалом зале восточных единоборств на Брик-лейн. Оратора окружал десяток юнцов в шортах и майках, притулившихся на ковриках, словно голуби под крышей. У некоторых на лбу выступили капли пота, а на шее болтались полотенца. Создавалось впечатление, что они собрались тут после изнурительной тренировки и теперь обсуждают какие-то важные моменты, прежде чем отправиться в душ. Увидев Искендера, парни затихли и уставились на него с откровенным подозрением.

– Не волнуйтесь, – подмигнул своим слушателям Оратор. – Я его знаю.

Искендеру не понравился его тон, а еще сильнее не понравилось его дурацкое подмигивание. Тем не менее он слегка наклонил голову, изогнул губы в подобии улыбки и бросил:

– Привет!

Оратор проворно вскочил на ноги и прижал правую руку к сердцу:

– Салям алейкум, брат. Присоединишься к нам?

– Нет, спасибо. Я... Мне нужно быть в другом месте. Я зашел вернуть кассеты, которые ты дал мне в прошлый раз.

Вполголоса сказав что-то своим друзьям, Оратор подошел к Искендеру. Тот с удивлением отметил про себя, что без зимней куртки и свитера Оратор кажется совсем маленьким. Узкие плечи, хрупкие запястья, короткие, слегка кривые ноги.

– Не стоило беспокоиться из-за такой ерунды.

– Ничего, мне не трудно, – пробормотал Искендер, сам плохо

понимавший, зачем он сюда явился.

– Ты хочешь поговорить?

– Н-нет... то есть да. Пару минут.

Они устроились в дальнем углу зала, рядом с силовыми тренажерами. Какой-то толстенный коротышка громко пыхтел и отдувался, пытаясь качать вес, который был ему не по силам. По лицу его градом струился пот, на щеках выступили багровые пятна, руки дрожали.

Бросив на Оратора взгляд исподлобья, Искендер сказал:

– Я и не знал, что ты ходишь в спортзал. Чем занимаешься?

– Тэквондо. Впрочем, я не борец. Это не моя стезя. Ты же знаешь, для меня главное – идеи.

– Тогда зачем ты сюда ходишь?

– Потому что жизнь сейчас такая, что каждый из нас должен уметь защищаться. Знаешь, что случилось вчера в Норт-Энде? Скинхеды напали на бенгальца, владельца магазина. Их было четверо, а он один. Такие вот смельчаки.

– Нет, я ничего об этом не слышал.

– Они повалили его на землю и обрили наголо, а потом нарисовали на его черепе свои идиотские символы. Бедный парень так перепугался, что заболел. Жена его вся изошла на слезы. – Оратор помолчал и добавил: – Хорошо, что тебе ничего подобное не грозит. Ты-то сумеешь за себя постоять.

Искендер кивнул. На самом деле он начал заниматься боксом вовсе не затем, чтобы при случае дать отпор врагам, будь то реальные или воображаемые. Он выбрал бокс, потому что тот отличался от прочих видов спорта – ярких, зрелищных, но каких-то искусственных. В боксе все настоящему, без подделок. Ринг – это маленькая модель жизни. Там ты один. Ни о какой командной игре речь не идет. Каждый сам за себя. На ринге ничего не скроешь, он обнажает все твои сильные и слабые стороны. Если хочешь узнать, какой у человека характер, надо увидеть его на ринге.

– Ты потрясающий боксер, – заявил Оратор. – У тебя талант.

– Откуда ты знаешь? Ты же никогда не видел меня на ринге.

– Видел. Даже два раза. Приходил тайком. Мне понравилось, что ты умеешь рисковать. И защита у тебя сильная. словно ты заранее знаешь, куда будет нацелен следующий удар противника. Это редкое качество. С ним надо родиться.

Не зная, как реагировать на похвалы Оратора, Искендер предпочел промолчать.

Оратор тоже молчал, буравя Искендера взглядом.

– Алекс, я хотел кое о чем попросить тебя, – наконец заговорил он. – Может, ты научишь нас драться? Братья могли бы многому у тебя научиться.

Искендер шумно выдохнул:

– Даже не знаю... Я люблю драться один на один.

Оратор нахмурился:

– Послушай, я буду с тобой откровенным. Ты не из тех, кто готов плясать под чужую дудку. Я это вижу. Ты предпочитаешь быть свободным, не связанным какими-либо обязательствами. Я понимаю и не собираюсь на тебя давить. Но не забывай: все великие бойцы сильны прежде всего духом. Только тот, кто защищает истинные ценности, становится непобедимым.

– Я не хочу становиться непобедимым.

– Тогда чего ты хочешь? – В голосе Оратора послышался откровенный вызов, в глазах вспыхнули властные огоньки.

Искендер никогда не задавал себе такой вопрос, и готового ответа у него не было.

– Зачем ты сюда пришел? – наседали на него Оратор. – Зачем разыскивал меня? Я знаю зачем. В глубине души ты сознаешь, что один в поле не воин. Цель в жизни – вот что тебе действительно нужно. Присоединяйся к нам.

Искендер понимал, что попал на крючок, и не мог придумать, как с него соскочить. Он расстегнул молнию на куртке и вытащил из внутреннего кармана кассеты.

– Ты их прослушал?

– Н-ну, в общем...

Оратор досадливо поморщился:

– Ты не дочитал до конца ни одну брошюру, которые я тебе давал. Ни одну. А теперь кассеты. Неужели это так трудно?

– Мои брат и сестра без конца слушают магнитофон. Мне редко удается его заполучить. Поэтому я слушал урывками. Кое-что мне понравилось. Про братство, например. О том, что один прут легко сломать, а веник – невозможно.

– Ну и?..

– Ну и... Не знаю... Слишком много сейчас навалилось проблем. Моя девушка залетела. И дома тоже... возникли сложности.

Оратор не стал спрашивать какие. Он уже понял: Искендер из тех, от кого расспросами ничего не добьешься.

– Знаешь, как-то ты сказал одну фразу, которая засела у меня в голове, – продолжал Искендер. – Насчет того, что человек не должен

мириться с тем, что его родители живут неправильно.

– Да, но постарайся меня понять. Я имел в виду вот что: если твои родители забыли Бога, ты должен предпочесть Бога, а не их. Потому что Бог главнее всего. Главнее родителей. Но тут нужно кое-что уточнить. Если ты сам живешь без Бога и при этом отвергаешь родителей, то теряешь опору. И тебе трудно будет удержаться на ногах, парень.

– Ну а если перейти к конкретным примерам, – пробормотал Искендер, застегивая молнию на куртке. – Предположим... ну так, чисто гипотетически... кто-то из членов моей семьи совершил грех. Что мне следует делать?

Оратор сдвинул брови, ощутив всю серьезность вопроса. Только теперь он заметил, что уголки рта у Искендера нервно подергиваются, а ногти обкусаны почти до мяса.

– Чтобы пример действительно был конкретным, ты должен сказать, о ком идет речь, – проронил Оратор.

– Ну, скажем, о моей матери.

Повисла неловкая пауза.

– Думаю, тебе стоит поговорить с отцом, – прервал молчание Оратор. – Следить за матерью – обязанность прежде всего отца, а не твоя. Но если ты не знаешь, где он, тогда другое дело. Тогда ты должен действовать сам. Я никогда не позволю, чтобы женщина, будь она мне мать, сестра или жена, пятнала честь семьи.

– Но что мне делать?

– Я не могу ничего тебе советовать, пока не буду убежден, что ты полностью мне доверяешь. Понимаешь, о чем я? Присоединяйся к нам. Становись частью целого. Это единственно правильный путь. Это ответ на все вопросы.

– Хорошо, я об этом подумаю.

– Подумай. Но не затягивай с решением слишком надолго. А то, пока ты будешь раздумывать, станет уже поздно.

* * *

Вечером того же дня Искендер стоял у дверей стриптиз-клуба, в котором никогда прежде не бывал. Он столько раз рисовал этот клуб в воображении, что все вокруг казалось ему смутно знакомым. Стоило ему открыть дверь, дорогу преградил здоровенный охранник. Темно-синий костюм, зеркальные темные очки, совершенно лишние в этот вечерний час,

лысая как колено голова, растущая прямо из широченных плеч...

– Тебе сколько лет, парень?

– Достаточно, – ответил Искендер, твердо решивший, что не даст себя запугать.

– Ты не ответил на мой вопрос.

– Я не собираюсь перед вами отчитываться. Мне нужно войти.

Охранник, скорее удивленный, чем возмущенный подобной наглостью, снял очки. Глазки у него были совсем маленькие, близко посаженные и не выражавшие абсолютно никаких чувств.

– Ты что, пацан, решил испытать мое терпение? Предупреждаю, оно уже на исходе.

Искендер почувствовал, что щеки его вспыхнули. Охранник раза в два превосходил его размерами и при желании мог прихлопнуть как муху. Тем не менее Искендер догадывался, что этот тип вовсе не так страшен, как хочет казаться. Из тех псов, что много лают и никогда не кусаются. Так подсказывала Искендеру интуиция, а она его никогда не подводила, особенно когда дело касалось уличных разборок.

– Я ищу своего отца, – буркнул он. – И мне нужно войти.

В крошечных глазках охранника вспыхнуло любопытство.

– Твой отец что, работает здесь?

– Нет. Но он водит шашни с девкой, которая здесь работает.

– Ясно. И ты надеешься, что он представит тебя этой леди, верно?

– Вот еще! Зачем мне это надо?

– Я просто спросил. А зачем тогда тебе понадобился папочка, малыш? Хочешь поучить его уму-разуму?

– Я не собираюсь нарываться на скандал. Мне просто нужно поговорить с отцом.

Охранник вновь водрузил очки на нос:

– Даю тебе три минуты, парень. И не секунды больше. Зайдешь внутрь, найдешь своего папашу и выйдешь вместе с ним. Если через три минуты ты не появишься, я сам тебя отыщу и завяжу тебе ноги узлом. Усек?

– Усек. Спасибо.

Войдя в клуб, Искендер первым делом сунул руку в карман. Стеклянная фляга была на месте. Удивительно, что охранник не стал его обыскивать. Во фляге плескалась кислота. Отличное средство. Оставалось только найти ее и плеснуть кислотой в лицо. После этого ни один мужик не взглянет в ее сторону.

Сколько раз он представлял себе этот момент! Представлял, как войдет

в шумный, людной, насквозь прокуренный клуб. Приблизится к барной стойке, закажет выпивку. Скорее всего, виски. Да, именно виски со льдом. Это правильный выбор. Он двумя глотками осушит стакан, и в горле у него вспыхнет огонь. После он отойдет от стойки и проскользнет в узкий коридор, пропахший потом и духами. Ее гримерку он наверняка найдет без труда. Постучит в дверь, на которой написано «Роксана», и войдет, не дожидаясь ответа.

– Кто вы такой? – спросит она, и в голосе ее послышится паника. Лицо ее наверняка будет покрыто толстым слоем грима: синие веки, кроваво-красные губы.

– Я сын человека, которого вы похитили у семьи.

Всякий раз, проигрывая эту сцену в воображении, Искендер придумывал новую фразу. Иногда ему казалось, лучше будет сказать: «Вы меня не знаете, но я знаю вас слишком хорошо». Иногда, что эффективнее будет бросить: «Здесь я задаю вопросы». Или спросить: «А вы кто такая? И кто вам позволил разрушать нашу семью?»

Роксана в его сценариях тоже реагировала по-разному. Чаще всего она смущалась и виновато опускала глаза. Но иногда, полыхая бешенством, переходила в наступление. Порой в Искендера летели стаканы, бутылки из-под шампанского, а то и стилет. Дальнейшие события развивались в зависимости от ее реакции. Если Роксана была агрессивна и враждебна, Искендер пускал в ход кислоту. Если она оказывалась способной к раскаянию, он великодушно давал ей шанс.

Особенно нравилось Искендеру воображать, как она падает на ковер, кушетку или в кресло и заливается слезами стыда.

– Поверьте, я не знала, что он женат, – бормочет она сквозь слезы. – Не знала, что у него есть дети. Он никогда мне не говорил.

До склянки с кислотой тут, конечно, дело не доходило. Напротив, Искендер принимался утешать жертву обмана. А она давала ему клятву прогнать Эдима прочь и больше никогда с ним не встречаться.

Прокручивая все эти варианты в голове, Искендер бродил по клубу. К его великому удивлению, людей оказалось совсем мало, по большей части обслуживающий персонал. Для посетителей было слишком рано. Он подошел к бару. Воздух здесь насквозь пропитался алкоголем. На задней стене висело огромное овальное зеркало, подсвеченное неоновой лампой. Стойка из полированного дерева была испещрена выцарапанными инициалами, бранными словами и непристойными рисунками.

Темнокожий бармен с множеством тугих африканских косичек на голове протирает стаканы. Он окинул клиента подозрительным взглядом:

– Сколько тебе лет?

– Я достаточно взрослый.

– Что ж, мистер Достаточно Взрослый, могу я взглянуть на ваше удостоверение личности?

– Послушайте, раз я здесь, значит так надо. Иначе амбал у дверей не пропустил бы меня, верно?

– Отличный ответ, – усмехнулся бармен. – Пожалуй, я дам тебе за него стакан воды. Газированной. Без льда. А больше ты ничего здесь не получишь.

Искендер предпочел не спорить. Потягивая воду, он смотрел в сторону сцены. Наверное, она где-нибудь за кулисами. Надо ее найти, не теряя времени. Он снова нащупал в кармане флягу с кислотой. На ощупь она казалась и холодной, и теплой одновременно. Искендер собирался с духом, готовясь к решительным действиям, когда заметил, что в клубе появился охранник, который смотрит на него в упор и указывает на свои наручные часы. Искендеру оставалось только допить воду, поставить стакан на стойку, поблагодарить бармена и двинуться к выходу. Все планы летели к чертям.

Он прохаживался по тротуару взад и вперед, лихорадочно соображая, как же поступить теперь. Прошла, казалось, целая вечность. И вдруг он заметил на улице знакомый силуэт. Растрепанные волосы, опущенная голова, неуверенная походка, – казалось, этот человек боится, что ноги вот-вот ему откажут. Он прошел мимо Искендера, не заметив его.

– Папа...

Эдим остановился и повернул голову. Искренняя, радостная улыбка, появившаяся на его лице, моментально сменилась испуганным выражением.

– Искендер?.. Что-нибудь случилось с твоим братом или сестрой?

– Нет-нет. Ничего не случилось.

Испуг на лице Эдима уступил место облегчению, а секунду спустя облегчение сменилось подозрением и досадой.

– Тебе нечего здесь делать.

Подобной реакции Искендер не предусмотрел. Он ожидал, что, увидев его, отец придет в смущение, возможно, вспыхнет от стыда, но уж никак не вспылит.

Стараясь скрыть свою растерянность под непроницаемой маской, Искендер процедил:

– Тебе тоже нечего здесь делать.

Уголки рта у Эдима дернулись, глаза сердито вспыхнули.

– Ты с кем разговариваешь, щенок? Не зарывайся!

– Я хочу, чтобы ты вернулся домой, папочка.

Сарказм, с которым он произнес последнее слово, не ускользнул от Эдима.

– Иди домой, к матери, пока я не переломал тебе кости!

– Бедные мои кости! Почему-то сегодня всех так и тянет их переломать.

Повисло молчание. Отец и сын буравили друг друга глазами, выжидая, кто заговорит первым. Внезапно Эдима охватило жутковатое чувство: ему показалось, что он смотрит в зеркало и видит себя молодым. Его сын был удивительно похож на него внешне, но при этом начисто лишен неуверенности в себе и вялости, из-за которых жизнь Эдима пошла наперекосяк.

– Я вернусь, когда придет время, – сказал наконец Эдим.

– И когда же это будет? Когда тебе надоест твоя шлюха и...

Пощечина обожгла ему лицо. Реакция отца удивила Искендера меньше, чем слова, сорвавшиеся с его собственных губ. Он поверить не мог, что сказал такое. Это было нарушением всех правил, которые ему внушали с детства.

Охранник, наблюдавший за происходящим, вразвалку подошел к ним:

– Эй вы, не распускайте руки, а не то я вызову полицию.

– Мы сами разберемся, – пробормотал Искендер. – Обойдемся без полиции.

В глазах его вспыхнул вызов. С нарочитым спокойствием он повернулся к отцу и отчеканил:

– В следующий раз я дам сдачи. А удар у меня сильный.

Эдим побледнел. Грудь пронзила боль, такая резкая, что у него перехватило дыхание. Но причиной тому были не только обида и стыд оттого, что сын публично нанес ему оскорбление. Причина была глубже, серьезнее. Он с опозданием, с огромным опозданием понял, как должен был поступить много лет назад, когда отец колотил его, несмотря на то что Эдим уже был выше его ростом. Надо было дать сдачи. Но он не осмелился это сделать, и теперь чувство сожаления было мучительным.

Эдим сделал шаг к Искендеру и залепил ему еще одну пощечину, на этот раз более увесистую. А потом произошло нечто кошмарное. Завывая, как раненый зверь, Искендер с разбегу ударился головой о стену дома. Один раз, другой, третий...

Эдим попытался схватить сына, но это было не так просто.

– Не трогай меня! – ревел Искендер.

Подоспевший охранник сгреб Искендера в охапку и оттащил от стены. Но жажда причинить боль – все равно, себе или кому-то еще – была такой острой, что Искендер не мог остановиться. Он вцепился зубами в руку охранника и прокусил до крови, а потом, изловчившись, несколько раз пнул его в лодыжку и двинул головой по подбородку. Подобной агрессии охранник не ожидал. Побагровев от злости, он принялся колошматить Искендера кулаками.

– Пожалуйста, оставьте его, – умолял Эдим. – Это мой сын. Он еще мальчишка.

Вокруг них собралась небольшая толпа. Посетители, клиенты, несколько танцовщиц и среди них – Роксана, бледная, с трясущимися губами.

Когда дерущихся растащили, охранника трясло от ярости.

– Проваливайте оба! – рявкнул он. – Усекли? Если я еще раз увижу здесь кого-нибудь из вас, паскуды, оторву башку и заброшу в кусты!

– Идем, идем, – мягко, но настойчиво тянул сына за руку Эдим.

Какое-то время они шли молча, а когда оказались на безопасном расстоянии от клуба, присели прямо на тротуар. От тяжелого дыхания грудь Искендера ходила ходуном. Во рту он ощущал солоноватый вкус крови.

– Мама встречается с каким-то мужчиной, – безучастно сообщил он.

– Что?

– Что слышал. Ты должен вернуться домой и положить этому конец.

Эдим достал сигарету, прикурил ее и протянул сыну.

– Бери, не стесняйся, – сказал он, заметив удивление на лице Искендера. – Я давно знаю, что ты куришь.

Он тоже закурил. Отец и сын сидели рядом на тротуаре под фонарем. Ночной ветерок освежал их пылающие лица.

– Она его любит? – неожиданно спросил Эдим.

Искендер ушам своим не поверил:

– Папа, о чем ты?

Эдим положил руку на колено сына:

– Послушай, тебе сейчас трудно это понять. Случись такое десять лет назад, я бы с ума сошел. Сделал бы все, лишь бы это прекратить. Но сейчас у меня хватает ума осознать: даже если я его убью, а твою мать посажу под замок, это не заставит ее полюбить меня. Она несколько раз просила дать ей развод. Я отказывался, хотя это был единственно верный шаг.

Искендер был в шоке, услышав, что отец заговорил о любви. Конечно, порой он задавался вопросом, почему его родители оказались вместе. Но

разве сейчас не все равно, любят они друг друга или нет? Отец – глава семьи, а не прыщавый подросток, у которого на уме одни романтические бредни.

– Отец...

– Знаешь, когда-то давно один мудрый человек сказал мне, что любовь мужчины – это отражение его характера. Тогда я не понял, что он имеет в виду. А вот теперь понимаю. – Эдим выпустил из ноздрей колечко дыма. – Ты считаешь, я должен злиться на твою мать. И я действительно злюсь. Но еще сильнее я злюсь на себя. Наш брак был ошибкой. Но я не могу сожалеть об этой ошибке, потому что в результате на свет появились ты, Эсма и Юнус.

И тут Искендер произнес фразу, которой Эдим тогда не придавал значения. Впоследствии, с мучительной яркостью вспоминая этот момент, он горько сожалел об этом. Искендер бросил сигарету, проследил взглядом за дугой, которую окурок прочертил в воздухе, и сказал:

– Если ты не хочешь решать эту проблему, ее решу я.

Веревка

Лондон, октябрь 1978 года

Торопливым шагом Пимби подошла к уже хорошо знакомому кинотеатру. Каблучки ее стучали по тротуару ровно и уверенно. Опустив голову, она упорно смотрела в землю, как ребенок, играющий в какую-то игру, где действует незыблемое правило: человек, который никого и ничего не видит, сам становится невидимкой.

Она намеренно всякий раз опаздывала и входила в зал через пятьдесят минут после начала сеанса. Подобная предосторожность снижала риск того, что их увидят вместе. Правда, в последнее время Пимби стала менее осторожной. Она даже дважды прошла вместе с Элайасом по улице: один раз они вместе покупали цветы, другой – слушали уличного музыканта. Пимби, как и прежде, изнемогала от беспокойства, но внутри ее все настойчивее звучал и рвался наружу голос желания. Никогда в жизни она не испытывала ничего подобного и теперь сама поражалась собственной смелости. Порой ей даже казалось, что все это происходит не с ней, что прежняя Пимби не способна совершать такие рискованные поступки.

Входя в дверь кинотеатра, она прищемила пальто и оставила в дверях несколько шерстинок. Внутри царил знакомый запах переполненных пепельниц, попкорна и чипсов. Завитки на ковре были такими замысловатыми, что, когда она смотрела на них слишком долго, у нее начинала кружиться голова. Привычная обстановка всегда действовала на Пимби успокоительно. Стоило ей оказаться в фойе, на душе сразу становилось легче. Здесь она чувствовала себя защищенной. Земля словно прекращала свое вращение, тревожные мысли о будущем отступали, и Пимби хотя бы на краткий промежуток времени позволяла себе наслаждаться настоящим.

Молодой билетер, стоявший у входа в зал, проверил билет и с зажженным фонариком проводил Пимби до места. Фильм уже начался, но в зале было не слишком темно благодаря льющемуся с экрана серебристому свету. Следуя за билетером, Пимби позволила себе оглядеться по сторонам. В зале было десятка полтора зрителей. Больше, чем обычно. Почему-то это обстоятельство заставило ее сердце тревожно сжаться.

Элайас всегда сидел на одном и том же месте: в центре среднего ряда.

Однажды это место занял кто-то другой, и Пимби, не разобравшись в темноте, уселась рядом с незнакомым мужчиной. «Привет, красавица», – ухмыльнулся он. Чуть живая от смущения, Пимби вскочила и ринулась в первый ряд, где в счастливом неведении ждал ее Элайас.

Осторожно, чтобы не споткнуться, Пимби окидывала взглядом ряды. В одном сидела пожилая пара. Взявшись за руки, оба самозабвенно смотрели на экран. Пимби попыталась представить на их месте себя с Элайасом – старых, дряхлых, но по-прежнему влюбленных. Картина была столь нереальна, что воображение отказывалось ее рисовать.

Погруженная в свои мысли, Пимби не заметила, как человек, сидевший в заднем ряду, сполз пониже в своем кресле и склонил голову так, чтобы она оказалась в тени. Предосторожность была излишней: Пимби даже не посмотрела в его сторону. А он не сводил с нее глаз.

Луч фонарика выхватил из темноты ряд G. В самой середине сидел один-единственный зритель, весь превратившийся в ожидание, – Элайас. Пимби поблагодарила билетера и пробралась на свое место. Элайас с улыбкой повернулся к ней, протянул руку и принялся поглаживать ее пальцы, словно слепой, узнающий свою любимую на ощупь. Он нежно сжал ее ладонь, она ответила на пожатие. За те месяцы, что длились их встречи, они научились передавать свои чувства при помощи жестов, почти не прибегая к словам. Он тихонько наклонился и коснулся губами ее запястья, вдохнув запах ее кожи. Сердце Пимби затрепетало. Она все еще не осмеливалась взглянуть на него. Это тоже было правилом игры. Пока она на него не смотрит, он остается невидимым, а тот, кто невидим, не может исчезнуть.

Сегодня показывали «Хороший, плохой, злой». Она никогда не видела этот фильм. Он смотрел его не впервые. Это был первый звуковой фильм, который они смотрели вместе. Неделю назад кинотеатр исчерпал свой запас немых картин и перешел на классические спагетти-вестерны. Элайас и Пимби полюбили это место и не видели причин изменять ему. Кроме того, Элайас полагал, что сегодняшняя картина с ее незамысловатыми лаконичными диалогами хороша уже тем, что Пимби будет легко следить за сюжетом.

И действительно, фильм захватил Пимби с первых секунд. Когда Блондинчик, Туко и Ангельские Глазки блуждали в лабиринте злоключений, нарываясь на всевозможные опасности и счастливо их избегая, она сопереживала им, затаив дыхание. Когда Плохой спросил: «Ты работаешь для того, чтобы заработать на жизнь или чтобы убить себя работой?» – она опустила ресницы, пытаясь постичь смысл этой фразы.

Когда Плохой подначивал Хорошего, утверждая, что на самом деле никаких различий между ними не существует, Пимби невольно вздрогнула. Никогда в жизни она не размышляла о природе добра и зла так много, как в последнее время. К этому ее подтолкнули письма Джамили. Ее сестра-двойняшка отвергала все искушения и вела добродетельную жизнь, чуждую страстей и пороков. Она, Пимби, оказалась ее полной противоположностью. А ведь когда-то они были едины во всем. Как быстро все меняется. В этом мире нет ничего постоянного. Жизнь – это поток, который никогда не останавливается.

Когда Туко сидел на ослике с петлей на шее, ожидая повешения, лицо Пимби исказилось от ужаса. Она отвернулась от экрана. На долю секунды ей показалось, что она встретила чей-то пристальный взгляд, брошенный из заднего ряда. Но было слишком темно, чтобы утверждать это с уверенностью. До нее долетел голос Злого: «Даже если у человека на шее петля, не факт, что он будет повешен».

Пимби закрыла глаза. На несколько томительных мгновений она перенеслась в другое время, в другое место.

– Милая, не стоит так расстраиваться. На тебе лица нет, – шепнул ей на ухо Элайас и утешающе добавил: – Это всего лишь фильм.

Пимби кивнула. Он прав, это всего лишь фильм. В реальной жизни у человека с петлей на шее нет шансов.

* * *

Их было восемь сестер в возрасте от девяти до двадцати лет. Самую старшую звали Хейди, что означает «подарок». Она действительно была подарком, ниспосланным Творцом, первенцем, которым родители дорожат больше всех прочих детей, даже если это девочка. У Хейди были большие миндалевидные глаза, серые, как грозовые тучи, нежное лицо в форме сердечка, точеный нос. Как и все старшие дети в больших бедных семьях, в детстве, вместо того чтобы играть в куклы, она нянчила живых младенцев. С малых лет она помогала матери: убирала, готовила, стирала, кормила и укачивала младших. Ладони ее загрубели от работы, но запястья оставались тонкими и изящными. На запястьях она носила бесчисленные браслеты из фальшивого золота, которое на ней казалось настоящим. Пимби не помнила, чтобы ее старшая сестра хоть раз пожаловалась, в то время как все остальные без конца скулили и ныли. Сознывая, насколько ответственна ее миссия старшей дочери, Хейди повзрослела раньше

времени. Девочка по возрасту, она обладала душой взрослой женщины. После смерти Нази Хейди заменила своим осиротевшим сестрам мать. Она заботилась обо всех, но особенно о самых младших, о близнецах. Когда Берзо женился во второй раз, женщина, вошедшая в дом, осталась для девочек всего лишь «папиной женой», ибо своей матерью они привыкли считать Хейди.

– Я никогда не выйду замуж, – любила повторять она. – Буду присматривать за сестрами до тех пор, пока все они не устроят свою судьбу. А сама останусь старой девой.

Близнецам казалось, она говорит вполне искренне, и, возможно, так и было на самом деле. Тем не менее жизнь распорядилась иначе. Зимой 1957 года Хейди начала встречаться с мужчиной – фельдшером, по распоряжению правительства проводившим в районе вакцинацию от туберкулеза. Взрослые считали прививку совершенно бесполезной, а дети боялись ее до истерики, так что работать ему было нелегко. Двенадцатилетняя Пимби не знала, при каких обстоятельствах этот человек познакомился с ее сестрой, когда между ними пробежала искра. И сейчас, когда она стала взрослой женщиной, фантазия ее была бессильна что-либо представить.

Любовь – это болезнь, и, хотя влюбленный обретает силы и воспаряет духом, любовь все равно остается болезнью. Внезапно Хейди стала неуправляемой, дерзкой и упрямой. Даже мачеха теперь боялась ее, оставила все попытки командовать ею и старалась не оставаться с ней наедине. Хейди было лучше не перечить. Девушка, всю свою жизнь посвятившая заботам о других, словно пыталась наверстать упущенное. Как-то раз ясной ночью, когда месяц серебряным серпом сиял на небе, она сбежала из дома с человеком, которого едва знала.

На следующее утро выяснилось, что кабинет, где делали прививки, пуст. Деревенские дети ликовали. Остатки вакцины бросили в Евфрат, уничтожив все следы чужака, который вторгся в спокойную жизнь деревни, внес в нее страх и сумятицу и в конце концов похитил одну из ее обитательниц.

Пимби помнила, как с исчезновением Хейди дом сразу опустел. Помнила, какой тяжелой была эта пустота, пронизанная печалью. Они горевали, словно в их семью пришла смерть. Впрочем, то, что случилось с Хейди, было хуже смерти. Никто не упоминал о ней, по крайней мере вслух. На ее имя был наложен запрет.

Мачеха буквально исходила злобой.

– Пусть Бог обречет тебя на вечные муки! – восклицала она,

обращаясь к воображаемой Хейди, которая мерещилась ей повсюду. Годами в душе этой женщины тлели обиды и разочарования: стыд от того, что она оказалась бесплодной и не оправдала надежд своего мужа, всю жизнь мечтавшего иметь сына, досада на свое бесконечное одиночество, нежелание заботиться о восьми чужих дочерях. Все это вспыхнуло теперь ослепительным огнем ненависти к сбежавшей падчерице.

Что касается Берзо, он, как ни странно, хранил молчание. Лишь глаза его ввалились еще глубже да голова склонилась еще ниже. Он перестал ходить в чайную, целыми днями сидел дома, подавленный и угрюмый, и курил, забывая стряхивать пепел.

Зима выдалась суровой. Миновало четыре месяца. Ранней весной, под вечер, Хейди вернулась. Конечно, ей следовало бы прежде написать письмо и спросить, согласна ли семья принять ее. Но она поступила иначе. Она просто села в автобус, идущий в родную деревню. Ее фельдшер оказался трусом. Он обещал на ней жениться, но, стоило его семье выразить недовольство его решением, тут же пошел на попятный и бросил Хейди на произвол судьбы в большом незнакомом городе.

Хейди была унижена и растоптана. Она боялась возвращаться домой. Но больше идти ей было некуда. И она вернулась. Бесшумно проскользнула в открытую дверь. Ни Берзо, ни его жены дома не оказалось. Хейди встретили близнецы. Увидев ее, они запрыгали, завизжали от радости и закружились вокруг своей сестры-матери, словно планеты вокруг Солнца.

Хейди стала неузнаваемой. Робкой, замкнутой, молчаливой. Сжав колени и потупив взгляд, она сидела на краешке дивана, ощущая себя нежеланной гостьей в собственном доме.

Вскоре, согнувшись в три погибели под тяжестью мешка с овечьей шерстью, который несла на плечах, в дом ввалилась мачеха. На щеках ее горели красные пятна. Хейди она заметила не сразу, но вскоре почувствовала, что в комнате висит напряженная тишина. Близнецы смотрели на нее выжидающе.

– Что случилось? – спросила она. – Вы что, языки проглотили? Или их откусила кошка?

Едва успев договорить, она увидела падчерицу, замершую на уголке дивана. Беглянку. Бесстыдницу, растоптавшую семейную честь. Сбросив с плеч мешок, мачеха замерла, словно громом пораженная. Потом сделала шаг в сторону Хейди и пошевелила губами, словно сплюнула на пол.

Щеки девушки покрыла мертвенная бледность.

Вечером, когда все сестры собрались в доме, никто из страха перед мачехой не решился сказать Хейди хоть слово. Никто не предложил ей

поесть или выпить чаю. Девочки и сами почти не ели. Растерянные, испуганные, они ждали возвращения Берзо. Когда он вошел в дверь, домашние поняли: ему все известно. Услышав новость, он не стал спешить домой, потому что хотел узнать, что думают по этому поводу другие мужчины.

Хейди вскочила, подбежала к отцу и наклонилась, чтобы поцеловать его руку, но он отступил назад.

– У меня нет сыновей, – заговорил он громко, чтобы его слышали все. – Раньше я не мог понять, почему Аллах не послал мне ни одного сына. Теперь я все понял.

Сестры слушали затаив дыхание. Хейди понуро ссутулилась.

– Да, теперь я все понял, – повторил Берзо. – Будь у меня сын, я велел бы ему убить тебя и восстановить честь нашей семьи, которую ты вываляла в грязи. И твоему брату пришлось бы идти в тюрьму. Из-за такой подлой твари, как ты, он гнил бы в камере всю свою жизнь.

Хейди не плакала, не рыдала, не умоляла о прощении. Она неотрывно смотрела на паука, плетущего паутину под подоконником, и молчала.

В звенящей тишине Берзо завершил свою речь:

– Сегодня я радуюсь, что у меня нет сына. Не думал, что мне когда-нибудь придется сказать это.

Вечером сестры расстелили на полу свои тюфяки, расплели косы и облачились во фланелевые ночные рубашки. Но никто не мог уснуть. Девочки старались расслышать, что говорят отец и мачеха, спорившие в соседней комнате, но слов было не разобрать. Хейди по-прежнему сидела на краешке дивана. Пимби тихонько встала.

– Куда ты? – шепотом спросила Джамия.

– Она наверняка хочет есть.

– Ты что, с ума сошла? Папа и его жена еще не спят. Они тебе зададут.

Пимби в ответ лишь пожала плечами, на цыпочках пошла в кухню и вернулась с ломтем хлеба, куском сыра и кружкой воды. Под испуганным взглядом сестры она отнесла все это Хейди, которая приняла только воду.

На следующее утро Берзо сел завтракать позднее, чем обычно. Девочки молча ждали, пока он допьет чай и дожует лепешку.

– Я пойду в чайную, – сообщил он, избегая встречаться взглядом с кем-нибудь из дочерей.

Услышав это, Пимби поразились. Отец не переступал порога чайной с того дня, как Хейди сбежала. Почему же теперь он снял с себя этот зарок?

– А мне что делать? Остаться с ней под одной крышей? – проворчала мачеха.

– Ты знаешь, что делать, – отрезал Берзо.

Вскоре после его ухода мачеха, на широком лице которой застыло выражение мрачной решимости, велела им всем идти к соседям ткать ковры.

Сестры послушно надели пальто и ботинки. Пимби, охваченная тяжелым предчувствием, нарочно медлила. Она догадывалась: должно произойти что-то ужасное, но не представляла, что именно. Перед тем как уйти, она заметила, что мачеха достала большой круглый медный поднос, на котором обычно подавали еду, расстелила на полу праздничную скатерть и поставила на него поднос на деревянном основании. Пимби подумала было, что мачеха все же решила покормить Хейди, но тогда это будет странный завтрак. Без тарелок. Без воды. Без хлеба.

Хейди по-прежнему не двигалась, словно превратившись в соляную статую.

Последнее, что увидела Пимби: мачеха ставит на поднос котел. Ей отчаянно хотелось узнать, что в этом котле, и она пустила в ход хитрость.

– Кажется, я заболела, – сказала она. – Горло болит. Можно мне остаться дома?

Мачеха покачала головой:

– Отец приказал вам всем ткать ковры. Дома никто не останется. Я тоже пойду ткать.

Они отправились в дом по соседству и весь день ткали ковры. Узоры были им отлично знакомы: переплетения голубого и розового, коричневого и желтого. Пимби любила красить нитки. Для того чтобы окрасить их в красный цвет, нужна хна, в желтый – куркума, в коричневый – толченая ореховая скорлупа. Обмакивая пряжу в тазик с желто-оранжевым настоем медвяной росы, она рассказала сестре о том, что видела.

– Зачем мачехе понадобилось ставить на стол пустой котел? – удивилась Джамия.

– Не знаю, – пожала плечами Пимби. – Но она это сделала. Я видела собственными глазами. Может, котел был не пустой. Только там была не еда. Будь там еда, шел бы пар. И я почувствовала бы запах.

– Давай работать, – сказала Джамия, потому что не знала, что еще сказать.

Через несколько часов они поменялись местами. Теперь Джамия красила пряжу, а Пимби ткала. Это была утомительная работа. Кончики пальцев у нее горели, глаза слезились от напряжения. Даже те части тела, о существовании которых она редко вспоминала, начали болеть.

Пимби позволила себе внести в привычный узор маленькое изменение.

Она знала, ей попадет, если кто-нибудь это заметит, а вероятность того, что это случится, была достаточно велика. Тем не менее Пимби не удержалась. В уголке ковра она выткала крошечную букву «х», букву, с которой начиналось имя ее старшей сестры. Когда ковер будет закончен, его продадут местному купцу, а тот перепродает другому купцу, тому, что проворачивает более крупные сделки. Ковер, сотканный в маленькой деревне, окажется в Стамбуле, в магазине на Большом базаре. Какая-нибудь парочка, туристы, заехавшие в город на несколько дней, увидят его в витрине. Они купят ковер, хотя он и стоит недешево. Вместе с ними ковер отправится в Париж, Амстердам или Нью-Йорк. Вряд ли новые владельцы ковра обратят внимание на маленькую букву «х». Но она останется на ковре навсегда.

На закате семь сестер и их мачеха вернулись домой. Стоило им войти во двор, по телу Пимби пробежала нервная дрожь. Она со всех ног бросилась к дому. Ужас в ее душе смешивался с яростью, с бессильной злобой на себя, не сумевшую предотвратить беду. Она сама пока не знала какую.

Она первой увидела Хейди. Тело, обмякшее, как веревочная кукла, висело в петле, закрепленной на медном крюке в потолке. К этому крюку множество раз цепляли колыбель.

Хейди повесилась на веревке, которую мачеха подала ей в котле.

* * *

Ковбой по имени Плохой пытался улыбнуться, хотя петля на его шее затягивалась все туже.

– Дурацкая шутка, Блондинчик, – произнес он прерывающимся голосом. – Зря ты... зря ты решил так со мной пошутить.

Блондинчик скосил глаз и ответил:

– Это не шутка. Это веревка, Туко.

Пимби прикусила губу почти до крови. Она чувствовала, что больше не может на это смотреть.

– Я пойду, – сказала она, вставая.

– Но почему, любимая? – удивился Элайас. – Куда ты так спешишь?

– Никуда. Но я... Я лучше пойду.

– Из-за фильма? Он тебе не понравился?

– Нет... Да... Прости, пожалуйста.

– Можно я пойду с тобой?

– Прошу тебя, не надо.

Пимби двинулась к выходу, оставив Элайаса в полной растерянности. Когда она поравнялась с последним рядом, человек, сидевший там в одиночестве, принялся потирать виски, стараясь закрыть руками лицо.

Фильм закончился, в зале зажгли свет, немногочисленные зрители и вместе с ними Элайас, поднялись со своих мест. Он не знал, что и думать о внезапном исчезновении Пимби. С тяжелым сердцем он вышел в фойе. Кто-то коснулся его плеча.

– Извините, у вас не найдется прикурить?

Молодой парень, точнее, подросток. Такому еще рано курить. Впрочем, Элайаса это не касается. Если он сейчас начнет читать нотации, мальчишка пошлет его к черту.

– Простите, не курю, – бросил Элайас.

– Вот как?

Во взгляде и в тоне мальчишки чувствовалось нечто угрожающее. Элайас невольно вздрогнул. Но прежде чем он успел сказать хоть слово, парень слегка кивнул и произнес:

– Ну, желаю приятного вечера.

– Спасибо. И вам того же.

Провожаемый взглядом мальчишки, Элайас вышел через двойную дверь, коснувшись своим пальто серых шерстинок, которые час назад оставила здесь Пимби.

Песчаник

Абу-Даби, ноябрь 1978 года

Всего через неделю после драки у дверей стриптиз-клуба Роксана бросила Эдима ради другого мужчины – австралийского бизнесмена, имевшего деловые интересы в Персидском заливе.

Потеряв ее, Эдим впал в ступор. Пелена безразличия накрыла его с головой, отделив от остального мира, как ночная тьма накрывает долину привидений. Вялый и апатичный, он словно не замечал ничего вокруг. Порой он переставал понимать, кто он такой и что с ним происходит. В этом мире невозможно отличить мираж от реальности – к этой мысли он возвращался все чаще. Его собственная жизнь – запутанный зеркальный лабиринт. В каждом зеркале возникает разное отражение, и он сам не в состоянии определить, какое из них – настоящий Эдим. Домой он возвращаться не стал. В квартире, где они жили с Роксаной, он тоже не мог оставаться, тем более что квартира была снята на ее имя. Пойти к Тарику означало обречь себя на выслушивание бесконечных проповедей и нотаций. Поэтому Эдим нашел приют у своего друга Билала. Тот отнесся к его горестям без всякого сочувствия, но все же не прогнал прочь.

Дни тянулись томительно медленно. Внутри Эдим постоянно ощущал тяжесть, словно он проглотил кусок железа, который теперь давил ему на сердце и желудок. Аппетита не было, он почти не ел, зато выкуривал по четыре пачки сигарет в день. Астма, мучившая его в детстве, проявилась вновь. Когда всем вокруг стало ясно, что так он долго не протянет, Билал попытался уговорить его вернуться к семье.

– Не могу, – вздохнул в ответ Эдим. – Если я даже вернусь к ним, на следующий день снова уйду.

– Но почему ты скрываешься от собственных детей?

Эдим никогда не задавал ни себе, ни другим вопросы, которые начинались со слова «почему». Вопросы, которые начинались со слова «как» (как наполнять коробки печеньем? как управлять станком?) или со слова «что» (что делать за рулеточным столом? на что ставить?), представлялись ему более простыми и понятными. Но все «почему» относились к области абстракций и неизменно ставили его в тупик.

Вой полицейской сирены заставил обоих вздрогнуть и на несколько секунд отвлек от беседы. Когда Эдим наконец заговорил, голос его звучал

грустно:

– Знаешь, я много думал о своем положении. Китайцы подцепили меня на крючок, и с этого крючка мне не сорваться. И долг мой со временем меньше не становится. Если я не выберусь из этого города, мне крышка.

– И куда же ты поедешь? – спросил озадаченный Билал.

– Подумываю об Абу-Даби. – Именно в этот город со своим новым возлюбленным отправилась Роксана, но об этом обстоятельстве Эдим не счел нужным упоминать. – Я слышал, там всюду идет строительство. Офисные центры, жилые кварталы, супермаркеты. Нужны рабочие руки. Много рабочих рук. И не на год или два, а на длительное время.

– Но ведь этот город стоит в пустыне, разве не так? Как они собираются строить небоскребы на песке?

– Не знаю, как там насчет песка, знаю только, что деньги способны творить любые чудеса.

Они обговорили все, вплоть до мельчайших деталей. Сколько Эдим будет зарабатывать в месяц, через какое время он сможет купить себе «мерседес», золотисто-медовый, такой сверкающий, что на его блестящем капоте отражаются проплывающие по небу тучи. Здорово будет вернуться в Англию успешным человеком, с подарками для детей и родственников, утверждал Эдим, и Билал не мог с ним не согласиться. Радужные картины, нарисованные другом, так пленили его, что он был готов оплакивать свой собственный удел.

– Ох, если бы не семья и не эта чертова работа, я поехал бы с тобой, – без конца повторял он.

– Ты сможешь приехать потом, – утешал его Эдим. – Я напишу тебе, сообщу свой адрес.

– Арабы относятся к иностранцам совсем не так, как англичане, – утверждал Билал. – Здесь ты человек второго сорта, а там будешь желанным гостем.

Да, он будет желанным гостем и наконец вволю погрееется на солнце. При мысли об этом на сердце у Эдима становилось веселее. С тех пор как он приехал в Лондон, прошло восемь лет, но он до сих пор оставался в этом городе чужаком, незванным пришельцем. Все знакомые ему иммигранты сумели неплохо устроиться, но ему это не удалось. Даже если у следующего поколения жизнь в этой стране сложится более удачно, к нему это уже не имеет отношения.

Но арабы совершенно не похожи на англичан, а Абу-Даби в корне отличается от Лондона. Дожди там не льют как из ведра, уличные продавцы не вводят людей в двойной грех, предлагая сосиски, обернутые

ломтиком копченой ветчины. Там не окажешься в кухне размером с клетку для канарейки, а стены домов не покрываются плесенью от сырости. Помидоры там имеют вкус помидоров, а не мыла, а по улицам не шатаются своры пьяных юнцов с фиолетовыми волосами, терроризирующие прохожих. Правда, надо отдать англичанам должное: они всегда безупречно вежливы. Даже в лицо человеку они плюют по правилам хорошего тона. Так и ждешь, что после они подадут оплеванному носовой платок. Стычка с английским джентльменом редко доходит до рукопашной, но он может уничтожить тебя одной презрительной фразой. На то, чтобы разобраться, когда англичане выражают тебе одобрение, а когда презрение, уходят годы. Нет, арабы совсем не такие, они более открытые и простодушные. И если кто-то говорит тебе: «Добро пожаловать», он действительно рад тебя видеть. Возможно, через некоторое время Эдим вызовет к себе детей. Это будет здорово.

Впрочем, даже предаваясь сладким грезам о жизни в залитом ярким солнцем Абу-Даби, Эдим сознавал, что на воссоединение с детьми рассчитывать не приходится. Эсма приросла к Лондону намертво, она любит эту страну, эту чертову «цивилизацию». Что касается младшего, он вообще паренек своеобразный. «Взрослая голова на детских плечиках» – так говорит про него Пимби. Возможно, Юнус – самый мудрый член семейства Топрак, хотя он тоже незащищен перед любовью – болезнью, которая стала для их семьи настоящим стихийным бедствием. А Искендер... Эдим с содроганием вспоминал недавнюю драку с сыном. Проблема, конечно, не только в том, что сын дерзнул поднять руку на отца. Проблема в том, что отец обманул ожидания сына.

Впервые становясь отцом, ты не сомневаешься в том, что твой ребенок станет продолжением тебя самого. Ты гордишься им, как самым выдающимся своим достижением, его появление на свет придает твоей жизни значение и смысл. А потом ты постепенно начинаешь понимать, что у твоего сына своя собственная жизнь. Он пойдет своим путем, даже если ты хочешь, чтобы он следовал по твоим стопам, и прилагаешь к этому все усилия. В тот момент, когда Эдим осознал это, он почувствовал себя обманутым и уже не мог избавиться от этого чувства. Когда сам он был подростком, он относился к отцу совсем по-другому, уважительно внимал каждому его слову, никогда не противоречил. О, если бы он догадался тогда, что может встать на крыло и улететь прочь. Теперь уже ничего не исправишь. Но его сын в полной мере пользуется свободой, которую сам он не смог получить у собственного отца.

Эдиму осточертел Лондон. Мысль о разлуке с детьми была тяжела, но

он всей душой желал вырваться из этого города, пусть даже ненадолго. Он хотел уподобиться свободно летящему перышку, подхваченному мощным потоком. В Абу-Даби все пойдет по-другому. В Абу-Даби он воспрянет духом. И через какое-то время непременно отыщет Роксану. Она захочет к нему вернуться, и он ее примет. Единственное затруднение состояло в том, что у него не было денег на билет. Эдим в очередной раз встал перед неразрешимой дилеммой: для того чтобы заработать деньги, нужно их иметь.

По совету Билала он встретился с человеком, которого все называли Мамут Баба. Этот немолодой мужчина с острой бородкой, тонкими угрюмыми губами, высокими скулами и темными раскосыми глазами без блеска относился к числу людей, от которых, несмотря на их внешнюю заурядность, исходят мощные энергетические токи. Он родился и вырос в Бухаре, бежал от Советов, провел много лет в разных странах Европы и в конце концов обосновался в Лондоне. Он говорил на нескольких языках и помогал узбекам, иранцам, туркам, арабам, китайцам, мексиканцам, португальцам... Впрочем, помогал он только тем, кто приходился ему по душе. Молодые люди, которым не удавалось найти работу, отцы, дочери которых сбежали с любовниками, семьи, раздираемые враждой, владельцы магазинов, не имеющие средств выплатить аренду, – все шли к Мамут Баба.

В комнате было полно мужчин разного возраста. Сидя на ковре, они переговаривались приглушенными голосами. В центре, прислонившись спиной к стене, восседал сам Мамут Баба с узорным коричневым покрывалом на плечах. Его девятилетний сын – тоненький чернобровый мальчик – примостился рядом. Внимание парнишки было полностью поглощено новой электронной игрой, привезенной из Америки, пальцы беспрестанно нажимали на кнопки. Время от времени лицо мальчика освещалось радостью или мрачнело – в зависимости от того, проигрывал он или выигрывал.

– Посмотрите только на него, – с гордостью указал на сына Мамут Баба. – Этот парень куда лучше разбирается в технике, чем я. Если в доме ломается какая-нибудь машина, его мать обращается к нему, а не ко мне.

Все собравшиеся в комнате почтительно слушали, улыбались и кивали.

– Так и должно быть, – продолжал Мамут Баба. – Молодое поколение должно разбираться в новых технических достижениях. Нельзя отставать от времени.

– Но... – начал Эдим и тут же осекся. Слово слетело с его губ непроизвольно, почти как вздох.

Он заметил, как какой-то тощий бородатый юнец метнул в него злобный взгляд, давая понять, что перебивать хозяина непозволительно. Эдим смущенно потупился. Он и знать не знал, что перед ним – Оратор, друг его сына, личность, хорошо здесь известная.

Мамут Баба, как выяснилось, обладал острым слухом. Он огляделся по сторонам, пытаясь определить, кто подал голос.

– Кажется, кто-то хотел что-то сказать? – спросил он. – Я не расслышал.

Чувствуя, что отмолчаться не удастся, Эдим прочистил горло.

– Прошу прощения. Я не хотел вас перебивать.

– Ничего страшного, друг мой, – дружелюбно кивнул Мамут Баба. – Расскажите нам, что вы думаете по этому поводу.

– Ну, видите ли... Прежде я работал на кондитерской фабрике. На конвейере. По этому конвейеру сплошной лентой шло печенье, и мы укладывали его в коробки. – Эдим невольно покосился на Оратора, словно надеясь увидеть на его лице одобрение. Но взгляд молодого человека был неприязненным и жестким. – Такая монотонная работа изо дня в день ужасно отупляла. Я подумал, эти современные игры... Там ведь тоже без конца повторяется одно и то же. Может, это не так уж и полезно для детей.

Взгляд Мамут Баба, устремленный на Эдима, был полон уже не любопытства, а терпения и снисходительности. Когда Эдим смолк, он разразился длинной речью о благотворности научного прогресса. Речь эту Эдим пропустил мимо ушей, как он всегда поступал с отвлеченными рассуждениями. Час спустя, когда все поднялись, чтобы уйти, хозяин пригласил Эдима и еще нескольких человек, в том числе Оратора, остаться на обед.

Впятером они уселись на ковре вокруг низкого стола и стали ждать, когда им подадут еду. Эдим решил, что более подходящего момента поговорить о деле не будет.

– Мне нужны деньги, чтобы поехать в Абу-Даби, – произнес он. – Там я рассчитываю хорошо заработать. Если бы вы дали мне в долг, уверен, я смог бы быстро его выплатить.

– Есть у вас семья? – спросил Мамут Баба, отламывая кусок лепешки.

– Мой сын Искендер позаботится о матери и младших. Он уже взрослый.

При упоминании имени Искендера в глазах Оратора вспыхнул интерес. Вот, значит, какой он, беглый отец, о котором рассказывал молодой боксер. Тут распахнулась дверь и в комнату вошла женщина с уставленным тарелками подносом. На ней было длинное и широкое желтовато-

коричневое платье, оставлявшее открытыми лишь кисти рук, темные глаза посверкивали в прорезях чадры. Она разлила по стеклянным пиалам суп из нута, поставила на середину стола блюдо с бараниной и рисом, наполнила стаканы водой и исчезла.

– Твоя жена носит хиджаб? – спросил Мамут Баба.

Эдим растерялся, сердце его екнуло. С тех пор как Искендер сообщил ему, что Пимби встречается с каким-то мужчиной, он знать ничего не желал о своей жене и с подозрением относился к каждому, кто заводил о ней разговор.

– В вашем квартале я увидел больше женщин в платках, чем в Стамбуле, – сказал он. – Признаюсь честно, в моей семье отошли от этого обычая.

Мамут Баба укоризненно покачал головой.

– Если Аллах распорядится так, что ты женишься еще раз, выбирай женщину, которая носит чадру, – изрек он. – Если женщина открывает свое лицо посторонним, это не доводит до добра.

Эдим почувствовал, как к горлу подкатил ком желчи. Он несколько раз судорожно сглотнул. Что это – издевательские намеки или просто пустая болтовня? Неужели слухи о недостойном поведении Пимби разлетелись по всему городу? Молчание становилось все более тяжелым и неловким.

– Мне пора идти. Спасибо за угощение, – бросил Эдим, поднимаясь на ноги.

Не попрощавшись должным образом, он вышел прочь, прежде чем кто-либо успел его остановить. Проходя мимо кухни, он увидел, что жена и сын Мамут Баба обедают за маленьким столиком. Мальчик и во время еды не выпускал из рук игру, пальцы его бегали по кнопкам, глаза светились в предвкушении успеха.

* * *

Прибыв в Абу-Даби в ноябре 1978 года, Эдим устроился рабочим на стройку. Ему предстояло стать участником и свидетелем возведения небоскребов, подобных которым мир еще не видел. В глубине души он испытывал ужас перед этими исполинскими зданиями. В городе, который изменялся и преображался на глазах, он оставался человеком, живущим прошлым и не имеющим никаких перспектив.

Первые недели были самыми тяжелыми. Не только потому, что работать приходилось до седьмого пота. Наиболее мучительным было

другое: Эдиму пришлось распрощаться со многими, если не со всеми своими надеждами. Из всех его ожиданий оправдалось лишь одно: в этом городе действительно каждый день палило солнце, жаркое и беспощадное. По вечерам, усталый, покрытый пылью, Эдим возвращался в комнату, где жил с семьей другими рабочими. У всех было разное прошлое, но все были такими же неудачниками, как и он сам. Если выдавалось несколько свободных часов, Эдим тратил их на поиски Роксаны: бродил по городу, заглядывая в рестораны, бутики, торговые центры – всюду, где, как он думал, она могла оказаться.

Как-то ночью ему приснилась Пимби с длинными распущенными волосами. Держась за руки, они вошли в узкий коридор, и в конце его Эдим, содрогаясь от ужаса, заметил, что на Пимби расшитые блестками трусики и лифчик, в которых выступала Роксана. Его жена была готова выйти на сцену стрип-клуба и начать танцевать. Он заорал во всю глотку, пытаясь ее остановить, но это не помогло. Тогда он схватил ее в охапку и потащил от сцены прочь. Но женщина, которую он схватил, оказалась Роксаной, лицо ее было искажено от злобы. Проснувшись, Эдим понял, что перебудил своим криком всех соседей.

Прошло несколько недель. Эдиму так и не удалось обнаружить никаких следов Роксаны, зато он нашел местечко, которое стало для него настоящим оазисом в пустыне. Маленькое подпольное казино, где рабочие собирались, чтобы рискнуть небольшой суммой и отвлечься от монотонных будней. В душной сырой квартире, насквозь пропитавшейся табачным дымом, толпилось несколько десятков потных, возбужденных мужчин. Все они орали, чертыхались и молились на разных языках. Особым успехом среди завсегдатаев притона пользовались петушиные бои, иногда они устраивали паучьи драки и тараканьи бега, которые были для Эдима в новинку. Но настоящая игра шла в дальнем конце комнаты, отгороженной деревянными ширмами. Туда неизменно и направлялся Эдим.

Все, что у Эдима было, – остаток тех денег, которые Мамут Баба прислал ему с курьером через два дня после встречи в его доме. Эдим мог бы вернуть деньги, но не стал. Гордости у него почти не осталось, и желание покинуть Лондон пересиливало все прочие чувства. Теперь он откладывал часть зарплаты, чтобы отослать детям, а на деньги Мамут Баба играл в кости. Играл каждую ночь. Все остальные посетители ставили понемногу и относились к проигрышу и выигрышу беззаботно, но он играл по-крупному. Здесь собирались дилетанты, еще не успевшие подсесть на игру по-настоящему, Эдим ясно это видел. Тем не менее атмосфера в

казино царила тревожная: все боялись, что власти обнаружат незаконный притон и депортируют их из страны. Как ни странно, Эдим не испытывал ни малейшего страха. По своему обыкновению, он делал ставки, подчиняясь интуиции, проигрывал, выигрывал и опять проигрывал. Когда деньги Мамут Баба подошли к концу, он пустил в ход свои сбережения. Вскоре от них тоже ничего не осталось, и тогда он стал играть на свою недельную зарплату.

Эдим купил себе часы, фальшивый «Ролекс», и носил их постоянно. Походка его стала вялой и медленной. Каждый день он принимал болеутоляющие лекарства, чтобы избавиться от жжения в груди, которое усиливалось по вечерам. Все чаще он чувствовал себя то ли петухом, то ли пауком, ввязавшимся в бесконечную драку. Только в отличие от этих несчастных тварей ему приходилось драться с самим собой.

Пустыня, раскинувшаяся вокруг города, завораживала Эдима. Прежде он думал, что пустыня – самое унылое место на свете, и был поражен таинственной красотой здешних пейзажей. Иногда он гулял в окрестностях, грея ноги в теплом мягком песке и набивая карманы песчаником. Камни эти казались ему настоящим чудом природы: твердые и прочные на ощупь, они через некоторое время с легкостью рассыпались в пыль. Все чаще Эдим думал о том, что и сам похож на этот песчаник.

Кто-то рассказал ему, что на месте пустыни прежде было море. Вода смогла превратиться в земную твердь, а вот человек не способен измениться. Фильмы, книги и журналы утверждали обратное, но Эдим теперь знал точно: во всех уголках этого мира действует одно и то же незыблемое правило, согласно которому победитель всегда остается в выигрыше, а неудачник – в проигрыше.

Эсма

Лондон, ноябрь 1978 года

Тихим, спокойным вечером, всего за неделю до убийства, мама накрывала на стол. Она поставила три тарелки, три стакана, положила три ножа и три вилки. В последнее время наши семейные ужины стали еще более мрачными, чем обычно. Мама смирилась с отсутствием папы, но вот к частым отлучкам Искендера никак не могла привыкнуть. Думаю, она устала от постоянного напряжения. В те дни я впервые услышала, как она жалуется на вечное безденежье, на то, что не может свести концы с концами. Мама всю жизнь растила нас, полагаясь почти исключительно на собственные силы. Теперь я начинала догадываться: ей хочется, чтобы рядом был человек, который позаботится о ней самой.

– Где твой брат? – спросила мама, вернувшись из кухни с корзинкой нарезанного хлеба.

– Который из двух? – проворчала я. – Если ты о старшем, одному Богу известно, где он шатается. Что касается младшего, он торчит в моей комнате.

– Это и его комната тоже.

– У всех моих подруг отдельные комнаты, мама. Дома понимают, что взрослым девушкам бывает нужно уединиться.

Мама вскинула бровь:

– Ты не английская девушка.

– Ну и что? У дочерей наших соседей тоже отдельные комнаты.

– Ты не дочь наших соседей.

– Мама, это несправедливо. У Искендера своя комната, а он всего на год старше меня. За что ему такая честь? Только потому, что он мальчик? Мне надоело смотреть, как ты его облизываешь.

– Эсма, хватит. У меня нет настроения с тобой спорить.

Провожаемая моим укоряющим взглядом мама направилась в нашу с Юнусом комнату, откуда доносился какой-то странный шум. Я следовала за ней по пятам, ощущая себя гадким утенком, бредущим за прекрасным лебедем.

Открыв дверь, мама обнаружила, что ее младший сын, ее ненаглядный мизинчик балдеет под какую-то оглушительно грохочущую музыку.

– Это что такое? – спросила мама.

Юнус не удостоил ее взглядом. Меня тоже. Он таращился на ковер, изо всех сил стараясь сделать свое лицо непроницаемым.

Мама подняла с пола и повертела в руках конверт от диска. На конверте был изображен человек верхом на лошади, еще один тип валялся на земле, и его пожирали стервятники. Жутковатая картинка. Над всем этим красовалась надпись в красной рамке: «The Clash». А под ней еще одна: «Дай им веревку».

– Это что такое? – повторила мама, тряхнув конвертом.

– Такая группа, – пробормотал Юнус. – Музыка.

– Я знаю, что такое музыка, – заявила мама. – Этот грохот не имеет к ней никакого отношения.

Юнус взглянул на меня. Я округлила глаза в знак сестринской солидарности.

Мама указала на название альбома:

– Что означает эта чушь?

– Ну... не знаю... наверное, они хотят сказать, что людям очень грустно и у них нет никакой надежды. И если дать им веревку, они все повесятся.

Мамино лицо внезапно залила смертельная бледность.

– Что за бред ты несешь?! Видно, ты совсем рехнулся от этой так называемой музыки!

– Но я только... – попытался оправдаться Юнус.

– Такое мог придумать только последний ублюдок! – не унималась мама. – Надо же, дай человеку веревку, чтобы он повесился! И этому они учат недоумков вроде тебя!

– Мама, прошу тебя, – лепетал Юнус. – Это не так. Ничему они не учат...

– Я не желаю, чтобы мои дети слушали подобную гадость! – отрезала мама.

Мы никогда не видели ее такой расстроенной и возбужденной.

– Мама, это самая обычная панк-группа, – попыталась внести мир я. – Просто у них такой стиль. Ничего ужасного, уверяю тебя.

Сопровождаемая нашими недоуменными взглядами, мама подошла к проигрывателю и выдернула вилку из розетки. Музыка захлебнулась и замолкла.

– Ну что ты так взъелась? – проскулил Юнус.

Мама взяла его за подбородок и заставила поднять голову:

– Это отрава, понимаешь? Я не позволю, чтобы ты отравлял свою душу. Я хочу, чтобы ты всегда оставался таким, как сейчас.

– Хорошо, мама, – выдохнул Юнус.

Выражение маминого лица смягчилось. Она обняла Юнуса, и несколько секунд они стояли, прижавшись друг к другу. Она поцеловала его в макушку, вдыхая младенческий запах. Окинула нежным взглядом с ног до головы и заметила какое-то странное пятно, темневшее у него на шее над воротником рубашки.

– Что это у тебя?

Юнус вздрогнул, в глазах его заметались огоньки паники. Он лихорадочно пытался что-нибудь придумать, но ничего не приходило в голову. Врать не имело смысла. К тому же Юнус совершенно не умел врать.

– Это тату, мама.

– Что?

Я уже знала про эту злополучную татуировку и теперь бросилась на помощь своему маленькому братику:

– Не волнуйся, мама, это всего лишь...

Даже не посмотрев в мою сторону, мама схватила Юнуса за руку и потащила в ванную. Он упирался и протестовал, но все было бесполезно. Мама стащила с него рубашку и брюки и, когда он остался в одних трусах, заставила нагнуть голову над раковиной и принялась яростно тереть мочалкой его загривок.

– Не надо, мама, – верещал Юнус. – Больно!

– А когда ты делал эту мерзость, было не больно?

Я предприняла еще одну попытку вмешаться:

– Мама, татуировку так не смоешь.

Но она, по-прежнему не замечая меня, продолжала терзать несчастную шею Юнуса.

– Давно у тебя это? – спросила она.

– Уже пару месяцев, – ответила вместо него я. – Ты заметила бы это раньше, если бы уделяла нам больше внимания.

В последней фразе прорвалась горечь, неожиданная для меня самой.

– Что ты несешь?

Мама наконец повернула голову в мою сторону.

– Ты всегда думаешь о чем-то своем, – выпалила я. – Не знаю о чем, только не о нас. С тобой стало невозможно разговаривать. Ты только и знаешь, что твердишь: не делай того, не делай этого. А что с нами происходит, тебе наплевать.

– Неправда, – отрезала мама и, упрямо закусив губу, вновь принялась орудовать мочалкой. Несколько минут спустя ей пришлось признать, что это напрасный труд. Едва не плача, она отбросила мочалку: – Скажи, зачем

ты себя изуродовал? Зачем? Ты что, и правда спятил?

Юнус разревелся, как маленький.

– Ничего я не спятил! – всхлипывая, выкрикнул он. – Это ты спятила! Я видел тебя с каким-то мужиком на улице!

Едва слова эти сорвались с его губ, Юнус закрыл рот ладонями, словно пытаюсь их поймать. Я изумленно взглянула на брата. Вот он, секрет, который так терзал беднягу, дошло до меня. Он тоже посмотрел на меня – растерянно, виновато, печально. Когда я повернулась к маме, на лице ее застыло выражение, которого я никогда прежде не видела. Глаза у нее остекленели. Слезы стояли в них, не проливаясь.

Мы все потрясенно молчали. В этой тяжелой, напряженной тишине слышно было, как капает вода из крана.

Вечером, когда мы с Юнусом остались вдвоем в нашей комнате, он выложил мне всю историю. Я долго не могла уснуть, на душе скребли кошки. В комнате было темно, только серебряный лунный луч проникал сквозь шторы. В очередной раз повернувшись с боку на бок, я услышала шепот Юнуса:

– Эсма, ты спишь?

– Нет.

– Папа от нас ушел. Как ты думаешь, мама тоже уйдет?

– Нет. Не будь дураком. Никуда она не уйдет. Спи и не волнуйся.

Как ни удивительно, открытие, сделанное нынешним вечером, ни капельки не настроило меня против мамы. У меня имелось много других поводов сердиться на нее – значительных и ерундовых. Но теперь, когда я узнала, что у нее есть свой собственный мир или, по крайней мере, она пытается этот мир создать, я вовсе не чувствовала себя уязвленной или обиженной. Напротив, у меня возникло желание ее защитить. Теперь она казалась мне улиткой, ползущей рядом с прожорливыми лягушками.

– Смотри только не проболтайся Искендеру, – сказала я. – Нельзя, чтобы он об этом узнал.

Чернила на шелке

Лондон, ноябрь 1978 года

Часы показывали семь тридцать вечера. Длинный день близился к концу. Пимби была на ногах с раннего утра, волосы ее выбились из пучка, поясница слегка ныла, но она не чувствовала себя усталой. Она сказала Рите, что останется в салоне после закрытия и подметет пол, хотя это не входило в ее обязанности.

– Ангел ты мой! – воскликнула Рита, расцеловав ее в обе щеки. – Что бы я без тебя делала?!

Пимби в ответ промолчала. Она не могла заставить себя сообщить Рите, что бросает работу. Что завтра не придет в «Хрустальные ножницы». И послезавтра тоже. Она оставит Рите записку, решила Пимби. Так будет проще. Она объяснит, что плохо себя чувствует и нуждается в отдыхе. Нет, пожалуй, лучше сказать правду. По крайней мере, насколько это возможно. Рита всегда была ей настоящей подругой. И Пимби откровенно признается, что старший сын запретил ей работать.

Искендер, ее первенец, всегда останется ее любимцем. Конечно, характер у него неуравновешенный, порой слишком вспыльчивый и горячий, но он хороший мальчик. И у него есть причины на нее злиться. Все эти сплетни выводят его из себя. Какому сыну понравится, что за спиной его матери люди укоризненно качают головами. В кафе, чайных, прачечных и магазинах шепчутся о том, что в семействе Топрак творится неладное. Слухи расползаются быстрее, чем чернильное пятно на шелке. Всю свою жизнь Пимби чистила, мыла и стирала, но она не знала средства против пятен на репутации. «Сейчас я напишу Рите, – повторяла она про себя. – Она все поймет. Или нет».

Сознание своей вины – чувство, к которому приходишь постепенно. Начинается все с сомнения, крошечного, как вошь. Она поселяется на твоей коже, откладывает яйца, и вскоре на твоём теле не остается живого места. Теперь Пимби только и думала, что о своем грехе. Думала на работе и дома. Чем бы она ни занималась – готовила, убирала или молилась, грех разъедал ей душу и отравлял кровь.

Когда она была маленькой девочкой, у нее несколько раз заводились вши. Когда это случилось в первый раз, она пришла в ужас. Пимби была уверена, что заразилась вшами от своей сестры-двойняшки, хотя Джамия

утверждала обратное. Мать загнала их обеих в бочку с обжигающе горячей водой и продержала там несколько часов, намазав дочерям волосы каким-то вонючим снадобьем, которое дал ей местный целитель. В конце концов ей удалось избавить девочек от паразитов, но лечение едва не стоило им жизни.

Прошло уже больше часа, с тех пор как парикмахерская опустела. Все разошлись по домам – клиенты, администратор, маникюрша, приходившая дважды в неделю. Рита планировала нанять стилиста: ей очень нравилось это шикарное словечко. В Англии люди обожают шикарные словечки. Пимби до сих пор изумляло, какие пышные названия они дают такой простой вещи, как еда. «Цыплята под пряным соусом с воздушным пикантным кускусом» – этот словесный шедевр она прочла в меню модного ресторана, куда водил ее Элайас. То был их единственный совместный выход в свет. Никогда в жизни Пимби не чувствовала большей неловкости, чем в тот день. Он попытался найти место, где они могли бы спокойно поговорить, не опасаясь, что их увидят. Проблема состояла в том, что такого места в Лондоне не было. В какой бы укромный уголок они ни забрались, шанс встретить знакомых все равно существовал. К тому же во вселенной испокон веков действует неумолимый закон, согласно которому с тобой происходит именно то, чего ты изо всех сил стараешься избежать.

Тогда, в ресторане, она сказала Элайасу, что у нее на родине никто не решился бы подать гостям кускус. Это простая, будничная пища. Даже в бедной крестьянской семье, где она выросла, в праздничные дни кускус никогда не готовили.

А в Англии все перевернуто с ног на голову. Слово «кускус» здесь произносят чуть ли не благоговейно. А вот к слову «позор» относятся до крайности легкомысленно. Если англичане совершают какую-нибудь пустяковую оплошность, испытывают мимолетную досаду или разочарование, они беззаботно восклицают:

– Ах, какой позор!

Все это Пимби рассказала, чтобы повеселить Элайаса. Но он не стал смеяться, а смотрел на нее задумчиво и сосредоточенно. Так случалось всегда, когда она ненароком пробуждала печальные воспоминания, скрытые в глубине его души.

– Значит, если ты пригласишь меня в гости, кускус ты подавать не будешь? – улыбнулся он наконец.

– Конечно нет.

Она принялась описывать блюда, которые принято подавать дорогим гостям. Прежде всего, конечно, суп: он согревает желудок и после любое

угощение кажется вкуснее. Пожалуй, для него она приготовила бы суп из кислого молока с эстрагоном и мятой, салат с зернышками граната, жареный хумус с красным перцем, чечевичные лепешки, а венцом всего – блюдо, которое называется «Наслаждение султана», – нежнейшее мясо с пюре из баклажанов. Ну а на десерт, пожалуй, домашнюю пахлаву.

– Как бы мне хотелось готовить с тобой в одной кухне! В нашей кухне, – сказал он в ответ.

То был один из редких моментов, когда они отважились заговорить о будущем, хотя оба прекрасно понимали, что никакого будущего у них нет и не может быть.

* * *

В парикмахерскую люди приходят не только для того, чтобы подстричь или покрасить волосы, но и для того, чтобы пообщаться. Некоторые женщины бывают здесь каждую неделю вовсе не потому, что ими владеет страсть к перемене прически. Скорее, ими владеет страсть к болтовне, и в парикмахерской они удовлетворяют эту страсть в полной мере. Таким женщинам необходим человек, который выслушает их и отнесется к их проблемам с пониманием и почтительностью, словно они принцессы из детских сказок.

Пимби не была большой мастерицей по части разговоров. Но слушательницей была замечательной. Младшая дочь в большой семье, она с молодых ногтей привыкла помалкивать и слушать, что говорят другие. Теперь это умение ей пригодилось. Посетительницы трещали без умолку, рассказывая о своих надеждах и разочарованиях. Она знала имена их мужей, детей, собак, кошек и даже соседей, имевших несчастье чем-то им не угодить. Когда посетительницы шутили, она смеялась именно там, где нужно. Когда они ругали правительство или собственных мужей, она строила кислую гримасу. Когда сетовали на свои невзгоды, ее глаза увлажнялись. Ее небогатый словарный запас ничуть не мешал общению. Иногда значение отдельного слова было ей неясно, но общий смысл сказанного никогда не ускользал.

В тот вечер, ее последний вечер в парикмахерской, на улице зажглись фонари. Магазины закрывались, до Пимби доносился лязг стальных штор. Ливанское кафе, магазин, где продавали индийские сари, халяльная ^[16] мясная лавка, кафе, где собирались хиппи и где воздух насквозь пропах сладким травяным дымом, супермаркет, где недавно начали продавать

цыплят гриль... все уже было закрыто, люди, которые там работали, разошлись.

Пимби подмела пол, вычистила щетки и вымыла пластиковые чашки, в которых разводила краску для волос. Руки ее так привыкли к работе, что, казалось, ни минуты не могли провести в праздности. Но в восемь тридцать все было закончено. Пимби надела пальто, взяла сумочку и в последний раз окинула парикмахерскую взглядом.

– До свиданья, до свиданья, – прошептала она. – Прощайте, кресла, ножницы и фены.

Она обещала себе, что не будет плакать. Прикусив губу, Пимби открыла дверь и вышла на улицу. Какая-то парочка средних лет, проходившая мимо, остановилась и начала целоваться. Похоже, оба были навеселе. Пимби попыталась не смотреть на них, но взгляд сам собой устремился в их сторону. Прошло уже восемь лет, с тех пор как она приехала в Англию, а она все еще не могла привыкнуть, что люди здесь целуются у всех на виду. Женщина, заметив взгляд Пимби, слегка отстранила своего кавалера и захихикала, явно довольная произведенным эффектом.

Пимби поспешно заперла дверь и бросила ключ в почтовый ящик Риты. Тут только она вспомнила, что так и не написала записку. Ничего, может, это и к лучшему, сказала она себе. От подобных объяснений мало толку, к тому же вряд ли ей удалось бы что-нибудь объяснить. Но кое-что ей действительно необходимо сделать: найти Элайаса и сообщить ему, что теперь встречаться им будет намного труднее.

Столкновение

Лондон, 14 ноября 1978 года

В тот вторник, во время школьного перерыва на ланч, Искендер вел себя как обычно: прикалывался над приятелями, острил, хохотал, ел картофельную запеканку с мясом, вполуха прислушиваясь к болтовне за столом. Ребята обсуждали матч, который должен был состояться на днях: «Челси» против московского «Динамо».

Внезапно к Искендеру повернулся Аршад:

– Эй, приятель, я вижу, ты уже сыт. Может, поделишься со мной своей запеканкой?

Искендер покачал головой:

– Я б-бы поделился, д-да б-боюсь, у тебя б-брюхо л-лопнет.

Разговор мгновенно смолк. Все уставились на него, вытаращив глаза. Никто никогда не слышал, чтобы Искендер заикался. Никто и никогда не видел, чтобы он заливался краской. Мгновение спустя все снова принялись работать языками. Лишь Искендер молчал, не понимая, что с ним происходит.

Вернувшись в класс, он уселся на свое место и уставился в затылок парня, сидевшего перед ним. Он не двигался до тех пор, пока на стол перед ним не упал скомканный листок бумаги. Искендер развернул записку. Кэти предлагала очередную порцию имен.

«Мэгги, Кристи, Хилари. А если будет мальчик – Том».

Несколько минут спустя прилетел еще один бумажный шарик. Кэти спрашивала, что с ним случилось. Искендер накарябал несколько слов и бросил записку ей. Как только урок закончился, он схватил рюкзак и выскочил из школы. Искендер понимал, за подобное поведение его по головке не погладят. Но оставаться в школе он больше не мог. Какое-то время он болтался по улицам без цели. Ему казалось, прохожие с любопытством поглядывают на парня в школьной форме, явно прогуливающего занятия. Искендер направился к автобусной остановке.

В автобусе он прошел на заднюю площадку, не глядя по сторонам. Тяжелый, спертый воздух, казалось ему, был насквозь пропитан печалью. На задней площадке люди стояли, толкая друг друга, хотя в середине автобуса оставалось много свободных мест. Присмотревшись, Искендер понял почему. В центре в полном одиночестве восседал какой-то

сумасшедший бродяга, грязный, заросший щетиной, красноглазый. Бормоча себе под нос что-то нечленораздельное, он снял растоптанные ботинки и принялся массировать свои заскорузлые мозолистые пятки так бережно, словно они были величайшей ценностью на свете. Зловоние, исходившее от его ног, было таким густым, что казалось осязаемым.

Подчиняясь внезапному импульсу, Искендер прошел в середину автобуса и плюхнулся рядом с бродягой. Тот уставился на нового соседа с недоумением. Прочие пассажиры тоже бросали на Искендера удивленные взгляды. Ему было наплевать. Теперь, когда он начал заикаться, его тоже можно отнести к категории дефективных.

Автобус резко повернул, и Искендер увидел собственное отражение в противоположном окне. Лицо его было бледным и непроницаемым. Выглядел он намного старше своих шестнадцати лет. Ему вспомнилась занятая книжка, которую он прочел недавно, – там главный герой, детектив, периодически совершал путешествия в собственное будущее. Может, с ним тоже случилось нечто подобное и он видит сейчас будущего Искендера.

Мысли его снова вернулись к заиканию. Может, причина в том, что он подхватил какой-нибудь вирус? Мама наверняка знает, чем тут можно помочь. Она приготовит целебный травяной чай, которой смягчит ему горло и развяжет язык. А если мама не сумеет его вылечить, надо написать тете Джамиле. Мама ведь всегда хвастает, что ее сестре-двойняшке известен тайный язык растений. Убедив себя в том, что исцеление возможно, Искендер откинулся на спинку сиденья. Любовь к матери согревала ему сердце. Дядя Тарик выдумывает всякую фигню. Наверное, было бы здорово совершить путешествие во времени, решил Искендер. Вернуться в раннее детство. В ту пору, когда не было ни Юнуса, ни Эсмы. И любовь матери принадлежала ему безраздельно.

Когда автобус прибыл в Лондон-Филдс, настроение Искендера существенно улучшилось.

– Похоже, этот парень куда-то спешит, – провозгласил бродяга, обращаясь к пассажирам автобуса так фамильярно, словно они были его лучшими друзьями.

Неплохо было бы заткнуть этому психу глотку парой хлестких словечек, но сейчас Искендер предпочел промолчать и ограничился тем, что вперил в бродягу грозный взгляд.

– Давай, малец, пошевеливайся, – не унимался тот. – Не заставляй мамочку ждать.

Стоило Искендеру услышать эти слова, по спине у него пробежал

холодок. Провожаемый хохотом бродяги, он выскочил из автобуса. В половине четвертого Искендер был у дверей своего дома на Лавендер-гроув и звонил в колокольчик.

* * *

Элайас сидел один в гостиной с зашторенными окнами, когда до него донеслись шаги у входной двери.

– Я хочу посмотреть, как ты живешь, – сказал он неделю назад, сознавая, что пересекает невидимую линию.

– Зачем?

– Дорогая, ты же видела, как я живу. Видела мою квартиру, мои домашние растения. А твоя жизнь остается для меня тайной за семью печатями. Я даже не могу представить, чем ты занимаешься у себя дома, ведь я никогда там не был. А мне хочется, чтобы, когда тебя нет рядом, перед глазами у меня стояла отчетливая картина.

– Картина? – растерянно переспросила Пимби.

– Ну да. Воображаемая картина, не фотография. А для того чтобы дать пищу воображению, я должен побывать у тебя дома. Всего на несколько минут. Не бойся, я прошмыгну тихо. Никто не заметит. Разве это нельзя устроить?

– Можно, – кивнула Пимби. – Только на пять минут, не больше.

В тот день, когда дети были в школе, Элайас вошел в дом на Лавендер-гроув. Стоило ему переступить порог, он начал сожалеть о своем поступке. Пимби не хотела, чтобы он сюда приходил, Элайас понял это с первого взгляда. Она согласилась на эту авантюру, чтобы сделать ему приятное. И теперь была так напряжена, что вздрагивала от малейшего шороха. А его мучило чувство вины – не только за неуместный визит в ее дом, но и за вторжение в ее жизнь, ставшее причиной стольких тревог. Элайас хотел, чтобы его любовь творила чудеса, но пока она лишь порождала трудности и неприятности. Элайас даже не стал снимать пальто, готовый покинуть дом Пимби по ее первой просьбе.

Так или иначе, он проник наконец в заповедный мир своей возлюбленной и теперь жадно озирался по сторонам. Эта тесная темная квартирка, где Пимби проводит столько времени в одиночестве, – причина того, что она порой кажется балериной, запертой в музыкальной шкатулке, решил он. Взгляд его скользил по шкафам и креслам, по кружевным салфеточкам на кофейном столике. Элайас видел вышивки, сделанные ее

руками, сушеные перцы и баклажаны, которые она развесила на окне, видел ее красные домашние тапочки с помпонами. Он впитывал в себя все мельчайшие детали, все краски. Воздух здесь был пропитан запахами, связанными с Пимби: ароматом свежеспеченных пирогов, чистого белья, корицы и розовой воды. Все это было Элайасу в новинку и в то же время так пронзительно напоминало жизнь его семьи в Ливане, что он едва сдерживал слезы.

Когда Элайас был мальчишкой, одно лето он провел с бабушкой и дедушкой в Бейруте. Он часами бродил вдоль моря по теплому мягкому песку. Всякий раз после шторма на берегу можно было увидеть выброшенных волнами обитателей морских глубин. Элайаса всегда поражало, какими беспомощными они становятся в непривычной среде. Впоследствии, живя в западных городах и наблюдая за иммигрантами первого поколения, он всегда вспоминал картины, виденные на морском берегу. Люди, вырванные из привычной обстановки, тоже становились беспомощными, беззащитными, уязвимыми. Они тоже мечтали, чтобы волна подхватила их и унесла в знакомую стихию, где они смогут свободно дышать и двигаться. Или же о том, чтобы берег принял их как родных и стал для них настоящим домом. Элайасу были понятны чувства этих людей, хотя себя он считал человеком, способным выжить на любом берегу. Он ощущал себя своим везде, с легкостью приспособившись к любой новой культуре, ибо не был привязан к какому-то конкретному уголку земли.

Понимая, что задерживаться в этом доме ни в коем случае не следует, Элайас поблагодарил Пимби, попросил прощения за причиненное беспокойство и направился к выходу. Его намерение уйти одновременно и обрадовало, и расстроило ее.

– Останься, – еле слышно предложила она. – Выпьем чаю. А потом пойдешь.

Через несколько минут на столе закипел, извергая клубы пара, бронзовый самовар. У Пимби так тряслись руки, что она пролила горячий чай на свою темно-красную блузку.

– Ты не обожглась? – испугался Элайас.

– Нет, – покачала головой Пимби, зажав ткань пальцами и не давая ей прикоснуться к коже. – Ты пей. А я пойду переоденусь.

Элайас подчинился. Но не успел он допить свой чай, как зазвенел дверной колокольчик. Короткий, отрывистый звонок. За ним еще один, длинный и настойчивый.

Элайас замер, пальцы судорожно вцепились в стакан.

Пимби вылетела из спальни, ее белая блузка была застегнута криво, в глазах метался ужас. Дети должны были вернуться из школы не раньше чем через два с половиной часа. Соседи работали, да и не имели обыкновения расхаживать по гостям среди дня. Элайас знаками показал ей, что спрячется, хотя понятия не имел, как это сделать. Огляделся по сторонам и, встав на четвереньки, полез под стол. Все это куда больше походило на дурной сон, чем на реальность.

Несколько секунд спустя в замке повернулся ключ. Пимби побелела как полотно. Теперь она знала, кто это. Только у одного человека был ключ от входной двери.

Покров тишины

Лондон, 1 декабря 1978 года

Когда Элайас узнал о смерти Пимби, он возился со своим любимым комнатным растением – тилландсией. Тилландсии – настоящая загадка природы. Они ухитряются жить без корней и впитывают влагу прямо из воздуха благодаря порам, расположенным на листьях. В отличие от всех прочих представителей флоры они не нуждаются в почве, цепляются за любую опору и растут практически в воздухе. Свою любимицу Элайас повесил в нише над раковиной. Летом, когда воздух становился сухим, он каждые десять дней погружал растение в воду – устраивал ему ванну. Но сейчас была зима, и он ограничивался душем: каждые четыре недели опрыскивал листья из распылителя.

Возня с растением так поглотила Элайаса, что он не сразу расслышал стук в дверь. Дверной звонок вышел из строя во время последнего отключения электричества, и Элайас все никак не мог выбрать время починить его. Через несколько секунд в дверь постучали еще раз, громче. Не представляя, кто мог к нему явиться в такой ранний час, Элайас повесил лиану на место и вытер руки.

Пимби заходила к нему четыре раза и во время всех своих посещений ужасно смущалась и торопилась. Она робко устраивалась на краешке кожаного дивана, словно птица, присевшая на ветку, чтобы собраться с силами и тут же упорхнуть прочь. Поглаживая кошку, она наблюдала, как Элайас хлопчет у плиты: в его доме не было стены между кухней и гостиной. Стряпая, он болтал без умолку, а Пимби не говорила ни слова, а лишь грустно улыбалась.

С самого первого дня знакомства эта женщина поражала его своими противоречиями. Она казалась робкой, пугливой и застенчивой, но он чувствовал, что под хрупкой наружной оболочкой скрывается прочная сердцевина, что в нежную ткань ее души вплетены нити отваги, упорства и решительности. Иногда глаза ее лучились светом, который в далеком детстве Элайас видел лишь в глазах своей матери. Но в то же время на лице ее постоянно лежала грустная тень. Собственно, именно аура неизбывной печали, окружавшая Пимби, толкнула к ней Элайаса.

С того момента, как в зале кинотеатра, где шел фильм «Малыш», они впервые взяли за руки, Элайас мечтал о близости с этой женщиной. Он

страстно желал остаться с ней наедине, вдали от чужих глаз, и своими ласками освободить ее от страха, тревоги и сознания собственной вины, которые ни на секунду не оставляли ее в покое. Но всякий раз, когда она оказывалась в его квартире, Элайас ощущал, что не может преодолеть невидимую грань. Прежде он даже не подозревал, что до такой степени способен обуздывать свои желания.

Он отчаянно хотел разгадать загадку, которую представляла собой Пимби. Но еще сильнее он хотел сделать ее счастливой. И в этом желании не было ничего альтруистического: Элайас догадывался, что оно порождено самомнением. Он вообразил, что его любовь, подобно волшебной палочке, способна преобразить все вокруг, способна превратить Золушку в принцессу – прекрасную, безмятежную, ослепительную. Сознывая, что он хочет сотворить эту женщину заново, сделать более свободной, более раскованной, более открытой, Элайас подчас ужасался тому, как далеко заходят его притязания.

Иногда Пимби вела себя как совсем юная девушка. Позволяла ему держать себя за руку, украдкой воровать поцелуи, любила склонять голову ему на грудь, впитывая тепло его тела. Но дальше дело никогда не заходило. Интуиция подсказывала ему, что любая попытка перейти к более интимным ласкам не будет иметь успеха. Стоит ему лишь намекнуть на возможность более тесных отношений, и чувство вины, терзающее Пимби, возрастет многократно. Это чувство и без того преследовало ее безжалостно и упорно: она не сомневалась, что замужняя женщина, мать троих детей, совершает тяжкий грех, тайно встречаясь с мужчиной, пусть даже свидания их остаются совершенно невинными. Как-то раз она призналась, что хотела бы получить развод и муж, скорее всего, разделяет ее желание. Но Пимби боялась, что подобный шаг станет ударом для детей, особенно для самого младшего, еще совсем ребенка. Ее неприступность не только не расхолаживала Элайаса, но делала влечение более сильным. Несмотря на свое стремление сделать любимую женщину иной, он, к немалому своему удивлению, принимал ее такой как есть.

Секс теперь казался ему чем-то вроде десерта, который подают в завершение длинного обеда. При всей своей соблазнительности десерт вовсе не является главным блюдом, и переходить к нему сразу было бы неразумно. Они оба только сели за стол. Элайас не представлял, какие яства они попробуют в ожидании десерта, и не собирался ничего пропускать. Как это ни парадоксально, в воздержании от секса было что-то чрезвычайно сексуальное. Элайаса забавляло, что он совершил подобное открытие в столь зрелом возрасте, – прежде ему казалось, что человеку, достигшему

его лет, открывать в этом мире уже нечего.

– Бог нас испытывает, – однажды сказала Пимби. – Как ты думаешь, мы выдержим испытание?

– Меня не интересуют проверки, которые устраивает Бог, – ответил он. – Куда интереснее, выдержи ли я борьбу с самим собой.

Она не любила, когда он говорил в подобном тоне. Ей хотелось, чтобы в душе его жили надежда и вера – добродетели, которые он утратил много лет назад, если вообще когда-нибудь обладал ими. Даже в молодости он никогда не уповал на высшую силу, ибо не сомневался: если эта сила и существует, ее никак не назовешь разумной и благой. Будучи убежденным приверженцем агностицизма, Элайас предпочитал не говорить на религиозные темы с Пимби. Он не считал нужным подрывать ее веру и вносить в ее душу еще больший сумбур.

Тем не менее в глубине души Элайас не сомневался, что день, когда музыка, звучащая в их сердцах, сольется в единую мелодию, уже не за горами. В их отношениях начнется новый этап, и тогда они смогут открыто смотреть в глаза друг другу и всему миру. Исчезнут все преграды, все страхи и сомнения. Их любовь, вырвавшись на волю, подчинит себе все обстоятельства. Пимби придет к нему, свободная, избавившаяся от мыслей о собственном позоре. Он сделает все, чтобы она была счастлива, поможет ей вырастить детей. Наконец-то он станет любящим и любимым и зияющая пустота в его душе заполнится.

Быть может, это Пимби, думал Элайас, шагая по коридору. У нее не было привычки появляться неожиданно, но вдруг она решила устроить ему сюрприз? Открыв дверь и увидев перед собой не Пимби, он едва сдержал разочарованный вздох. На пороге стояла девочка-подросток в расклепанных джинсах, коротенькой клетчатой курточке, с кремовым шелковым шарфом вокруг шеи. Длинные вьющиеся волосы, расчесанные на прямой пробор, высокий лоб, выступающий вперед подбородок.

– Мне нужен Элайас, – сказала девочка.

– Чем могу служить? – спросил он и неуверенно улыбнулся.

– Так это вы?

В голосе девочки послышалась такая ненависть, что Элайас растерялся и невольно подался назад.

– Моя мама...

– Что? – выдохнул он, сверля ее глазами.

– Моей мамы больше нет, – проронила девочка, избегая встречаться с ним взглядом.

Она повернулась, чтобы убежать, но Элайас схватил ее за рукав –

бесцеремонно, почти грубо.

– Что ты сказала? Кто ты? Кто твоя мама? – бормотал он дрожащим голосом, чувствуя, как волна паники накрывает его с головой.

Только тут он заметил, что глаза у нее полны слез.

– Вы не знаете, кто моя мама? – спросила она, вскинув голову и взглянув на него в упор.

– Я... Я ничего не понимаю... Ты сказала, она... Но как...

– Мой брат заколол ее ножом. Из-за вас.

Элайас почувствовал, как кровь отхлынула у него от лица. Рассудок его сразу постиг смысл этих слов, но они еще не успели дойти до его сердца, которое продолжало ровно биться. Он выпустил рукав девочки и привалился к стене.

– Вы принесли нашей семье позор и бесчестье, – отчеканила она. – Думаю, теперь вы удовлетворены.

Элайас смотрел на нее и понимал, как сильно она любила свою мать. Как мучительно ревновала и обижалась на нее, как не хотела ни с кем ее делить. Но он не находил слов утешения – ни для дочери Пимби, ни для себя. Словно рыба, вытащенная из воды, он беззвучно открывал и закрывал рот.

– Мы не хотим вас видеть. Не смейте приходить на ее похороны. Оставьте нас в покое. Ясно?

Чувствуя, что промолчать в ответ невозможно, Элайас кивнул головой.

– Да, – выдавил он из себя и секунду спустя повторил: – Да.

Девочка, не оглядываясь, побежала вниз по ступенькам. Элайас неотрывно смотрел ей вслед. Какая-то часть его существа отказывалась верить в услышанное. «Девчонка выдумала эту жуткую историю, чтобы спасти брак родителей», – подсказывал внутренний голос. Иногда дети и не такие фокусы вытворяют. Не стоит паниковать. Через несколько часов все выяснится.

Элайас позвонил на работу и сказал, что сегодня не придет, на ходу выдумав какой-то предлог. Весь день он просидел дома. Весь день он ждал, что Пимби придет и развеет весь этот ужас. Он много пил, ночью скверно спал и проснулся с отвратительным привкусом во рту. Первым делом он выскочил на улицу, чтобы купить газеты. Заголовок он увидел сразу, на первой странице: «Подросток убил мать, защищая честь семьи». Элайас смотрел на газетный лист, растерянно мигая. Смысл каждого слова был ему понятен, но смысл этой фразы его рассудок отказывался постичь.

* * *

Элайас впервые заметил, что по пятам за ним ходит незнакомый парень, когда покупал маринованные дольки манго в индийском магазине. Острые, пряные, они служили отличным дополнением к многим блюдам. Он собирался подавать их с жареным кроликом. Забирая с прилавка банку, он ощутил на себе пристальный взгляд, инстинктивно повернул голову и увидел, что у витрины стоит какой-то подросток и как ни в чем не бывало разглядывает выставленные там товары. Он поднял голову и равнодушно посмотрел на Элайаса. Внезапно в его глазах, словно искра среди углей, мелькнуло жгучее любопытство.

Выйдя из магазина, Элайас огляделся по сторонам, рассчитывая, что мальчишка его ждет. Он решил поговорить с ним и выяснить, что ему надо. Но странного подростка нигде не было. Наверное, парень просто спутал его с кем-то, решил Элайас. Беспокоиться нет причин. Впрочем, одно обстоятельство не могло не настораживать: Элайас узнал мальчишку. Это был тот самый подросток, который попросил у него прикурить в фойе кинотеатра. И еще. Парень поразительно походил на Пимби. Тем не менее Элайас сумел внушить себе, что все это ерунда. Но через два дня, выглянув из окна своего ресторана, Элайас снова увидел преследователя: мальчишка курил у входа. Вечером, выходя после работы, Элайас готовился к неприятной стычке. Но парень опять исчез, словно растворился в воздухе.

Так продолжалось несколько недель. Преследователь появлялся в самых разных местах, в разное время суток и исчезал подобно призраку. Он не пытался прятаться, но всегда держался на расстоянии. Элайас никогда не упоминал о странном подростке в разговорах с Пимби. Теперь он понял, что это было ошибкой.

* * *

Несколько раз Элайас собирался пойти в морг или в ближайшую к дому Пимби больницу, но мысль о безобразной сцене, которая неминуемо разыграется, если он столкнется с ее родственниками или соседями, удерживала его. Ему хотелось поговорить с ее дочерью с глазу на глаз, попытаться найти какие-то нужные слова, но он не сомневался, что все его попытки она примет в штыки. Девочка откровенно дала понять, что ненавидит его и считает виновником случившегося. Мысль о том, чтобы

пойти в полицию, тоже приходила ему в голову, но, поразмыслив, он пришел к выводу, что рассказывать ему нечего.

Весь следующий день он провел в своей кухне – небритый, с неммытыми волосами, висевшими безжизненными прядями. Он с остервенением готовил соусы и супы, каждый из которых был кулинарным шедевром, зная, что их некому будет есть. Ярость, печаль и чувство вины, соединяясь в ядовитую смесь, разъедали его изнутри. Да, он виноват, и ему нет оправдания. Он был преступно слеп и беспечен. Как мог он не почувствовать, что надвигается беда?

Газеты сообщали, что Искендеру Топраку, подозреваемому в убийстве матери, удалось скрыться. Каждую минуту Элайас ждал, что сын Пимби позвонит в его дверь. Но вместо Искендера к нему явились полицейские из Скотленд-Ярда. Они засыпали его градом вопросов. Сделали в его квартире несколько фотографий, расспрашивали о его работе, интересуясь мельчайшими деталями, и, разумеется, потребовали исчерпывающей информации касательно его «отношений с убитой».

Когда полицейские наконец ушли, Элайас задернул шторы, зажег свечу и стал смотреть на ее мерцающий огонек. Когда свеча догорела дотла, он поставил пластинку Фейруз, и ее голос наполнил квартиру, проникая во все ее углы, словно мощный порыв ветра. Когда она запела «Sakan al-Layl», Элайас разрыдался.

«Ночь тиха, и покров тишины скрывает мечты...»

Все эти годы Элайас внушал самому себе, что и дня не проживет без своей работы. Почувствовав усталость, он начинал работать еще больше. Но три недели после случившегося он почти не выходил из дома, словно приговорив себя к одиночному заключению. Ему постоянно звонили из ресторана, спрашивали, когда он придет. Когда стало ясно, что в его жизни произошла катастрофа – никто, впрочем, не знал, в чем именно она заключается, – ему предложили взять отпуск. Месяц спустя Элайас, с пронзительной отчетливостью осознавший, что самые важные дела ныне утратили для него всю свою важность, передал свои обязанности второму повару и окончательно погрузился в состояние, близкое к полному оцепенению.

В начале 1979 года, дав показания в суде, Элайас совершил поступок, которого сам от себя не ожидал. Он собрал самые необходимые вещи в два чемодана, все остальное раздал служащим своего ресторана, вернул старую персидскую кошку Аннабел, которая была рада возвращению своей

любимицы, купил билет в один конец и уехал в Монреаль.

Часы

Абу-Даби, март 1982 года

Однажды утром, вскоре после рассвета, Эдим появился на строительной площадке, где работал. Ночной сторож – здоровенный черноглазый пакистанец – удивился его неурочному приходу и одновременно обрадовался тому, что у него появилась компания.

– Рано ты сегодня, – сказал сторож.

– Не могу спать, – пожал плечами Эдим.

Сторож понимающе улыбнулся:

– Наверное, скучаешь по жене. Пошли ей денег. Когда жена довольна, у тебя тоже легче на душе.

Эдим замешкался, не зная, что сказать. Ответить согласием было бы оскорбительно для памяти Пимби, а пускаться в длинные объяснения ему не хотелось. В результате он ограничился молчаливым кивком. Взглянув в сверкающие, словно агаты, глаза сторожа, Эдим подумал о том, что этот парень наверняка капает в глаза лимонный сок. Здесь многие считали, что это отличное средство придать взгляду яркость.

Эдим закурил сигарету и предложил вторую сторожу. Некоторое время оба молча дымили, каждый думал о своем. Эдим вспоминал о тех временах, когда он, совсем молодой парень, подбирал окурки на улицах Стамбула, чтобы сделать хотя бы одну затяжку. Как-то раз он нашел сигарету, на которой остался след красной помады. Он таращился на эту находку как на великое чудо, пораженный тем, что женщина позволила себе закурить на улице, и тем, что она бросила почти целую сигарету.

Перебравшись в Лондон, он привык к тому, что женщины здесь курят открыто, не считая это зазорным. Когда Роксана передавала ему недокуренную сигарету, он наслаждался особой интимностью, возникающей между ними в этот момент.

– Бери все, – сказал он, протягивая сторожу почти полную пачку.

– Ты что, даришь ее мне? – удивился тот.

– Дарю, брат.

Сторож расплылся в довольной улыбке, обнажив ряд белоснежных зубов. Наверное, зубы он тоже чистит лимонным соком, решил Эдим. Надо бы попробовать. У всех англичан зубы паршивые. Потому что они ничего не знают про чудесные свойства лимонного сока.

Внезапно в небе зашумели сотни крыльев – огромная стая перелетных птиц пролетела над их головами. Может, они летят из Стамбула, подумал Эдим. А может, из Лондона, и там их видел кто-нибудь из его детей. Эсма, выходя со стопкой новых книг из книжного магазина, подняла голову к небу, Юнус отвлекся на минуту от граффити, которые выводил на стене вместе со своими друзьями-панками, Искендер выглянул из зарешеченного окна, наблюдая, как в тюремном дворе моросит дождь. Нет-нет, думать о старшем сыне и о том, где он сейчас, было слишком больно. Эдим был виноват перед ним, виноват перед всей семьей. Виноват в том, что сделал, и еще сильнее виноват в том, чего не сделал. С запоздалым раскаянием он думал о том, что всю свою жизнь боялся ответственности. Когда дело доходило до важных решений и поступков, он всегда отсутствовал, словно школьник, прогуливающий уроки.

Поймав на себе взгляд пакистанца, Эдим невесело улыбнулся. Лицо этого здоровенного парня светилось неподдельным добродушием, которого Эдим давно уже не встречал. Он чувствовал к пакистанцу симпатию и, повстречайся они при других обстоятельствах, непременно попросил бы его рассказать о своей жизни. Тот наверняка вытащил бы фотографии жены и детишек – такие, как он, никогда не расстаются с семейными фото.

Может, Эдим тоже показал бы ему фотографию своих детей – Искендера и Эсмы с маленьким Юнусом на руках. Фото было сделано вскоре после их приезда в Англию. Одеты дети неважно, но на лицах сияет гордое и вместе с тем слегка растерянное выражение. Фотография Пимби, сделанная за день до того, как они покинули Стамбул, у Эдима тоже была, но он никому ее не показывал и никогда не смотрел на нее сам.

Эдим поднялся на ноги и указал в сторону недостроенного здания:

– Если не возражаешь, я посижу там, поразмышляю на досуге.

– Давай, – пожал плечами ночной сторож. – Только не слишком напрягай мозги, а то и рехнуться недолго, – добавил он и постучал себя по лбу.

Эдим зашагал к небоскребу. Гравий хрустел у него под ногами. Не успел он войти в здание, которое в голубоватом утреннем свете казалось почти призрачным, сторож окликнул его. Оглянувшись, Эдим увидел, что пакистанец бежит к нему, размахивая каким-то желтым предметом.

– Эй, подожди. Ты забыл надеть каску.

– Да, конечно. Спасибо, дружище.

Он надел каску, шутя отдал сторожу честь и вошел в здание.

Когда Эдиму было лет восемь – а может, девять, он не помнил точно, –

мать взяла его с собой на прогулку. Мальчик очень гордился тем, что право сопровождать маму досталось именно ему, а не кому-нибудь из его братьев.

Они шли, взявшись за руки. Стояла осень, но день был такой солнечный, что казался весенним. Они сели в долмуш и доехали до вокзала. Мальчик был поражен поездами, их размерами, звуками и запахами. На вокзале их поджидал какой-то человек. Он курил, скрывшись за колонной. Черные волосы были смазаны гелем и зачесаны назад, так что лоб казался необыкновенно высоким, а брови – густыми. Как его звали? Откуда он знал мать? Долго ли ему пришлось их ждать? Все эти вопросы так и остались безответными.

Когда он увидел мать, губы его тронула самоуверенная улыбка, которая моментально погасла, стоило ему заметить мальчика.

– Зачем ты привела ребенка? – процедил он.

– Я не могу его бросить, – ответила мать. – Прошу тебя, возьмем его с собой.

– Мы с тобой уже говорили об этом, Айша, – отрезал он. – И все решили.

Судя по всему, человек куда-то спешил. Взгляд его беспокойно перебегал с лица матери на большие круглые часы, висевшие на перроне, с часов – на вагон.

– Это мой самый младший, – сказала мать. Лицо ее было неподвижным, как маска. – Я нужна ему.

Мужчина бросил окурок на пол и раздавил его ногой, словно это был таракан.

– Я ясно сказал, что не собираюсь растить чужих детей, – отчеканил он, глядя матери прямо в глаза. – У него есть отец, пусть живет с ним. Так будет лучше для всех.

Мать мягко коснулась плеча сына:

– Милый, пойді спроси у кого-нибудь, сколько сейчас времени.

– Что? Но...

– Пойди и спроси, – повторила Айша.

Когда мальчик вернулся, выяснив, что было двадцать минут двенадцатого, мать и незнакомец стояли на прежнем месте. Женщина молчала, опустив голову, мужчина буравил ее взглядом.

– На ближайшем поезде мы поехать не сможем, – заявил он. – Следующий будет в три. Возвращайся. Одна.

Сын и мать снова взялись за руки. Когда они вышли из здания вокзала, выяснилось, что солнце скрылось за тучами и пошел дождь, такой мелкий, что они не стали искать укрытия. Купив у разносчика два пакета

кунжутных семечек, они уселись прямо на ступеньки. Половину своих семечек мальчик скормил голубям. Мать смотрела на него невидящим взглядом.

– Кто этот дядя, мама?

– Просто знакомый.

– Мне он не понравился, – сообщил мальчик, и губы его задрожали, но он еще не решил, стоит ли расплакаться.

Айша привлекла сына к себе и взъерошила ему волосы.

– Мне он тоже не слишком нравится, – сказала она.

Мальчик был рад услышать это, но все же чувствовал: что-то не так. До такой степени не так, что мать не стала бранить его, когда он, гоняясь за голубями, разгорячился и вспотел. Даже после того, как он наступил в лужу и ботинки его, издав громкое хлюпанье, моментально промокли насквозь, мать не сказала ни слова.

– Если ты куда-то поедешь, я поеду с тобой, – заявил мальчик.

– Правда?

– Конечно, мама! Обещаешь, что возьмешь меня?

– Обещаю, моя маленькая любовь, – неожиданно став очень серьезной, кивнула Айша.

– Нет-нет! – возмутился мальчик. – Почему маленькая? Ты должна была сказать – моя большая любовь.

* * *

Эдим вошел в грузовой лифт и нажал верхнюю кнопку – двадцать второго этажа. Когда лифт остановился, ему пришлось пешком подняться на двадцать седьмой. Дальше идти было некуда. Верхние этажи представляли собой голый остов, скелет из железных перекрытий. Когда дом будет достроен, он станет одним из самых высоких зданий в Абу-Даби.

Эдим уселся на мешок с цементом, подвинув его к самому краю. Во рту у него пересохло, руки дрожали, как и всегда в последнее время. Отсюда, с высоты, открывался захватывающий вид, наполненный светом. Даже богачи в своих пентхаусах и шикарных офисах не имеют возможности любоваться таким видом. Эдим разглядел внизу затейливо украшенный фасад и решетчатые балконы одного из самых дорогих отелей в Абу-Даби. На долю секунды ему показалось, что за ним кто-то наблюдает, но чувство это моментально улетучилось.

Он сидел, свесив ноги над бездной, и любовался проплывающими по

небу легкими перистыми облаками. Интересно, размышлял он, в какой момент до отца впервые дошли пересуды о недостойном поведении матери. Как это ни странно, он не припоминал ни единого разговора между родителями, из которого можно было бы сделать вывод, что отец знает. Не мог Эдим назвать и имена сплетников, которые трепали имя Айши, хотя, несомненно, этим занимались многие. Кто же сказал отцу первым? Может, сосед? Или мясник, чья лавка располагалась на углу, развеял неведение отца, отрубая кусок баранины? А может, то был совершенно чужой человек, с которым отец разговорился в чайной? Человек, который притворился другом и доброжелателем, в то время как уста его извергали яд. Как известно, сплетни распространяются со скоростью света. «Как она могла так подло поступить с таким достойным человеком?» – слышал отец со всех сторон слова фальшивого сочувствия, под которым скрывалось искреннее злорадство.

Та же самая история повторяется спустя много лет, уже в другом поколении. Недавно сюда приехал турецкий рабочий, которому известно о преступлении Искендера и о его причинах. Если этот парень не умеет держать язык за зубами – а скорее всего, это именно так, – вскоре все здесь узнают об их семейной трагедии. И в глазах своих товарищей Эдим будет встречать знакомый блеск, приправленный жалостью и насмешкой. Впрочем, ему это все равно. В этой жизни уже ничто не в состоянии его задеть. Он всего лишь тень человека, которым был когда-то, а тень не способна испытывать боль.

Далеко на горизонте небо переливалось всеми оттенками алого и розового, ослепительно-яркими и разнообразными. Казалось, мир, безмолвно замерший под этим сияющим небом, исполнен мудрости и гармонии. Отблески восходящего солнца пламенели в окнах домов. Эдим любовался картиной нарождающегося дня. Впечатление было такое, будто небеса разверзлись и открыли иную реальность, в которой все и вся нарисовано кистью всемогущего Творца.

* * *

В тот день мать Эдима не стала возвращаться на вокзал к трем часам. Вместо этого она взяла сына за руку, и они вместе отправились за город. Сражаясь с ветром, дувшим им прямо в лицо, они поднялись на холм. «Проход запрещен» – предупреждали надписи на столбах. Подходить близко к дамбе не разрешалось. Но они подошли, не обращая на надписи

внимания. Никто их не видел, никто их не остановил. Они сидели на склоне, глядя, как таинственно мерцает внизу вода.

– Видишь, я тебя не бросила, – сказала мать. – Ты рад?

Мальчик ответил, что да, очень рад. Губы его побелели, он стучал зубами, как от холода, хотя день был теплым. Он без конца вертел в руках носовой платок, снова и снова завязывая его узлом, пока тот не превратился в тугой комок.

– Пойдем домой, – взмолился он, едва сдерживая слезы. – Мне здесь не нравится!

– А дома что хорошего? – возразила мать.

Голос ее доносился словно сквозь густую пелену и показался мальчику чужим и незнакомым. Потом, будто устыдившись своей резкости, мать нежно приложила палец к его губам и попросила:

– Помолчи.

В то же мгновение весь мир, выполняя ее просьбу, погрузился в безмолвие. Затихли цикады на деревьях, кузнечики в траве, грузовики на дороге. Смолк даже беспрестанный гул, доносившийся из города. Все вокруг замерло, подчинившись ее желанию. Все происходило словно в детской игре. Эдим ощутил прилив гордости, почувствовал себя взрослым. Мать выбрала его, а не братьев, чтобы поделиться своим секретом.

– Мама...

– Да?

– Куда мы идем?

– Милый, мы же с тобой говорили об этом.

– Я забыл.

– Мы идем в очень красивое место, где на деревьях растут сладкие яблоки.

– Но если я буду есть много сладкого, зубы испортятся.

– Не волнуйся. Ты будешь есть, сколько хочешь.

Эдим изо всех сил пытался казаться довольным и счастливым, но взгляд его оставался встревоженным. Ему не нравился новый тон, которым разговаривала с ним мать. Матери должны ругать своих сыновей и твердить, что сладкое вредно, что от сладкого портятся зубы и болит живот. А если мать ведет себя иначе, значит она не хочет выполнять свои обязанности.

Айша вздохнула, уловив растерянность сына.

– Там, куда мы идем, никто никогда не болеет, – добавила она, не глядя на Эдима. – Зубы твои всегда будут здоровыми, а у меня перестанет болеть голова. Разве это не прекрасно?

«Если мы идем в такое прекрасное место, почему ты плачешь?» – хотел спросить мальчик, но не решился. Мать обняла его за плечи. Тепло ее руки было приятно и в то же время давило тяжестью. Он ощущал, что к ее дыханию, обычно такому свежему, примешивается кислый аромат гниения. Мальчик привстал на цыпочки и коснулся синяка на ее щеке, прямо под правым глазом. Когда они выходили из дома, синяк был едва заметен. Но теперь, когда косметика чуть смылась, сразу бросался в глаза – темный и зловещий.

Эдим, охваченный приступом какого-то неведомого страха, изо всех сил вцепился холодными пальцами в руку матери. Они спустились к плотине, волоча за собой собственные тени. Губы матери беспрестанно шевелились. Мальчик знал, что она молится. В тот момент, когда она собиралась броситься вниз, увлекая его за собой, он инстинктивно дернулся в сторону и вырвал свою руку из ее ладони. Это оказалось так же легко, как выхватить кинжал из ножен. Внезапный рывок не поколебал решимости Айши, но траектория ее падения изменилась. Она не упала в воду, как намеревалась, а, рухнув на бок, скатилась по склону. Но всего лишь на несколько ярдов.

– Мама, мама! – крикнул сверху Эдим. – Ты жива?

Мать была жива и даже не переломала костей, только нижняя губа ее была разбита, лицо покрылось мелкими ссадинами от ударов о камни и волдырями от укусов крапивы. Но внутри у нее что-то надломилось. Они вернулись домой и никому ни слова не сказали о случившемся.

Два года спустя Айша бросила семью, не в силах больше выносить опостылевшей жизни. Проснувшись утром, муж и сыновья обнаружили, что ее нет, с вешалки исчезло ее пальто, из-под кровати – старый потрепанный чемодан. Эдим долго не мог поверить, что мать его покинула. Он убеждал себя, что она непременно вернется, по нескольку раз на дню открывал ящик ее комода, где лежали маленькое серебряное зеркальце и щетка для волос. Раз мама оставила здесь зеркало и щетку, значит она уехала не навсегда, говорил он себе. Если до него – дома или на улице – доносились разговоры о матери, он молча выслушивал самые грязные домыслы, не пытаясь их опровергать. Никогда и никому, даже отцу, Эдим не признался в том, что мать пыталась убить себя и его. Ни разу не упомянул и о мужчине, которого видел на вокзале, хотя догадывался: это был тот самый пресловутый любовник, с которым сбежала мать.

Накануне вечером в грязном подпольном казино на окраине города Эдим снова рискнул и проигрался в пух. Сумма проигрыша была чудовищно велика, и о том, чтобы выплатить ее, не могло быть и речи. Эдим провел рукой по лицу и с удивлением ощутил под пальцами влагу. Он и не думал, что плачет. Чувство, которое он испытывал, мало походило на печаль. В душе его безраздельно царила апатия, полное безразличие ко всему на свете. Если в этом мире человек не способен хоть что-то изменить, включая самого себя, значит переживать не имеет смысла. Пусть все идет прахом.

Он снял с руки часы и бережно отложил их в сторону. Будь это настоящий «Ролекс», он попросил бы переслать эти часы кому-нибудь из его сыновей, лучше Юнусу. Но ему вовсе не хотелось, чтобы единственной памятью об отце, оставшейся у сыновей, была подделка. Будет неплохо, если часы найдет этот симпатичный парень, ночной сторож.

*

Тюрьма Шрусбери, 1991 год

Зизхан будит меня на рассвете, чтобы вместе медитировать. Сегодня я поднимаюсь без ворчания. Мы сидим, скрестив ноги, на полу, напротив друг друга. Зизхан, как обычно, сияет. Интересно, где он заряжает свои батарейки?

– Чистишь ум, – говорит он, как обычно. – Грязный воздух плохо для города. Грязный ум плохо для человека.

Минут десять мы сидим в полном молчании. Этому упражнению он учил меня весь прошлый месяц. Предполагается, что в это время надо очистить голову от всех мыслей. Но мне это никогда не удастся. Мысли упорно возвращаются, путаются, цепляются друг за друга и устраивают у меня в голове настоящий шабаш. Больше всего меня занимает загадочный посетитель, который должен явиться сегодня. Я перебираю все возможные кандидатуры. Дядя Тарик, Оратор, мой старый приятель Аршад... Никого из них я не хочу видеть. Это из-за них я стал таким, какой я сейчас. Но они все на свободе, наслаждаются жизнью, а я гнию здесь.

В общем, медитация не удастся. Как и всегда. Но Зизхан не собирается отступить от своей цели. Как и всегда.

– Искендер, не надо думаешь о другие, – говорит он. – Когда делаешь так, энергия внутри тебя ходит к ним. Тебе оставаться ничего.

Зизхан уверен, что мир пронизан невидимыми проводами, соединяющими людей, места и события. По этим проводам мы можем посылать друг другу энергию, мысли и все прочее. В общем, не жизнь, а дурацкое фантастическое кино.

– Мы, люди, похож на печь, – рассуждает он. – Мы делать тепло. Мы делать энергия. Каждый день. А когда мы обвиняет других, говорит плохие вещи, энергия уходит. Наше сердце становится холодный. Всегда лучше смотрит внутрь себя, – продолжает Зизхан. – Пусть другие живут как хочет. Злоба – тяжелый груз. Зачем его носишь? Ты можешь стать воздушный шар. Скажи, ты хочет лететь или катиться вниз? Выбрасывай прочь обида. Выбрасывай злоба. Тогда лететь. Во вселенной есть одна большая дуга. Два конца. Один вести наверх, другой вниз. Люди постоянно двигаться. Кто-то наверх, кто-то вниз. Если хотеть наверх, посмотреть внутрь себя. Находить свои ошибки. Если не умеешь это делать, никогда не излечишь сам себя.

С тех пор как Зизхан появился в моей камере, мне множество раз хотелось приказать ему заткнуться, а то и съездить по морде. Как ни странно, я ни разу не смог это сделать. Что-то в этом типе повышает мой порог терпимости. Волей-неволей я прислушиваюсь к его болтовне. Иногда просто прикалываюсь над ним. А иногда мне кажется, что его бредни не лишены смысла. Вот и сейчас он говорит нечто такое, что заставляет меня наострить уши.

– Сегодня к тебе приходит гость. Обещай Зизхан, ты не будешь сорить.

– С какой стати я буду сорить? – хохочу я. – Не надо с ним ссориться, ты хочешь сказать?

– Да, да. Не надо злоба. Не надо с ним ссориться. Ты работать над собой, помнить? Ты драгоценный камень. Но края острые, очень острые. Надо обтачиваться. Долго, долго.

Язык у него, конечно, без костей. За пять минут успел назвать меня печкой, воздушным шаром и драгоценным камнем. Богатая фантазия, ничего не скажешь.

– Ну, на драгоценный камень я вряд ли потяну, – говорю я. – В отличие от тебя я сижусь здесь, потому что совершил преступление. Тяжкое преступление.

Зизхан закрывает глаза, несколько раз вдыхает и выдыхает. Воздух вырывается из его груди со свистом, и я вспоминаю отца с его приступами

астмы.

– Многие люди идти вниз, – изрекает он. – Некоторые не идти, а лететь. Ты знаешь, где кончатся этот путь?

– Нет.

– В аду, – сообщает Зизхан. – Ты сейчас там. Твоя душа гореть огнем. И это правильно. Ты делаешь ужасную вещь. Поэтому должен гореть. Но ты можешь подниматься. Наверх. По другой конец дуга.

– И куда же ведет этот конец? – спрашиваю я. – Небось в рай?

– Да, когда мы любишь и нас любишь, когда мы освободишься злая энергия, мы идти в рай. Каждый день маленький шаг. Может, ты не доходить. Я не мог обещать. Но надо пробовать, Алекс. Надо работать.

Я захожу в комнату для свиданий, не зная, что меня ждет. Офицер Маклаглин уже здесь. На меня он не смотрит. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, зачем он приперся. Рассчитывает посмотреть комедию. Или драму. Как получится. В любом случае он уверен, что спектакль будет занятным.

Потом входит он. Посетитель. Это Юнус. Мой младший брат, которого я не видел много лет. За все то время, что я здесь сижу, он приезжал ко мне всего два раза. Сразу после суда. Тогда мы и словом не перемолвились. Он просто сидел, опустив голову. Год спустя он приехал опять. И снова промолчал все свидание. А после этого перестал приезжать.

За то время, что мы не виделись, он стал взрослым парнем. Среднего роста, худой, довольно симпатичный. А вот глаза у него остались прежними: добрыми, доверчивыми. И ресницы такие же длинные, как в детстве. Когда он был влюблен в девчонку-панка.

– Здорово, дружище, – говорю я.

– Здравствуй, брат, – отвечает он.

Мы пялимся друг на друга. Я первым отвожу глаза. Смотреть в лицо Эсмы куда проще. Она меня ненавидит. Иногда она приезжает, чтобы выпустить свою злобу. Она осыпает меня проклятиями в глаза и за глаза. И все же рядом с ней я не чувствую свою вину так остро, как сейчас, сидя напротив Юнуса. В его взгляде я читаю то, что особенно трудно вынести: непонимание. Да, он по-прежнему не представляет, как такое могло произойти. По-прежнему ждет объяснений. По-прежнему верит, что все люди добры. Наверное, он считает, что на меня нашло наваждение.

– Как твоя музыка? – спрашиваю я.

– Отлично! – оживает он. – Вышел мой первый диск. Я привез его

тебе, но его отобрали при досмотре. Сказали, отдадут тебе потом.

– Передадут, не волнуйся, – киваю я, хотя знаю, что этого диска мне не видать как своих ушей.

– Зачем ты приехал, Юнус? – задаю я вопрос, который волнует меня больше всего. – Пойми меня правильно. Я рад тебя видеть. Только все это... очень неожиданно.

Он молчит. На лицо его набегает тень.

– Ты скоро отсюда выйдешь, – наконец говорит он. – И я хотел узнать, какие у тебя планы.

Мои планы? Это звучит чертовски глупо. Словно я командир отряда бойскаутов. Но передо мной младший брат. Я не хочу его обижать. И я обещал Зизхану, что буду карабкаться вверх. Только вверх.

– Ну-у, какие планы? – пожимаю плечами я. – Постараюсь найти приличную работу. Буду жить тихо и мирно. Если Кэти не будет возражать, я хотел бы увидеться с сыном. – Я выжидающе молчу, потом добавляю: – И проводить больше времени с вами, с тобой и с Эсмой. Если только вы согласитесь.

Юнус вскидывает голову и смотрит на меня в упор.

– Я долго думал, говорить тебе об этом или нет, – произносит он. – Сначала решил, лучше промолчать. Я молчал все эти годы. И Эсма молчала тоже. Мы заключили соглашение. Но теперь, мне кажется, настало время его нарушить.

– Слушай, кончай говорить загадками, – усмехаюсь я, хотя мне вовсе не смешно. – Будь любезен, выразишься яснее.

Он набирает в грудь побольше воздуха:

– Когда ты убил маму, я был ребенком. Я не мог тебе помешать. Но теперь я взрослый. И если ты снова поднимешь на нее руку, я сумею ее защитить.

У меня отвисает челюсть. Похоже, мой братишка спятил. Такое случается сплошь и рядом. Здесь, в тюрьме, я видел уйму психов, которые свихнулись в результате сильного потрясения.

– Юнус, что ты несешь?

– Я люблю маму. И тебе лучше оставить ее в покое.

– Брат, но мама...

– Нет, – перебивает он так громко, что офицер Маклаглин бросает взгляд в нашу сторону. В глазах у него вспыхивают искорки интереса: спектакль начинается, только пока не ясно, драма это или комедия.

– Искендер, послушай, – говорит Юнус. – Мама жива.

Искендер Топрак

Зеркальное отображение

Лондон, 30 ноября 1978 года

Юнус поднял голову от тарелки и улыбнулся двум женщинам, сидевшим на диване. Случилось невероятное. Его тетя Джамиля приехала в Лондон. С тех пор как он видел ее в последний раз, прошло три года. Раньше они ездили к ней постоянно, по большей части летом, и встречи были такими короткими и насыщенными, что голова шла кругом. Но последние три года семье пришлось отказаться от дальних путешествий – они уже не могли позволить себе дорожные расходы. И вот теперь сестры, так долго томившиеся в разлуке, снова соединились под одной крышей: Розовая Судьба и Достаточно Красивая.

Уставившись на сестер-двойняшек, Юнус так старательно пытался найти различия между ними, словно за каждое различие ему полагалось очко. Пимби была левшой, Джамиля – правшой. У Пимби была ямочка на правой щеке, у Джамили – на левой. Родинка на лбу темнела у Пимби справа, а у Джамили слева. Волосы у Пимби завивались концами вниз, а у Джамили – концами вверх. К тому же Джамиля была на полдюйма выше, руки и ноги у нее были чуть длиннее, пальцы чуть тоньше.

Перечислив все это, Юнус спросил:

– Ничего не упустил?

– Упустил, – ответила мама. – Ты не увидел самое важное.

– Правда? – удивился Юнус. – И что же это?

– Представь себе, сердца у нас бьются с разных сторон, – ответила Джамиля.

– Как это?

Выяснилось, что у сестер имеется особенность, которая иногда встречается у близнецов. Сердце Пимби расположено в левой части груди, сердце Джамили – в правой.

– Вот это да! – воскликнул потрясенный Юнус.

Пимби рассмеялась. На сердце у нее было легко и радостно, как не было уже давно.

Двое членов семьи, Эдим и Искендер, отсутствовали, и Джамиле не удалось обнять их, но это не омрачало радости встречи. Эдим был в Абу-Даби. Что касается Искендера, он вчера вернулся поздно ночью, когда все уже спали, а утром ушел ни свет ни заря. Пока Пимби не успела сообщить

ему о приезде тетки, но все предвкушали, какой сюрприз ждет его вечером.

Юнус упросил маму разрешить ему сегодня не ходить в школу. Похоже, он простудился, канючил он. Горло болит, и все тело ломит. Пимби прекрасно понимала, даже если мальчик слегка простужен, он чувствует себя вовсе не так плохо, как хочет показать. Но радость от встречи с сестрой была так велика, что она снисходительно отнеслась к маленькой хитрости сына.

Усевшись у окна, сестры пили чай и болтали без умолку. Говорили они по-курдски, что автоматически лишало Юнуса возможности участвовать в разговоре. Пимби призналась сестре, что о ее отношениях с Элайасом уже ходят слухи. Известное дело, люди ничего так не любят, как позлословить на чужой счет. И что хуже всего, сплетни дошли до Искендера. Ее старший сын перестал смотреть матери в глаза, шепотом призналась Пимби. Он запретил ей сначала работать, а потом и вовсе выходить из дома. Рассказывая все это, она старательно растягивала губы в улыбке, чтобы Юнус не догадался, о чем идет речь.

– Ничего, с помощью Аллаха все как-нибудь устроится, – утешала Джамия. – Позволь мне поговорить с племянником.

Лицо ее осветила улыбка, словно проблемы, терзавшие сестру, были уже улажены.

– Послушай, почему бы мне не сходить сегодня за покупками? – предложила Джамия.

Конечно, она ни слова не знает по-английски, но, может быть, Юнус согласится ей помочь. Вдвоем они выберут самые свежие овощи, самый вкусный хлеб и ароматные приправы.

– Да-да, мама, я пойду с тетей! – с готовностью воскликнул Юнус, горло которого внезапно пошло на поправку.

– Хорошо, только не задерживайтесь, – кивнула Пимби.

Это был такой же день, как все прочие. Только счастливее. 30 ноября, четверг. Когда Джамия и Юнус одевались, Пимби остановила их:

– Погодите-ка секунду!

Она вытащила из сумочки помаду и нарисовала сестре губы, бледные, высушенные солнцем, холодом и ветром. Повязала голову Джамии своим шарфом. Густые волосы Джамии падали на плечи каштановыми волнами.

– Так-то лучше, – удовлетворенно сказала Пимби.

Джамия с сомнением смотрела на собственное отражение в зеркале. Новое платье, новая прическа, да еще эта помада. Она с трудом узнавала себя. Юнус потянул ее за руку.

– Идем, тетя. Ты классно выглядишь, – по-турецки сказал он.

– Ну, если ты говоришь, значит так оно и есть, – согласилась Джамиля. Пимби вручила сестре несколько банкнот, а Юнусу – пригоршню мелочи.

– Не забудьте купить кардамон. – Она поцеловала обоих. – Вечером приготовим мясо. И в кофе я тоже добавляю кардамон.

Тетя и племянник, веселые и довольные, вышли из дома. Джамиля попыталась поговорить с Юнусом по-курдски и, к своему разочарованию, выяснила, что он не понимает ни слова. По-турецки оба тоже объяснялись с горем пополам, тем не менее это не мешало им наслаждаться обществом друг друга. Два часа пролетели незаметно. Но когда все покупки были сделаны, Юнус, вместо того чтобы вернуться с тетей домой, решил улизнуть. У него образовались новые, чрезвычайно важные дела. На улице он встретил Тобико, и она сообщила ему потрясающую новость.

Панки давно уже собирались отвоевать старый особняк, откуда их выдворили. И вот долгожданный день настал. По словам Тобико, сегодня, ровно в полночь, они объединенными силами намеревались пойти на штурм, разломать ограду и расположиться в доме со своими спальными мешками и прочими пожитками. Конечно, соседи, узнав про новое вторжение, наверняка вызовут полицию. Но ничего, вражеские войска будут встречены градом камней и бутылок с горючей смесью.

Тобико была так возбуждена, что Юнусу захотелось немедленно присоединиться к своим друзьям. Он попросил у тети разрешения заглянуть к школьному товарищу. Ненадолго, пообещал он, всего на несколько минут.

– Ты уверен, что мама не будет возражать?

Тон, которым был задан вопрос, свидетельствовал, что Джамиля готова уступить.

– Конечно нет, – заверил ее Юнус. – Я догоню тебя по пути домой, честное слово.

Джамиля кивнула, взяла у племянника сумку и двинулась в том направлении, которое он указал. Она шла неспешно и часто останавливалась: слушала уличных музыкантов, разглядывала дома и витрины магазинов, поражаясь их великолепию. Гигантский город, шумевший вокруг, поглотил ее внимание, и она не заметила, что кто-то идет за ней по пятам.

Лимонное дерево

Лондон, 30 ноября 1978 года

Пимби возилась в кухне, напевая себе под нос старую курдскую любовную песню «Сусанн Суси». Как и все старые курдские напевы, она была проникнута печалью, которая волей-неволей передавалась поющему. Но самая грустная песня не могла сегодня нагнать на Пимби меланхолию. В мыслях у нее царил хаос, сердце изнывало от тоски по Элайасу, и все же она была счастлива. Приезд сестры оживил в ее душе угасшую было надежду и заставил вновь поверить в лучшее. Несколько месяцев назад она написала Эдиму письмо, в котором просила развода и пыталась убедить мужа, что для них обоих это будет благом. Ответа не последовало. Но если Эдим молчит, можно обратиться к адвокату. Возможно, получив уведомление о разводе, Эдим расстроится, но вряд ли это станет для него ударом. В глубине души он будет даже рад, что первый шаг пришлось сделать не ему. Убедить Искендера в том, что сохранять брак родителей не имеет ни малейшего смысла, будет значительно труднее. Но Пимби надеялась, что со временем ее старший сын сумеет понять и простить. Больше она не будет лгать, не будет хитрить и изворачиваться. С этого дня все пойдет иначе. В это Пимби верила непоколебимо, хотя вряд ли сумела бы объяснить, на чем зиждется ее уверенность.

Составив план действий на будущее, Пимби принялась готовить лимонный торт с меренгами, рецепт которого позаимствовала у Элайаса. Она предвкушала, как поразится Джамия, отведав столь изысканное угощение. В детстве они обожали сосать соленые лимоны. Им казалось, что соленое и кислое, соединяясь, порождают сладкий вкус. Старшие их сестры морщились, попробовав подобный десерт, а двойняшки могли съесть пять лимонов за один присест. Варенье они тоже обожали кисло-сладкое.

Правда, Джамия, судя по всему, утратила свой прежний аппетит. За сутки, проведенные у сестры, она почти ничего не ела. И почти ничего не рассказывала о себе. Да, с годами ее сестра-двойняшка изменилась. Под глазами залегли темные круги, улыбка стала неуверенной, почти робкой. Но перемены, не ускользнувшие от взгляда Пимби, вряд ли заметит кто-нибудь другой. Детей поразило их сходство. Стоило Джамиле снять свое платье из толстой грубой шерсти и надеть одно из платьев Пимби,

причесать волосы так же, как у сестры, и они стали практически неотличимы.

Пимби взбила яйца с сахаром в густую пену и зажгла духовку. Настало время заняться лимонами. Лимоны, апельсины и грейпфруты Пимби хранила в бамбуковой корзинке на балконе. Раньше она пробовала выращивать в садике лимонные деревья, но в холода они неизменно погибали.

По-прежнему напевая себе под нос, Пимби вышла на балкон и окинула глазами улицу. В дальнем конце она увидела сестру, нагруженную сумками. Пимби помахала рукой. Джамия не сразу ее заметила.

– Джамия! Посмотри сюда! Я здесь!

Джамия вскинула голову. Увидев ее безмятежное лицо, Пимби расплылась в улыбке. Ее сестра уже не была прежней девочкой. Как и подобает взрослой женщине, она держалась с достоинством, к тому же ее окружала легкая, как туман, аура печали. И все же ей удалось сохранить детскую наивность, лучившуюся в каждом взгляде. Удивительно, до чего она хороша, не без зависти подумала Пимби. Просто глаз не оторвать. Несмотря на поразительное внешнее сходство, они не такие уж одинаковые. Джамия одарена природным обаянием, таким же естественным, как аромат цветка. Свет и жизнь наполняют ее до краев. И еще. У нее есть мужество и выдержка. Эти качества достались лишь ей одной, со вздохом подумала Пимби.

– Я пеку для тебя торт! – крикнула она, перегнувшись через перила.

– Что? – не расслышала Джамия, внимание которой отвлекла проходившая мимо машина.

– Торт! Лимонный торт с...

Пимби осеклась, потому что увидела Искендера.

Несколько секунд она наблюдала, как ее старший сын идет по пятам за ее сестрой. Судя по прищуренным глазам и напряженному выражению лица, он был чем-то озабочен.

То, что случилось в следующие несколько мгновений, показалось Пимби кошмарным сном. Искендер метнулся к Джамиле, сжимая в руке нож, преградил ей путь и что-то пробормотал. Пимби смотрела на все это скорее с удивлением, чем со страхом. Но внезапно пелена с ее глаз упала, и она догадалась, что сейчас произойдет. У нее перехватило дыхание. По-прежнему сжимая в руках лимоны, она бросилась с балкона в комнату, а оттуда в коридор и на улицу.

Никогда в жизни Пимби не бегала так быстро. Когда Искендер нанес удар, ее отделяло от него расстояние футов в восемь. Он замахнулся ножом

торопливо и неуклюже, словно хотел побыстрее покончить с этим неприятным делом. Лезвие описало в воздухе полукруг и вонзилось в грудь Джамили с правой стороны. С губ Пимби сорвался приглушенный стон. Она почувствовала, что нож вонзился в сердце ее сестры. Ее собственное сердце разрывалось от невыносимой боли.

Искендер отскочил назад, угрюмо глядя на нож в своей руке. Вид у него был растерянный, словно он сам не понимал, что натворил. Словно он, подобно зомби, действовал по чужой воле и только сейчас очнулся. Он отшвырнул нож в сторону и бросился бежать.

В ушах у Пимби стоял чей-то крик. Пронзительный, невыносимый, резкий. Лишь несколько секунд спустя она поняла, что крик этот вырывается из ее груди. Она не могла двинуться с места, потому что у нее больше не было тела. Не было костей и плоти. Она вся превратилась в крик. Ее голос более не зависел от ее воли, он звенел в воздухе, извиваясь спиралью, порождая мучительное эхо.

Она хотела закрыть глаза и не могла это сделать. Она видела тело сестры, распростертое на тротуаре. Видела рассыпавшееся содержимое сумок: хлеб, рогалики, сыр, зеленые яблоки, базилик, пачку кардамона.

Наконец к Пимби вернулась способность двигаться. Словно лунатик, она подошла к сестре и склонилась над ней. Она покрывала поцелуями лицо Джамили, лоб, щеки и выемку между ключиц. Она пыталась нащупать пульс, но сердце Джамили остановилось, и ее обмякшее тело начало остывать. Лицо ее утратило все краски жизни, губы, накрашенные алой помадой, казались кровавой раной. Пимби сотрясала дрожь, словно жизнь покидала и ее тело. Лужа темной, почти черной крови расползлась на тротуаре. До Пимби доносились торопливые шаги, испуганные голоса, вой сирены «скорой помощи», хлопанье дверей машины, треск полицейской рации. Она распрямилась и, шатаясь, отошла от тела сестры.

В это время одна из ее соседок, пожилая добросердечная албанка, протолкалась сквозь толпу и замерла от ужаса. Секунду спустя она рухнула на колени, завывала и запричитала:

– Пимби, бедняжка! Неужели ты мертва? Какое горе! Кто это сделал?

Пимби молча стояла чуть в стороне. По телу ее бегали мурашки. Слушать, как оплакивают твою смерть, было жутко, но, как ни странно, причитания старухи помогли ей выйти из оцепенения. Склонив голову так низко, словно в лицо ей дул ветер, она выбралась из толпы – бесшумно и незаметно, как и подобает призраку, в которого она только что превратилась.

Остаток дня Пимби слонялась по улицам, забредая в такие уголки Ист-Энда, где никогда не бывала прежде. Она знала, пока Искендер на свободе, она не может вернуться домой, не может прийти к Элайасу. Несомненно, вскоре ее сын обнаружит свою ошибку и решит ее исправить. Страх, охвативший Пимби, был так силен, что вытеснил скорбь о сестре. Ей казалось, каждая клеточка ее тела насквозь пропитана страхом.

Несколько раз Пимби останавливалась, переводила дыхание и пыталась успокоиться. Она не представляла, куда ей идти, но ноги сами привели ее к «Хрустальным ножницам». Зачем она сюда пришла, спрашивала себя Пимби, стоя у дверей. Она бросила работу, не предупредив Риту. Без всяких объяснений опустила ключи в почтовый ящик. Теперь, прячась за почтовым фургоном, она смотрела в окно и видела пышный силуэт Риты. Помимо нее, в парикмахерской были две клиентки и еще какая-то женщина, вероятно заменившая Пимби, – молодая азиатка с волосами цвета баклажана.

Пимби проскользнула в маленький дворик за парикмахерской, где они сушили полотенца, пеньюары и фартуки. Ей необходимо было переодеться. Блузку покрывали пятна крови, которые она скрывала, ссутулившись и скрестив на груди руки. Удивительно, но прохожие на улице ничего не заметили. А может, они просто предпочитали не обращать внимания на женщину в окровавленной блузке. Пимби закрыла за собой калитку и замерла.

Покачиваясь в такт музыке, доносившейся из салона, во двор вышла новенькая и принялась снимать с веревки полотенца. Бежать было уже поздно, прятаться некуда. Пимби уставилась на девушку, а та уставилась на нее, перестав жевать резинку, которую держала во рту.

– Прошу прощения, – пробормотала Пимби.

С полыхающими щеками она метнулась вперед, схватила пеньюар и бросилась наутек.

– Что вы делаете? – заверещала девушка. – Воровка! Воровка!

Но Пимби уже и след простыл.

Следующие два часа Пимби продолжала свои скитания. Короткий зимний день клонился к концу, солнце село. Идти ей было некуда. Если она явится в полицию, ее сразу начнут допрашивать. Она плохо говорит по-английски, будет отвечать невпопад, все напутает, и на нее, чего доброго, взвалят всю вину за случившееся.

Искать приюта у соседей тоже нельзя. Кому охота подвергать себя риску? К тому же неизвестно, действовал Искендер в одиночку или по чужой указке. Но если так, то по чьей? Может быть, все это устроил Тарик? Или ее муж? Неужели они внушили Искендеру, ее первенцу, ее султану, свету ее очей, что его долг – убить собственную мать? Голова у Пимби шла кругом. Она никому не могла доверять, за исключением Элайаса. При мысли о нем по спине Пимби пробежал холодок. Она больше не должна его видеть. Никогда. Хорошо еще, что Искендер не знает, где живет и работает Элайас. Ради безопасности Элайаса она должна держаться от него как можно дальше. Пусть он считает, что она умерла. Так будет лучше.

Сознание собственной вины давно уже пригрелось у нее в груди словно змея. День ото дня змея эта росла, набиралась сил, а сейчас подняла свою отвратительную голову и принялась пожирать ее душу. Теперь Пимби знала: ей нет прощения. Ее отношения с Элайасом – единственная причина случившегося кошмара. Она никогда больше его не увидит, но сделанного уже не исправишь. Даже сейчас Пимби пыталась оправдать Искендера. Она главная преступница, она сама толкнула сына на убийство. Где он теперь, что с ним? А двое других ее детей? Каково им узнать, что их тетя убита, а мать пропала? О чем их будут спрашивать в полиции и что они ответят? Пимби отчаянно хотелось увидеть их, успокоить, утешить, но это было невозможно.

В сумерках Пимби вернулась в свой квартал, хотя и понимала, что это безрассудно. Стараясь держаться в тени, она прошла по Лавендер-гроув. На том месте, где всего несколько часов назад умерла Джамия, белел теперь ее силуэт, обведенный мелом. Место убийства огородили, рядом стояли какие-то люди. Они курили и переговаривались. Испугавшись, что ее заметят, Пимби торопливо пошла прочь.

На ночь Пимби устроилась в пропахшем мочой уголке напротив банка Беркли и свернулась там калачиком, вздрагивая от малейшего шума. Она воспользовалась общественным туалетом, выпросила немного еды у задних дверей ресторана и, обессилив от слез, наконец задремала.

– Вставай! Просыпайся, шлюха!

Над ней стоял бездомный бродяга – толстобрюхий, опухший, беззубый.

– Ишь, разлеглась, стерва! Кто тебе позволил занимать мое место?

Пимби испуганно вскочила.

– Простите, – пролепетала она дрожащим голосом.

От бродяги нестерпимо разило смесью винных паров, табака, мочи и нафталина. Он надвигался на Пимби, и глаза его под кустистыми бровями

поыхали возбужденным огнем. Пимби увернулась и бросилась бежать.

– Куда ты? Вернись! – кричал ей вслед бродяга. – Зря ты испугалась, красотка!

Пимби неслась со всех ног, пока не скрылась за углом. Бродяга, усмехаясь, словно припомнив хорошую шутку, устроился в уголке, нагретом телом Пимби, снял ботинки и принялся сосредоточенно рассматривать свои заскорузлые ступни.

Эсма

Лондон, 1 декабря 1978 года

В кухне было ужасающе много еды. Множество кастрюлек и сотейников, наполненных стряпней, источали густые запахи. Пироги, торты и запеканки стояли не только на кухонном столе, на полках и на стульях, но даже на полу. Я не представляла, как мы все это съедим, ведь нас было только двое – я и Юнус. Но плакальщицы продолжали приходить и приносить еду, чтобы не дать нам умереть с голоду. В гостиной рядком сидели женщины всех возрастов. Некоторые были нашими соседками, других я едва знала, кого-то видела в первый раз. Всех гостей встречала тетя Мерал, выполнявшая обязанности хозяйки. Она благодарила их и плакала вместе с ними. Мы с Юнусом притулились в уголке, безучастные к тому, что творилось вокруг, словно рыбки в аквариуме. Каждый, кто входил в комнату, считал своим долгом подойти, поглазеть на нас и постучать по стеклянной стенке, отделяющей нас от мира, ожидая от нас реакции. Мы все видели, все слышали, но при этом ничего не ощущали. Слова сочувствия не находили у нас никакого отклика. Мысленно мы оба бились над решением загадки, известной лишь нам двоим.

– Эсма, я во всем виноват, – запинаящимся голосом прошептал Юнус.

– Почему это?

– Если бы я не оставил тетю одну...

Я крепко сжала его ручонку:

– Это сделал Искендер, а не ты, малыш.

– Но если «скорая» увезла тетю Джамилю, где тогда мама?

– Хотела бы я это знать.

Меньше чем через час мы узнали ответ. Около полудня дверь в очередной раз распахнулась и в комнату вошла новая гостья, с ног до головы одетая в ярко-зеленое. На голове у нее красовалась шляпа с изумрудными перьями. Плакальщицы, онемев от изумления, уставились на ее сверкающие украшения и длиннющие ярко-красные ногти.

Лишь я одна обрадовалась этой диковинной посетительнице и, заливаясь слезами, вскочила и подбежала к ней:

– Рита!

Мы уединились в кухне, подальше от любопытных глаз и ушей.

– Рита, мама жива, – шепнула я.

Она молча кивнула.

– Она у вас?

Еще один кивок.

Оказывается, утром, придя на работу, Рита увидела, что мама спит, свернувшись у дверей салона. В ответ на все Ритины вопросы она молчала. Рита отвела ее в заднюю комнату, напоила чаем, опустила жалюзи на окнах, а новой сотруднице, едва та переступила порог, сказала, что сегодня парикмахерская закрыта и она может идти домой. Потом она помогла маме умыться и привести себя в порядок.

– Можете вы приютить ее у себя на несколько дней? – спросила я. – Пока все не утрясется.

Рита покачала головой. Ее бойфренд ни за что не позволит ей привести домой кого бы то ни было. К тому же он совершенно не умеет держать язык за зубами, а это значит, что в доме Риты мама не будет в безопасности.

– Ты должна кое-что сделать.

Рита протянула мне бумажку, на которой были написаны имя и адрес.

– Сходи к этому человеку и скажи ему, что твоя мать умерла. Пимби считает, что так будет лучше.

На этом разговор закончился. Я проводила Риту до дверей. Она, войдя в роль плакальщицы, обняла меня и пробормотала, заливаясь слезами:

– Держись, детка. Для нас всех это тяжкая утрата. Я так любила твою мамочку!

* * *

Вечером, после заката, мы с Юнусом через заднюю дверь вошли в «Хрустальные ножницы». До конца дней своих я буду помнить мгновение, когда мы, смеясь и рыдая, бросились в мамины объятия. Она выглядела измученной, лицо осунулось, под глазами темнели круги.

Юнус, уткнувшись носом в мамину грудь, твердил:

– Это я во всем виноват. Я пошел к друзьям и оставил тетю Джамилю одну.

Мама поцеловала его. Поцеловала меня и шепнула мне на ухо:

– Ты ходила... к нему?

Я вкратце рассказала ей о своем визите к Элайасу. Она слушала рассеянно, словно погрузившись в сон.

– Люди болтают про тебя всякие глупости, – вмешался Юнус. – Но мы никого не слушаем.

Я толкнула его в бок локтем, но было уже поздно. Впрочем, мама и без того наверняка догадывалась, что наш квартал гудит от слухов и сплетен. Догадывалась, что многие соседи обвиняют ее, утверждая, что она запятнала семейную честь и своим недостойным поведением толкнула сына на страшное дело.

– Похороны будут послезавтра, – сообщила я. – Все хлопоты взяла на себя тетя Мерал.

Юнус похлопал маму по руке с видом взрослого мужчины, способного разрешить любую проблему:

– Не волнуйся, я все устрою. Я знаю, где тебя спрятать. В Лондоне есть безопасное местечко, где ты сможешь жить, сколько захочешь, и никто не выдаст тебя полиции.

Вот так моя мать, Пимби Кадер Топрак, тридцати трех лет от роду, по официальным данным убитая собственным сыном, поселилась в Хакни, в старом особняке, захваченном группой молодых неформалов.

Уборка

Лондон, 5 декабря 1978 года

Пимби села в постели, обхватила колени руками и сцепила пальцы. На лице ее застыло измученное выражение. Страшная тяжесть давила на грудь, мешая дышать. Боль не унималась ни на минуту. Дышать было трудно, в горле саднило.

Она прислушалась к долетавшим до нее звукам. Обветшалый викторианский особняк был погружен в темноту. Воздух насквозь пропитался едким ароматом, в котором соединялись запахи пыли, пота, гнилого дерева, влажного белья, грязных простынь, пустых бутылок, переполненных пепельниц. Здешние обитатели спали на полу, бок о бок друг с другом, и это напоминало Пимби детство. Она и семеро ее сестер тоже спали на полу, толкаясь, лягаясь и сражаясь за кусок одеяла. Одеял, казалось, было достаточно, но все же часто посреди ночи Пимби просыпалась от холода. Недолго думая, она стаскивала одеяло со спящей и укутывалась сама, предоставляя сестре мерзнуть.

Пимби безучастно смотрела на мирно посапывающих юнцов, на туманную муть за окном. Ею владела апатия, полнейшая апатия, которой она не ощущала никогда прежде. Прошел час. Может, больше. Пимби не представляла, сколько сейчас времени. Небо на горизонте немного посветлело. Потом на нем зажглись алые проблески. Над Лондоном вставал рассвет. Пимби с трудом сглотнула ком, подступивший к горлу. Скоро все встанут. Начнут болтать, смеяться, есть, курить. Надо отдать должное обитателям дома, они не только приютили ее, но и старались лишней раз не беспокоить. Но любопытство, которое возбуждала у них эта странная женщина, заставляло их задавать ей вопросы. Они не могли понять, что с ней происходит. Она и сама этого не знала.

В большинстве своем молодые неформалы предпочитали спать допоздна. Но теперь, опасаясь атаки властей, они проявляли бдительность. Безмятежные денечки, когда можно было дрыхнуть хоть до вечера, остались в прошлом. Около восьми утра все были уже на ногах. Кто-то одевался, кто-то курил первую за этот день сигарету, кто-то толкался около единственной треснутой раковины. Даже Игги Поп, на ночь вставлявший в уши беруши, проснулся, разбуженный шумом.

В кухне Тобико наблюдала, как Пимби жарит оладьи, которых хватило

бы на полк солдат. Девушке хотелось что-нибудь сказать, но ничего не приходило на ум, и она ограничилась восклицанием:

– Вау, как вкусно пахнут!

Пимби едва заметно улыбнулась. Руки ее ловко выполняли привычную работу, мысли блуждали где-то далеко. Через несколько минут она вручила Тобико тарелку с горой оладий.

– Вот... ешьте...

– А вы?

– Потом.

– Вы знаете, мы очень любим вашего сына, – неожиданно выпалила Тобико. – Он для нас что-то вроде талисмана. И вот еще... Я не знаю, что там у вас случилось... Юнус сказал, это тайна. Сказал, вам надо на какое-то время спрятаться. Так вот, вы можете оставаться здесь, сколько хотите.

Пимби ощутила столь жгучий приступ благодарности, что глаза ее увлажнились. Она обняла Тобико, которая этого не ожидала, но не стала отстраняться и тоже обняла Пимби. Прервать объятие их заставил Игги Поп, ворвавшийся в кухню с оглушительным воплем:

– Народ требует жратвы!

Тобико схватила тарелку с оладьями и выскочила из кухни.

Оставшись одна, Пимби отыскала потрепанный веник и принялась подметать пол. Она чувствовала, что домашние дела, которыми она занималась всю жизнь, помогут ей сохранить рассудок. Поэтому весь день, не замечая недоуменных взглядов, которые бросали на нее обитатели особняка, она без устали чистила, мыла, скребла и вытирала пыль. Делала она это с таким неистовством, что никто не решился отпустить шутку в ее адрес или предложить ей отдохнуть. Как ни странно, ее одержимость чистотой оказалась заразной: кое-кто из панков, раздобыв швабру или смастерив веник, присоединился к ней. Впрочем, это занятие вскоре им наскучило.

А Пимби трудилась до самого вечера. Молодежь ходила вокруг нее на цыпочках, удивляясь про себя, как этой удивительной женщине не надоест постоянно плакать и наводить чистоту.

*

Тюрьма Шрусбери, 1992 год

За три месяца до моего освобождения в отделении интенсивной терапии местной клиники пришла в себя некая пожилая леди. Она жаловалась на жажду и боль в спине, а в остальном чувствовала себя неплохо. Она смогла ответить на вопросы полицейских и описать человека, который в один скверный день вырвал у нее сумку и ударил по голове бутылкой. Несмотря на длительное пребывание в коме, память не подвела ее. Она описала преступника самым подробным образом. И это описание не имело ничего общего с Зизханом. Полицейские не желали верить, что совершили ошибку. Они показывали ей фотографию моего сокамерника. Она заявила, что это не он. Зизхана отвезли в участок и показали ей через зеркальную стену. Ответ был прежним: это не он. Суд вынес решение отправить дело на пересмотр.

– Скоро выйдешь на свободу, везунчик, – говорю я. – Ты должен прыгать выше головы от радости.

– Зизхан всегда на свобода, – отвечает он. – Зачем прыгать.

– Я буду по тебе скучать, приятель.

Он смотрит на меня с грустью.

– Когда выходить, буду о тебе помнить, – говорит он. – Ты мой лучший ученик.

– Врешь, старина. По части вранья ты мастак.

Он смеется, плечи его дрожат.

– Будет делать домашняя работа, – заявляет он.

– Что еще за домашняя работа на мою голову?

И он мне рассказывает.

В день, когда Зизхан должен освободиться, мы в последний раз садимся медитировать вместе. Сегодня я не поддразниваю Зизхана. Не говорю, что вся эта муть надоела мне до чертиков. Послушно сижу на полу, скрестив ноги, и смотрю на него. И удивительно, в первый раз мне действительно удается отключить поток сознания. Хотя бы на короткое время.

Вечером Зизхана уже нет. В полном одиночестве я лежу на своей койке. Его отсутствие действует на меня угнетающе. В последний раз мне было так хреново, когда умер Триппи. Но я постараюсь выполнить его просьбу. Сделать домашнюю работу, которую он мне задал. Более трудного задания я не выполнял за всю свою жизнь. Я должен написать матери письмо и вручить его ей, когда выйду отсюда.

Я пробую писать каждый день. Каждый день у меня получаются разные письма. Некоторые совершенно idiotские, другие довольно-таки складные. Но в них все равно не хватает самого главного. Я рву их в клочья

и вновь берусь за ручку. Каждый день я корябаю несколько строк, как обещал Зизхану. Каждый день я медитирую хотя бы несколько минут. Офицер Маклаглин мне не мешает. Конечно, мы с ним не стали закадычными друзьями, но желание вцепиться ему в глотку у меня пропало. И у него, судя по всему, тоже.

Наконец мне удастся сочинить письмо, которое кажется не таким глупым, как предыдущие. Я не стану его рвать. Зизхан велел мне каждый день переписывать письмо набело, до тех пор пока я не выучу его наизусть. Этим я и собираюсь заняться.

«Дорогая мама!

Я не буду отправлять это письмо по почте. Я принесу его сам, клянусь Аллахом, и передам тебе в руки. Я пишу потому, что писать легче, чем говорить. В этом году у меня открылись глаза. В камеру ко мне поселили одного чокнутого. Чокнутого в хорошем смысле. Тебе бы он понравился. Его зовут Зизхан. Отличный парень, здорово мне помог. Я понял это только после того, как он вышел на свободу. Очень грустно, но в жизни мы часто ценим только то, что потеряли.

Если бы я мог вернуться в прошлое, я ни за что не сделал бы того, что сделал. Того, что причинило всем столько боли. Тебе, сестре, брату, бедной тете. Но я не могу вернуться в прошлое. Даже на мгновение. Там уже ничего не исправишь. Зизхан говорит, что я зато могу исправить себя. Честно скажу, я в этом не уверен. Но если ты меня примешь, если ты найдешь в себе силы меня простить, я буду счастлив вновь стать твоим сыном.

Искендер Топрак».

Эсма

Лондон, 12 сентября 1992 года

Воскресное утро. Я готовлю завтрак на заново обставленной кухне, которая обошлась нам в целое состояние. Вообще-то, мы не можем позволить себе такие расходы, но мой муж захотел сделать все по высшему разряду. Это его подарок на восьмую годовщину нашей свадьбы. Теперь у нас не кухня, а загляденье: мебель кофейного цвета, мраморный пол, огромный американский холодильник, сверкающая плита. Не говоря уже о всяких там соковыжималках и комбайнах. Все красиво, комфортно, практично. Как в рекламном буклете.

Чтобы яичница не подгорела, я переворачиваю ее деревянной лопаточкой. Поджаристая нижняя часть теперь оказывается наверху. В жизни тоже так: до времени скрытые эпизоды прошлого всплывают в настоящем, думаю я. Трудно готовить яичницу-болтуню, когда тебя одолевают посторонние мысли. Самое главное здесь – вовремя снять сковороду с огня, а мне это никогда не удастся. Яичница у меня подгорает. Или недожаривается. Наверное, у меня вообще проблемы с ощущением времени. Я не умею жить сегодняшним днем, забыв о дне вчерашнем. Снова и снова вспоминаю о девочке, одержимой великими идеями, которой была когда-то. От этой девочки, так любившей играть словами, сегодня мало что осталось. Думая о ней, я чувствую, что меня предали. Хотя предатель не кто иной, как я сама.

Обе мои дочери сидят за столом, смотрят по телевизору свою любимую программу «Blue Peter» и что-то возбужденно чирикают. Как всегда, они спорят. Им нравятся разные ведущие. Я слушаю их вполуха. Мысли мои блуждают далеко. Мое сознание, как воздушный змей, подхваченный ветром, уносится неведомо куда.

– Мама, скажи ей, что она говорит глупости! – требует Лейла.

– Ммм, да, – роняю я и снимаю сковородку с огня.

Лучше слегка недожарить яичницу, чем сжечь. Как это было вчера.

– Почему это я говорю глупости, мама?! – обижается Джамия.

– Прости, дорогая, я не поняла, в чем дело, – вздыхаю я.

Обе девочки, задетые моим невниманием, обиженно надувают губы.

К счастью, на выручку мне приходит муж:

– Девочки, не дергайте маму. Сегодня у нее и без вас много забот.

– Каких? – спрашивает Лейла.

– Я же говорил тебе, котенок, – ласково напоминает Надир. – Сегодня к нам в гости приедет твой дядя. Мамин брат, с которым она давно-давно не виделась.

– Понятно, – без особого воодушевления говорит Лейла.

Я замечаю, что Джамия пристально смотрит на отца. В ее темных миндалевидных глазах, так не похожих на глаза женщины, в честь которой ее называли, вспыхивают дерзкие искорки.

– А почему вы оба нам врете? – неожиданно спрашивает она.

Моя рука, раскладывающая яичницу по тарелкам, замирает в воздухе. Я молчу, не зная, что ответить.

Надир, как всегда, невозмутим и находчив:

– Котенок, по-моему, говорить маме и папе, что они врут, не слишком вежливо. Да и другим людям тоже.

– Извини-и-ите, – тянет Джамия, явно ничуть не раскаиваясь.

– Может, ты объяснишь нам, что имела в виду?

Наслаждаясь всеобщим вниманием, Джамия шаловливо улыбается:

– Ну, я думаю, дядя Искендер вовсе не работал на Аляске. Я думаю... – Она смотрит на стол, словно рассчитывая увидеть там подсказку, и выпаливает: – Он русский шпион!

– Ну и сморозила глупость! – хохочет Лейла.

– Это правда. Он бросает бомбы на айсберги.

– Чушь! Ничего он не бросает!

– Нет, бросает!

Я кладу на каждую тарелку по листику базилика и по несколько ломтиков помидора и ставлю тарелки на стол. Окажись мой брат русским шпионом, бомбардирующим Северный полюс, все было бы намного проще, чем в действительности.

После завтрака девочки уходят в свою комнату, наряжаться для детского праздника в честь дня рождения одноклассницы. Надир обнимает меня и склоняет голову мне на плечо. Я искоса смотрю на него, любуясь мягким прищуром его глаз, чуть впалыми щеками, чуть заметными морщинками на лбу. Его волосы, густые и жесткие, торчат вверх, презирая закон земного притяжения, и не прикрывают уши. Налет седины на висках выдает его возраст. Он на шестнадцать лет старше меня. Разница в точности такая же, какая была у мамы с Элайасом. Простое совпадение, часто повторяю я себе.

Я люблю своего мужа, хотя поначалу никакой любви к нему не испытывала. Мы оба сознавали, что я не отвечаю взаимностью на его нежную преданность. Каковы были мои тогдашние чувства к нему, я сама затруднялась определить. Смесь уважения, восхищения, привязанности, а самое главное, благодарности за то, что он вытащил меня из трясины, в которой я барахталась. Прежде мне не раз доводилось слышать рассказы людей о том, как совместная жизнь с другим человеком «преобразила» их. Я относилась к ним с недоверием. До тех пор, пока это не случилось со мной.

После того, что произошло в последний день ноября 1978 года, семья наша начала таять, как снеговик под яркими солнечными лучами. От нашей прежней жизни осталась лишь грязная лужица. То, что казалось прочным и незыблемым, внезапно стало призрачным и обманчивым. Некоторое время мы с Юнусом прожили в доме у дяди Тарика и тети Мерал. Их нельзя было упрекнуть ни в грубости, ни в жадности, но я с содроганием вспоминаю о каждом дне, прожитом рядом с ними. Я никогда не смогла им простить, что они пятнали имя моей матери, распускали о ней грязные сплетни. И даже когда я жила под их крышей, ела за их столом, носила одежду, купленную на их деньги, они оставались для меня самыми ненавистными существами на свете. Поначалу папа присылал нам из Абу-Даби открытки, подарки и деньги, но с годами он стал напоминать о себе все реже, а потом контакты с ним прекратились полностью. Тетя и дядя, пока это было возможно, скрывали от нас, что отец покончил жизнь самоубийством. Прятали правду, маскировали и приукрашали ее. Точно так же я поступаю теперь со своими детьми. Как видно, это наша семейная традиция. Мы хороним правду так глубоко, что она начинает разлагаться, и потом ее при всем желании уже невозможно извлечь наружу.

В те годы зыбучие пески боли и отчаяния угрожали засосать меня с головой, и только ненависть помогала удержаться на поверхности. То было время, когда к власти пришла миссис Тэтчер и в стране началась эпоха великих перемен. Словно сказочное чудовище, очнувшееся от долгой спячки, Англия вздрогнула и зашевелилась. Страна, которую мы знали, уходила в прошлое. Я продолжала учиться в школе, оценки мои оставались такими же высокими, как и прежде. Департамент образования проявил заинтересованность в нашей с Юнусом судьбе, и нас обоих перевели в школу-интернат, расположенный в Суссексе. Смена обстановки пошла мне

на пользу. Но я по-прежнему ненавидела всех и вся, не сознавая, что это путь в никуда. Я цеплялась за свое право быть обиженной на весь мир. Окончив школу, я поступила в колледж Королевы Марии, где изучала английский язык и литературу. Там я встретила Надира.

Он ученый и обладает по-настоящему научным мышлением, то есть неколебимо верит в мировую целесообразность и объективные истины. Родился он в секторе Газа, вырос в лагере палестинских беженцев и в возрасте девятнадцати лет, благодаря родственнику, который вызвался оплатить его образование, перебрался в Англию. Вскоре после того, как Битлы выпустили диск «Желтая подводная лодка», Никсон был выбран президентом Америки, а Арафат стал председателем Организации освобождения Палестины, Надир, робкий и застенчивый, но полный надежд, приехал в Манчестер. Он решил сделать карьеру в научной области, максимально удаленной от политики, – в молекулярной биологии. Какие бы потрясения ни переживал этот мир, Надир оставался в тиши своей научной лаборатории и методично продолжал исследовать морфологию клеток.

Все его родственники по-прежнему живут в секторе Газа. Несколько раз я встречалась с ними. Огромная семья. Благожелательные, общительные, говорливые и любопытные люди. Наблюдая, как мой муж держится в кругу родных, я цинично ожидала, что мне откроются другие, доселе скрытые стороны его характера, что безупречная внешняя личина соскользнет, обнаружив далеко не столь привлекательную сердцевину. Но нет, в любой обстановке, в любом обществе Надир остается таким же добрым, как и всегда. Он никогда ничего не делает, подчиняясь собственной прихоти или внезапному импульсу. Он никогда не спешит. Больше всего на свете он любит размышлять. Глядя на него, я всегда вспоминаю пословицу: «Тихие воды глубоки». Неудивительно, что они с Юнусом так легко нашли общий язык.

– Волнуешься? – спрашивает Надир.

Я киваю. Мне хочется только одного: побыть в одиночестве. Надеть пальто и выскочить за дверь, оставив все нетронутым: грязную посуду, крошки на столе и обрывки собственного прошлого.

– День сегодня будет трудный, – вздыхаю я.

– Не переживай, – успокаивает Надир. – Я заберу наших маленьких монстров из гостей. Так что у тебя будет возможность побыть с ним наедине.

В речи моего мужа ощущается легчайший акцент. Как и все арабы, он не может избавиться от гортанных звуков.

– Этого-то я и боюсь больше всего, – говорю я. – Остаться наедине с Искендером.

Надир берет мое лицо в ладони и целует меня в лоб:

– Дорогая, все будет хорошо.

На какую-то долю секунды мне хочется, чтобы он не был таким деликатным, таким тактичным и мягким. Мой муж принадлежит к числу тех людей, которые, сталкиваясь с агрессией, физической или словесной, делают все возможное, чтобы избежать конфликта. Если кто-то, например коллега по университету, сделает Надиру пакость, он примет это как должное, да еще станет во всем обвинять себя. Внезапно меня осеняет: сама того не сознавая, я вышла замуж за человека, который является полной противоположностью моего старшего брата.

– Не знаю, может, мне не стоит ехать, – замечаю я. – Вдруг туда явится дядя. Или кто-нибудь из его старых приятелей:

Надир вскидывает бровь. Он слышит горечь в моем голосе. И отвечает, особенно тщательно подбирая слова:

– Ты должна поехать. Должна с ним встретиться. Если он остался прежним, значит ты не вступишь его в свою жизнь. Но не исключено, что он изменился. Ты должна все увидеть собственными глазами.

Потом он произносит короткую фразу, которая весь день будет эхом звучать у меня в ушах:

– Он твой брат.

– А что я скажу девочкам? Дорогие, познакомьтесь с вашим дядей, которого вы никогда не видели. Почему так вышло? Он сидел в тюрьме. За какое преступление? Видите ли, он убил...

– Девочкам ничего не нужно объяснять, – перебивает Надир. – По крайней мере, пока.

Глаза мои наполняются слезами.

– Для вас с Юнусом всегда все просто, – бормочу я дрожащим голосом. – Но мир сложная штука. И упростить его не всегда удается.

Надир чуть кривит губы и говорит, шутливо подражая моему плаксивому тону:

– Забудь про весь мир. «Мир – мгновение, и я в нем мгновение одно. / Сколько вздохов мне сделать за миг суждено? / Будь же весел, живой. / Это брэнное зданье никому во владенье навек не дано».

Я не могу сдержать смех:

– Чьи это стихи? Опять твой любимый Хайям?

– Он самый.

У этого человека всегда находятся нежные слова и стихи,

поднимающие настроение. На него всегда можно положиться, он неизменно честен и правдив до наивности, и это порой приводит меня в бешенство. Он верит, что «честь» – это понятие, имеющее отношение к людским сердцам, а не к спальням. Я пытаюсь представить, какой он видит меня. За что он меня любит? Не в состоянии найти ответ, я бросаю:

– Пойду собираться.

– Конечно, дорогая.

В юности я думала, что мое предназначение – великие дела, мировые проблемы и грандиозные идеи. Мечтала стать писателем и посвятить себя защите прав человека. Воображала, что буду ездить по всему свету, помогая угнетенным и обездоленным. Дж. Б. Оно – всемирно известный автор романов, где никто никогда не влюбляется. Но хотя я рассчитывала стать центром вселенной, с годами мне пришлось осознать, что я всего лишь один из персонажей в романе, сочиняемом жизнью, причем далеко не главный.

Писать я начала уже в школе, и это не мешало мне отлично учиться. В университете мои оценки оставались высокими, а мои эссе были оригинальными по форме и глубокими по содержанию. Некоторые преподаватели прочили мне большое будущее. Но во мне самой что-то непоправимо надломилось. Я утратила веру в себя. Словно цветок, который в магазине радуется глаз свежестью, а дома моментально увядает без всяких видимых причин, желание стать писателем улетучилось, когда я оказалась вырванной из привычной обстановки.

Тогда я прекратила писать. Точнее, стала писать письма. Множество писем. Я регулярно писала Искендеру в Шрусбери, писала Юнусу, когда он уезжал. Я писала Элайасу (которого с трудом отыскала) и Роксане (которая отыскала меня сама). Они оба помогли мне найти недостающие фрагменты головоломки. И конечно, я писала маме. В течение двенадцати лет я писала ей дважды в неделю.

Прошлым летом, после того как мамы не стало, я решила написать историю ее жизни. Я работала днем и ночью, словно боялась, что, стоит мне сделать передышку, мой писательский пыл остынет. Преодолевая душевную боль, рассказывала о самом сокровенном, извлекала из тайников своей памяти то, что, казалось, было погребено там навсегда. И все же, когда рукопись была завершена, меня охватило чувство странной отчужденности. Эта история не была моей.

Прошлое подобно сундуку, стоящему на чердаке. Он полон всякой всячины, среди которой встречаются ценные вещи, но гораздо больше там ерунды. Я предпочитаю держать этот сундук закрытым, но иногда порыв

ветра, налетевший неведомо откуда, поднимает крышку сундука и разбрасывает его содержимое. Мне приходится складывать все обратно. Бережно, аккуратно. Все воспоминания – хорошие и плохие. А после, когда крышка сундука кажется надежно закрытой, очередной порыв ветра раскрывает ее вновь.

Моя беременность была скорее неожиданной, чем запланированной. Узнав, что жду ребенка, я была одновременно потрясена, испугана и обрадована. Когда выяснилось, что у меня будут девочки-близнецы, я прорыдала целый час. Именно тогда я с особой остротой ощутила, что являюсь лишь звеном в цепи человеческих жизней. В течение девяти месяцев тело мое изменяло свою форму так легко, будто было сделано из глины. Я надеялась, что душа моя станет столь же мягкой и податливой. Но этого не произошло. Теперь моим дочерям семь лет. Ту, у которой волосы цвета воронова крыла, зовут Лейла. Другую – Джамия. Она носит имя своей двоюродной бабушки, хотя и не знает почему.

Я слышу, как наверху, в нашей спальне, звонит телефон. Муж берет трубку. Не сомневаюсь, это Юнус, мой младший брат, названный в честь пророка, попытавшегося избежать уготованной ему участи. В последнее время они с Надиром перезваниваются ежедневно. Трогательная мужская дружба. Я догадываюсь, что их тревожит мое подавленное настроение. Они смотрят на меня, как на бомбу с часовым механизмом, которая непременно взорвется, если они, хладнокровные и разумные мужчины, не сумеют снять взрыватель. Так и представляю, как Надир и Юнус, опытные специалисты по обезвреживанию бомб, в шлемах и огнеупорных костюмах, осторожно приближаются к зловеще тикающему пакету.

– Дорогая, Юнус хочет с тобой поговорить.

Я снимаю трубку и жду, пока Надир положит свою.

– Привет, братишка! – Я стараюсь, чтобы голос звучал как можно жизнерадостнее.

– Эсма, милая, как ты себя чувствуешь?

Дурацкий вопрос. Я что, больна?

– Бодра и весела, – фыркаю я. – А как ты себя чувствуешь? Какая там у вас погода?

Он не обращает внимания на мой насмешливый тон и сразу переходит к делу:

– Погода отличная. Когда ты за ним поедешь?

Из трубки доносится музыка. Фортепиано, гитара, флейта. Юнус говорит со мной из комнаты, где репетируют музыканты. Сегодня вечером у него концерт в Амстердаме. Выдающееся культурное событие. Возможно,

среди зрителей будет принц Клаус.

– Примерно через час, – говорю я.

– Вот как... Хорошо... Я знаю, как тебе трудно... Конечно, я последняя сволочь, что взвалил все это на тебя... Я должен быть рядом, но...

– Но у тебя есть другие, более важные дела, – подхватываю я.

Пожалуй, фраза звучит излишне резко. Впрочем, если Юнусу тоже так показалось, он не подает виду.

– Знаешь, сегодня я все утро вспоминаю, как ездил к нему в тюрьму, – говорит он. – Он был так счастлив узнать, что мама жива. Так невероятно счастлив. Ужасно жалко, что он не успел увидаться с ней и попросить у нее прощения.

– Попросить прощения... – эхом повторяю я.

– Да, он непременно сделал бы это, – не унимается Юнус. – И как было бы замечательно, если бы он встал перед ней на колени, поцеловал ее руку, попросил прощения, а она...

– Прошу, уйми полет своей фантазии, – перебиваю я брата.

На другом конце провода повисает мертвое молчание. Я уже начинаю думать, что нас разъединили, когда до меня доносится голос Юнуса:

– Я думаю, он достаточно настрадался.

Я закрываю глаза и слушаю, как стучит в висках кровь.

– Достаточно? – говорю я. – По-моему, сколько бы он ни страдал, все будет мало. Да он и не способен страдать. Он человек без сердца, убивший другого человека. Таким он был, таким он и останется до смерти.

– Он тогда был мальчишкой.

– Ничего себе мальчуган! И вообще, возраст тут совершенно ни при чем. Ты, кстати, тоже был мальчишкой. Но никого не убивал. Все дело только в нем, в его характере.

– Не забывай, он был старшим сыном, – не сдается Юнус. – Помнишь, ты всегда жаловалась, что быть девчонкой чертовски тяжело. А я считал, что чертовски тяжело быть младшим ребенком в семье. Но мы с тобой никогда не задумывались о том, что, возможно, Искендеру приходилось еще труднее.

– Еще бы! Мама его иначе как «султан» и не называла. Ответственная должность.

Юнус выпускает тяжкий вздох:

– Послушай, сестренка, мне пора. Держись. Когда я вернусь, поговорим. Решим, как жить дальше. Вместе. Как мы всегда делали. Идет?

Не доверяя собственному голосу, я киваю головой, словно Юнус

может меня видеть. Вешаю трубку и иду в ванную, чтобы умыться и накраситься. Я злюсь на Юнуса за то, что он готов забыть и простить, злюсь на Искендера за то, что он отнял у нас нормальное детство. Отнял чувство любви, защищенности и семейного тепла, в которых человек купается до той поры, пока не обретает достаточно сил для встречи с реальным миром и его бесчисленными испытаниями. Когда Искендер совершил свой безумный поступок, мне было пятнадцать. Удар, который он нанес, вдребезги разбил мою прежнюю жизнь, и осколки засели в моем сердце, обрекая его на постоянную боль. Впрочем, эта боль не шла ни в какое сравнение с той, что испытывала мама.

Одним ударом Искендер убил многих.

* * *

Я еду в Шрусбери. Вдоль дороги тянутся ухоженные поля и зеленые пастбища. Время тянется медленно. Мысли мои возвращаются к Юнусу. Мой маленький братик превращается в настоящую знаменитость. Надир говорит, что его студенты знают музыку Юнуса и любят ее. Конечно, я горжусь своим братом. Но, если говорить начистоту, к моей гордости примешивается изрядная доля зависти. Что ни говори, Бог играет с людьми в странные игры. Я, с детства наделенная всеми признаками так называемой «творческой личности», довольствуюсь участью домашней хозяйки, а Юнус, спокойный, уравновешенный паренек, сумел осуществить свою мечту и того и гляди покорит весь мир. Мне кажется, жизнь – это состязание, которому никогда не будет конца. Даже за любовь своих родителей приходится сражаться, и сражение продолжается и после того, как они нас покидают.

В Шрусбери я оставляю машину на стоянке и иду к тюрьме. Похоже, кроме меня, никто не приехал. Ни дядя Тарик. Ни тетя Мерал. Ни другие родственники. Где они, интересно. Закадычных дружков Искендера тоже не видать. Неужели все о нем забыли?

Проходит час. В воздухе стоит легкий туман, приглушающий все звуки. Мне хочется пить. Может, стоит зайти внутрь? Возможно, офицеры охраны дадут мне воды, а то и предложат чашку чая. А я спрошу у них, к чему мне надо готовиться. Не исключено, я узнаю что-нибудь весьма любопытное об Искендере. Но когда он наконец выйдет, нам придется обниматься или пожимать друг другу руки на глазах у посторонних. Нет уж, лучше я подожду здесь, на улице.

Наконец двойные ворота отворяются. Выходит Искендер. При дневном свете, в джинсах и вельветовой куртке он совсем не такой, каким я его видела в последний раз. Судя по тому, какой он мускулистый и подтянутый, в тюрьме он следил за собой. Походка его изменилась. Теперь он не отводит плечи назад и не вскидывает голову, как в юности. Сделав несколько шагов, он останавливается и смотрит в холодное хмурое небо. Все в точности так, как я себе представляла.

Но вот он замечает меня. Я чувствую, как от лица отливает кровь. Он идет медленно, давая мне возможность добежать до стоянки, запрыгнуть в машину, нажать на педаль газа и умчаться прочь. Когда он приближается, я делаю шаг вперед, но не вынимаю руки из карманов.

– Здравствуй, Эсма, – говорит он.

Внезапно меня охватывает досада на Юнуса, Надира и всех духов прошлого, твердивших, что мне следует сюда приехать. Но я пытаюсь отогнать темные мысли.

– Здравствуй, брат, – говорю я и почти против воли делаю легкое ударение на последнем слове.

– Не ожидал тебя увидеть.

– Я и сама не ожидала, что приеду сюда.

– Рад, что ты все же приехала.

В машине я чувствую потребность что-то сказать, заполнить словами разделяющее нас пустое пространство.

– Я думала, дядя Тарик приедет.

– Он собирался. Но я сказал ему, что не стоит.

Я крепче вцепляюсь в руль.

– Вот как? Это интересно.

Искендер оставляет мое замечание без комментариев.

– Как поживают твои? – спрашивает он, откинувшись на спинку сиденья. – Муж, девочки?

Я рассказываю ему, что девочки в этом семестре участвуют в школьном мюзикле. Лейла будет Поющей Рыбой, хотя еще неизвестно, какой именно. Конечно, ей хотелось быть дельфином, но, скорее всего, это будет какая-нибудь пикша. А вот второй, моей младшей, досталась роль Жены Рыбака, одна из самых главных. Правда, это довольно противная особа, сварливая и жадная. Так что у нас дома сейчас идет бесконечное соревнование. Поющая Рыба против Жены Рыбака.

Я ни разу не называю Джамилю по имени. Хотя он, конечно, знает, как зовут мою вторую дочь.

– Обе пляшут и поют целыми днями, – заключаю я.

– Талантливые девчушки, – с улыбкой изрекает он.

Вновь повисает неловкое молчание. В магнитофоне у меня кассета группы «АВВА», но что-то мешает мне нажать кнопку.

– Хочешь сигарету?

Искендер качает головой:

– Я давным-давно бросил курить.

– Правда? – удивляюсь я, глядя на него краешком глаза. – Не сочти мой вопрос бестактным, но что ты намерен сейчас делать?

– Прежде всего я хочу увидеть сына.

Кэти звонила мне несколько дней назад. Она живет в Брайтоне. Замужем за гадалщиком. Ее муж предсказывает людям будущее по линиям руки. Сомневаюсь, что он сумел предсказать возвращение из тюрьмы печально знаменитого бойфренда своей жены. У них уже трое детей. Во время нашего разговора я заподозрила, что она не до конца излечилась от любви к моему брату. По крайней мере, она явно к нему неравнодушна.

Словно прочтя мои мысли, Искендер тихонько спрашивает:

– Как поживает Кэти?

– Счастлива в браке.

Если ему и больно это услышать, он не показывает виду:

– Замечательно. Рад за нее.

Любопытно, врет он или нет.

– С твоей стороны очень мило приехать за мной, – говорит он. – Но не думай, я не буду вас долго стеснять. Постараюсь побыстрее снять квартиру. И найти работу. Знаешь, есть такое общество, называется «Добрые самаритяне». Они помогают бывшим заключенным устроиться. И еще... – Он делает долгую паузу. – Мне хотелось бы увидеться с мамой.

В воздухе повисает ожидание, такое же осязаемое, как пар, исходивший от маминых пирожков. Я переключаю скорость и произношу ровным голосом:

– Она умерла.

Он смотрит на меня невидящим взглядом:

– Но... как же... Юнус сказал, что она...

– Я знаю, что он сказал. Это правда. Она умерла шесть месяцев назад, – говорю я и смахиваю с глаз слезинки.

– Шесть месяцев, – эхом повторяет он.

– Да.

Я не говорю ему, как это случилось. Потом расскажу.

– Я... я т-так хотел п-поцеловать ее руку, – говорит он, слегка заикаясь. – Я надеялся, она согласится встретиться со мной.

– Она бы согласилась, – говорю я, потому что это правда. – У меня есть ее письма. Ты их прочтешь и увидишь, что она всегда о тебе думала.

Искендер опускает голову и смотрит на свои запястья так, словно их по-прежнему сковывают наручники. Он отворачивается к окну и вздыхает, потом опускает стекло и глубоко втягивает в себя прохладный воздух. Достав из кармана сложенный листок бумаги, он комкает его и бросает в окно.

– Вот еще что, – говорю я, когда он снова поднимает стекло. – Надир... мой муж... Он не в курсе.

– О чем ты?

– О том, что мама жива, знали только мы с Юнусом. Ну и ты, конечно. Когда мы поняли, что тетю Джамилю все приняли за маму, то поклялись на Коране, что никогда и никому не откроем правду. Ни отцу. Ни дяде Тарику. Ни тете Мерал. Ни Элайасу. Ни нашим мужьям и женам, если они у нас будут. Эту тайну мы хранили вдвоем.

– Тогда почему вы раскрыли ее мне?

– Это была идея Юнуса, не моя. Он решил, что настало время тебе узнать правду. Мечтал, что вы с мамой встретитесь и помиритесь. И хотел заранее тебя подготовить.

Мы проезжаем пустынную деревню, не встретив ни одной живой души. День близится к концу, мир кажется спокойным и безмятежным. Когда мы останавливаемся у светофора, Искендер поворачивается ко мне:

– В твоей жизни слишком много тайн, сестра.

– Кстати, о тайнах, – говорю я и открываю отделение для перчаток. – Вот, возьми.

Он с удивлением смотрит на книгу, которую я ему протягиваю. Иллюстрированная брошюрка, посвященная Аляске.

– У тебя есть полтора часа на то, чтобы ее проштудировать. Мои дочери думают, что их дядя все эти годы работал на Аляске.

Искендер, грустно улыбаясь, начинает листать книжку, внимательно разглядывает картинки: заснеженные горные вершины, мохнатые медведи-гризли, рыбы, выскакивающие из холодной прозрачной воды. Что ж, я выбрала для него неплохое место жительства. Очень даже неплохое.

Сон внутри сна

***Место поблизости от реки Евфрат, май
1991 года***

Она открыла сундук, достала коврик для молитвы и замерла, прислушиваясь к шуму ветра, доносившемуся из долины. Жизнь здесь имела свои особенности. Если ветер дул с севера, он доносил голос муэдзина из деревенской мечети; но если ветер изменял направление, она лишалась возможности определить, который час. Часы, которые она привезла из Лондона, сломались и молча стояли в углу, словно старей, утомившийся от жизни человек. Но ей нужно было знать, когда настанет час молитвы. Она многое должна была рассказать Богу.

Возможно, причиной ее молитвенного рвения был возраст. Впрочем, ей было еще далеко до старости, где-то за сорок. А может, причина состояла в том, что она пережила слишком много утрат и теперь жизнь ее была полна призраков. Призраков и печали. Она не сомневалась, что Джамия пребывает сейчас на небесах, но каждый день просила Господа упокоить ее душу. Она молилась также за Хейди, старшую сестру, заменившую ей мать. В ее воспоминаниях Хейди представала веселой, жизнерадостной девушкой, а о смертном ее часе, о качающемся в петле теле, о багровом распухшем лице она старалась не вспоминать. Она молилась о своем муже, вспоминая обо всем, что они дали или не смогли дать друг другу. Она молилась о своих родителях, умерших много лет назад. Если у нее оставались силы, она молилась о трех деревенских старейшинах, которые совсем недавно один за другим оставили этот мир.

Заплатив дань уважения умершим, она переходила к живым. Прежде всего она молилась за своих внучек, которых знала только по фотографиям. Молилась за свою своенравную дочь и ее мужа, прося Господа не оставить их без помощи и поддержки. Потом следовала особая молитва за Юнуса (иногда и за музыкантов его группы). Она просила Бога помочь ее младшему сыну воспарить к самым вершинам успеха и избавить его от всех искушений, неизбежно связанных со славой. Молитва за Элайаса была короткой: она просила Бога даровать ему здоровье и процветание, а если он до сих пор одинок, послать ему женщину, которую он полюбит всем сердцем. А потом следовала самая длинная молитва. Молитва за Искендера, ее старшего сына. Ее султана, ее львенка, которым она

дорожила как зеницей ока.

Порой она сомневалась, правильно ли поступила, вернувшись сюда. Но безмятежность, которая каждое утро, в рассветный час, накрывала ее подобно мягкой шали, разгоняла все сомнения. Правда, столь уединенная жизнь могла привести к утрате рассудка. Но ей удавалось сохранить душевное равновесие благодаря молитве, в которой она благодарила Бога за все, что Он ей дал, и за все, чего Он ее лишил. Если ты исполнен признательности к Всевышнему, сойти с ума не так просто.

Годы, проведенные в Англии, казались ей теперь далекими, как сон. Точнее, как сон, приснившийся внутри другого сна. Она вспоминала, как в первый раз села в огромный красный автобус. Дети были тогда совсем маленькими и цеплялись за ее руку, а Юнус еще не родился. Вспоминала, как впервые увидела сквозь запотевшее окно королевский дворец и надменных гвардейцев, гарцующих на лошадях. Вспоминала Хакни, мокрые от дождя тротуары, кирпичные дома, стоявшие вплотную друг к другу, садики размером со спичечную коробку. Когда она впервые увидела все это, ее охватила тоска, но пути назад уже не было. Пришлось устраивать новую жизнь в обшарпанном, требующем ремонта доме, который нашел ее муж. Но она умела устраиваться даже в самых неудобных жилищах. К чему она так и не смогла привыкнуть, так это к лондонской погоде. К туманам. К небу, затянутому облаками всегда одного и того же тусклого оттенка. В деревне поблизости от реки Евфрат, где она выросла, зима была холодной, лето – жарким. Но постоянный лондонский сумрак был для нее тяжелее ледяных ветров и испепеляющего зноя. Впрочем, кое-что в лондонской жизни ей нравилось. Она любила ходить на рынок, расположенный на Ридли-роуд, многолюдный, гудящий, как улей. Все здесь было совсем не так, как на стамбульских базарах. И все же здесь, в круговороте людей с разным цветом кожи, людей, приехавших из далеких стран, названия которых ей ничего не говорили, она чувствовала себя как рыба в воде.

На то, что обычно поражает приехавших в Лондон иностранцев, – левостороннее движение, водителей, сидящих справа – она почти не обращала внимания. Сами лондонцы, их манера поведения – вот что потрясло ее до глубины души. Все это было так необычно: чопорность пожилых леди, шумливая наглость молодежи, раскованность домашних хозяек, их самоуверенность, которой она не обладала и которую так и не сумела в себе развить. Она с изумлением смотрела на женщин с непокрытыми головами, в обтягивающих футболках, под которыми просвечивали соски, и поражалась тому, что их не смущают посторонние

взгляды. С еще большим изумлением она смотрела на парочки, которые целовались прямо на улицах, на людей, которые у всех на виду курили, пили и выясняли отношения. Прежде она даже представить себе не могла, что кто-то может выносить свою личную жизнь на публичное обозрение. Жители деревни, где она выросла, если и давали волю чувствам, то лишь за стенами собственных домов, и сама она с детства училась быть немногословной и сдержанной. Англичане казались ей слишком болтливymi, и она пребывала в постоянном напряжении, пытаясь постичь смысл, скрытый завесой иронии и бесконечных шуток.

Но больше всего ее удивляли птицы, обитающие в больших городах и неизвестно где находящие места для своих гнезд. Как правило, птицы эти были совершенно незаметны – за исключением тех случаев, когда они, собравшись стайкой, спорили друг с другом из-за горсти хлебных крошек или валялись мертвыми на тротуаре. Птицы, живущие в долине реки Евфрат, были совсем другими. Конечно, по разнообразию видов пернатых ее родные края не могли сравниться с Лондонским зоопарком, но птицы там были свободны, и люди привечали их.

Когда она, оказавшись в Лондоне, впервые увидела подоконники, оцетинившиеся шипами, похожими на колючки дикобраза, то глазам своим не поверила. Узнав, что колючки эти призваны отпугивать птиц, которые загаживают подоконники, она вспомнила стамбульские особняки, окруженные высокими стенами, утыканными осколками стекла. Это для того, чтобы защитить дом от воров, объяснили ей. Но она не верила, что это разумная мера. Люди, живущие за этими стенами, не просто хотели оградить свое жилище от вторжения, они хотели, чтобы другие люди в кровь изрезали свои руки и ноги. Колючие подоконники, колючие стены... все это приводило ее в ужас. Равно как и то, что большие города постепенно делают с людьми.

* * *

Несколько месяцев после убийства Пимби провела в старом особняке, захваченном молодыми неформалами. Юнус и Эсма по очереди навещали ее. Они жили тогда у дяди и тети и постоянно были настороже, боясь проговориться. К тому времени Искендер был уже в тюрьме, но Пимби все равно не решалась прервать свое затворничество. Поначалу она боялась, что обитатели дома догадаются, кто она такая и по какой причине прячется. Но панки не читали газет, слухи и сплетни проходили мимо их ушей, и это

было на руку Пимби. Конечно, юнцы понимали, что эта странная женщина попала в какую-то передрагу, однако думали, что она ухитрилась вступить в конфликт с министерством внутренних дел. Всех бунтовщиков, выступающих против властей, в этом доме уважали, и поэтому молодые неформалы были счастливы дать ей приют. Впрочем, когда истина наконец открылась, они не лишили Пимби своих симпатий. Юнус сказал, что его маме нужно изменить внешность, и молодежь взялась за дело с большим рвением. Пимби подстригли, перекрасили волосы в рыжевато-имбирный цвет, превратив ее в «настоящую ирландскую красотку». Надев большие круглые очки и сменив платье на джинсы, Пимби действительно стала неузнаваемой.

Тем не менее в те месяцы она пребывала в беспросветном мраке, из которого никогда бы не вырвалась, если бы не помощь сестры. Как-то ночью, когда Пимби сидела у окна, уставившись в некую видимую ей одной точку, она заметила в саду темный силуэт, неподвижный, но властно приковывающий к себе взгляд. То была ее сестра. Джамия не стала приближаться к ней и не произнесла ни слова, но Пимби ощутила острейший приступ радости. Через несколько мгновений призрак растворился в воздухе, точно капля молока в чашке воды. Но встреча убедила Пимби в том, что сестра не испытывает страданий и находится там, где ей хорошо. С той поры призрак время от времени навещал ее, осуществляя связь между Пимби и Искендером, сидящим в тюрьме.

Незадолго до того, как Эсму и Юнуса отправили в школу-интернат в Суссексе, Пимби решила уехать. Внутренний голос подсказывал ей, что жизнь ее в Англии окончена и она должна вернуться в долину реки Евфрат, в края, где родилась и выросла. В отличие от Элайаса, она не похожа на лиану и не может жить без корней. Когда она поделилась своим намерением с Юнусом и Эсмой, они поддержали ее и даже обрадовались, решив, что смогут приезжать к ней на лето.

Все их состояние заключалось в Янтарном возлюбленном, который Джамия привезла с собой, спрятав в каблуке туфли. Едва войдя в дом сестры, она отдала ей бриллиант, попросив хорошенько его спрятать. Конечно, никто из них не имел даже отдаленного понятия о том, сколько может стоить подобная драгоценность и каким образом ее можно продать. В конце концов им пришлось открыться миссис Пауэлл, которая взяла дело в свои руки, продала бриллиант и устроила поездку Пимби. По ее настоянию некоторая сумма была положена в банк, на счета Юнуса и Эсмы. Остаток пошел на организацию в старом особняке грандиозной вечеринки, о которой соседи несколько месяцев вспоминали с содроганием. Пимби,

как и всем прочим, было неизвестно одно обстоятельство: бриллиант нельзя продать, его можно только подарить или принять в дар. Джамия не успела рассказать сестре о заклятии. Впрочем, знай Пимби обо всем, она все равно не отказалась бы от своего плана. Пимби, женщина, всю жизнь одержимая суевериями, устала от своих страхов.

Переступив порог одинокого домика Джамии, Пимби обнаружила, что внутри царят запустение и разруха. Время, непогода, заброшенность и разбойничьи налеты нанесли немалый урон этой мирной обители. И все же Пимби не сомневалась, что сумеет здесь обжиться.

Крестьяне были поражены, узнав, что повитуха-девственница вернулась. Еще больше они поразились, когда выяснилось, что она больше не хочет принимать роды. Тем не менее они помогли ей отремонтировать дом и навести в нем порядок. Жизнь в тех краях становилась беспокойной: курдские повстанцы проявляли все больше активности, правительственные военные патрули день и ночь разъезжали по дорогам. Но Пимби твердо решила остаться там, где жила ее сестра. Бывали случаи, когда ей угрожала опасность, но она ни разу не упомянула об этом в своих письмах. Она писала только о хорошем.

Пимби обещала своим детям, что, прожив здесь какое-то время, она обретет душевное спокойствие и найдет в себе силы вернуться. Но сама она знала, что это вряд ли когда-нибудь произойдет.

Эсма

Говорят, свою мать начинаешь понимать лучше, когда сама становишься матерью. Но понять Пимби мне помогло не материнство, а письма, которые я получала от нее на протяжении нескольких лет.

Она писала мне регулярно и была в письмах намного откровеннее, чем в разговорах с глазу на глаз. Каждую неделю я непременно получала голубой конверт авиапочты, и это обстоятельство, став привычным, не перестало быть приятным. Я заваривала чай, садилась за кухонный стол и читала, всякий раз радуясь тому, что она жива и здорова.

Дорогая моя доченька, свет моей жизни и в этом, и в ином мире!

Я думаю о тебе постоянно. Прошу тебя, не прекращай ездить к брату. Постарайся его простить, Эсма. Постарайся. Я знаю, как это трудно. Но у тебя получится. Он должен знать, что в этом мире он не один. Прошу, убеди его в этом. Никто из нас никогда не бывает один. Я каждый день прошу Аллаха послать ему друга, который его поддержит. Человека, исполненного сочувствия и понимания. Человека, который сознает, что все мы блуждаем во тьме неведения, но все же любит и жалеет других людей. Я верю, что Аллах услышит мои молитвы, найдет такого человека и пошлет его на помощь Искендеру.

Прошу тебя, не хмурься, любовь моя. Не говори, что я пристрастна к нему даже сейчас. Мы не можем любить один свой палец больше другого. Так и с детьми. Мы не можем отдавать предпочтение кому-то из них. Искендер, Юнус и ты равно дороги мне.

Обстановка сейчас такая, что отправить письмо нелегко. Не волнуйся, если долго не будешь получать от меня весточки. Вчера мне приснился чудесный сон. Я находилась здесь и в Лондоне одновременно. Шел дождь, но струи его были разноцветными, и он больше походил не на дождь, а на фейерверк, но без огней. Не знаю, что означает этот сон. Наверное, что я всегда с тобой. И никогда с тобой не расстанусь.

Твоя любящая мать

Пимби

Это было последнее мамино письмо, которое я получила. Я перечитывала его так часто, что оно истрепалось и потерялось на сгибах.

Отпечатки пальцев покрывают его сплошь. Мои отпечатки переплелись с отпечатками мамы так же тесно, как переплелись наши судьбы.

Позднее, когда мне удалось съездить в Турцию, деревенские жители подробно рассказали мне о том, как мама умерла. Если верить их словам, она совсем не страдала. Эти края поразил вирус. Болезнь, первым признаком которой является сыпь на руках и на шее. Обычная розовая сыпь, не внушающая особой тревоги. Но вскоре больного начинает колотить озноб, он обливается потом. Если оставить болезнь без лечения, поднимается температура и больной впадает в глубокий коматозный сон. От этого сна мало кто просыпается, так как вирус быстро выводит из строя легкие. Эпидемия началась в конце весны 1992 года, от животных вирус перешел к людям и за месяц убил несколько десятков человек. После этого эпидемия улеглась так же внезапно, как и вспыхнула. Наверное, мама заразилась, когда ходила в деревню Мала Кар Байан, чтобы купить продукты. Одна женщина пригласила ее в свой дом на чашку чая. Она хотела показать маме ковер, который своими руками выткала в ранней юности. Шестилетний сын этой женщины подцепил вирус, хотя никто об этом не знал. Ребенок выжил, моя мать – нет.

Когда ее письма перестали приходить, я осознала, что она умерла во второй и последний раз.

Благодарности

Я чрезвычайно признательна Дэвиду Роджерсу за то, что он взял на себя труд прочесть первоначальные наброски этого романа и очень помог мне своими ценными советами.

Я благодарна также моему агенту Элизабет Шейнкман за поддержку и просто за то, что она такой замечательный человек. Особая благодарность – моим превосходным редакторам Полю Словаку и Венеции Баттерфилд за их глубокие замечания и скрупулезное внимание к мельчайшим деталям, а также Донне Поппи за ее бесценный вклад.

Огромное спасибо моим детям Зельде и Закиру, которые на вопрос: «Что мамы обычно делают дома?» – ответили: «Пишут книги». Моя безмерная признательность моему дорогому мужу Эйапу, воплощению терпения и мудрости.

Я благодарна также всем женщинам, жительницам Востока и Запада, которые поделились со мной своими жизненными историями или же предпочли молчание.

Элиф Шафак

www.elifshafak.com(<http://www.elifshafak.com>)

notes

Примечания

1

Мелкая турецкая монета.

Мой дом, мое пристанище (курд.).

3

«Ко мне это не относится, ко мне это не относится».

4

Северо-восточный ветер, часто приносящий дождь.

5

Согревающий напиток из молока, сахара и корицы.

Дословно: «Твое здоровье, твоя доброта». Ныне это выражение используется в значении «конечно нет».

7

Микроавтобус-маршрутка.

Крик уличного торговца: «Дамы, у меня есть турецкое лакомство, сладкий горох!»

9

Струнный инструмент, популярный в Анатолии.

10

Жареные пирожки со сладким сиропом.

11

Мой дорогой.

Пюре из нута.

Закуска из баклажанов.

Шарики из нута, жаренные во фритюре.

15

Клецки с мясом и острыми приправами.

Халяль – мясо, разрешенное к употреблению шариатом.